

Жан
Маркаль

Ренн-ле-Шато
и тайна
проклятого
золота

Историческая
библиотека

Жан Маркаль

Ренн-ле-Шато
и тайна проклятого золота

Какое сокровище мы ищем?

ЖАН
МАРКАЛЬ

ЖАН
МАРКАЛЬ

РЕНН-ЛЕ-ШАТО
И ТАЙНА
ПРОКЛЯТОГО ЗОЛОТА

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4Фра)-44
М27

Jean Marcale
L'ÉNIGME DU SAINT GRAAL
RENNES-LE-CHÂTEAU ET L'ÉNIGME DE L'OR MAUDIT

Перевод с французского И.А. Эгипти

Компьютерный дизайн В.С. Петрова

Маркаль Ж.

М27 Ренн-ле-Шато и тайна проклятого золота : [пер. с фр.] / Жан Маркаль. — СПб.: Евразия, 2008. — 366, [2] с.

ISBN 978-5-8071-0272-0 (С.: И.Б.(84))

Серийное оформление С.Е. Власова

ISBN 978-5-8071-0225-6 (С.: ПКДВ(84))

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

«Проклятое золото Ренн-ле-Шато» запятнано проклятием лишь в той мере, в какой вызывало неизменный ужас все Сакральное. Но какое сокровище мы ищем? Какова природа золота, называемого проклятым в силу того, что его обретение может обернуться потерей души? Материально ли оно? Быть может, это были сокровища дельфийского святилища или священные предметы Храма Иерусалимского, привезенные из Рима всетготами Алариха и укрытые в Разе. Не покоятся ли эти ценности в гроте Магдалины, или Годы, в чьем странном имени слышатся отголоски мифа о чаше, собравшей кровь Христа? Но не было ли пресловутое «сокровище» великим секретом, который не следовало разглашать, поскольку он мог поставить под угрозу официальную Историю и некоторые доктрины христианства? Никто не знает, о чем сообщали манускрипты, найденные Соньером. Они исчезли, что вовсе не означает, что они уничтожены. Вполне возможно, в один прекрасный (или ужасный) день они вновь появятся на свет.

УДК 821.133.1-311.6

ББК 84(4Фра)-44

© Éditions du Rocher, 2005

© Перевод И.А. Эгипти, 2007

© Издательство «Евразия», 2007

Путь вверх и вниз — один и тот же.

Гераклит

Часть первая

**МЕСТА,
ОКУТАННЫЕ ТАЙНОЙ**

Глава 1

КАМЕНИСТЫМИ ПЫЛЬНЫМИ ДОРОГАМИ

Тенистые уголки живописного края, древние города Лиму или Але, причудливые извивы реки, огибающей высокие скалы, — все это встретит путешественника, решившего отправиться из Каркасона в высокогорную долину Од. Наш путник, очарованный увиденным, пока что не догадывается, что *наверху*, на самом плато, куда ему предстоит подняться, от этого великолепия не останется и следа. После Куизы, обосновавшейся в том месте, где река Од вбирает в себя воды Сальсы, он может отправиться в Кийан, а далее дорога уведет его к замкам «на краю бездны», как сказал бы Андре Бретон. Крепости эти часто называют «катарскими», поскольку страна, в которой очутился наш путешественник, породила на свет тех, кого окрестили «дуалистами», «еретиками» и «альбигойцами». Дорога от Куизы к Кийану, «привратнику» катарских замков, — это южное направление. Но выбор пути зависит прежде всего от того, что привело путника в этот край: желание отыскать золото Святого Грааля — или же найти золото Дьявола... Ведь от Куизы можно повернуть и на восток. Тогда, пройдя по долине Сальсы, наш странник поднимется по крутой дороге, которая приведет его на плато, в самое сердце скал. И вот тогда, сквозь завесу потревоженной им вековой каменной пыли он увидит, как «на краю бездны», к западу от него, возникнет странная деревня, едва отличимая от окружающего ее камня, — деревня Ренн-ле-Шато.

«Дорога длиною в полвека» — таким для меня был путь в эту окситанскую деревушку, затерянную в Корбьерах. Говоря откровенно, долгое время я не подозревал о ее существовании. Не знал я и о том, что похожее имя носит другая деревня, спрятанная в глубине долины по соседству с Ренн-ле-Шато: Ренн-ле-Бен. Для меня слово «Ренн» означало лишь один из главных бретонских городов, основанный в устье Иль и Вилен: в нем я бывал гораздо чаще, чем в далеком департаменте Од, граничащем с землями древнего Руссильона, чье французское имя, вызывающее в памяти образ огненного солнца, стерло из нее предшествующее, «чужеродное» название — Каталония.

В детстве этот топоним — *Ренн* — не давал мне покоя: для меня он был прочно связан с рассказами о лопарях, которые живут на бескрайних равнинах Севера и охотятся на северных оленей («теппе»). В те годы я наивно спрашивал себя, «чем же ворон похож на письменный стол»: что общего между этими животными, которых я представлял себе похожими на наших лесных оленей, и бретонским городом, точнее, его вокзалом, на котором задерживался наш поезд, уносивший меня к Броселианду. Когда ребенок пытается истолковать то или иное явление окружающей его действительности, желая непременно докопаться до сути, его воображение способно на многое. Его сознания еще не коснулась социокультурная цензура, и он не задумываясь соединяет несоединимое, с легкостью отменяя границы разумного. На месте вокзала Ренна мне виделась заснеженная равнина, по которой проносились тени-призраки — они преследовали легконогих оленей, уносившихся к горизонту, затерянному во мраке полярной ночи. Это было время паровых локомотивов: их тяжелые вздохи наполняли пространство Реннского вокзала — и мне чудилось, что я слышу судорожное дыхание затравленного животного и вижу пар, вырывающийся из его ноздрей... Я никогда не любил охотников. Не люблю я их и поныне. Убивать животных в моем представлении равносильно преступлению. Я никогда не понимал, какое удовольствие можно получать, стреляя в кроликов, куропаток или

ланей, не причинивших никому вреда, — на мой взгляд, это граничит с садизмом. К сожалению, эти беззащитные звери и птицы до сих пор служат мишенью тем людям, которые уверены, что мужественность — это синоним жестокости. Довольно, не стоит говорить об этом. Я могу оправдать человека, когда он защищается от хищного зверя или ядовитого пресмыкающегося. Я могу понять, что в некоторые периоды человеческой истории (например, во время ледникового периода) человек убивал животных для того, чтобы прокормить себя и свой род, чтобы выжить. Но как можно понять или оправдать истребление животных, затеянное ради вящего удовольствия некоторых привилегированных персон? Все зависит только от человека... Я бы привечал всех больных изувеченных животных, будь это в моих силах.

Итак, мое первое представление о Ренне сложилось на основе омонимии, превратившей в моем воображении бретонский город в некое царство животных. Но в конце концов детские фантазии рассеялись: Ренн стал Ренном, древней столицей Бретани, страны моих предков. Дальше границ своей малой родины я не заглядывал, поэтому не допускал и мысли, что во Франции есть населенные пункты с тем же названием. Край Разе с его горным массивом Корбьер был мне незнаком, никто в моем окружении не упоминал об этом регионе. Спустя некоторое время слово «Корбьеры» все же появилось в моем лексиконе, но лишь тогда, когда я смог разобрать, что написано на этикетках некоторых винных бутылок. К тому же, как только я пристрастился к чтению, в моем сознании это слово стало ассоциироваться с бретонским поэтом Тристаном Корбьером, а не с восхитительным красным вином, предназначенным для семейных праздников... Поэтому, когда отец читал мне знаменитую сказку «Кюкюньянский кюре», приписываемую Альфонсу Доде (на самом деле она принадлежала перу Поля Арена, его «поденщика»), я и понятия не имел, что деревушка Кюкюньян находилась в Корбьерах, а не в солнечном Провансе, опозитированном автором бессмертного «Тартарена из Тараскона».

Однако это так... Кюкюньян не так далек от Ренн-ле-Шато. Из уст рогатого беса кюкюньянский кюре с прискорбием узнал, что его любимые прихожане все до единого угодили в ловушку дьявола. Не это ли произошло и с некоторыми обитателями Ренн-ле-Шато?

Ренн-ле-Шато не интересовал меня добрых полвека. Сообщения в прессе 1950–1960 годов о знаменитом золоте аббата Соньера, кюре Ренн-ле-Шато, не оставили каких-либо значительных следов в моей памяти. В то время я был уверен, что шумиха, поднявшаяся вокруг «золота Соньера», затеяна умелым дельцом, уроженцем тех мест, который тем самым решил привлечь внимание к своему захолустью, дабы развить в нем туристический бизнес. Вот и все. Меня же привлекали совсем другие темы, впоследствии ставшие предметом моих исследований. Мой «полюс», к которому я стремился, находился в Бретани, там, где в глубине столь милого моему сердцу Броселиандского леса журчит источник Барентон, где возвышается холм Гаврини и светятся голубые воды залива Морбиан, озаряемого солнцем. Меня тянуло то в Ирландию, на вершину Ньюгранга, этого средоточия кельтских мифов и преданий, столь воодушевлявших меня, то в Англию, на равнину Солсбери, где застыли в неподвижном «танце великанов» камни Стоунхенджа, перенесенные, как гласит предание, из Ирландии самим Мерлином. Уже тогда я начал догадываться, что мегалитический ансамбль Стоунхенджа был создан последователями древнейшей религии, о которой я не знал ничего, кроме того, что в основе ее, скорее всего, лежал солярный культ. Увлеченный историей кельтов, мог ли я заинтересоваться какой-то деревенькой в Корбьерах, затерянной в краю, который я никогда ранее не посещал? Конечно, я бывал в Каркасоне. Когда я бродил по улицам этого города, в моем воображении, покоренном средневековой красотой и величием его крепостных стен и укреплений, возникали яркие образы ушедших «темных веков». Но Каркасон — это еще не Корбьеры и даже не Разе, чьего имени я пока не знал.

Интерес к определенной теме, объекту или месту всегда проявляется в силу неких предшествующих или сопутствующих тому обстоятельств, порой кажущихся нам случайными. И все же такие случайности с уверенностью можно назвать закономерными, или «объективными», пользуясь словарем сюрреалистов. Помнится, я уже рассказывал, что заставило меня с головой уйти в мир кельтских легенд — на это повлияло не только мое происхождение и длительное знакомство с Броселиандом, но и встреча с преподавателем литературы Жаном Ани и аббатом Анри Жийаром, приходским священником Треорентека, ставшим моим духовным наставником. Но я умолчал о том, что увлекло меня в мир друидов, в чем сейчас и хочу признаться. В 1948 году моя добрая приятельница поэтесса Рене Вилли «заведовала» кельтской книжной лавкой на улице Рена (!) в Париже. Сейчас этой лавочки уже нет на свете, но в то далекое время я приобрел там книгу, изданную в 1945 году, которая стала для меня настоящим откровением. Это было произведение Робера Амбелена «У подножия менгира».

Признаваясь в этом, я прекрасно понимаю, какую обильную пищу для насмешек и колкостей я предоставил своим недоброжелателям, и поныне строчащим петиции, в которых они обвиняют меня как в фантазерстве, так и в воровстве идей у моих же единомышленников. Прежде чем нападать на других, этим «писателям» следовало бы сначала договориться между собой. Dixi.

Не стану отрицать, книга Робера Амбелена стала для меня открытием, именно она подтолкнула меня к изучению кельтских верований. Конечно, само по себе это произведение не представляет какой-либо научной ценности: оно от корки до корки пропитано духом сомнительного неодруидизма, в нем нет ссылок на серьезные справочные издания, автор выстраивает свою теорию на туманных аналогиях и романтических истолкованиях апокрифических текстов. Тем не менее для меня оно стало ключом, отворяющим другие двери. Что бы я ни говорил о недочетах и промахах этой книги, я многим обязан Роберу

Амбелену: именно он *спровоцировал* меня пойти в этом направлении. Впоследствии я присутствовал на публичных лекциях друида Эрвана Бертю-Керверзю, проходивших в зале Парижского Географического общества. Признаться, я не понимал ни слова из того, что говорил этот ныне ушедший из жизни человек. Сейчас я понимаю, что это было для меня благом: его неодруидизм напоминал неистовый поэтический бред, а не исследование, основанное на научных доводах. То же самое я бы сказал и о теориях Филеаса Лебегю, заявляющего о том, что он является друидом, — на самом деле это был «поэт и крестьянин», умевший преподнести свои мысли в хорошей литературной форме.

Тайна Ренн-ле-Шато вошла в мою жизнь благодаря «закономерной случайности», как две капли воды похожей на ту, о которой я только что рассказал. В 1981 году мой друг издатель Жан Пиколек пригласил меня в недавно открывшуюся книжную лавку, расположенную в районе Пантеона, в Париже. Обстановка была располагающей к приятному общению с коллегами, собравшимися в этом книжном царстве. И вот тогда один молодой человек из нашей ученой братии вручил мне свою последнюю книгу, снабженную милым автографом, приглашающим меня в свою очередь продолжить поиски в направлении, указанном автором. Это был Жан-Люк Шомей; его книга называлась «Сокровище золотого треугольника». Благодаря Шомею я вплотную приблизился к Ренн-ле-Шато и тайне «проклятого золота».

Книга была интересной, но читал я ее развлечения ради: поиски сокровищ были для меня лишь «игрой на сообразительность» или удачной шуткой, не имеющей тяжких последствий. Шомей рассказывал о секретах, таящихся в подземельях замка Жизора, города на границе Нормандии и Иль-де-Франс. По его мнению, секрет этот был связан с загадочными тамплиерами, о которых годами ранее поведал широкой публике Жерар де Сед. Вперемешку с этим рассказом шли сведения о Стене, священном городе Меровингов на севере Франции,

о парижском храме Сен-Сюльпис (пожалуй, самом уродливом памятнике соборной архитектуры) и, наконец, о Ренн-ле-Шато, где дремал «секрет» странного священника Беранже Соньера. В тумане тайны, окутывавшей эту окситанскую деревушку, возникала загадочная тень законного наследника Меровингов, который мог претендовать на трон Франции... Все это сильно напоминало захватывающий роман в духе исторической фантастики. Разумеется, я не придавал ему особого значения. Гипотезы, выдвинутые автором, оставили меня равнодушным — я лишь сказал себе: «Почему бы и нет?» Равнодушие к этой теме объяснялось и тем, что в те годы я был увлечен Граалем и пытался понять, какое отношение имеет эта легенда к Монсегюру, — именно эта тема казалась мне наиболее важной для исследования. Книгу Жана-Люка Шомея ожидало «успение» на одной из полок моей библиотеки.

Тем не менее зерна упали на благодатную почву — даже несмотря на то, что эта почва была на дне пропасти, слишком далеко от животворящего светила... Искать ответы на вопросы в Монсегюре, но при этом не обращать внимания на то, что происходило когда-то в его окрестностях, показалось мне пустой тратой времени. Первый приезд в Монсегюр оставил ощущение того, что этот чарующий край овеян легендами и реминисценциями, которые только и ждут своего часа, чтобы оросить пытливые умы. Помимо этого, в моем детстве был период «очарования Меровингами», чему немало способствовала книга Огюстена Тьерри «Повесть о меровингской эпохе». Она открыла мне, что король Артур, мой любимый герой, жил приблизительно в пятисотом году нашей эры, в период между упадком Римской империи и наступлением «варварских времен», причудливо расцвеченных моим воображением. Яркие, но от этого не теряющие своей неприглядности женские персонажи, такие как королева Френегонда или Брюнего, лишь приумножали вопросы, не дававшие покоя моему уму. Как могла исчезнуть великая цивилизация? При каких условиях происходило становление новой культуры, как зарождалась цивилизация

средневекового Запада? Уже тогда я сомневался в том, что племена, заселившие христианскую Окситанию, были «варварскими» или «дикими». Действительно, вестготы оставили глубокий след в окситанском менталитете, а драгоценные предметы, найденные археологами, красноречиво говорят об их удивительной утонченной культуре, к сожалению непризнанной и презираемой. В периоде, столь мило названном англосаксами «темными временами», таилось свое темное очарование: в нем крылась разгадка души древних бретонцев, как бриттов-эмигрантов, так и тех, кто заселил армориканский полуостров ранее. Это было время короля Артура, являвшегося на самом деле военачальником, в то время как его рыцари были воинами, обладавшими, согласно легенде, волшебными способностями, — это делало их более похожими на богов, чем на бандитов, грабивших крепости. В эту «темную эпоху» на свет появился светлый миф о Граале, чье христианское одеяние не смогло утаить черты его языческого, германо-кельтского происхождения. Видимо, в силу увлечения средневековьем в мое сознание понемногу начали проникать эти странные, не поддающиеся проверке, но соблазнительные истории о возможном наследнике Меровингов, связанные с неким «секретом», расположенным неподалеку от Монсегюра и способным пошатнуть официальную историю западной цивилизации.

История всегда казалась мне искусным вымыслом, предназначенным для того, чтобы направлять социальную энергию в то или иное идеологическое русло. Выбор нужного «русла» — прерогатива тех, кого так упорно называют «элитой», хотя я дал бы иное определение: это всего-навсего люди, умело манипулирующие другими людьми. В своих книгах¹ я уже говорил о том, что для меня история является материализацией мифа, который, будучи неотъемлемой приметой человечества, все же равноценен небытию в силу своей нематериальной сути. Един-

¹ Особенно в предисловии к своему изданию: *Celtes et la civilization celtique*, Paris, Payot, 1969, а также в послесловии к: *Tradition celtique*, Paris, Payot, 1975.

ственный способ доказать существование мифа — материализовать его, *воплотить* в определенную форму, что и делают люди в те или иные периоды времени: держа руку на пульсе общества, они ставят ему диагноз, оформляя его в виде социологического исследования. Я не поменял мнения. Я лишь сузил определение истории, пытаюсь сделать его более понятным, более приспособленным к тем переменам, которым подверглась в нашем индустриальном универсалистском обществе система ценностей, долгое время считавшаяся непреложной, догматической — и, видимо, в силу этого бесполезной. История рождает героев тогда, когда в них нуждается. Но как бы ни менялась система ценностей, одно все же остается неизменным и неотъемлемым от человеческого существа: его свободная воля. Поэтому герой, каков бы он ни был, может повлиять на ход Истории. По дороге, ведущей к вершине, можно как подниматься, так и спускаться.

Экскурс в природу взаимоотношений мифа и истории был призван подвести читателя к мысли о том, насколько отличны историческое событие и рассказ о нем, даже в том случае, если историографы будут беспристрастными или благожелательно настроенными людьми. Миф, порождение нашего сознания, становится известным благодаря рассказу (эпосу, легенде, сказке), снабжающему его конкретными деталями. Однако то же самое можно сказать и об Истории: находясь *de facto* в прошлом, оставшемся лишь в нашей памяти (в мемуарах, письменных источниках, различного рода памятниках), история оказывается в том же положении, что и миф. Чтобы сделать ее конкретной и приемлемой для всеобщего понимания, нужно *воплотить* ее в событийное повествование, хронологическую таблицу или диаграмму, сделанную при помощи новейших способов обработки информации. Но материализация истории чревата тяжелыми последствиями: она ни в коей мере не защищает историка от ошибок. Она не отвечает на вопрос, насколько верны свидетельства прошлого, и не спасает от ловушки оценочного критерия, в которую легко может угодить любой

исследователь. Объективное отражение событий — это самообман: взгляд, брошенный в прошлое, полностью зависит от взгляда нынешнего, в то время как цели того, кто устремляет этот взгляд, могут быть самыми различными. Как, впрочем, и его отношение к прошлому. Итак, участь Истории и Мифа одинакова.

Но в то время, когда я читал книгу Жана-Люка Шомея, я был далек от того, чтобы размышлять над подобными теоретическими вопросами. В моем представлении Ренн-ле-Шато был одним из полюсов, называемых в литературе эзотерического толка «жизненными центрами». В таких «избранных» точках на поверхности Земли *происходит нечто*, что может объясняться как геофизическими и космическими факторами, так и особой значимостью этих мистических мест. Во все времена человеческой истории в этих особых центрах проводились культы или богослужения; порой там могли наблюдать явления сверхъестественного порядка, вследствие чего эти места называли чудодейственными. В них устраивали святилища, предназначенные для общения Земли и Неба; кельты называли такие места «неметон» — впоследствии на многих из них появились христианские храмы. Итак, я думал, что Ренн-ле-Шато был одним из таких «жизненных центров», но не более того. Тогда я не был готов к тому, чтобы проникнуть в его тайну.

Вероятно, поэтому во время нашего с Мон путешествия по югу Франции (выехав из Тулузы, где проходила конференция, мы решили посетить земли Каталонии) я не считал нужным сделать остановку в Разе, хотя мы проезжали рядом с ним. Желая добраться до Прада минуя автостраду, мы избрали проселочную дорогу, которая привела нас в верховье долины Од. По пути мы ненадолго остановились в Лиму, но вовсе не для того, чтобы насладиться местной достопримечательностью, белым игристым вином (говоря откровенно, этот напиток вызывает у меня тошноту). Мы спасались от жары — что нам вполне удалось, когда мы заняли места на терраске кафе, укрытого в тени

платановой аллеи. То, что в моем представлении было связано с югом Франции, всегда обладало для меня, привыкшего к грубым гранитным берегам Атлантики, неизъяснимым шармом. Сидя на тенистой террасе в Лиму, в сердце незнакомой мне Окситании, бесконечно довольный тем, что я наконец-то попал в края, доселе бывшие для меня окраиной, я невольно погрузился в мечтания. Наконец, отдохнув от жары, мы вновь отправились в путь. Але, который мы пересекли, воскресил в памяти лишь древнее имя Сен-Сервана, предместья епископской резиденции Сен-Мало. Куиза более напоминала улицу, проложенную вдоль дороги в долине. Кийан мирно дремал в жаре майского дня. И мы, не желая тревожить спокойный сон городка, поехали дальше, к Перпиньяну, пообещав себе при первой же возможности свернуть с этого пути на горную дорогу, которая приведет нас в Прад.

Итак, мы ехали вблизи Разе без особых на то беспокойств. На горизонте, правда, виднелись руины какого-то из катарских замков, но меня это не волновало: я спешил добраться до Прада, неизвестной мне области, бывшей частью древней Каталонии, которую называли Серданью. Путешествие это в большей степени было нужно Мон, нежели мне: она хотела навестить места, в которых прошла часть ее детства, а я лишь выразил желание посмотреть на них. В силу трагических обстоятельств Мон потеряла связь со своей семьей. В то время она не знала даже, где находился ее отец. За несколько лет до нашей поездки Мон оправилась в Пиренеи в надежде отыскать его, но ее длительный поиск не увенчался успехом. Воспоминания моей спутницы о семье были сильно размыты временем — мог ли Прад восстановить утраченное прошлое?

Чтобы узнать это, следовало до него добраться — поэтому мы усердно колесили по дорогам среди виноградников, желая достичь нашей цели. Прибыв в Прад, мы первым делом побывали на кладбище, на котором Мон думала отыскать могилы родственников. Однако там выяснилось, что ее бабушка еще жива. В тот день я в первый и последний раз увидел их вместе:

Мон и ее бабушку, не видевшихся двадцать пять лет. Вскоре эта старая дама покинула наш мир. Мон встретила также с дядей и тетей, передавшими ей вести об отце. А потом мы отправились бродить по улицам в поисках источника, чья чистая проточная вода омывала город, — как потом оказалось, источник этот находился в горах. Мы посетили удивительное аббатство Сен-Мишель-де-Кукса. Мон вспоминала тот день, когда она, еще девчонка, попала на концерт Пабло Казальса и удостоилась по его окончании великой чести: Казальс пожал ей руку. И вот мы вновь едем в горах, оставляя Прад за спиной и останавливаясь лишь в Тур де ла Кароль, где нас встречает безлюдная гостиница. Из окон нашей комнаты открывается вид на древнюю испанскую дорогу; все вокруг кажется обветшалым, словно по этому старому тракту в городок тихо вошло его прошлое. Наш досуг скрашивает маленькая собачка Мон с довольно забавным именем Веспасиан. Она уже стара и больна, но я очень ее люблю: она была верным спутником, разделявшим все наши горести и радости. И поныне в памяти моей среди воспоминаний о путешествии в Прад мелькает образ этой симпатичной черной таксы — должен признаться, я вспоминаю о ней, как о любимом друге. Из Тур де ла Кароль (дивное название!) мы наконец берем курс на запад, к Бретани. Вопрос о посещении Ренн-ле-Шато сам собой отпадает.

Шло время. В кругу моих научных интересов оказывались все новые темы, вызывавшие во мне неустанный любопытство. Одна из них, касающаяся Людовика Святого, время от времени возвращала меня в окситанский край, на место репрессий, учиненных капетингским монархом, который делал все возможное, чтобы задуть южную цивилизацию, внушавшую опасение северным сеньорам. Тогда, помнится, я спрашивал себя, как провансальцы отнесутся к моему труду о короле, омывавшем ноги прокаженным и творящем суд под сенью дубов. В силу этого я назвал свою книгу «Дуб мудрости»¹. Но подоб-

¹ Опубликовано в Париже издательством «Нертé» в 1985 году.

ная тема призывала меня со всей тщательностью пересмотреть вопрос о катарах, а также обратиться к событиям, происходившим в XIII веке в Разе: от меня не могла ускользнуть информация о том, что королева Бланка Кастильская спрятала сокровище (или его часть) в Разе, по всей вероятности, в Ренн-ле-Бен. Странный окситанский регион в Корбьерах, куда я еще ни разу не обращал своего взгляда, уже тогда давал мне обильную пищу для размышлений.

Следующий этап моего «поиска-инициации Ренн-ле-Шато» — 1983 год, когда я получил один из первых экземпляров книги, успех которой в мире печатной продукции был ошеломляющим. Речь, конечно же, идет о «Священной загадке» Майкла Байджента, Ричарда Ли и Генри Линкольна. Должен признаться, название, под которым эта книга появилась в англоязычных странах — «Священная кровь и священный Грааль», — нравилось мне гораздо больше. Я проглотил ее в один миг, что не означает, однако, того, что я в одночасье стал сторонником довольно смелых гипотез ее авторов, бывших в большей степени журналистами, падкими до сенсации, чем писателями и историками. Но сколь бы малой ни была научная ценность этого произведения, оно все же заслуживает внимания: авторы «Священной загадки» озвучили многие из тех вопросов, которые долгое время никто не решался задать и тем более решить. Кроме того, она предоставляла возможность вести поиски в совершенно новом направлении.

«Священная загадка» стала для меня «раздражителем»: моей первой реакцией было опровергнуть абсолютно все предположения и гипотезы, высказанные тремя авторами. Дочитав ее, я понял, что книга насквозь провокационна: по всей видимости, сверх задачей Байджента, Ли и Линкольна было стремление расшатать традиционную систему ценностей Запада. В свое время мне пришлось узнать о себе много нового: меня называли и агностиком (каким я на самом деле не являюсь), и «могильщиком западной духовности» (что, на мой взгляд, полностью противоречит моему образу действий) — а посему что

мешало мне заинтересоваться произведением, которое ставило под угрозу правдивость как Евангелий, так и дохристианских греческих, германских или кельтских текстов? Несмотря на то что некоторые пассажи «Священной загадки» порой доводили меня до приступов безудержного смеха¹, я не мог избавиться от ощущения, что целью авторов было опровергнуть наши привычные представления об истории и легендах Европы, которая, освободившись от господства римлян², явила на свет новую культуру, появившуюся в результате гармоничного синтеза многих подпитывающих ее традиций. В «Священной загадке» я нашел подтверждение того, о чем и сам думал долгое время: Святой Грааль мог означать не только некий предмет, изображенный в виде чаши, подноса или кубка, заключавшего в себе кровь Христову. Подобное истолкование Грааля появилось благодаря одной из версий легенды, бывшей в ходу сначала у клюнийцев, а затем у цистерцианцев. Грааль, или «sangréal» на старофранцузском языке, мог означать и «царскую кровь», то есть некий королевский род. Но принять на веру дальнейшие рассуждения авторов, то есть гипотезу о законном наследнике «длинноволосых королей» (Меровингов), ведущих свой род от союза Христа и Марии Магдалины... Об этом не могло быть и речи, даже если с эвристической точки зрения такой вопрос мог быть правомерен. В то время мы еще не знали о «Последнем искушении Христа» Мартина Скорцезе, который, как известно, стал причиной многочисленных скандалов и волнений. Правда, уже существовал роман Никоса

¹ Особенно рассказ о меровингской генеалогии: сплошная подтасовка и искажение фактов!

² «Рах Романа», этот непреложный факт, о котором на протяжении многих лет нам говорили учебники истории, на самом деле является одним из ярких примеров мифа. Ни одна эпоха в истории не была столь смутной и тревожной. Это было время бунтов, передела собственности, захвата власти, гражданских войн и других явлений того же порядка, особенно в Галлии, насчитывающей множество узурпаторов, пытавшихся сначала заполучить, а затем сохранить ускользающую от них власть.

Казандзакиса, по которому был снят этот фильм, но его обходили молчалием. Тем не менее, сколь бы ни была скандальна тема, затронутая «Священной загадкой», все же напомним, что покровительницей церкви Ренн-ле-Шато была Мария из Магдалы, столь странным образом представленная во внутренних покоях храма. Обилие знаков, указывающих на принадлежность храма этой святой, появилось в нем стараниями аббата Соньера, создателя башни «Магдала», в которой он хотел поместить библиотеку. Странно, не правда ли? Итак, «Священная загадка» заставила меня призадуматься, слишком много неразрешимых вопросов вертелось в моем мозгу. В этот-то момент я и вспомнил о книге «Сокровище Золотого треугольника», стоявшей на моей библиотечной полке. Теперь Жан-Люк Шомей казался мне настоящим «братом-просветителем», в то время как я занял скромное место неопита.

Но ничего из всего этого книжного набора меня не удовлетворяло. Дело в том, что и Жан-Люк Шомей (убежденный в достоверности своей информации, которую тем не менее невозможно было проверить, потому что автор не давал каких-либо ссылок), и авторы «Священной загадки» (воображавшие себя по меньшей мере англосаксонскими «волшебниками», наследниками шотландских замков, населенных призраками) угодили в одну и ту же ловушку, типичную для нашего времени лжепророков и фальшивых гуру, — в ловушку Приората Сиона. Общество-фантом, утверждавшее, что оно появилось вследствие раскола ордена тамплиеров (разрыв во время «рубки жизорского вяза» — вот уж спасибо вам, Жерар де Сед!) и что его великими магистрами были такие знаменитости, как Клод Дебюсси или Жан Кокто... Все это чистой воды выдумка. Весь этот фарс был задуман несколькими авторами, мелкопоместными дворянчиками, кичившимися своими меровингскими предками. Помогали поставить фарс несколько чудаков с телевидения, объединенных гениальным Франциском Бланшем, который, должно быть, вволю нахохотался (правда, уже в гробу) над потрясающим результатом своих провокаций: на его

удочку попалась чуть ли не вся Франция. Миф о Приорате Сиона прочно засел в головах любителей всевозможных тайн и искателей сокровищ, прославлявших Робера Шарру в те времена, когда привычное орудие рудознатцев — ореховый прут — было заменено металлоискателем, в простонародье названным «сковородкой».

Итак, рыться в тайнах Ренн-ле-Шато казалось мне несерьезным занятием. Если я и проводил тогда много времени в Монсегюре, то лишь потому, что пытался понять, кем же на самом деле были катары и какая связь могла быть между ними и Святым Граалем. Чтобы исследовать Ренн-ле-Шато, не могло быть и речи. И слава богу! Своей историей о сокровищах Соньера и Приорате Сиона милые насмешники-балагуры произвели такой фурор, что в Ренн-ле-Шато началась настоящая «золотая лихорадка»: в безлунные ночи в его окрестностях раздавался стук лопат кладоискателей, а на деревенском кладбище прогремело несколько взрывов, учиненных особо неуемными рудознатцами, жаждавшими во что бы то ни стало добраться до знаменитых сокровищ не менее знаменитого аббата Беранже Соньера. Думаю, я правильно сделал, что держался в стороне от всего этого безумия и не обращал внимания на таинственный край Разе.

В своей сумбурной и богатой приключениями жизни я хорошо усвоил одно: не стоит предпринимать каких-либо серьезных действий, если на то не получен «зеленый свет», данный некими таинственными силами, влияющими на ход нашей жизни. Поэтому я не верю в то, что многое происходит «по воле случая». Встречи с некоторыми людьми играют в нашей жизни ту же роль, какую в средневековых легендах играли встречи рыцаря с отшельником или прекрасной девой: они ни в коей мере не случайны, ибо каждая из них знаменует собой новый этап нашего поиска, длящегося всю жизнь. Особенно если главный герой этого «эпоса длиною в жизнь» свободен от догм, предвзятой идеологии, философских школ или политических партий. Я никогда не входил в секты, группировки или

братства, у меня никогда не было желания выдавать себя за «гуру» какого-либо учения. У меня не было ни учеников¹, ни последователей, ни «литературных поденщиков»². Я никем не уполномочен и никем не завербован. Моей единственной «политической позицией» была и остается честность: я всегда говорю то, о чем думаю или пишу, даже в том случае, если потом приходится признавать свои ошибки. Мой жизненный путь сложился именно так, а не иначе лишь потому, что в нем были «неслучайные встречи». Андре Бретон. Школьный товарищ Жан Катлен. Таинственный Янн-Бер Кербирю, время от времени появлявшийся в моей жизни: никогда не оставляя адреса, по которому я мог бы с ним связаться, он давал мне сведения, на которые я даже не рассчитывал. Женщины, встречавшиеся на моем жизненном пути: подобно знаменитым девам в легендах о Ланселоте Озерном, они озаряли мою жизнь светом, позволявшим мне продолжать «путешествие к центру Земли», — этот свет помогал разглядеть во тьме бездны чудовищных драконов, готовых напасть на меня. И наконец, книги, попадавшие мне на глаза именно в тот момент, когда я в них нуждался. Среди них есть и «Сокровище Золотого треугольника» Шоменя. Но гораздо более значимой, полной глубинного, скрытого смысла и богатой отсылками оказалась для меня книга Мишеля Лами «Жюль Верн, посвященный и инициатор»³. Конечно, читатель вправе воскликнуть: «Какое отношение к делу Ренн-ле-Шато имел прославленный французский фантаст?» Однако благодаря Мишелю Лами туман, окружавший личность Беранже Соньера и его «проклятое золото», стал понемногу рассеиваться. С этого момента я понял, что должен проникнуть в эту темную тайну.

¹ Разумеется, когда я был преподавателем, их у меня было множество, но это, как мы понимаем, не одно и то же.

² Хотя некоторые утверждали, что их у меня не менее двадцати.

³ Опубликована в 1984 году издательством «Payot» в Париже. Это произведение критика настороженно обошла стороной: возможно, оно показалось рецензентам «вызывающим беспокойство».

В Ренн-ле-Шато меня привела дорога из Монсегюра. Я всегда нуждался в «порте приписки», пускай даже временном. Монсегюр был и остается для меня тем чудодейственным источником, к которому неизменно возвращаешься, чтобы утолить жажду, когда лучи окситанского солнца иссушают землю, а кровь в жилах словно густеет и замедляет свой ток. Окситания не моя родина, но две женщины, сыгравшие столь значительную роль в моей жизни, родом из этих мест. Они стали для меня той призмой, что преломляла слишком яркий, порой ирреальный свет юга Франции, призмой, сквозь которую я смог понять и принять окситанский край во время своих странствий по его каменистым дорогам. Мон открыла мне Монсегюр, сердце таинственной страны катаров. С тех пор он стал не только предметом моего изучения, но и убежищем, где я чувствовал себя как дома и спокойно работал на лоне природы, которую охотно называл «вагнеровской», хотя нога Вагнера никогда не ступала на землю этого святилища, затерянного на краю ойкумены. Я люблю Монсегюр. Там мои друзья. Там деревенские улочки, укрытые тенью «пога» и его отрогов, застывших в извечной угрозе пронзить небо своими «философско-каменными» клыками. Там библиотека моих друзей Раймонды и Николая Резниковых, в которой я провел столько приятных и полезных часов. Там дремлет погруженная в сумрак старинная гостиница, которой мудро и неторопливо, подобно жрице древнего храма, управляет госпожа Кост, в то время как господин Кост является истинным стражем храма — простите, замка: он знает все его закоулки, каждый его камешек, каждый лучик, пронзающий тьму его древних укреплений. Никогда и нигде я не чувствовал себя так хорошо, столь легко и беззаботно, как в деревне Монсегюр. Как это ни странно, но именно там я написал множество страниц на темы, никоим образом не связанные с этим местом: например, свою книгу «Карнак и загадка Атлантиды». Что же удивительного в том, что Монсегюр стал точкой опоры, давшей мне силы кинуться навстречу миражам Ренн-ле-Шато?

Это произошло в один из сентябрьских дней 1985 года. Покинув атлантический берег, где находился Монсегюр, Мон и я отправились в сторону Средиземноморья. Путь наш лежал на север, через Кийан, где нам пришлось пересечь Од, и Куизу, небольшое селение, в прошлый приезд показавшееся нам деревней с одной улицей, вытянутой вдоль главной дороги. На сей раз мы свернули с основного пути, отправившись в Ренн-ле-Шато по небольшой дороге, тянувшейся вдоль Сальсы. Дорога немилосердно петляла, поднимаясь все выше, к вершине горы, казавшейся бесплодной и выжженной солнцем даже в это время года. Мне всегда нравились крутые извилистые пути: так, бывало, в детстве ползаешь на четвереньках, открывая мир, но еще многого в нем не понимая.

Когда наконец мы добрались до плато, оно привело нас в восхищение. Удивительная особенность Корбьеров, при первом знакомстве с ними сбивающая с толку: разительный контраст между тенистыми зелеными долинами, омываемыми чистыми ручьями и реками, и пыльными, иссушенными солнцем плоскогорьями, усеянными щебнем и отданными на растерзание ветру. Порой на склонах темных бугров, расположенных ниже плато, можно заметить курьезную растительность, уцелевшую во время немилосердной летней жары. Бесконечные повороты дороги наконец закончились: перед нами возникла деревня с прикорнувшими друг к другу домишками, импозантной массой замка, возвышающейся над ними, и скромной церковью. Замыкала открывшийся вид странная конструкция в виде башни, возведенной прямо над бездной. Ренн-ле-Шато... Деревенька, как и множество ей подобных, сооружена из однородного камня, ее дома прячутся под романскими крышами, а улочки пусты, словно никто не рискнул поселиться в этом месте.

Укрыв машину в тени, я пересек деревню, желая рассмотреть поближе ту странную башню, заинтриговавшую меня с первого взгляда. По правде говоря, в тот момент я спрашивал себя, зачем я приехал сюда. Меня смущала мысль, что кто-нибудь узнает меня и начнет расспрашивать о том, что я делаю здесь,

вдали от более привычных для меня мест. Жители этой деревни на своем веку перевидали множество кладоискателей, не обходили Ренн-ле-Шато и подозрительные молодчики, преследовавшие довольно темные цели. Вдруг меня примут за одного из них, решившего вновь потревожить покой деревни, дремлющей под сентябрьским солнцем? Разумеется, у меня не было никаких злокозненных намерений. Меня мало волновало то, остались ли на деревенском кладбище сокровища, спрятанные аббатом Соньером. Мне не хотелось тревожить расспросами или даже своим видом кого-либо из местных жителей. Я лишь хотел *видеть*, хотел ощутить атмосферу этого места, слывущего либо проклятым, либо сакральным. Мне хотелось составить мнение самому.

Нашей первой реакцией было восхищение. С плато, на котором расположилась деревенька, выстроенная по оси восток—запад, открывался великолепный вид на цепи вершин и долины, кое-где погрузившиеся в тень. Нам показалось, что мы попали в идеальные края, где жизнь похожа на рай, — настолько очаровала нас эта светлая деревушка между небом и землей, обласканная горными ветрами, пропитанными ароматами Юга. Очутившись перед странной конструкцией, выстроенной в неоготическом стиле (это и была знаменитая башня «Магда-ла»), я и Мон долго молчали. Я уже знал, что аббат Соньер построил башню для того, чтобы поместить там свою библиотеку. Как я понимал этого человека! Как бы счастлив я был, если бы из окна моей библиотеки был виден столь грандиозный и в то же время безмятежный пейзаж! В такой башне, среди своих книг, я не знал бы усталости и лени: с какой радостью и легкостью мне бы работалось, с каким удовольствием я бы читал, писал и размышлял! Воистину, в душе аббат Соньер был *поэтом*, раз задумал и сумел осуществить такой проект. С этого момента все то недоброе или сомнительное, что говорили мне об этом священнике, превратилось в пустой звук. Человек, создавший такую обсерваторию для размышлений, — искатель истины, а ищущий истину не может продать душу дьяволу.

Затем мы направились к храму, по дороге к нему наградив изумленными взглядами виллу «Вифания»: очень странное сооружение в духе тех кошмарных особняков, какие можно было увидеть в парижских пригородах перед войной! В краю, где постройка ведется по традиции из камня, невольно спрашиваешь себя, зачем нужно было возводить такое здание, которое даже «модерном» назвать сложно? Вилла «Вифания» не имеет ничего общего с «ар нуво» Гимара, увековеченным в древних павильонах станций парижского метро... Башня «Магдала» все же выглядит не столь вызывающе, несмотря на то что ее стиль является лишь отголоском настоящего стиля: неоготическая мания, охватившая Францию в начале XX века, не миновала и Ренн-ле-Шато. Я сказал себе, что, возможно, Соньер был не так уж и богат, как то приписали ему биографы, — предположение, которое не замедлило подтвердиться, когда я узрел те чудовищные создания, коими аббат решил «оживить» приходской храм.

Однако храм был пока что закрыт, и мы отложили визит на вторую половину дня. Я прекрасно понимал жителей Ренн-ле-Шато, принявших все меры предосторожности, дабы не оставлять туристов в своей церкви без надзора. Если бы не эта мера, церковь давно была бы разорена ненасытными кладоискателями. К слову сказать, при въезде в деревню висит плакат, гласящий о том, что раскопки на территории деревни запрещены. Правда, запрет этот не мешает некоторым по-прежнему обшаривать окрестности под покровом ночи. Итак, церковь была закрыта, но я особо не печалился. Рассмотрев крест на «вестготской» колонне, установленной напротив храма, я убедился, что опора эта, вне всякого сомнения, когда-то была перевернута. Надпись над входом в храм — «*iste locus est terribilis*» («место сие ужасно») — несколько смутила меня. С одной стороны, латинское «*iste*», имеющее уничижительное значение, иногда могло выступать в роли притяжательного местоимения второго лица. С другой стороны, я не мог отделаться от мысли, что когда-то по просьбе аббата Анри Жийара мне самому пришлось

составить столь же странную надпись, начертанную ныне над входом приходской церкви Треорентека в Морбиане: «дверь, ведущая внутрь». Конечно, речь не идет о той же самой идее, но я оказался в привычной для себя обстановке и уже вовсю проводил аналогии между двумя храмами, столь далекими друг от друга.

Наступило время завтрака — и мы расположились за столом очаровательного ресторанчика в глубине сада. Все было восхитительно, и мы бы чувствовали себя в полнейшей гармонии с окружающим миром, если бы не надоедливое дитя по соседству от нас, которое мы сперва приняли за девочку: ребенка звали Морганой. Разумеется, в этом я узрел еще одно совпадение, поскольку фея Моргана, чей образ неотделим от Броселиандского леса, оставила напоминание о себе в церкви Треорентека: ее можно увидеть на картинах, изображающих страсти Господни. Правда, потом оказалось, что Моргана из Ренн-ле-Шато, докучавшая нам за завтраком, на самом деле была Морганом, мальчишкой с милым личиком. Впрочем, это обстоятельство не отменило моих размышлений об аналогиях между Ренн-ле-Шато и Броселиандским лесом. Не желая вдаваться в рассуждения о том, какого пола были ангелы, я лишь замечу, что у Морганы-Моргана из Ренн-ле-Шато была ангельская внешность — и дьявольская непоседливость. Да простят мне столь дерзкое отступление, по грубости не уступающее поведению Моргана в то сентябрьское утро 1985 года.

Наконец долгожданный час наступил — и мы очутились в храме в сопровождении небольшого числа туристов, внимательно, деталь за деталью, оглядывавших внутренние покои церкви. Как мне показалось, наши спутники пребывали в сильной растерянности — на их лицах читался вопрос: «Что же здесь спрятано?» Растерянность, впрочем, не мешала им быть уверенными в том, что уж им-то удастся обнаружить некую значимую деталь, ускользнувшую от взгляда предшественников. Забавно... Неказистая церковь Святой Марии Магдалины более не являлась местом молитвы и уединения: «сокровища

Ренн-ле-Шато» превратили ее в настоящий трактат алхимика, разумеется зашифрованный, к которому каждый отныне пытался подобрать ключ. Как тут вновь не вспомнить фразу Треорентека: «La porte est en dedans»...

Должен признаться, во время этого визита я лишь пытался понять, в чем суть дела. Над «делом Ренн-ле-Шато» с его аурой тайны следовало поразмыслить, прежде чем высказывать свое мнение или же рассматривать то, что могло быть свидетельством спрятанных там сокровищ или секретов, способных поставить под сомнение историю западной цивилизации. Без паники, как говорят в таких случаях. Меня часто обвиняют в том, что я мечтатель: это заблуждение, поскольку я самый расчетливый холодный рационалист, какого только можно найти в области, где иррациональное является движущей силой интеллектуальных и духовных устремлений человека. Кто-то утверждает, что я агностик — вероятно, за то, что я ценю все религиозные тексты, независимо от того, чья вера создала их. Во всех них в равной степени есть доля Истины, непостижимой для нас. Эту истину, от которой пытались избавиться сюрреалисты, я бы назвал более «реальной», нежели их иллюзорные дивертисменты, — думаю, Блез Паскаль, в свое время говоривший о «логике сердца», чувствовал то же самое. Но в тот сентябрьский день 1985 года, проведенный в Ренн-ле-Шато, я казался себе инопланетным существом, ошеломленным доселе неизвестным и непонятным миром. Как говорится, порой довольно сложно проникнуть в замыслы Бога, но я все же решился на это. Моей задачей стало понять, действительно ли этот храм был восстановлен в соответствии с неким (прежде всего Божьим) замыслом.

Посетитель, переступивший порог храма Ренн-ле-Шато, предупрежден заранее: «Место сие ужасно». Но о каком месте может идти речь? Некоторые из тех, кто уже побывал в этом святилище, не колеблясь ответят: ужасна сама церковь, поскольку верующего в ней встречает не кто-нибудь, а сам дьявол. Правда, замечу, что дьяволу этому (или Асмодею — для

близких друзей!) не позавидуешь: он согнут под тяжестью кропильницы.

И все же, проникнув в храм, я вдруг почувствовал странное беспокойство и даже недомогание, чего не происходило со мной нигде, кроме как в церкви Сен-Сюльпис в Париже. Вряд ли это случайность. Конечно, я попытался разобраться, что могло вызвать столь сильное беспокойство, которое охватило не только меня, но и Мон. Быть может, на меня повлияла надпись, извещавшая о том, что «место сие ужасно»? Или гротескный Асмодей, который, несмотря на свое согбенное положение, все же является хранителем церкви? Притом какой церкви... При ее осмотре у меня не раз возникало ощущение, что ее создали для проведения маргинальных служб, подобных «обратным мессам». Множество вещей в этом храме умышленно перевернуто, начиная с «вестготской» колонны, установленной перед церковью. Изображение страстей Господних выполнено в обратной последовательности: такая особенность есть лишь у небольшого числа храмов. А что прикажете думать о гипсовых статуях Иосифа и Марии, выполненных в духе Сен-Сюльпис? Иосиф и Мария, находясь по разные стороны нефа, держат в руках по младенцу Иисусу! Все это очень странно. Разумеется, в этом случае можно вспомнить о двух Иисусах в катарской традиции, но в этой церкви нет ничего катарского. Далее, странная картина в нижней части алтаря, принадлежащая перу самого Соньера: грот, в котором покровительница церкви Мария Магдалина созерцает лежащий перед ней череп. И наконец, присутствие в стенах церкви двух Антониев, Отшельника и Антония Падуанского... Конечно, не следует делать поспешных выводов насчет всех этих «курьезов», но все же стоит отметить, что они легко могут вызвать беспокойство.

Разглядывая столь странный интерьер церкви, я не мог не задуматься о соотношении религии и эстетики. В глубокую древность любое явление искусства прежде всего было предназначено для наглядной демонстрации религиозных идей; лишь впоследствии оно приобрело самостоятельную, эстетическую

значимость. Так, из порой неясных ритуалов, сопровождавших церемонии доминирующих религий, на свет появился театр. Любое конкретное или абстрактное изображение, будь оно на стене грота или на опорах мегалитических комплексов, было создано для того, чтобы выразить трансцендентную связь между божеством и человеком. В обществах, где мирское и сакральное были слиты воедино, любая работа, умственная или физическая, становилась актом поклонения высшим силам, давшим жизнь миру. В силу всех этих причин любой культ, любой храм, интерьер любого святилища стремились создать по канонам Красоты. Однако эстетика церкви Ренн-ле-Шато никоим образом не соответствует этому древнейшему устремлению человечества, ищущему и познающему своего создателя. Ради чего в стенах святилища были собраны все эти безобразные произведения «искусства», эти дешевые предметы религиозного культа? Возможно ли, что идейный вдохновитель всей этой безвкусицы, аббат Соньер, попросту ничего не смыслил в искусстве — или же он сознательно отказался от эстетики в пользу некоего послания, в большей степени интеллектуального, нежели духовного?

Правда, обвинение в отсутствии эстетического вкуса может быть снято серьезным алиби: во времена аббата Соньера (конец XIX — начало XX века) уже мало кто помнил и понимал, что Религия и Красота должны идти рука об руку. Это была эпоха, оставившая после себя соборы Фурвьер в Лионе, Сакр-Кер в Париже и Сент-Анн-д'Оре в Бретани. По единодушному мнению ценителей искусства, появление на свет столь уродливых памятников архитектуры было вызвано агрессией католицизма, уверенного в своих силах и способности одержать верх над растущим светским влиянием. В своем замечательном и актуальном во все времена произведении «Лурд, инициативный город» Грилло де Живри приложил все усилия к тому, чтобы разоблачить ложь, заключенную «в постройке черт знает чего, украшенного черт знает чем». Лурдский собор навел ужас уже в 1900 году. Представляю себе вопль, который

испустил бы достопочтенный Грилло де Живри (вне всякого сомнения, верующий), если бы ему довелось увидеть тот подземный гараж, который ныне помпезно именуют «Базиликой святого Пия X»... Зверства, изображенные на картинах страстей Господних, вполне могли бы довести несчастную паству, поклонявшуюся Деве Марии, до жутких кошмаров! Надо принимать вещи такими, какие они есть: Красота и Религия неразрывно связаны. Античность и средневековье доказали нам это, оставив после себя памятники, восславившие как Бога, так и род человеческий.

У меня было страстное желание окрестить декор церкви Святой Магдалины «мизерабилизмом». Однако увиденное вновь воскресило во мне воспоминания о Броселианде и церкви Треорентека, украшенной ее покровителем, аббатом Анри Жийаром, в оформлении которой принимал участие и я сам. Конечно, в этих двух храмах не было ничего похожего, за исключением «обратного крестного пути». В его изображении, столь тщательно изучаемом туристами в Ренн-ле-Шато, нет ничего оригинального: это размноженная продукция Сен-Сюльпис, которую можно найти во многих святых местах, в том числе и в Рокамюре. Но изображение страстей Господних, помещенное в церкви Треорентека, подлинное, аббат Жийар лишь подновил его. В пейзаже, служащем фоном библейским событиям, можно узнать реалии окрестных мест, а сцена, ставшая в 1948 году причиной скандала, изображает Иисуса лежащим у ног феи Морганы, олицетворения разврата. Разве нельзя провести параллель между кельтской Морганой, «самой развратной женщиной Бретани», и Марией Магдалиной, так называемой кающейся грешницей, одной из жриц древнего культа (или «священных проституток»)? Тем не менее внутренняя отделка храма в Треорентеке, не вызывающая интереса с эстетической точки зрения, — это оригинал, в чем я могу поклясться. В то время как интерьер храма в Ренн-ле-Шато — это чистейшая подделка под «декадентский» стиль собора Сен-Сюльпис. Поэтому, вполне возможно, что мое болезненное ощущение, возникшее

при виде этого святилища (с его псевдомасонским клетчатым полом, инверсиями в декоре и фальшивой барочностью), вызвано всего лишь его уродливостью.

Но память порой проделывает с нами странные вещи. Пока я предавался созерцанию храма, на ум мне неожиданно пришел давний рассказ аббата Жийара, до сих пор мирно дремавший в глубинах памяти. Признаться, я не придавал ему особого значения: аббат вспоминал о «странной войне» 1939–1940 годов и ее бесславном финале, о разгроме французской армии немецкими войсками. Истинный гражданин Республики, аббат Жийар вступил в войска. После бесконечных перебросок с места на место его, наконец, направили в Родез, где и демобилизовали. Тем не менее отправка в Бретань — на место службы, назначенное не военным, но церковным начальством, — откладывалась на неопределенное время, что позволило этому человеку, не привыкшему к бездействию, получше узнать окрестности, в которых он очутился. Он стал изучать край, которого доселе не знал. Департамент Аверон расположен неподалеку от Арьеж и Од, поэтому священник не преминул посетить Монсегюр. Рассказ о Святом Граале, связанный с крепостью катаров, зародил в нем интерес к этому великому мифу Запада и легендам о рыцарях короля Артура.

В рассказе о своих странствиях аббат упомянул об одной деревне в районе Од: по его словам, ее скромный кюре чуть ли не поднял храм из руин, желая превратить свою деревню в подобие паломнического центра, что могло бы удовлетворять и его религиозные устремления, и интересы жителей тех краев. Другими словами, *в том самом месте* аббат Жийар получил «указание свыше» — положить свои силы на развитие религиозного и культурного туризма, чем он впоследствии и занялся в Треорентеке, ставшем духовным центром легендарного Броселианда. Разумеется, *тем самым местом* (в то время я этого не понимал) была деревня Ренн-ле-Шато. Случайность? Кажется, я уже выражал свое отношение к случайностям. Сентябрьским днем 1985 года, спустя шесть лет после смерти аббата

Жийара, я, принимавший участие в улучшении глухого уголка Морбиана, тем самым помогая аббату осуществить его мечту, вдруг оказался в Ренн-ле-Шато, в том месте, которое когда-то предопределило всю дальнейшую жизнь моего духовного наставника... Случайность? Думаю, нет.

Конечно, я не собирался ставить аббата Соньера на одну доску с аббатом Жийаром. Их ничто не связывало: ни время, ни склад характера, ни устремления и жизненные цели. Пожалуй, лишь одно может объединять их: стремление сделать из маленькой приходской церкви центр «религиозного и культурного туризма», оставив тем самым неизгладимый след в людской памяти. Аббат Жийар был похоронен внутри церкви Треорентека, согласно древнему обычаю. Аббата Соньера предали земле вне стен его храма, но у его изголовья, где покоится еще одна могила, последнее пристанище Мари Денарно, не менее загадочной героини этой истории.

Мы побывали и на многострадальном кладбище, миновав портик, заставивший меня улыбнуться: это была имитация одного из портиков, какие украшают монастыри Финистера. Мы постояли у могилы аббата, смутно понимая, что этот человек привел в действие некий механизм, работа которого превзошла все его ожидания. Ведь его могила, насколько я знаю, была осквернена. Что в ней искали — сокровище или его тайну? Однако и сам аббат Соньер когда-то осквернил некую могилу, чему до сих пор не могут найти объяснения... Что все это могло означать?

Столь короткое посещение Ренн-ле-Шато, ставшее подлинным открытием, оставило меня в глубокой растерянности. Но все же это был упоительный визит. Красота спокойной деревушки, величественная простота замка, таинственные сады аббата Соньера, башня «Магдала» в лучах вечернего солнца, опускающегося в туман горных хребтов, — все это произвело на меня неизгладимое впечатление и оказало помощь в дальнейших исследованиях. Да, это восхитительный край, в котором я бы охотно поселился. Стоило ли множеству людей искать здесь

сокровища, без усталости копаясь в земле, стоило ли им ради этого поиска производить сложные вычисления? На мой взгляд, это бессмысленное занятие. Будь я жителем этой деревни, я не предпринимал бы ничего, что могло бы потревожить тишину и уединение этого изобильного края.

Но не только деревня Ренн-ле-Шато оставила во мне чувство полнейшего единения с этими местами, окутанными тайной. Это и сухое бесплодное плато с оврагами, давшими приют нескольким деревьям, и пик Бюгараш, виднеющийся на юго-востоке. О том, что в этой местности развит горный туризм, красноречиво говорит обсерватория, пост надзора, напоминающий дозорную башню некоей древней крепости. Я знал, что этот регион служил убежищем обитателям Разе в далекие времена вестготов, тех самых знаменитых «варваров», бывших всего лишь «иностранцами», носителями иной, удивительной культуры. И наконец, это Ренн-ле-Бен, спрятанный в долине, которую мы сначала не заметили, тот самый «другой Ренн», разительно отличавшийся от своего тезки, выжженной солнцем деревеньки, замершей на краю бездны.

Итак, наше восхитительное странствие по плато продолжалось: мы ехали в Ренн-ле-Бен по дороге, без усталости делавшей свои бесконечные витки. Путь скорее напоминал череду ухабов и выбоин, нежели нормальную дорогу, но для моей машины, перевидавшей на своем веку многое и отведавшей немало дорожной пыли, это не имело значения. Не раз нам казалось, что мы сбились с пути, столь много тупиков поджидало нас на каждом перекрестке и в каждом поселке, попадавшемся по пути. В сентябрьском зное мы медленно спускались в долину, немало удивлявшую нас: это был совершенно иной мир, нежели тот, что встретил нас на вершине. Зеленый, тенистый, мирный дол был настоящим водным царством. Ренн-ле-Бен оказался краем термальных источников¹. И первое, что бросилось мне в

¹ В настоящее время этот лечебный курорт собираются возродить. Особую благодарность в этом деле следует выразить «крестному отцу» городка — Рену из департамента Иль-е-Вилен.

глаза, — это старая надпись на обветшалой гостинице, вызвавшая у меня безудержный хохот: «Здесь исцеляют *катары*». Что же еще ожидать от Ренн-ле-Бен, расположенного в местности, столь часто именуемой «катарским краем»! Однако невыразимое очарование этого крохотного городка, утопающего в зелени, не оставило меня безучастным. Мне всегда нравились небольшие курорты, расположенные в округе, изобилующей горячими источниками. Но привлекало меня отнюдь не лечение целебными водами, нет: в таких городках сохранилась удивительная атмосфера «конца века», пропитанная декадентством, духовной средой поэтов-символистов начала XX столетия. Большим водным курортам я предпочитал маленькие, порой забытые всеми уголки, некогда славившиеся своими целительными источниками: Валь-ле-Бен в Ардеше, Нери-ле-Бен в Алье или Сент-Оноре-ле-Бен в Ньевре. К их числу принадлежит и Ренн-ле-Бен, выпавший из времени и пространства (порой его даже не обозначают на картах). Погруженный в дремотное оцепенение, городок замер в густом, напоенном травами воздухе, поступающем в долину с нагретого солнцем плато.

В Ренн-ле-Бен не меньше загадок, чем в Ренн-ле-Шато. «Бен-ле-Ренн», как порой его называют, появился в эпоху романизации Галлии: иными словами, римляне благоустроили это место, однако первые его обитатели появились еще во времена галлов. Не забудем и об игре слов: «Bains de Rennes» по звучанию напоминает «Bains de la Reine» («Ванна королевы»). Местные легенды утверждают, что в этих местах жила Бланка Кастильская, мать Людовика Святого, утаившая — или, наоборот, нашедшая, согласно многим версиям! — некое сокровище или секретные документы. Как видно, хранить всевозможные тайны и сокровища написано у Реннов на роду. Стоит прибавить, что природа этого региона не менее таинственна, чем затерянные в его Корбьерах деревеньки: дикая и в то же время утонченная, она как нельзя лучше подходит к этому краю мира, где в знойную пору, как говаривал Рабле, стоит запастись погребком, наполненным слегка забродившим вином.

Однако что говорить о далеком прошлом! Мистическая аура Ренн-ле-Бен не померкла и в нынешнее время, отчасти из-за аббата Буде, местного кюре, бывшего священником почти в одно время с аббатом Соньером, служившим неподалеку от него. Аббат Буде — еще один незаурядный человек, чья роль в «деле Ренн-ле-Шато» была, пожалуй, еще более темной, чем роль его собрата, расположившегося «этажом выше», на плато. Анри Буде слыл писателем, историком, специалистом по истории первобытного общества и даже лингвистом. Последнее качество документально подтверждено: в бытность свою аббат опубликовал книгу «Истинный кельтский язык», в которой он попытался его реконструировать, взяв за основу английский язык — и заодно поведав о несуществующем кромлехе, окружающем, согласно автору, весь этот регион... Довольно необычный способ доказательства лингвистических теорий. Мне удалось ознакомиться с несколькими фрагментами «Истинного кельтского языка». Порой мне приходилось прерывать чтение: на меня нападали безумный смех. Думаю, во время первой публикации этого произведения (нераспроданного, но разосланного по библиотекам ученых обществ и местных эрудитов) лингвистические измышления аббата Буде никто не принимал всерьез. Интерес к его книге возник лишь тогда, когда начался новый виток «дела Ренн-ле-Шато»: в продаже вновь замелькал «Истинный кельтский язык», переизданный и снабженный предисловием, по буйству фантазии не уступающим самой книге. И все же... Обилие нелепых идей на страницах произведения, написанного человеком, который отнюдь не был глупцом, наталкивает на размышления. Что мог таить в себе этот «Истинный кельтский язык»?

Конечно, мы побывали в приходской церкви Ренн-ле-Бен. Это сумрачное здание, зажатое в стенах старого центра, настоящее святилище, предназначенное для молитв и размышлений, несмотря на курьезную картину, весьма радующую любителей тайн (или наводящую на них тоску). В храме царил полумрак. Мне показалось, что в его стенах, как в утробе матери,

человек защищен от любого злого воздействия или умысла. Это тихая гавань, столь необходимая нам во время скитаний, утомляющих зрение и разум. Храм Ренн-ле-Бен нельзя назвать шедевром соборной архитектуры, но, к счастью, он дошел до нас в своей первозданной красоте: аббат Буде, занятый интеллектуальными изысканиями, не внес каких-либо изменений в его внутреннее или внешнее убранство.

Однако кладбище Ренн-ле-Бен вернуло меня с неба на землю. Покойники, как известно, — существа довольно мирные, но место их мирного сна почему-то никогда не давало покоя их живым собратьям, особенно если кладбище находилось в центре деревни. Нет, речь идет вовсе не о привидениях или духах: историями о фантастическом мире призраков изобилует любая фольклорная традиция. Я говорю о реальном факте: почему на кладбище Ренн-ле-Бен сохранились две могилы одного и того же человека? Объяснить эту аномалию пытались не единожды. Поскольку надпись на плите гласила, что вышеупомянутый господин «жил, творя добро», было высказано предположение, что он являлся членом какого-либо тайного общества, подобного розенкрейцеровскому. Но так ли это на самом деле? Что может скрываться за столь странной особенностью этого кладбища? Каждый волен найти этому свое объяснение.

Есть точки, в которых противоположные аспекты действительности перестают ощущаться таковыми — об этом писал еще Андре Бретон в «Манифесте сюрреализма». С подобным утверждением сложно согласиться, поскольку в нашем понимании на этом фундаментальном противоречии, на этой извечной битве Архангела света с Драконом тьмы зиждется само бытие. Думаю, первый визит в оба Ренна доказал мне, что в реальности есть множество явлений, отступающих от нормы, и что человеческий разум не способен отличать реально существующее от того, чего нет на самом деле. Кладбище Ренн-ле-Бен было тому прекрасным примером, но дальше этого размышления я не пошел.

Первая попытка понять «очарованную душу» Разе оставила след на страницах моего исследования о Монсегюре. В то время мое воображение было покорено фантастической историей катаров, особенно той жестокостью, с которой наместник Бога на земле и капетингский монарх искореняли удивительное, прекрасное учение: мир обретет Свет лишь тогда, когда будут спасены все без исключения души. Как можно было объявить грехом желание помочь ближнему своему обрести спасение? Не было ли такое решение «умышленным не оказанием помощи в минуту в смертельной опасности»?

Моя книга о Монсегюре вышла в свет — и я вместе с Мон вновь вернулся в Разе. Таким образом, Монсегюр вновь оказался отправной точкой моего странствия в глубь Окситании, которой поочередно не давали покоя Атлантика и Средиземноморье, греческое, латинское и германское влияния, сооружение мегалитов и друидизм, Северная Франция и южные королевства, горы и известняковые плато.

К тому времени многое изменилось во мне, точнее, в той туманной картине мира коей до этого момента было охвачено мое сознание. Более всего мое видение напоминало состояние человека, окутанного туманом, который появляется вечерами и сбивает путника с толку, поскольку все очертания становятся размытыми, как при приближении смерти. Мы вновь отправились в Ренн-ле-Шато, но перед этим мы посетили Але, бывший когда-то центром диоцеза. От конечного пункта назначения нас отвлекли руины собора, оказавшегося древней монастырской церковью, полностью измененной, но оставившей за собой привилегию быть *априорно* священным местом. Але — это не только один из этапов подъема в высокогорную долину Од; для меня он стал «неметоном», святилищем на лоне природы в глубине лесов, неподалеку от источника с живой водой, что пульсирует, подобно человеческой крови, в венах земли, оживляя ее таинственное сердце. Его биение может услышать лишь тот, кто умеет улавливать эхо подземных течений, наводняющих мир.

Я не друид, вопреки мнению тех, кто пытается навесить на меня этот ярлык, дабы потом уличить в противоречии. У меня нет никакого желания оживлять бледные тени кельтских жрецов, ушедших от нас двадцать веков назад, я не собираюсь восстанавливать их доктрины или ритуалы. В то далекое время любые священнодействия могли выполнять как социальную, так и культурную функцию, но сейчас положение дел изменилось. Я никогда не принимал участия в маскарадах, затеваемых некоторыми «кельтами», во время которых они, облачившись в белые одеяния и нацепив странные знаки отличия (в том числе и германскую символику, свастику), присваивают себе звание кельтских священнослужителей «во имя вечного друидизма». Не стоит забывать, что друиды исчезли в период завоевания Галлии Цезарем не только потому, что их преследовала римская власть, но и потому, что сами они стали христианскими священниками. Тогда зачем искать друидов там, где их нет? Зачем стремиться к реставрации друидизма, не имеющего ныне ничего общего с теми друидами, что жили в эпоху Цезаря и Верцингеторига? В наше время человек очертя голову бросился в волны древних учений, увлекаясь фольклором порой не самого лучшего качества. Могу ли я испытывать доверие к людям, заявляющим, что они являются истинными друидами, о чем им сообщили небеса, попутно открыв великие тайны наших предшественников? Конечно, некоторые из неодруидов стремятся лишь к тому, чтобы обрести утраченное друидическое знание, найти его следы в древних мифах и легендах. Однако они увязли в той же трясине, что поглотила в конце XVIII века галльского эрудита Иоло Могранвга, блистательного «собирателя древностей», интеллектуала, которому все же недоставало источников. Итак, я не друид, упаси Боже! Но я могу узнать (точнее, почувствовать) места, так или иначе связанные с друидами: они и поныне сохраняют свой сакральный дух.

Древние улицы, отмеченные печатью средневековья, руины старинного собора, удивительное переплетение улочек и

закоулков, в которых царит ничем не нарушаемое спокойствие, — таким остался в наших воспоминаниях Але. Средневековые улочки неизменно вызывают во мне теплое чувство. Я грезил ими, бродя по склонам Пюи-ан-Веле, в стенах Конкарно и Эгюмор, в горах Динана и Бо-де-Прованса или под сенью Руанского собора. Это было время, когда Средневековые целиком и полностью овладели моим воображением, оставляя свой след в каждом написанном мною романе. Но, увы... То средневековые исчезло, лишь порой оно еще возникало в пламенном романтическом сознании Виоле-ле-Дюка или его коллег-англичан. В конце концов, у меня осталось то, что дорого мне: грубая красота руин Гластонбери в Англии, где «покоится» король Артур и королева Гинебра; край Тинтаджел в Корнуолле, наполненный легендами об Артуре и Мерлине, о Тристане, Изольде и короле Марке; навевающая грусть монастырская ограда Клонмакнауз в Ирландии, где были записаны основные произведения гэльского фольклора. Не меньше их я люблю Монсегюр, чей суровый грубый облик лучше любой реконструкции истории напоминает о той драме, что произошла в его стенах. Но Але покорило мое сердце: бродя по его улочкам, я неожиданно почувствовал себя в другом измерении, напоминающем Иной мир кельтов, который я без усталости ищу уже долгое время.

Но все же Але не был нашей конечной целью. Мы добрались до Ренн-ле-Шато, на этот раз решив оставить его храм без внимания. Нам лишь хотелось вновь очутиться в этом краю, быть может, увидеть в нем то, что прежде ускользнуло от нас... Ренн-ле-Шато не обманул наших ожиданий: мы вновь погрузились в атмосферу, окружавшую нас в первый приезд, атмосферу непостижимого спокойствия и полной гармонии. И все же тайна пока что оставалась тайной, несмотря на то что в этот раз я был более подготовлен к ее восприятию: перед поездкой я внимательно изучал источники, повествующие о том, что происходило в этой скромной деревушке Разе. Позавтракав все в том же ресторанчике, укрытом в тени парка, мы

побродили по деревне. Затем нас ожидало путешествие по той же пыльной дороге, ведущей в Ренн-ле-Бен. Сделав остановку у кладбища, у «двойной могилы» синьора Флери, мы отправились на северо-восток, желая отыскать знаменитую гробницу неподалеку от деревни Арк. Насколько я знал, в ее окрестностях находился тот самый могильный камень, что был изображен на полотне Никола Пуссена: тот, на котором пастухи пытаются разобрать надпись «Et in Arcadia ego» («И я бывал в Аркадии»). Конечно, аркадским пастухам так и не удалось постичь истинный смысл этого изречения. Разумеется, гробница была «поддельной»: она появилась на свет уже после картины Пуссена (но кому это понадобилось?). Само собой, нам не удалось ее найти. И мы решили отправиться дальше.

Причиной тому был новый факт, открывшийся в биографии Мон. Ей было известно, что ее отцу принадлежал дом в местечке Мутуме неподалеку от Разе, в самом сердце Корбьеров, которых ни я, ни Мон хоршенько не знали. Поскольку отец Мон покинул этот дом и вдобавок запретил родной дочери появляться в этих краях, нас, естественно, мучило любопытство, избавиться от которого можно было лишь одним способом: отправиться в Мутуме. Это и заставило нас покинуть Ренн-ле-Шато, пересечь Ренн-ле-Бен и подняться к Серру, где еще некоторое время мы крутились в поисках знаменитой гробницы, увековеченной Пуссеном. Затем наше странствие продолжилось. Зеленеющие долины перемежались с пустошами, где, очевидно, водилось немало змей. Наконец на горизонте появилась Мутуме, пустынная деревня, выжженная солнцем. Изнывая от жажды, мы пошли искать прибежища в единственном на всю деревню баре-ресторане. В его зале уже вовсю веселилась и шумела компания во главе с местным жандармом, разглагольствующим больше и громче всех; очевидно, их веселье уже было подогрето изрядной порцией «Корбьеров». Никто из них и головы не повернул в нашу сторону. Мы сели, мечтая утолить жажду хотя бы одним глотком холодной воды... Тщетная надежда. Не менее четверти часа мы терпеливо

ждали, когда же появится хозяин бара или тот, кому поручено обслуживать клиентов в этом заведении. Шумная компания продолжала громко болтать, не обращая на нас ни малейшего внимания. Так ничего и не дождавшись, мы с достоинством покинули ресторан, разумеется, бывший на хорошем счету в справочнике «Мишлен». Почему-то «Мишлен» забыл предупредить нас, что услуга этого заведения, видимо, состоит из зомби... Этот забавный эпизод напомнил мне об одном старом телефильме, действие которого происходило в одной деревушке в Корбьерах. Его название выпало у меня из памяти: помню лишь, что главную роль в нем играла восхитительная Клотильда Жанно, к сожалению, слишком рано ушедшая из жизни. Суть фильма в том, что два человека очутились в деревне, полностью оторванной от внешнего мира: телефон не работал, по дороге невозможно было ни въехать, ни выехать, а жители вели себя так, словно ничто их не беспокоило, своим поведением напоминая более роботов, чем людей. Иными словами, герои попали в область, напоминающую кошмарный сон, где реальность и вымысел столь тесно переплетены, что невозможно отличить, в каком мире ты находишься. Так вот, в то послеполуденное июньское время 1986 года в Мутуме (Од) я вдруг почувствовал, что оказался в Ином мире. Мне показалось вдруг, что компания в том баре-ресторане была лишь видимостью: меня окружали люди, подобные «*silentes*» латинских поэтов. Те самые люди, живущие своей жизнью в стеклянной башне посреди океана, о которых поведали нам древние ирландские легенды: их можно увидеть, но они не могут ответить ни на один вопрос, заданный им отважными мореплавателями. Странное ощущение — странный край...

На улицах Мутуме царила пустота. Послеполуденное солнце заливало дома, глядящие на нас слепыми окнами, отметающими всякую надежду на встречу с живыми, подобными нам существами. Следуя некоторым указаниям, мы нашли дом отца Мон, покинутое людьми жилище, кровля которого тем не менее была в отличном состоянии. Мы бесцельно шатались по

деревенским улицам, которые все до единой выводили к пустоши. Наконец, подустав от ходьбы, мы вернулись на площадь, где я оставил автомобиль:

Неожиданно деревенскую тишину нарушил звук мотора: на площадь выехал грузовичок, передвижная бакалейная лавочка, подающая весть о своем прибытии громкими гудками. И вот тут свершилось чудо: в тот же момент из всех домов, казавшихся нам покинутыми, на безлюдную площадь хлынула толпа женщин. Плотным кольцом окружив машину с бакалейщиком, раскладывавшим на лотке свой товар, кумушки оживленно закудахтали-затараторили на разные голоса; деревенские жители, проходившие мимо, здоровались с нами столь приветливо, словно мы были их старыми знакомыми. Конечно, все это лишь укрепило мои представления об Ином мире. Как мифический город Ис, ушедший в глубины моря и порой вновь всплывающий на поверхность вод, Иной мир мог появляться перед глазами странника лишь в определенные периоды времени: в этот момент его обитатели могли расспросить либо что-либо попросить у случайно оказавшегося в нем путника.

К сожалению, мне неизвестно то, о чем могли бы расспросить нас жители Мутуме, в которой мы очутились накануне летнего солнцестояния: развернув машину, мы без всяких затруднений покинули деревню и направились на запад. Однако я решил воспользоваться другой дорогой. Выбранный мною путь повел нас по узким долинам, порой теряясь в лесном сумраке, что немало удивляло меня: я никогда не думал, что этот край столь богат лесами. Перекресток за перекрестком, виток за витком — и мы оказались у подножия пика Бюгараш, этой таинственной вершины, на которой во времена Монсегюра оставили следы своего пребывания тамплиеры и предки катаров. Пик послужил прекрасным ориентиром: от него я без оглядки на карту достиг Кийана, после чего устремился к нашему «порту приписки» — Монсегюру.

И все же второй визит в эту область оставил во мне двойственное ощущение. Что произошло с нами на самом деле? Не

было ли это путешествие нашей грезой? Не оказались ли нашими попутчиками те призраки, что бродят в окрестностях Ренн-ле-Шато и Ренн-ле-Бен, открывая путь к границам ирреального и невозможного? Нельзя узнать страну, ограничив свое знакомство с ней увиденными местными реалиями: настоящее открытие произойдет лишь тогда, когда ты прикоснешься к тому невидимому и неуловимому, что наполняет этот край, — иными словами, к его *душе*. Можно исписать множество страниц, посвятив их рассуждениям об увиденном, можно без конца давать оценку местным культурным памятникам или комментировать события, когда-то происходившие в этом крае. Но невозможно описать ощущение, возникшее в результате почти мистического единения с душой Окситании. Кто-то скажет, что всему виной жара, царящая на каменном, раскаленном солнцем плато, способная довести человека до галлюцинаций. Кто-то заметит, что душой этого края можно считать легенды, ставшие причиной моих путешествий. Но одно для меня останется неоспоримым: в Ренн-ле-Шато и Разе были все условия для того, чтобы в дальнейшем этот край стал невероятно богатым и насыщенным фантастическим миром.

Глава II

УКРЕПЛЕННЫЙ ЛАГЕРЬ

Местность, в которой находится Ренн-ле-Шато, носит имя Разе: это маленькая страна на юге департамента Од, расположенная в западной части горного массива Корбьер. Невысокие горы, плато, глубокие долины — таков рельеф этого края, географической доминантой которого следует считать высокогорную долину Од. Название долине дала река, в которую впадают местные речки и горные потоки. Наиболее значимый город Разе — Кийан, своеобразный перекресток, где сходятся пути из восточного Перпиньяна, северного Каркасона и западного Фуа. Несмотря на ощутимую близость Пиренеев, в этой местности, напоминающей Средиземноморье, царит умеренный климат, хотя зимой здесь властвует холодный южный ветер. А ргіогі Разе — это край, через который проезжают не останавливаясь. Однако благодаря туризму, развернувшемуся здесь в последние годы, эта область перестала быть «зоной отчуждения»: приезжие все чаще останавливаются в Разе, желая посетить «катарские» замки. Особый интерес у туристов всегда вызывал Монсегур — и, конечно же, «дело Ренн-ле-Шато», начавшееся с газетной статьи 1956 года. Оно привело в этот затерянный край толпы любопытных, среди которых были как скептики, так и усердные кладоискатели.

Разе — живописный край; его удивительная природа заслуживает гораздо больше внимания, чем те легенды, ради которых турист стремится в Ренн-ле-Шато. Но, как говорится, нет дыма без огня: некоторые тайны Разе стоят того, чтобы о них

говорили. К тому же впоследствии мы увидим, что большинство этих «тайн» более или менее связано с особенностями пейзажа долины Од, как, впрочем, и с менталитетом ее жителей, а также с их древними легендами и традициями. В этом нет ничего удивительного: то же можно сказать и о многих других регионах, в частности о тех, которые порой называют «сильными странами» в силу того, что они богаты красивыми пейзажами, памятниками архитектуры и славным историческим или легендарным прошлым. Поэтому, как принято в таких случаях, прежде всего нужно расставить декорации и лишь потом начать рассказ, даже если впоследствии он превратится в фантастическую повесть, происходящую в совершенно ином пространстве и времени.

Итак, Ренн-ле-Шато — это неказистая деревушка, представляющая привычный архитектурный ансамбль: дома, сконцентрированные вокруг замка и приходской церкви. Сложно представить, что в этом месте когда-то находилась столица графства, сыгравшая свою роль в сумрачные времена Меровингов. При слове «столица» в воображении читателя, должно быть, появляется большой по размерам и численности город, однако это не так: столицей может быть и резиденция правителя. Вряд ли кто-нибудь решится утверждать, что в те далекие времена правитель стремился окружить себя своим народом. Вспомните о Версале, королевской резиденции: она находилась в стороне от истинной столицы страны, Парижа.

В те времена в Ренн-ле-Шато была лишь хорошо укрепленная крепость, вокруг которой осело небольшое число жителей. В окрестностях Ренн-ле-Шато возникли аванпосты, а долинах появились населенные пункты с довольно развитой экономической структурой, необходимой для выживания этого края. Можно привести множество примеров торговых или ремесленных городов, расположенных вдоль торговых путей, на берегах рек или в плодородных землях, богатых минеральными ресурсами: это не мешало жителям таких городов в случае войны или опасности укрываться в крепости, чаще всего

находившейся на вершине горы или холма. То же самое можно сказать и о Ренн-ле-Шато.

Что и говорить, место было выбрано идеально: высокий мыс, возвышающийся над горизонтом, — лучшее средство защиты от неприятеля. Ко всему этому, через Ренн-ле-Шато пролегал важный торговый путь, ныне утративший былое значение: это был римский тракт, соединявший Каркасон и Каталонию, проложенный через знаменитый перевал Сен-Луи, который долгое время являлся границей Каталонии и Франции. Следы этого древнего пути, соединявшегося с галльской дорогой, и поныне можно отыскать в долине. Значимость этого укрепленного местечка, забравшегося в поднебесье, лучше всего понимаешь, когда едешь из Куизы по дороге № 52: на вершине холма виднеются жилые дома, уровнем ниже — подсобные постройки, а над северным склоном, наиболее открытым для вторжения врага, возвышается древний замок, заново отстроенный в XVI веке. Помимо этого, взгляду путешественника открывается удивительный ансамбль, включающий в себя церковь и владения аббата Соньера: сады, виллу «Вифания» и башню «Магда», венчающую этот удивительный пейзаж. Сейчас это место пользуется большой популярностью. Впрочем, о нем знали и во времена Соньера: приблизительно в 1900 году аббат выпустил серию почтовых открыток с изображением «творения рук своих». Правда, в то время речь еще не шла еще о «проклятом золоте» или секретах, ревностно хранимых таинственным Приоратом Сиона.

Каменистая платформа, удерживающая Ренн-ле-Шато на высоте 472 метра, возвышается над деревушками, осевшими на подступах к плато. Если окинуть взглядом окрестности, остановившись у башни «Магда», то в глубине долины можно заметить деревеньку, чье имя (Кастейя) означает, что когда-то на ее месте стояла крепость. За ней виднеется Эспераза, а далее открывается вид на округлые вершины, леса и, наконец, горные цепи арьежских Пиренеев. На северо-западе расположились Куиза и Монтазель, деревня, откуда родом Беранже Соньер. В север-

ном направлении простирается долина Од, приютившая Але, а восточнее виден замок в руинах и деревня: это Кустосса, оседлавшая каменный склон, под которым струится Сальса. Юг порос густым лесом Лозе, тянущимся вплоть до деревни Гране в направлении таинственного Безю, вне всякого сомнения, сакрального места, бывшего владением тамплиеров. На юго-востоке находится пик Бюгараш высотой 1230 метров. На восток, где за лесистыми холмами скрылся Ренн-ле-Бен, уходит узкая извилистая дорога, усеянная небольшими деревеньками: Морин, Лавальдье, Сурд и Па де ла Рок, — имена, воскрешающие в памяти прошлое, таящее в себе еще множество загадок.

И все же осмотр окрестностей Ренн-ле-Шато с высоты этого «орлиного гнезда» не может дать полного знания о крае. Разе — это особенный мир, таинственный и замкнутый в себе, как огромный *кромлех*, о котором писал аббат Буде. Правда, стоит заметить, что аббат (вполне возможно, умышленно) принял особенности природного пейзажа за рудиментарное творение человека.

Узкие улочки, импозантная масса замка над ними — таков внутренний мир живописной деревушки Ренн-ле-Шато. Время постройки замка относится к XII веку: он был возведен на месте крепости, существовавшей еще во времена Каролингов (или даже вестготов), неким Гийомом д'Ассали, вигье графства Разе. Здание, со временем обветшавшее, в XVI веке было перестроено, и по бокам стен, окружавших внутренний двор, появились четыре башни. Вплоть до Великой французской революции замок был собственностью семейства д'Отпулей, потомков катаров. К слову заметим, что Мари де Негри д'Абль из рода д'Отпулей оказалась одной из пострадавших в «деле Ренн-ле-Шато»: ее могильная плита на деревенском кладбище стала жертвой таинственных махинаций аббата Соньера.

Через церковный сад можно пройти на деревенское кладбище, в то время как его центральная аллея ведет к дверям храма, увенчанным надписью «*iste locus est terribilis*» («место сие ужасно»). Это слова Иакова, взятые из библейской притчи.

Но для чего они здесь, какое значение следует придавать им? Слева от входа находится «вестготская» колонна (точнее, «каролингская», судя по манере выполнения), на которой установлена статуя Богоматери Лурдской. Колонна эта некогда служила опорой древнему алтарю; обнаружив ее во время реставрационных работ в церкви, аббат Соньер велел установить колонну перед храмом. Что и сделали — правда, случайно перевернув ее: надпись «Mission 1891» появилась уже после ее установки. Изначально этот камень был около метра в длину, приблизительно семьдесят пять сантиметров. На его лицевой стороне высечен висящий на витом шнуре крест с расширяющимися концами, украшенный драгоценными камнями. Под крестом расположен вензель из двух букв, альфы и омеги, символов создания божественной бесконечной вселенной, начала и конца всех вещей. Этот символ подобен древнему «ouroburos», змее, кусающей себя за хвост. Справа от входа в храм установлен миниатюрный искусственный грот, сделанный руками Соньера (определенно, это произведение, призванное украшать церковный сад, не похоже на Лурдскую пещеру), а у придорожной стены виднеется камень, напоминающий менгир. Заметим, что этот «менгир» находился в стене, окружавшей виллу «Вифания» и башню «Магдала». Очевидно, аббат Соньер обустроил свой «сад» согласно некоему замыслу.

На окруженном аллеей кальвере начертана надпись, в свое время вызвавшая множество комментариев: «Christus A.O.M.P.S. defendit». К слову заметим, что этот ансамбль, называемый также «подписанным крестом», напоминает окситанский крест (принадлежавший когда-то галльскому племени, волькам тектосагам) или знаменитый кельтский крест. Ближе к кладбищу можно увидеть старинную купель (в 1979 году кто-то разворотил ее), а далее, у самой ограды, виднеется временный алтарь и место, где устанавливали гроб с телом усопшего. Чтобы попасть на территорию кладбища, нужно пройти через portик, на котором аббат Соньер велел выгравировать слова, произносимые во время службы в первый день поста; филактерий

портика украшен черепом и скрещенными костями, высеченными из камня. Кажется, что череп смеется, показывая все свои двадцать два зуба, как на Старших Арканах Таро. Временный алтарь и портик, как нельзя лучше свидетельствующий об отвратительном вкусе его создателя, воскрешает в памяти триумфальные портики, украшающие ограды монастырей Финистера. Правда, здешним «триумфальным порталам» не хватает ни сумрачной красоты оригинала, ни его грандиозности. Что стало причиной такой карикатурной постройки — нехватка денег, отсутствие вкуса или желание посмеяться? Такой вопрос необходимо задать.

Церковь Ренн-ле-Шато, освященная во имя Марии Магдалины, скорее всего, была церковью при графском замке: ее абсида, как и замок д'Отпулей, датируется XII веком. Во времена Людовика Святого она была расширена, а в XIX веке ее реставрацией занялся аббат Соньер, попутно украсив ее на свой лад. Когда Соньера назначили кюре Ренн-ле-Шато, храм был в плачевном состоянии, о чем свидетельствуют многие документы того времени. В 1883 году главный викарий Каркасона обращается к государственным властям с просьбой о помощи: необходимо во что бы то ни стало починить церковное здание, угрожающее обвалиться на головы прихожан, но паства Ренн-ле-Шато слишком бедна, чтобы взять на себя расходы по реставрации храма. В своей просьбе, обращенной к государственному совету, он описывает «плачевное состояние святилища, его алтаря и двух окон нефа, чей переплет сокрушен ураганным ветром»; завершая перечень бедствий, священник подчеркивает, насколько опасно стало находиться в стенах этого ветхого здания во время службы. Однако начало конфликтов между Церковью и государством позволило гражданским властям притвориться глухими. Желание Соньера восстановить приходскую церковь вполне объяснимо: это поступок, достойный похвалы, а не удивления. Но удивление вызывают другие факты: обстоятельства, сопровождавшие реставрацию храма, и то, во что он превратился по окончании работ.

Действительно, прием, оказанный посетителям (интересно, среди них еще остались верующие?) в стенах этого святилища, поначалу вызывает изумление: справа от них возникает странная фигура «любезного хозяина» — отвратительный, скорчивший гримасу дьявол Асмодей. Взгляд его выпученных глаз (один из которых был сделан заново) устремлен на пол, вымощенный черной и белой плиткой. Из-за тяжести кропильницы, которую Асмодей держит на себе, его левая нога изогнута. Пальцы правой руки сложены в кольцо: возможно, в руке дьявола были вилы — те самые, которыми, согласно средневековым народным представлениям, орудовали демоны в аду, заталкивая грешников в кипящий котел. Обычно в средневековых соборах и церквях такие изображения находятся *снаружи*, преимущественно на северной, *темной* стороне храма: такое расположение призвано было внушить прихожанам, что единственный способ спасения от пыток ада находится *внутри* святилища. Хотя не исключено то, что Соньер был вдохновлен знаменитой фреской в храме Кернаскледен (Морбиан) или наводящими ужас символическими картинами, так называемыми *taolennou*. В XVII веке, во время контрреформации, бретонские миссионеры по инициативе отца Жюльена Монуара показывали *taolennou* верующим далеких деревенских приходов уже после того, как налагали на них ужасные клятвы. С христианской точки зрения идея о дьяволе, держащем кропильницу, великолепна. В церкви Кампенеак (Морбиан) дьявол вынужден поддерживать кафедру, с которой разносится слово Божье. Поверженный дьявол — вот что приходит на ум в таком случае; дьявол, низвергнутый в бездну, — такой, каким он предстает в поэме Виктора Гюго «Конец Сатаны», изданной уже после смерти автора. Тем не менее вряд ли присутствие в храме нечистой силы доставляет удовольствие верующим.

К счастью, в церкви есть не только дьявол, но и четверка ангелов, застывших над Асмодеем и кропильницей. Каждый из них творит крестное знамение, в то время как надпись на основании гласит: «Сим знамением ты победишь». Эти слова

отсылают нас к легенде, согласно которой император Константин, увидев в небесах знамение (крест и слова «Сим победиши»), разгромил войска противника и издал эдикт о веротерпимости в отношении христианского населения. Правда, на основании с надписью поместились и два монстра: скорее всего, это василиски, знаменитые чудовища, описанные в средневековых бестиариях. Там же виден круг, в который заключены буквы «B.S.». Возможно, это подпись самого Беранже Соньера: в конце концов, в стенах храма всегда отмечали имена дарителей.

В глубине церкви, на глухой стене, что находится напротив исповедальни, можно различить фреску, берущую в плен не только своей наивностью, но и некоторыми любопытными деталями. На ней изображен Иисус в окружении людей (выяснить, что это за люди, невозможно). У подножия цветущей горы, на вершине которой находится Спаситель, лежит лопнувший кошель, — видно даже, что из него сыплется зерно. Какую мысль хотел донести до нас создатель фрески? Быть может, то, что зерно, высыпавшееся из сумки, — это слова Христа, «посеянные на каменистых местах», непонятые и неоцененные по достоинству? Или же это скрытое указание на спрятанное в этих краях сокровище, части которого недостает? Последнее предположение давало повод с головой уйти в поиски клада. К сожалению, нужно признать, что в доказательство этого предположения невозможно привести что-либо определенное: священные тексты, как и изображения эпизодов из этих текстов, почти всегда «намеренно непонятны». Одно можно сказать точно: во фреске, сделанной по задумке Соньера, есть некий тайный смысл. Некоторые детали этой картины вызывают еще больший интерес: на заднем фоне изображен любопытный пейзаж, кое-где виднеются деревни и даже города. Не Разе ли это, реальный и воображаемый край, увиденный глазами аббата Соньера, — или же райский мир, о подлинности которого хочет напомнить своими притчами Иисус? Мир, скрытый от нас обманчивыми мирскими иллюзиями Асмодея?

Картина на противоположной стене, под алтарем, не менее «иносказательна». По некоторым сведениям (впрочем, непроверенным), ее написал сам Беранже Соньер. Сюжет картины не вызывает удивления (Мария Магдалина, молящаяся в гроте), однако детали, сопровождающие этот сюжет, невозможно найти ни в евангельском рассказе о воскресении Христа, ни в провансальской легенде о гроте Сен-Бом. Магдалина, облаченная в роскошное одеяние, опустилась на колени в гроте. Пальцы ее рук молитвенно переплетены, взгляд устремлен на крест, сложенный на земле грота из ветвей дерева. Около ее ног лежит человеческий череп; чуть дальше, в глубине пещеры, виднеется раскрытая книга. Из входа в грот открывается вид на голые скалы, на одной из которых можно разглядеть некое подобие руин в сияющем, но беспокойном небе. Сам вход наполовину закрыт каменными глыбами, скатившимися со склона. Такова эта странная картина. Конечно, грот может напоминать о гробнице Христа, но тогда при чем здесь череп? Конечно, некоторые решают, что на картине изображен грот Сен-Бом, но у Магдалины вид богатой аристократки, а не бедной отшельницы. К тому же череп еще не раз появится в нашем рассказе: он фигурирует как в стенах самой церкви (у ног статуи Марии Магдалины в тимпане), так и в часовне, которую аббат возвел на территории виллы «Вифания». Образ Марии Магдалины, покровительницы этого храма, наверняка был дорог сердцу аббата, но что может означать столь странная живопись?

Другие статуи в церкви свидетельствуют о колоссальной бездне безвкусия. Повсюду царит гипс: святой Иоанн Креститель, святая Жермена, святой Рох — все из гипса. Но зачем нужны были храму целых два святых Антония, один из которых известен своими искушениями (Антоний Отшельник), а другой прославился тем, что заставлял возвращаться потерянное (Антоний Падуанский)? Более того, статуи установлены друг против друга, что, конечно же, неслучайно: аббат Соньер подчеркнул этим что-то — и заставил нас ломать головы над тем, что же именно он подчеркнул. После всех этих «подчеркива-

ний» уже не удивляешься тому, сколь много романов написано на тему «Искушение аббата Соньера» или сколь много людей гоняется за сокровищами, спрятанными или потерянными в Ренн-ле-Шато.

Но мы не упомянули о двух статуях, что служат обрамлением алтаря. Это святой Иосиф по левую от него руку и Дева Мария по правую руку. В этом не было бы ничего сверхъестественного... если бы каждый из них не держал младенца Иисуса. Итак, в стенах церкви Ренн-ле-Шато есть не только дьявол, не только два Антония, но и два Иисуса, один у фиктивного отца, другой у матери. Более еретической церкви, как кажется, не сыщешь.

В одной из книг я уже писал о том, какое объяснение может быть предложено этому феномену¹. Мы находимся в стране, на которую оказало сильное воздействие мировоззрение катаров. Присутствие в храме дьявола заставляет вспомнить о том, что катары (по крайней мере, часть из них, относящаяся к радикальным дуалистам) верили в существование принципа Зла, воплощением которого был дьявол, создатель материи. Этот «почти бог» Зла противопоставлен богу Добра. Поэтому младенец на руках Иосифа, находящегося на левой, то есть на *темной*, стороне, — это не Иисус, но Сатана, в то время как истинный Иисус находится в объятиях Марии, стоящей по правую сторону от алтаря. Ради того чтобы оставаться в рамках крайнего дуализма, следует признать, что *Сатана и Иисус являются братьями*, сыновьями Бога Отца, единственного создателя. Таким образом, два младенца становятся воплощением идеи о двух противоположных проявлениях одного, злого и доброго, божества. Другая гипотеза, выдвинутая Франком Мари, не менее интересна. Дитя на руках Иосифа олицетворяет мужское начало — видимое, явленное, выражающее себя внешне. Напротив, младенец на руках Марии может представлять женское начало — хрупкое, трудноуловимое и *потаенное*². Почему бы и

¹ J. Marcale, *Montségur et l'énigme cathare*, Paris, Pygmalion, 1986, p. 107.

² F. Marie. *La Résurrection du «Grand Cocu»*, Bagneux, S.R.E.S., 1981, p. 16–18.

нет? Нельзя игнорировать тот факт, что в левой части храма находится и кафедра, с которой в своей явленной и эзотеричной форме произносится слово Божье, и колокольня, разносящая глас Божий вне его стен. Но в правой части храма виднеется дверь, ведущая в маленькую ризницу, а затем — в потайную комнату, сделанную по задумке Соньера. Ко всему этому, изображение страстей Господних выполнено в обратном порядке, поэтому, чтобы рассмотреть 14 картин, надо идти слева направо. Кажется, храм Ренн-ле-Шато учит нас проявлять осторожность ко всему видимому, ко всем внешним проявлениям. Но затем понимаешь и другое: эти «внешние проявления», доступные и понятные многим, открывают путь к невидимому, эзотерическому знанию. То, что написано на дверях храма Треорентека в Морбиане, полностью подтверждается в этой странной церкви Марии Магдалины.

Нельзя покинуть Ренн-ле-Шато, не побывав в его маленьком музее, где хранится таинственная «Плита рыцарей», барельеф, найденный в церкви во время реставрационных работ. Объяснить, что именно изображено на плите, весьма сложно. Довольно часто можно услышать безосновательное утверждение: барельеф, дескать, является свидетельством того, что в Разе был спрятан законный потомок Меровингов, сын Дагоберта II (о котором, впрочем, известно, что он умер в младенчестве). Это породило на свет еще один фантом: «Властелина Мира», «мессию», который будет прямым потомком первой династии, коей является род «длинноволосых королей», Меровингов. На самом деле эта плита, как и «вестготская» колонна, относится к каролингской эпохе, то есть к VIII веку. На ней изображены два всадника под двумя арками; конь левого всадника (по-видимому, кавалера — судя по головному убору и одежде) пьет из чана; правый всадник выполнен в манере, характеризующей многие произведения каролингского искусства: он размахивает дротиком, держа в другой руке круглый щит. По всей очевидности, это сцена охоты. Художник решил облечь это мирское развлечение в христианские тона, добавив

к изобразительному ряду виноградную гроздь (символ евхаристии) и Древо Жизни, известное по библейским рассказам и легендам о Святом Граале. Плиту обнаружил аббат Соньер, проводя работы в церкви; без сомнения, когда-то она была частью ограды хоров, разделявшей неф и клирос. Какое бы истолкование ни придавали этому изображению, «Плита рыцарей» — восхитительное произведение каролингского искусства конца VIII века, и на этом основании оно заслуживает места в музее Ренн-ле-Шато. К тому же подлинных объектов искусства в нем довольно-таки мало...

Вполне возможно, однако, что первым укреплением, появившимся в этой местности, был вовсе не Ренн-ле-Шато. Для галльского форпоста вполне годилось местечко, названное Кастейя: гигантская известняковая глыба, покрытая чахлой растительностью. Ее легко можно заметить на юго-западе, если смотреть от башни «Магдала». Имя Кастейя красноречиво говорит о крепости, находившейся в незапамятные времена на месте деревни (латинское «castellum»); такое название во времена кельтов давали колониям, основанным на каменных мысах. Во Франции оно встречается столь же часто, как «hill» или «forts» на юго-западе Англии. Поэтому если Ренн-ле-Шато действительно кельтского происхождения, то искать следы кельтов следует в Кастейе, на этом холмике, отсеченном от поселка глубокой котловиной горного потока Кулер. На первый взгляд этот холм — обычное нагромождение камня, поросшего травой и зарослями, каких много в округе Разе, но под ним природа скрыла одно из удивительных явлений — систему сифонов, открытую учеными в XIX веке. «Действительно, из некоторых впадин», согласно геологическим данным того времени, «вырывался горячий воздух, поступающий, как кажется, из самого чрева Кастейи, подземные галереи которой оказались настоящим раем для спелеологов¹». Добавим, «раем для кладоискателей и всевозможных любителей тайн». По некоторым

¹ R. Bordes. Rennes-le-Château, éd. Schrauden, 1985, p. 30.

сведениям, недавно там была обнаружена колонна и остатки древнего портика. Но к информации такого рода следует отнестись со всей осторожностью, поскольку кельтские «castellum» в большинстве своем представляли укрепления на вершине холма или горы, окруженные деревянным частоколом и укрепленные земляным валом; внутренние постройки сооружали по тому же принципу. Систематические раскопки в подобных местах позволяют найти лишь немного: различные предметы пользования, оружие или украшения.

Дорога по известняковому плато, виток за витком уводящая путника от Ренн-ле-Шато, приводит его в места, наполненные историями и легендами. Это дорога Кум Сурд, названная по имени уединенной деревушки. В названии деревни угадывается кельтское «coithe» (или «come»), подобное французскому «combe» (расселина, ущелье), столь часто встречающемуся в топонимике Франции. Галльский корень «coithe» (кривой, изогнутый) в силу семантического сдвига приобрел значение «извилистая долина». Фонетические варианты этого корня многочисленны: от Комбура, милого сердцу Шатобриана, и Комбри в Финистере до всевозможных Шамбо в Центральном массиве (в том числе и Шамбор), не говоря уже о других «combes», рассеянных по всей Франции. По словам аббата Сабатре, местного историка, Кум Сурд означал «Скверное ущелье», что намекало на убожество здешнего края. Но доктор Гурдон, специалист в области водолечебниц, в 1874 году написавший научный труд о Ренне, выдвинул иную гипотезу. В недрах региона Ренн-ле-Шато находится «котловина приблизительно в 1500 метров», что позволяет предположить наличие в ней подземных вод (без сомнения, горячих в случае с Кастейя), которые могли дать имя деревне Кум Сурд: «Ущелье, из которого доносится глухой шум». Что ж, вполне возможно, но добавим, что слово «Сурд» («sourde») могло быть образовано и от галльского корня, родственного латинскому «siccus» («сухой») и валлийскому «sych». Следовательно, Кум Сурд — это «combes sèche» (Засушливое ущелье), название, прекрасно под-

ходящее этой местности. Но в области топонимики ни в чем нельзя быть уверенным.

На очереди за объяснениями следующее местечко: Лавальдье. Имя, нетипичное для данной местности: то же название дано руинам аббатства в лесу Ренно, расположенном между Лоньи-о-Перш и Мортань-о-Перш (департамент Орн), или восхитительному монастырю неподалеку от Бриуда, в Верхней Луаре. Нет никакого сомнения в том, что во всех этих случаях речь идет о «Vallis Dei» («долине Бога»). Проблема заключается лишь в том, чтобы узнать, действительно ли этот топоним появился во времена христианства или же в нем скрыто другое, искаженное временем древнее имя. На основе местной легенды, бытовавшей еще в 1874 году (то есть задолго до событий, связанных с аббатом Соньером), доктор Гурдон, продолжая свои изыскания о подземных источниках этого региона, предложил любопытную гипотезу. По его словам, «в этом месте, порой называемом Баль-Дье, находился храм, посвященный Ваалу, в котором окрестные жители приносили ему жертвы; считается, что этот храм был возведен финикийцами, основавшими несколько колоний по соседству, на испанском берегу». Да, такое возможно: известно, что финикийцы, пройдя в глубь средиземноморской страны, добывали там золото и серебро. Но все же искать следы финикийцев в Лавальдье необязательно: вероятно, «финикийское божество Ваал» было всего-навсего кельтским Белом, Беленосом, то есть «блистающим». Это прозвище носили многие галльские божества, оставившие значительный след в топонимике Франции; правда, в большинстве случаев над такими топонимами сыграла злую шутку омонимия, смешав названия, данные по имени божества, с именами, образованными от французского прилагательного «bel» («красивый»).

Лавальдье, как и Кум Сурд, было собственностью таинственных тамплиеров Безю. Местные жители называли руины, возвышающиеся над деревней Безю, не иначе как «Замком тамплиеров». По легенде, храмовники Безю, бывшие покровителями катаров, бросили в колодец фермы серебряный колокол от

своей часовни, чтобы он не достался людям французского монарха; этот колокол находится там и поныне. Согласно аббату Мазьеру, «его звон всегда раздается в одну и ту же ночь: с 12 на 13 октября. В ту же минуту длинная вереница белых теней, выходящих с заброшенного кладбища, устремляется к руинам. Это тени умерших тамплиеров, которые ищут церковь, древнюю маленькую церковь, чтобы отслужить в ней заупокойную мессу»¹. Да, этот край не обижен легендами...

Изначально этот замок тамплиеров назывался «Руины Альбедуна»: такое имя можно найти на карте, изданной в 1830 году. Слово «Альбедун», без сомнения, кельтское («albo-dunum», «белая крепость»). Тем же значением обладает и топоним франко-оскитанского происхождения Бланшфор: колыбель знатного рода Бланшфоров, замок, ныне ставший руинами, расположенными ближе к северу, в направлении Ренн-ле-Бен. Иными словами, Альбедун и Бланшфор — это одинаковые имена. Правда, нужно заметить, что название «Белая Крепость» встречалось на всей территории древней Галлии; оно могло означать древний укрепленный город — либо существующий, либо разрушенный, либо исчезнувший. Такое имя носил Вьен (Изер), бывший в древности Виндобоной («vindu», родственное бретонскому «gwenn» («белый»), и «bona» («ограда, стена»)). Народное воображение охотно приравнивало «белый город» к мифическому «стеклянному городу», в котором обитал народ, более напоминавший выходцев из Иного мира, чем простых смертных. Так, в «Ланселоте» Кретьена де Труа Мелегант приводит королеву Гиневру в город Горр (или Вуарр, то есть «Verre», «стекло»); согласно древнейшей легенде артуровского цикла, Мелегант был королем Стеклянной Башни, той, что находилась на месте нынешнего Гластонбери Тор в Сомерсете. В силу того что саксонское имя этого места было неверно истолковано, Гластонбери долгое время считался Стеклянным Городом или даже островом Авалоном.

¹ Abbé Mazières. Les Templiers du Bézu, éd. Schrauden, 1984, p. 30.

Итак, таинственная атмосфера Безю, сурового и красивого края, наполненного древними легендами, прекрасно сочетается с теми событиями, которые будоражили Разе не только в последние десятилетия, но и на протяжении раннего средневековья. Но все же нет таких таинственных фонетических законов, которые смогли бы преобразовать кельтское «Альбедун» в современное «Безю», хотя некоторые авторы утверждают обратное. Это имя встречалось в областях, когда-то занимаемых кельтами: например, Безю-ла-Форе или Безю-Сент-Элуа в департаменте Эр, неподалеку от Жизора. Уэльсу был известен и другой его фонетический вариант: «Bedd». Значение этого корня, впрочем, не совсем ясно, поскольку он может означать и «bouleau» («береза», кельтский корень, родственный латинскому «betula»), и «tombeau» («могила»). Последнее значение более привычно для Галлии: можно вспомнить о Гран Бе в Сен-Мало, где находится могила Шатобриана, или о «Гробнице Талиесина» («Bedd Taliesin»), обломке дольмена неподалеку от деревни Тре-Талиезин. Талиесин был легендарным бардом VI века, о котором помнит как история, так и миф; местные легенды утверждают, что, если уснуть на этом дольмене, можно проснуться либо поэтом, либо сумасшедшим. То же говорят и о так называемой «Скале Мерлина», расположенной в Центральном массиве, в Пила. Но чем все же считать Безю — «березой» или «могилой»? Легенда о тамплиерах-призраках побуждает сделать выбор в пользу второго значения, тем более что рядом находится «Белая Крепость», сохранившая в своем имени еле заметные черты древних верований и архаичных ритуалов.

Особой атмосферой проникнуто не только селение Безю и его живописные окрестности, но и соседский приход Гран. Еще одно место, не ускользнувшее от кельтов. Принято считать, что топоним Гран, как и название деревни Сугрен, появился от латинского «granum»: такое имя мог получить богатый злаковыми культурами, плодородный край... чего в Разе нет и в помине. На самом деле имя Гран, а также Гран в Вогезах и прежде

имя Экс-ла-Шапель («*Aquae Granni*», откуда немецкое Аахен) образованы от прозвища, данного в галло-романскую эпоху кельтскому божеству Гранносу, подобному Аполлону. В «Записках о галльской войне» ему отведено второе место по значимости и степени народного почитания (на первом месте у галлов оказался Меркурий). Кельтский Аполлон-Граннос выполнял функции покровительствующего божества, умеющего *исцелять*, — именно такие качества были присущи Аполлону в индоевропейской мифологии до того, как он стал солярным богом (точнее, до того, как он отнял это право у солярной богини Артемиды, или Дианы). Это достоверный факт: все надписи, упоминающие о Гранносе, приписывают ему умение врачевать и исцелять от болезни при помощи священных источников. А ведь Гран находится рядом с Бен-де-Компань и Ренн-ле-Бен, там, где в недрах плато Ренн-ле-Шато простирается котловина, наполненная подземными горячими водами... О существовании источников в этой местности было известно издревле; разумеется, уже тогда их стали использовать как в медицинских целях, так и в магико-религиозных — в те далекие времена медицина, магия и религия были неразрывно связаны. Воспоминание об одном из самых почитаемых кельтских богов, застывшее в имени Гран, — такое объяснение вполне подходит названию этой деревни, неподалеку от которой когда-то располагался «финикийский храм» Лавальдьё, бывший, по всей видимости, святилищем Беленоса. К тому же не стоит упускать из виду, что Гранносу, как и Беленосу, были присущи солярные черты: солнце было необходимо больному человеку не меньше, чем целебная вода минеральных источников. Неслучайно в Бате, английском водном курорте Викторианской эпохи, основанном на месте древних римских (и, следовательно, бретонских) терм, было найдено посвящение богине Сулеви, чье имя в достаточной мере указывает на ее солярные характеристики, отсылая к архаичным временам, когда солярные божества и божества-целители были женщинами. Порой эта древняя черта находит свое отражение в мифах

и преданиях: так, несмотря на то, что в ирландских сагах место бога-врачевателя отведено Диан Кехту, порой кажется, что всю работу за него выполняет его дочь, что особенно заметно в мифологических вариантах этого сюжета¹. Возвращаясь к Граносу, следует отметить, что его имя происходит от того же корня, что виден и в ирландском слове «grian» («солнце»), и имени Грайне, героини ирландской саги, ставшей одним из прототипов белокурой Изольды.

Кельтское происхождение названия Гран не вызывает почти никакого сомнения. Надо признать, в топонимике Разе можно найти множество кельтских элементов. Сен-Жюли-де-Бек и Кум де Бек, с его галльским «coume», сохранили в себе кельтское «bes» («острие, конец»). В названии деревни Атриг застыл галльский корень «arto», что означает «медведь». Казень появился на картах благодаря галльскому «cassano»: это всего-навсего дуб (к слову сказать, современное французское обозначение дуба — «chêne» — появилось путем фонетических изменений «cassano»). Пик Шалабр — «окаменевший» кельтский корень «calo» («твердый»). В Лиму (а также в Лиможе, Лимуре или озере Леман) проглядывает галльское «lemo» («вяз»), а в названии потока Вердубль не стоит труда разглядеть древнее «Vernodubrum», то есть «река в ольховом лесу».

Но бойкий поток кельтских соответствий неожиданно преграждает плотина из одного лишь имени... Бюгараш. Пик высотой 1230 метров — и деревня с тем же названием. Любопытнейший географический объект, неизменно вызывающий интерес не только из-за своего имени, но и благодаря расположению, а также тому символическому значению, которым он обладает, являясь доминантой «сакральной географии» этого края. Итак, что появилось раньше — название деревни или имя самого пика? Этого установить не удалось. Известно лишь, что в X веке деревня Бюгараш уже носила это имя: оно упомянуто

¹ J. Marcale, *Le Druidisme*, Paris, Payot, nouv. éd. 1989, p. 99 et suivantes.

в хартии 889 года, утверждающей, что этот приход принадлежит аббатству Сен-Поликарп диоцеза Каркасона. В последнем, впрочем, можно усомниться: средневековые монахи были великими умельцами по части изготовления поддельных бумаг, подтверждавших или увеличивавших их привилегии. Как бы там ни было, название деревни в грамоте дано в латинской форме — *Burgaragio*. В ходе веков эта форма менялась — *Burgaragium* (1231), *Bugarach* (1500), *Bugaraiçh* (1594), *Beugarach* (1647) — до тех пор, пока в 1781 году деревня не закрепила за собой название, которое носит и поныне. Топоним этот не уникален: его можно обнаружить как на юге Тулузы (Бугарош), так и рядом с Бордо почти в той же форме (Бугараш). Правда, отметим, что все эти имена встречаются лишь в окситанской области.

Откуда появилось столь странное и таинственное название? Некоторое время считали, что оно произошло от германского корня «*burg*» («крепость», эквивалент кельтского «*duno*»), закрепившегося во французском языке в форме «*bougr*». Но загвоздка в том, что эта лексема никогда не использовалась в стране, говорящей на провансальском наречии. Скорее всего, в основу имени «Бюгараш» легло слово из местного диалекта, породившее в средневековье немало других вариантов: *bulgari*, *bugares*, *burgars*, *bougres* и даже современный французский Булгар. Известно, что «бурги» (или «булгары») слыли древними предками катаров¹, в то время как пик Бюгараш считался местом, бывшим когда-то прибежищем еретиков с Востока. Они оказали огромное влияние на жителей этого региона, подготовив их разум к восприятию идей, называемых «дуалистическими».

Однако не только имя связывает Бюгараш с «делом о катарах»: между этим пиком и «погом» Монсегюра есть и другие точки соприкосновения, о которых в свое время поведал Фернан Ньель, один из лучших (в округе Монсегюра) знатоков

¹ J. Marcale, *Montségur et l'enigme cathare*, Paris, Pygmalion, 1986.

катаров. Этот достойный инженер железнодорожных путей, страстно увлеченный «дуалистической ересью», наладил между Монсегюром и Бюгарашем такие «пути сообщения», по которым стоит пробежаться. Измерив замок Монсегюр вдоль и поперек, он предположил, что его создатели (точнее, те, кто заново отстроил его в 1200 году) сознательно выравнивали положение крепости по оси «восток — запад», то есть в направлении к восходу солнца. В свою очередь, «ось „восток — запад“ указывает на пик Бюгараш, кульминационную точку Корбьеров, не только находящуюся на одной широте с Монсегюром ($42^{\circ} 52'$), но и почти равную ему по высоте. Допустим следующее: когда строители вычисляли направление по оси „восток—запад“, на конце этой воображаемой линии оказалась вершина Бюгараш, видневшаяся на горизонте. Таким образом, они могли взять за основу этот ориентир, предоставленный им самой природой»¹. Иными словами, Бюгараш был бы чем-то вроде двойника Монсегюра, если не наоборот. Таким образом, между этими двумя вершинами есть определенное соотношение, как географическое, о котором упомянул Фернан Ньель, так и символическое. Если сакральная география существует, то нужно признать, что регион Разе — прекрасный ее образец. Поэтому не стоит удивляться теориям аббата Буде, верившего в то, что он обнаружил в окрестностях Ренн-ле-Шато гигантский кромлех, и утверждавшего, будто он владеет его секретным кодом.

Порой то, что мы называем случайным совпадением, оказывается вполне закономерным явлением или фактом — но лишь тогда, когда скрытая от глаз картина полностью проясняется. Невозможно поставить под сомнение тот факт, что Монсегюр обладает характеристиками, присущими солярному храму, — иначе как объяснить феномен, ежегодно наблюдаемый в его стенах в день летнего солнцестояния? Первые солнечные лучи этого дня озаряют окна странного средневекового зала, подобного «солнечным покоям» в кельтских

¹ F. Niel, *Les Cathares de Montségur*, Paris, Seghers, 1976.

преданиях¹... Разве подобное явление не напоминает то, что происходит в некоторых мегалитических комплексах, например: на холме Ньюгранг в Ирландии, в каменном круге Стоунхенджа или на холме Дисиньяк в Сен-Назере? В день летнего или зимнего солнцестояния в центр этих сооружений падают первые лучи солнца — столь очевидную схожесть с тем, что происходит в этот день в зале Монсежюра, нельзя не заметить². Не менее очевидной кажется мне связь между Гран и Лавальдье, древним святилищем Беленоса, подкрепленная наличием в этих местах термальных источников. Вероятно, сакральная география Разе все же не является вымыслом нескольких журналистов, нуждающихся в газетном материале. Конечно, можно разделять это мнение или не соглашаться с ним, но факт все равно останется фактом. Кромлех Ренна существует, но лишь *в интеллектуальной и символической форме*, подкрепленной природными особенностями местности. Иными словами, это интерпретация видимых и осязаемых реалий, относящаяся к области воображаемого.

О пике Бюгараш рассказывают многое. Оказывается, его вершина служила ориентиром не только строителям Монсежюра, но и инопланетянам, высадившимся на Земле с особой миссией. Чего только не искали на его склонах — и пещеры, в которых могли спрятаться инопланетные гости, и знаменитые сокровища катаров... Нет, простите, — знаменитое дельфийское золото... Впрочем, нет, — знаменитый семисвечник храма Иерусалимского. Продолжать реестр утерянного на склонах

¹ Подробно об этой теме я рассказывал в книге «Монсежюр и тайна катаров». Упоминание о «Солнечном покое», или «Хрустальном чертоге», можно встретить во многих кельтских легендах, в том числе и в истории о Тристане и Изольде. Нельзя забывать, что Изольда, несмотря на все свое христианизированное романтическое обличье, является олицетворением древней солярной богини. «Солнечный покой» — это своего рода святилище, в котором восстанавливают силы, чему способствует солнце, находящееся в наилучшей своей фазе — в точке летнего или зимнего солнцестояния.

² J. Marcale. Carnac et l'énigme de l'Atlantide, Paris, Pygmalion, 1987.

Бюгараш можно до бесконечности, однако что из этого списка могло веком ранее заинтересовать господина Жюля Верна?

Знаменитый французский фантаст был не только сочинителем романов для детей и юношества. Во многих произведениях этого автора можно найти послания, зашифрованные в фантастических приключениях его героев, что доказывает интерес Верна к определенным формам эзотеризма и даже его принадлежность к некоторым «философским обществам», иными словами, к инициатическим братствам. Впрочем, неважно, к каким именно. Для нас важно другое: Жюль Верн прекрасно знал о Разе и легендах этого края *еще до нагала дела, главным героем которого — добровольно или нет — стал аббат Соньер*. Чтобы доказать это, стоит обратиться к малоизвестному роману Жюля Верна «Кловис Дардантор», действие которого разворачивается в Северной Африке. Пусть это не смущает читателя — при внимательном прочтении романа оказывается, что речь в нем идет о совершенно ином регионе, а именно о Разе и пике Бюгараш.

Роман повествует о приключениях перпиньянца Кловиса Дардантора и его двух молодых спутников, путешествующих в поисках богатства по Орану, в чьем названии легко можно усмотреть игру слов: Оран — «ог ен» («золото в...»). Имя главного героя — Кловис — отсылает к легендам Разе о меровингской династии, а фамилия Дардантор может быть истолкована разными способами, но при этом в ней всегда будет присутствовать «ог», «золото». Об Ороне Верн сообщает, что арабы называют его *Гухараном*, отчего на ум приходит деревня Гур д'Оран неподалеку от Кийана. После всех авантур герои возвращаются в особняк на улице *Старого Замка*, расположенной в квартале *Бланки*: чистойшей воды аллюзия, речь идет о руинах замка Бланшфоров. Неподалеку от косы Мерс-эль-Кебир Жюль Верн помещает маленький термальный источник (разумеется, вымышленный), названный Бен де ла Рен. Насколько нам известно, в древности Ренн-ле-Бен носил похожее имя, поскольку один из источников назывался Ванна Королевы. Более того,

писатель не преминул уточнить, что вода этого источника обладает «свежим солоноватым вкусом», чем славятся термальные воды Ренна. Все это, по меньшей мере, любопытно, однако мы еще не дошли до главного: властный командир корабля, берущий на себя заботы о пассажирах, носит имя, которое Верн вряд ли мог выдумать. Капитана зовут *Бюгараш*... Сомнению не место: пик Бюгараш, самая высокая вершина региона, возвышающаяся над окрестностями, — это неминуемый ориентир любого поиска, осуществляемого в Разе. *Вот это хотел этим сказать Жюль Верн*¹.

Тайны, неожиданные совпадения, легенды о мифических персонажах — все это лишь усиливает прелесть, которую таит в себе пик Бюгараш, ставший, несмотря на свое бурное прошлое, тихим и спокойным пристанищем. Неотъемлемый от пейзажа Раза, пик мирно дремлет в небе, присматривая за регионом, пережившим на своем веку немало исторических событий, порой даже запутанных и необъяснимых. Да, ни один поиск в местечке Раза не проходил без главного его вдохновителя, «капитана Бюгараша»: к нему на поклон идут все — даже те, кто штурмует его склон не ради сокровищ, а ради великолепной панорамы, открывающейся с его вершины.

С высоты Бюгараш открывается вид на зеленеющую долину, омываемую солеными водами Сальсы. В глубине этого цветущего дола притаилась деревня Ренн-ле-Бен, чьи древние дома и ветхие отели полны неуловимого шарма, а живописные окрестности неизменно радуют взгляд путешественника. Стоит добавить, что ее термальные источники обладают целительными свойствами, воздействующими не только на страдающих ревматизмами, насморками и прочими «катарами», — они восстанавливают здоровье и нервы переутомленных людей, подверженных стрессам.

Источник, расположенный в окрестностях деревни и вызывающий неизменный интерес к себе, — Бен де ла Рен, Ванна

¹ Подробнее об этой теме см.: Michael Lamy, Jules Verne, initié et initiateur, Paris, Payot, 1984.

Королевы. Местная легенда утверждает, что этой самой королевой была Бланка Кастильская, мать Людовика Святого, часто посещавшая Ренн, чтобы «принимать ванны». Конечно, это всего лишь легенда, но в основе ее лежат реальные исторические факты: действительно, Бланка Кастильская сыграла немаловажную роль в истории этого края, пережившего в конце XIII века эпоху «альбигойских войн». Ее отношение к Раймону VII Тулузскому, готовому помочь еретикам и стать противником короля Франции, было, пожалуй, слишком милостивым (разумеется, с точки зрения северных вассалов короля). Возможно даже, что в тот момент, когда Транкавель хотел вернуть себе графство Разе, она вела тайные переговоры с окситанскими сеньорами насчет неких таинственных документов, хранившихся в окрестностях Ренн-ле-Шато. Вероятно, именно эти непроверенные слухи впоследствии легли в основу знаменитой гипотезы о законном потомке Меровингов, укрытом в Разе. Тем не менее из всего вышесказанного следует, что Бланка Кастильская вполне могла наведываться в Ренн-ле-Бен.

Однако имя Бланка (Blanche) созвучно прилагательному «blanche», «белая»... В таком случае о ком может идти речь, о Королеве Бланке — или о мифической Белой Королеве, героине множества легенд, распространенных почти повсюду, но более всего в Пиренеях? Белая Королева (или Белая Дама) — так в народных сказках называли фей. Вполне возможно и то, что прообразом Белой Дамы были не только феи, но и другие мифологические существа, скорее всего, Белые Богини, упоминаемые в античных легендах. Излюбленные места обитания Белой Дамы — гроты¹, побережья рек и источники, которые, если верить местной легенде, появились благодаря ее чудодейственной силе. Что ж, многоводный Ренн-ле-Бен вполне под-

¹ Без сомнения, сюда же следует отнести и Лурдскую пещеру, в которой Бернадетта Субиру увидела Белую Даму — Деву Марию; удивительно, как схожа эта история о «явлении Богоматери Лурдской», признанная Церковью и верующими всего мира, с многочисленными версиями «явления Белой Дамы», бытующими в Пиренеях.

ходит для жилища такой знатной особы, как волшебная Белая Королева... Поэтому правильнее будет сказать, что в названии Ванна Королевы нашли отражение не исторические факты, связанные с Бланкой Кастильской, а воспоминания об ушедшем во тьму веков культе Белой Богини, дарующей жизнь и здоровье при помощи целебной воды, пробившейся на поверхность долины благодаря этой древней целительнице. Но, будьте уверены, омофония «Reine» и «Renne» добавит еще не один пласт легенд к уже существующему мифу.

Так или иначе, источники (особенно те, что были признаны целебными) служили местом культа уже во времена античности. В галло-романскую эпоху существовал знаменитый храм Источников Сены. В Бате почитали богиню Сулевию. Благотельницами Виши *в свое время* были Феи, персонажи любопытных легенд, которыми столь богат этот край. Галлы прекрасно знали, какими свойствами обладали эти воды: друиды были не только жрецами, но и целителями, поскольку, как мы уже говорили, в те далекие времена медицина и религия довольно часто пользовались одними и теми же средствами. Обустроив в Галлии места источников, сделав их пригодными для своих терм, римляне всего лишь последовали галльскому примеру. Особое внимание они уделяли соленым источникам, так как соль в регионе, далеко от моря, была крайне необходима для нормальной жизнедеятельности людей и животных. Вероятно, этим можно объяснить значимость таких мест, как Фонтен-Сале в Сен-Пер-су-Везеле (Бургундия) или Сален в Юра, неподалеку от Алесии, бывшей одновременно и крепостью, и святилищем. Об античных термах в Ренн-ле-Бен история умалчивает, но присутствие в этих местах римлян — факт неоспоримый. А там, где лечение водами, там и культ какого-либо божества-целителя. В большинстве случаев это культ галльского Аполлона-Гранноса (другое имя Гранноса — Борво (кипение), отсюда «Бурбон») или солярных богинь, часто представленных в виде триад (три Богини-матери), что вновь возвращает нас к образам Белых Королев.

Ванна Королевы, богатая хлоридом и натрием, может нагреваться до 41°. Но ничто так не подогревает любопытство туристов и кладоискателей, как другой источник Ренн-ле-Бен: Ванна Магдалины, или Ванна Годы. Первое название заставляет вспомнить о культе Марии Магдалины, распространенном в Разе, и обо всем, что с ней связано, в том числе и аббата Соньера. К слову сказать, на территории Окситании долгое время бытовала легенда о Марии Магдалине, в которой упоминалась пещера, приютившая эту набожную героиню, — этим, пожалуй, можно объяснить то, почему на картине в храме Ренн-ле-Шато изображен грот. Вода Ванны Магдалины обладает солоноватым вкусом, а вокруг самого источника царит отчетливый запах серы (в буквальном смысле, разумеется!). Второе название вызывает еще большее любопытство. Аббат Буде, уже известный нам своей попыткой реконструировать «истинный кельтский язык», решил пойти все тем же испытанным путем: истолковать это имя, обратившись к английским корням. Действительно, разве Годы не напоминает английское слово, означающее бога (или богиню)? К тому же, вне всякого сомнения, источник этот был посвящен божеству, некоей Фее Вод, подобной ирландской Боанн (Бойн) или Вивиане из артуровского цикла легенд.

Но, как верно заметил Франк Мари, «удивительно, что аббат Буде, столь скорый на расправу над любым словом путем его сопоставления с английским языком, нашел корни „la Gode“ в „to goad“: побуждать, вызывать, оживлять. Почему он не рискнул перевести „la Gode“ словом „бог“?»¹. Интересный вопрос. Франк Мари предлагает свою трактовку — разумеется, названия, а не странного поведения аббата Буде. Согласно его теории, истоки имени «Годы» нужно искать в местном обычае, распространенном в Бюгараше и тесно связанном со знаменитым карнавалом Лиму. Во время этих празднеств, охватывавших всю округу Разе от Лиму до Акса, по Але, Куизе, Кийану и

¹ F. Marie. Résurrection du «Grand Cocu», Bagneux, S.R.E.S., 1981, p. 106.

обоим Реннам шествовали карнавальные кортежи «fécos» и «goudils». «Fécos», согласно Франку Мари, представляли собой «размалеванных ряженных», а «goudils» — «одетых в лохмотья». Но «goudils» могли быть и отшельниками (мужчинами или женщинами), теми, что скрываются в гротах и появляются на людях лишь тогда, когда на то есть надобность (скажем, во время карнавала). Не напоминают ли эти шествия, хотя бы отдаленно, кельтский Самайн, превратившийся в праздник Всех Святых, но оставивший о себе память в карнавальном переодевании, в трюках и «грабежах», что происходят 1 ноября, в Хэллоуин? Разве «goudil» не мог быть одним из божеств, известных в Ирландии как Племена Богини Дану, которые жили в холмах (мегалитических сооружениях) и появлялись на поверхности земли лишь в ночь на праздник Самайн? Женщины-феи холмов, порой превращавшиеся в белых лебедей (что не может не напомнить о Белых Дамах), играли значительную роль в древнейшей кельтской мифологии. Поэтому вполне вероятно, что Ванна Годы была источником Женщин Холмов, скрывавшихся под землей и появлявшихся лишь в благоприятное для этого время, покровительствующих человеку и дарующих ему воду, необходимую для жизни и здоровья. Но тогда... что общего у них с Марией Магдалиной, которая, не будем забывать, связана с тем, что принято называть «тремя Мариями»? Похоже, в сакральной географии Разе все взаимосвязано.

Правда, сакральная география не столь проста и точна, как может показаться. Округу Разе оплетали невероятными историями, отталкиваясь при этом от реальных фактов, поэтому все наши Белые Дамы и прочие «богини» могут прекрасно служить *приспособлением* к тому или иному факту. Луи Федье, неоспоримый историк Разе, вспоминает о местной народной легенде, проясняющей истоки мифа о Ванне Королевы. «Во времена далекого прошлого королева Испании Бланка из Кастилии скрывалась в замке Пьер-Пертюз (Пейрепертюз), желая избежать опасности, угрожавшей ее жизни. Хозяин замка

принял королеву со всеми почестями, соответствующими ее положению. Печальное одиночество Бланки из Кастилии скрашивали молитвы в часовне и прогулки по деревне, находящейся поблизости от замка. Жители соседской деревни почитали ее, как святую; не решаясь приблизиться, с любопытством и глубоким почтением они следили за тем, как королева спускалась к источнику, струившемуся у подножия укреплений. Там, сидя под старой плакучей ивой, чьи ветви опускались к кристальной глади вод, она проводила долгие часы, сетуя на свое изгнание и плача над своей горькой судьбиной, над участью женщины без супруга и королевы без короны. Однажды, когда королева предавалась печальным воспоминаниям, из руки ее выскользнул серебряный стаканчик, тут же скатившийся в пропасть. Многие годы спустя его нашел пастух, который продал его сеньору Руфьяку. Накануне Великой французской революции этот серебряный стакан, украшенный гербом Кастилии, был в распоряжении королевского казначея округа Фенуйед¹, находящегося в Кодье; он хранил эту находку как драгоценную реликвию². Историк продолжает свой рассказ легендой о болезни, которая мучила Бланку Кастильскую (скорее всего, это была знаменитая золотуха). Чтобы утишить боль, королева отправлялась на носилках к «locus de Montferrando et Balneis», желая окупаться в воды целебного источника. И, представьте себе, она излечилась. Поэтому, заканчивает Луи Федье, источнику дали имя «Бен де ла Рен», то есть «Ванна Королевы». Проблема лишь в том, что упоминаемая в легенде королева Бланка, скорее всего, не имеет ничего общего с Бланкой Кастильской, матерью Людовика Святого. Этой Белой Королевой могла быть владелица окрестных земель, возможно, испанских. Местная легенда не слишком отличает реальность от вымысла. Порой кажется, что все это более имеет отношение к древнейшим верованиям, чем к XIII веку.

¹ Область на юге Разе по соседству с Руссильоном.

² Louis Fédié. Le Comté de Razès et le diocese d'Alet, 1880.

Тайна остается тайной. Если вновь перевести взгляд от Ванны Королевы к Ванне Магдалины, то можно вспомнить еще одну гипотезу, высказанную уже знакомым нам доктором Гурдоном. Предоставляю читателю самому решить, насколько она правдоподобна... Продолжая свои изыскания о термальных источниках Разе, доктор утверждает, что название «Ванна Магдалины» произошло от некоей мадмуазель Мадлен, которая пользовалась этим источником где-то в 1871 году!

В нашем распоряжении есть неоспоримый факт: когда в Ренн-ле-Бен были найдены следы римлян, то среди прочих объектов, принадлежавших завоевателям Галлии, были обнаружены статуэтки женщин. Не являлись ли эти статуэтки изображением богинь источников Ренна? О маленькой водолечебнице Ренн-ле-Бен, должно быть, было хорошо известно: так, в своем «Пантагрюэле» Рабле упоминает «воды Лимона» (очевидно, искаженное Лиму), относя их к числу самых популярных в XVI веке источников. Однако в Лиму нет источников: скорее всего, Рабле подразумевал Але или Ренн-ле-Бен. Бывал ли Рабле в этих краях? Кто знает, почему бы и нет?

Согласно свидетельству аббата Буде, в 1884 году в Ренн-ле-Бен, дабы спасти от вандализма, доставили «человекоподобную скульптуру». На камне, носящем имя «Человеческая Голова» («*Cap dé l'Homme*» — предупреждаю, это орфография аббата Буде!), было высечено изображение мужского лица — аббат признал в нем Иисуса Христа. На самом деле все это несколько смущает. Дело в том, что в Ренн-ле-Бен было два открытия: в 1884 году там нашли мужскую голову, а в 1898 году — женскую. Впоследствии эти два факта слились воедино, во многом благодаря усердию авторов, без устали помещавших на газетных полосах свои «романы с продолжением». Архивист Рене Декадейя, этот разоблачитель аббата Соньера, посвятил второй находке следующие слова: «Высеченная из камня женская голова могла быть предметом культа, если бы она была выбита на скале, выступавшей из воды. В таком случае ее можно было бы считать богиней какого-либо источника или ручья». Разу-

меется, где же еще могло обитать подобное божество, если не в этом преобразенном римлянами галльском местечке, изобилующем термальными водами? Миф о Деве Озера жил во все времена, порой материализуясь в скульптурных изображениях богини. Однако упомянутую женскую голову, высеченную в камне, могли создать лишь в галло-романский период: до завоевания Галлии Цезарем галлы никогда не изображали своих богов в виде людей или животных. Это лишь доказывает, что галльский культ и романизированный водный курорт в Ренн-ле-Бен процветали практически в одно и то же время.

Ванна Магдалины и Ванна королевы — не единственные «ванны» в округе: в этой долине есть еще десяток горячих и холодных источников. Сладкая Ванна, температура которой достигает 33°, зовется также Прокаженным Источником, исцелявшим, если верить преданию, больных лепрой, в то время как ледяной Фонтан Любви своим названием морочит голову не одному краеведу. Тем, кто хочет выяснить, насколько значимым был Бен-де-Ренн в античные времена, стоит посетить эту «избранную землю»: она богата не только источниками, но и очевидными свидетельствами их длительного использования, в ходе которого они обрели сакральное значение.

Однако не стоит думать, что Ренн-ле-Бен — это всего лишь водолечебница. Прежде всего это приход. Приход, в котором с конца XIX века по начало XX века царил аббат Буде, лингвист и археолог, изучавший свой край при помощи довольно необычных «лингвистических» и «археологических» методов. Ходит мнение, что именно он был тайным вдохновителем и, что называется, властителем дум своего собрата в Ренн-ле-Шато, аббата Соньера. Поэтому нелишним будет узнать, что представляет собой еще один из «подопечных» аббата Буде: храм Ренн-ле-Бен.

У человека, попавшего под своды этого храма, возникает ощущение, что он проник в сакральное место (на самом деле это сакральное место находится *в самой деревне*, ставшей его неотъемлемой частью). Правда, это странное ощущение исчезает,

как только человек оказывается на деревенском базаре, где продается все и вся. Тем не менее храм Ренн-ле-Бен — это истинное святилище, созданное для молитв и уединения, его невозможно заподозрить в каких-либо «тайнах проклятого золота» или «обратных мессах». Простота приходской церкви Ренн-ле-Бен граничит со строгостью, присущей янсенистам. В ней нет ничего неестественного, несмотря на то что в ходе времен ее внешний и внутренний облик не раз подновляли. Горожане, гордящиеся своей церковью, в стенах которой они порой предаются духовному созерцанию, поддерживают храм в хорошем состоянии. Наверное, в таком месте ничто не мешает молитве и спокойным размышлениям — как на древних священных полянах друидов, затерянных в сердце леса, где происходило единение человека с природой и равным образом со всем *существующим*, великое единение существ и вещей, к которому стремится Мироздание.

И все же во внутреннем убранстве этой церкви есть одна любопытная деталь. Речь идет о картине, с художественной точки зрения ничем не примечательной: несмотря на то что она названа «Христос с зайцем», на самом деле это пьета, которую можно найти во многих христианских храмах. Произведение это довольно древнее, оно было подарено приходу поместным сеньором Полем-Урбеном де Флери, владевшим «Бен-ле-Ренном» в XVIII веке. Возможно, оно не привлекало бы внимания посетителей, если бы оно не было искаженной, точнее, *зеркальной* копией полотна, написанного в 1636 году Ван Дейком, оригинал которого хранится в Музее изящных искусств Антверпена. Можно бесконечно долго рассуждать о тех или иных деталях «Христа с зайцем»: бесспорно, они обладают неким особым смыслом — но каким? Искатели сокровищ не упускают случая досконально изучить картину в поисках «ключа», но тщетно. Еще никому не удалось расшифровать «послание», заключенное в этой картине, — или удалось, но удачливые «дешифраторы» не сочли нужным обнародовать свое открытие. Проблема в делах такого рода — то неизбежное переплетение

истины и лжи, чистосердечия и надувательства, которое автоматически возникает при любой попытке истолковать символ. Тот, кому удастся найти решение предлагаемого ребуса, всегда стремится утаить его от других. Порой из-за обычного тщеславия, а порой из-за веры в то, что истина может открыться лишь в конце долгого пути, который помпезно называют инициационным. Дойти до центра темного холма невозможно, если тому не предшествовали *этапы инициации*, дающие право на вход в ту область, где темнота царит в своей полной силе.

Визит в церковь будет неполным, если по его окончании не заглянуть на прилегающее к храму кладбище, уединенное тихое место, избежавшее горькой участи кладбища Ренн-ле-Шато. Здесь никто не раскапывает могил в надежде отыскать баснословные сокровища, никто не тревожит покоя мертвых... Здесь есть лишь то, что тревожит воображение живых: гробница того самого Поля-Урбена де Флери, который подарил храму «Христа с зайцем». Точнее, тревожит и вызывает изумление тот факт, что могил у вышеозначенного сеньора... *две*, а даты рождения и смерти, начертанные на двух его могильных плитах, *разлигны*. Об эпитафии «Он прожил жизнь, творя добро» твердо можно сказать лишь то, что это розенкрейцеровская формулировка. Вопросов по поводу этой гробницы множество. Почему на могильных плитах *намеренно* перепутаны даты? Почему у одного и того же человека (в чем нет никакого сомнения) две могилы? Какая из этих гробниц ложная, а какая настоящая? Любой поиск, предпринятый в Разе, рано или поздно приводит к этому «двойному» могильному камню, неизбежно вызывающему удивление. По всей видимости, кладбище в Ренн-ле-Бен не столь уж и *нейтральное место*, каким оно могло показаться на первый взгляд. Не стоит забывать о том, что на его месте когда-то, до прихода в Галлию Цезаря, находилось древнее галльское святилище. Об этом обстоятельстве некоторые люди прекрасно знали еще в XVIII веке, о чем свидетельствуют два погребальных памятника Поля-Урбена де Флери, бесспорно, члена братства розенкрейцеров. Они оставили знаки,

которые сможет понять каждый, кто решится пройти через испытание, или, если предпочтительнее, *инициацию*. Все остальное можно смело назвать беллетристикой, написанной ради сенсации, в том числе и «научные» расшифровки «Истинного кельтского языка», воссозданного аббатом Буде.

Исследование таинственного Разе на Ренн-ле-Бен не заканчивается, хотя, не будем скрывать, именно это место является центром на нашей «сакральной карте местности». Если направиться к северу, а затем повернуть на восток, в сторону Мутуме, перед глазами появится деревня Серр, а далее, перед Арком, что находится в общине Пейроль, лучше всего сделать остановку в деревушке Понтий. Неподалеку от нее виден настоящий менгир, «Реуго Dréto» («Поставленный камень»), как называют его местные жители. Но, как верно заметил Пьер Жарнак в своем произведении, посвященном «делу» аббата Соньера¹, «к вящей досаде древнего менгира, его престиж был неожиданно подорван появлением в округе памятника, сооруженного не в столь далекие времена. Его называют „Гробницей Арка“. Эта могила, упрятанная в куще деревьев, находится на краю обрыва, у маленького моста, перекинутого над пересохшим руслом источника Крус... Своей формой она напоминает параллелепипед, увенчанный усеченной пирамидой». Итак, монумент, отнявший славу у достойного менгира, — гробница, способствовавшая появлению самых различных гипотез, порой выходящих за рамки разумного. Существует мнение, что это знаменитая гробница, изображенная Пуссеном на картине «Аркадские пастухи», не раз появляющейся на страницах «дела Ренн-ле-Шато». Говорят даже, что это полотно, выставленное в Лувре, внимательно изучал кюре Ренн-ле-Шато во время своего пребывания в Париже, куда он отправился, дабы расшифровать найденные им в церкви документы; аббат даже приобрел его копию. И все же, как бы это ни разочаровало читателя, следует признать, что гробница у деревни Понтий

¹ P. Jarnac, Histoire du trésor de Renne-le-Château, 1985, p. 400–401.

появилась позже, чем картина Пуссена: таким образом, реальность и вымысел в некотором смысле поменялись местами. Благодаря документам стало известно, что «Гробницу Арка» возвел для своей усопшей бабушки некий Луи Гальбер, и произошло это... в начале XX века. Спустя некоторое время новый владелец этих мест, американец Льюис Бертрам Лоуренс, привел гробницу в надлежащий вид. Самое поразительное то, что пейзаж этой местности напоминает тот, что изображен на полотне Пуссена. Без сомнения, в этом кроется тайна. Ведь изречение «Et in Arcadia ego», которое пытаются разобрать пастухи на картине, сразу же напоминает о том, что Разе часто сравнивался некоторыми авторами с греческой Аркадией. Название реки Реальзе, вьющейся в долине Арк (и давшей имя государственному лесу, расположенному на юге), может означать «королевская вода». Пастух, изображенный на картине, касается рукой шеи другого пастуха, в то время как один из горных изгибов, виднеющийся позади настоящей гробницы, носит имя «Col d'Al Pastre». Очевидно, что Никола Пуссен сознательно стремился к тому, чтобы изобразить именно этот пейзаж — но зачем? Вот в чем вопрос! Как и в том, зачем в 1900 году Луи Гальберу понадобилось соорудить гробницу именно в этом месте. Удастся ли кому-либо проникнуть в эту тайну, побывать наконец в этой знаменитой Аркадии, где несет свои воды подземная река Алфей?

Остается лишь добавить, откуда пошло название деревни Арк. В ее имени можно увидеть и «арка» («арка, свод»), и «арсане» («секрет»). Этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы сделать из «Гробницы Арка» и картины Пуссена (чья «зеркальная» копия находится в Англии) ключ ко всем тайнам Разе. Но, к сожалению, вплоть до сегодняшнего дня никому не удалось им что-либо открыть: тайный смысл картины или ее изречения по-прежнему остается тайным. Что же касается имени Арк, его истинное значение заставит любителей тайн приуныть: слово «Арк» произошло от латинского «ахе» (во множественном числе «арсес»), означающего крепость, цитадель.

Таким образом, в имени Арк закрепились память о замке, когда-то находившемся на месте деревни. В этом факте нет ничего удивительного, особенно если вспомнить, что на западе, на склоне той же горы, сохранились руины замка Кустоссы. Вероятно, этот топоним происходит от латинского «custodia» («стража, сторожевой пост»), что не противоречит истине, поскольку замок действительно расположен в том месте, откуда лучше всего следить за тем, что происходит ниже, в долине Сальсы.

Однако христианским городом Разе остается Але, в настоящее время простая деревня, спрятавшаяся в отрогах долины Од, между Лиму и Куизой. Местный историк, аббат Ласер, описывает Але как «цветник, укрытый в очаровательной долине, которую Бог одарил всеми природными дарами»¹. Средневековый городок, сохранившийся в прекрасном состоянии благодаря частым реставрациям, поистине восхитителен, а окрестный пейзаж чарует глаз. Целебная вода сделала этот край известным, первые упоминания Але связаны с минеральными источниками, используемыми еще в галло-романскую эпоху. Але и сейчас считается водным курортом, привлекая тем самым множество туристов, желающих подлечиться.

Деревня расположена на левом берегу Од: на западе ее границы омывает река, а на севере — воды источника Каден. Эти две естественные преграды дополнены укреплениями, окружающими городок с пяти сторон. От центральной площади расходятся шесть больших улиц, одна из которых ведет к входу в аббатство, а другая тянется по деревне с севера на юг, от Ворот Каден до Ворот Кальвьер. Когда в 1776 году монахи уступили часть своих земель, деревню и аббатство разделила новая дорога (ныне дорога D 118), позволявшая переправиться на другой берег по мосту, появившемуся в XVII веке; этот мост принял на себя всю тяжесть, которую доселе испытывал его северный сосед, построенный во времена средневековья.

¹ T. Lasserre. Recherches historiques sur la ville d'Alet et son ancien diocese, Carcassonne, 1877.

Дома Але до сих пор сохраняют единство стиля. Центральную площадь окружают фасады фахверков с резными брусьями. На узких улочках города можно заметить, в частности, то, что называют «романским жилищем»: первый этаж пронизан шестью низкими арками, а второй деревянный этаж, выступающий над первым, снабжен двумя великолепными окнами, полуциркулярные арки которых опираются на колонны с капителями с орнаментом в виде листьев. Это очень редкий, удивительный образец гражданской архитектуры 1200 года.

Аббатство, занимавшее когда-то обширную территорию, сохранилось лишь частично. Его колокольня исчезла полностью, а древняя монастырская церковь, впоследствии ставшая кафедральным собором, превратилась в руины, получившие статус «памятника под охраной государства». С северной стороны собора можно увидеть хорошо сохранившиеся боковые нефы и часть центрального нефа, где находится дверь, ведущая к тому, что было монастырскими постройками, в частности к красивому залу капитула. Сквозь руины алтарной части, выполненной в готическом стиле в 1318 году, когда в Але было учреждено епископство, можно увидеть почти целую романскую абсиду, соединенную с нефом при помощи арки с модульонами в виде растительного орнамента. Арку поддерживают две колонны с искусно сделанными капителями и абаками. Сферический свод абсиды, пронизанной глубокими окнами с внутренними откосами, покоится на междуэтажном карнизе, украшенном орнаментом наподобие четок. Романская абсида Але, предвосхитившая абсиду собора Сен-Жак в Безье, поражает своей оригинальностью. Вероятно, первое аббатство Але, выстроенное в романском стиле, послужило моделью аббатству Сен-Жюст в Каркасоне, в то время как его перестройка произошла под влиянием аббатства Сен-Сернен в Тулузе. Несмотря на то что этот ансамбль относится к двум различным эпохам и стилям, он все же сохранил архитектурное единство, являя собой мощное сооружение, поражающее как смелым конструктивным решением, так и богатым убранством. Жаль,

что стены этого древнего аббатства не пощадило ни время, ни люди: вне всякого сомнения, оно было бы одним из самых красивых памятников средневековой архитектуры, жемчужиной Лангедока, которому все же не хватает святилищ, поражающих воображение.

В утешение нам остались древние руины, напоминающие о прошлом, дух которого по-прежнему живет в каждом камешке этого аббатства, в каждой его статуе. Але был в центре духовной христианской жизни этого края. Несмотря на то что «дела», связанные с аббатом Соньером и Буде, как кажется, делают упор на языческих началах, предшествующих христианству и запятнанных неудачным определением «ересь», не стоит забывать, что в верованиях и культах всегда есть преемственность. Попытаться понять Ренн-ле-Шато, не обращая взора к аббатству-епископству Але, значило бы уподобиться «слепцу, ищущему свои сокровища на дне океана»...

Глава III

ИСТОРИЯ ГРАФСТВА РАЗЕ

В учебниках по истории Франции графству Разе посвящено всего лишь несколько строк. Это легко объяснимо: графство входило в состав Окситании, не имевшей ничего общего с капетингским королевством вплоть до начала правления Людовика Святого. Капетинги (династия франкских королей, узурпировавшая власть Меровингов) всеми доступными средствами пытались лишить Окситанию ее культурной и духовной специфики. Стоит ли после этого удивляться, что многие учебники национальной (точнее, *националистской*) истории не обращают внимания на скромное, граничащее с Каталонией графство Разе, бывшее в большей степени испанской, нежели французской территорией. Не следует вносить поправки в историю: любое событие, оставившее в ней свой след, требует бережного к себе отношения. Разе появился на свет во времена вестготов и «варварских» германских вторжений на территорию Римской империи. Согласно учебникам истории, это было время Рах Романа, однако подлинные исторические документы свидетельствуют об ином: о смутной эпохе дворцовых переворотов и разрушительных войн, о царящем повсюду упадке, — в то время как официальная история в силу каких-то непонятных причин упорно хранит об этом молчание.

Однако Разе, а следовательно, и Ренн-ле-Шато зародилось задолго до того, как на его территории осели вестготы. Доказательством того, что этот край был заселен еще в эпоху палеолита, то есть в «пещерном веке», могут служить мегалитические

ансамбли — настоящие менгиры и остатки древних дольменов, а не тот вымышленный кромлех, которым наделил округу Ренн-ле-Бен аббат Буде. Известковые земли Разе, изобилующие трещинами и расселинами, стали местом мирного сосуществования древних племен, от которых не осталось каких-либо видимых следов. Отсутствие документальных свидетельств об этой эпохе, конечно же, сыграло свою злую шутку: некоторые авторы, составившие настоящие исторические штудии на тему «искушений аббата Соньера»¹, не удержались от искушения изобрести всевозможные «фольклорные» истории и о древних обитателях Разе. Подобные «исторические романы» вызывают лишь улыбку у специалистов: это сплошное утрирование, порой выходящее за грани разумного. Поэтому в нашем случае лучше всего обратиться к местным историкам, таким как Луи Федье или Рене Декадейя. Желая разоблачить миф о «проклятом золоте» Ренна, они проявили беспристрастность, предоставив читателю материалы этого сложного, умышленно запутанного и богатого мифами дела. Конечно, когда хочется проникнуть в тайну, нужно сгустить ее, дабы сбить со следа возможного соперника. Тактика эта использовалась во все времена, начиная с Фукидида, отказавшегося от мифологического нарратива Геродота (заключавшего в себе, однако, важнейшие сведения) в пользу истории, уважающей реальные события и факты.

Первая проблема, с которой столкнется исследователь, решивший разобраться в «деле Ренн-ле-Шато», касается названий Разе и Ренна, бывшего в древности «Redhae» или «Reddae» (безусловно, названия относятся к одному архаичному корню).

¹ Так, в книге Пьера Жарнака «История сокровища Ренн-ле-Шато» представлены убедительные документы о жизни и деятельности аббата Соньера; это серьезное исследование, посвященное местам, ставшим благодаря писателям «бульварных романов» рассадником эзотеризма. Но все же, да простит меня Пьер Жарнак, его рассказ о древнем Разе и его обитателях, кельтских племенах, лишь повторяет худшие из досужих вымыслов тех авторов, которых он справедливо разоблачает.

Главное в этом случае — не попасться на удочку некоторых современных авторов (я не стану называть их имен), которые утверждают, что «в этом топониме отражено имя языческого божества Реда, повелителя бурь и молний, чьи храмы были подземными». Как, откуда, в силу чего могла появиться такая гениальная интерпретация? Действительно, в округе Разе множество гротов. Действительно, наш знакомый аббат Буде, обожавший истолковывать французские слова на английский лад, в свое время предположил, что название местности произошло от английского корня. Почему бы и нет? Уж если в начале XIX века бретонский грамматист Ле Бриган, следуя за Ла Тур д'Овернем, без тени смеха утверждал, что «нижнебретонский диалект» был языком Адама и Евы... Но когда в конце XX века слышишь о том, что названия Разе, Ренн и Редэ произошли от имени бога молний (персонажа, абсолютно неизвестного кельтской мифологии!), чье имя — Ред — заключает в себе английский корень «red», то есть «красный»... От таких нелепых предположений впору и самому покраснеть — от стыда или от ярости, это уже кому как угодно.

Но если не мифический бог молний, то, быть может, в имени, данном графству Разе, виновата змея? «Змеиный культ», доставивший много радости всевозможным эзотеристам, стал еще одной гипотезой, объясняющей происхождение таких мегалитических сооружений, как Карнак или Стоунхендж. Что ж, действительно, почему бы не представить в центре огромных менгиров длинный, извилистый кортеж из священников и верующих? Зрелище, достойное голливудского кино. Вероятно, одно из таких «крупномасштабных представлений» стало причиной появления следующей теории: «Имя „Reddae“ принадлежит галльскому солярному божеству Азреда, что означает „змея“. Его прозвище образовано от слов „Her Red“, что можно перевести как „длинная скользкая змея“». В мифологических текстах чрезвычайно сложно найти упоминание об этом «боге-солнце-змее» — возможно, некоторое сходство еще можно уловить в хорошо известном галло-романском представлении

о всаднике, побеждающем монстра с человеческой головой и змеиным хвостом. Но отсутствие свидетельств, по-видимому, не очень-то смущает некоторых авторов — в другом исследовании пресловутая змея вновь «выползает на поверхность»: «Имя „Reddae“ происходит от „Aeg-Red“, то есть от „скользящего змея“ или даже мистической Вуивры». Что касается Вуивры, женщины-змеи, превратившейся впоследствии в пуатвинскую Мелюзину, не стану спорить: это кельтское имя. Но «aeg» — это обозначение змеи в *современном бретонском диалекте*. Как можно объяснять этимологию *древнего* слова, бытовавшего на юге Франции, при помощи бретонского диалекта, причем *современного*? О галльском языке, на котором, вероятно, говорили древние обитатели Разе, нам известно немного: он полностью исчез, оставив после себя всего лишь несколько галльских корней, найденных в надписях галло-романской эпохи и топонимах, а также в глоссах некоторых манускриптов и в греческих или латинских источниках. И все же, несмотря на столь малый объем информации, стоит попытаться сначала поискать ответ в древних корнях, прежде чем заявлять о «скользящем змее» или «боге молний». Но чего только не сделаешь ради красивой теории... Оказывается, когда наречие кельтов, обосновавшихся в Разе, «было хриплым (sic), они дали стране имя „Rhed“, „Rhid“ или „Rith“. В валлийском диалекте „Rheiddum“ означает копье, в то время как глагол „Rhuid-il“ можно истолковать как „метать, бросать с силой“». Честно говоря, я оказался в затруднительном положении, отыскивая эти два последних термина в словаре валлийского языка (а не *диалекта*)... Что же касается «Rhid» или «Rith», то это вполне могут быть производные формы от «Rhyd», что в валлийском языке означает «брод» (если только оно не произошло от корня «Rhydd», «свободный»). Гораздо больше шансов на успех было у формы «Rhed»: валлийское «rhedeg», как и бретонское «redék», означает «течь» или «быстро двигаться». Это значение, которым обладал реконструированный галльский корень «red-», закрепилось в названии Рейна и Роны, быстрых и многоводных рек.

Итак, корень «*red-*»... Именно он является верным ключом к этимологии имен Разе, Редэ или Ренн. Когда-то он лег в основу имени галльского племени *редонов*, обитавшего в землях современного департамента Иль и Вилен. Редоны — это «быстрые»: определение, прекрасно подходящее этому отважному народу. А поскольку достоверно известно, что галльское слово «*teda*» означало телегу, редонов можно считать и «теми, кто передвигается на быстрых повозках». Определение «быстрый» в этом случае играло роль субстантива, как, например, современное французское и английское слово «такси», произошедшее от греческого наречия «быстро». Разумеется, толкование Разе при помощи корня, означавшего повозку (*галл.* «*teda*» = *франц.* «*chariot*»), не оставило равнодушными любителей эзотерики и астрологии, в их понимании Разе тут же превратился в «*Pays du Chariot*», в земли под созвездием «Телеги», то есть Малой Медведицы. Такое толкование позволило им продолжить свой «эзотерический эпос»: Разе оказался неким центром, своего рода земным полюсом, как и Полярная звезда в созвездии Малой Медведицы... пожалуй, не стоит продолжать далее.

Как бы то ни было, названия Разе, Реда и Ренн произошли от этнонима «*Redones*» (редоны), в ходе эволюции французского языка превратившегося в «*Rennes*». Слово «Разе» появилось в результате окситанского фонетического изменения; аналогичный процесс произошел и в бретонском языке, поскольку современное бретонское «*Rennes*» (город в департаменте Иль и Вилен) — это «*Roazhon*», напоминающее форму «*Razès*». Формы «Реда» или «Редэ» являются всего лишь фонетическими вариантами, которые появились в эпохи, следовавшие за кельтской колонизацией: в стране, где в итоге вторжений не обошлось без языковой интерференции, появление различных вариантов одного и того же названия было закономерным процессом. В результате экспансии Рима территории древних галльских народов стали частью нового административного формирования с тенденцией к централизации. Так, обширные

территории стали называться «*civitates*», «городами», в то время как центр этой новой административной единицы довольно часто получал имя по названию народа, живущего в этих краях, взамен исходного имени, данного самим народом. Рен в департаменте Иль и Вилен получил свое имя от племени редонов, в то время как первоначальное его имя было «*Condates*» («слияние рек»). Позднее в имперской структуре «города» превратились в «диоцезы», поделенные на «провинции»; такое административное деление, как известно, использовала и Христианская церковь. Однако небольшие территории, в отличие от «*civitates*», стали называться «*pagi*», «землями», в то время как их обитатели, оставшиеся в стороне от романизации, а затем и от христианизации, превратились в «*pagani*», «язычников». Разе полностью подпадает под определение «*pagi*».

Однако Лангедок был населен вольками тектосагами... Тогда возникает закономерный вопрос: каким образом редоны, чьей зоной обитания была Арморика, оказались в древнем Разе? Территории этих племен, как, впрочем, и сами племена, отделяет значительное расстояние. Тем не менее это не исключение из правил, поскольку сами галльские народы пришли с другой стороны Рейна, из региона Гарца. В своем продвижении на запад один и тот же народ порой разделялся на две или более части — племенные группы, отделившиеся от основного потока переселенцев, оседали в различных местностях, но сохраняли за собой общий этноним. Нельзя забывать и о внутренних миграциях: гельветии, прошедшие через Галлию и достигшие берегов океана, — прекрасный тому пример. В то же самое время группа гельветиев (вивиски, оставившие о себе память в названии Веве на берегу Женевского озера) осела в Медоке, в результате чего произошла его ассимиляция с племенем, уже занимавшим эти места. Атребаты оказались одновременно в Па-де-Кале (Аррас) и Англии, оазисы жили как на западе армориканского полуострова (департамент Орн), так и в Эксме, а бойи поселились не только в Богемии, закрепив за

ней название своего племени, но и районе Аркашона, где их имя носит Тест-де-Буш. Что же касается габалов, живших в Севеннах, по имени их племени назван Гаводун (департамент Ло и Гаронна), находящийся в краю нитиоброгов. Маленькие племенные группы либо ассимилировали с местным населением, либо сохраняли свои племенные черты, но при этом находились в зависимом положении от хозяев. То же самое можно сказать и о редонах, обосновавшихся в западной части Корбьеров, в обширных владениях вольков тектосагов.

О том, как жила и чем жила в тот период область Разе, почти ничего не известно. Без сомнения, в те времена уже была построена крепость Кастейя, расположившаяся ниже Реннле-Шато: в ее задачи входило охранять плато и древний тракт, соединявший север и иберийский полуостров. Возможно даже, что этот отдаленный от центра высокогорный регион, богатый лесами и долинами, был местом друидических культов. Но поскольку до прихода в Галлию Цезаря кельты никогда не строили храмов и почти не имели привычки обрабатывать камни, сказать наверняка, были ли в этих местах друиды, довольно сложно. И все же отсутствие археологических находок еще не говорит о том, что кельты, а особенно их жрецы, не вели в этих местах активной деятельности. Прежде всего кельты прекрасно разбирались в металлах и способах их обработки: об этом свидетельствует множество рудников, оставленных ими в Разе, когда-то богатом драгоценными металлами. Они также использовали «лечебные воды», изобиловавшие в этом крае. Должно быть, редоны из древнего Редэ по мере своих талантов и возможностей внесли свой вклад в развитие конфедерации вольков тектосагов, наиболее могущественного народа древней Окситании. Однако далее легенды смешиваются: по одной из них, после похода в Грецию и Дельфы часть войска тектосагов, возглавляемая помощником Бренна, вернулась в Разе, в то время как оставшаяся часть кельтов основала в Малой Азии Галатское царство. Уцелевшие участники похода припрятали в округе сокровища, награбленные в Греции, в том

числе и знаменитое «проклятое золото» из Дельфийского святилища...

В 121 году до н. э. в «кельтском» Лангедоке появляются римляне. Имперские завоеватели, желая оставить за собой главенствующее положение в регионе Средиземноморья, следуют вдоль берега навстречу финикийцам Карфагена, оспаривающим это превосходство. В это же время, опустошая все на своем пути, в Галлию вторгаются племена кимвров и тевтонов, — народы бесспорно германские, но кельтизированные (тому свидетельством их родовые имена). Их продвижение в Галлию остановлено войсками римского полководца Гая Мария, сокрушившего тевтонов при Аквах Секстиевых (современный департамент Экс-ан-Прованс). Становится ясно, что для безопасности Римской империи южные земли Галлии должны быть оккупированы. Что впоследствии и происходит: римляне понемногу продвигаются от побережья в глубь страны, подавляя кое-где очаги сопротивления. Приглядывая за местным населением, не будучи в них уверенными, они разрабатывают (точнее, заставляют рабов разрабатывать) золотые или серебряные жилы, используя местные рудники, водившиеся на окситанском Юге в большом количестве. Таким образом, усилиями проконсула Домиция на свет появляется «*Provincia romana*», иными словами, «завоеванная территория»: именно таков смысл слова «провинция». Ее столицей становится Нарбон (Нарбон Марсов), вследствие чего, начиная с правления Августа, этой части «Галлии, одетой в тогу» присвоено имя «Галлия Нарбонская».

Римляне никогда не занимали страну полностью. Они довольствовались тем, что разбивали лагеря в стратегически важных местах и обустроивали существующие пути, делая из них настоящие дороги, позволявшие римской армии с их оружием и прочим снаряжением быстро перемещаться из одного места в другое. Их усилиями в Галлии появились школы, созданные ради того, чтобы уменьшить влияние местной элиты (по всей видимости, друидов, учение которых было запрещено) и при-

вить на новой почве как собственную идеологию, так и собственное вероучение, в основе которого лежит религиозный синкретизм. В это время на территории Галлии появляется множество храмов, называемых галльскими, — на самом деле римскими, поскольку кельтские божества в большинстве случаев были ассимилированы и помещены римлянами в свой несколько разношерстный пантеон богов. Но, «поделив на участки» территорию, римляне могли позволить себе отправиться дальше, продолжить колонизацию в других местах, чтобы Рим, одновременно «*civitas*» и «*urbs*», действительно стал центром мира.

Такая тактика прекрасно видна и в Разе. На его плато не встретишь следов деятельности римлян, не найти их и в Ренн-ле-Шато. Однако в легкоуязвимых местах, таких как долины с их торговыми путями, присутствие римлян более ощутимо. Так, очевидные следы римской культуры можно увидеть в Але и Ренн-ле-Бен; последний был хорошо известен завоевателям, ценившим его целебные источники. Итак, Разе был «землями» («*ragus*»), находившимися во власти римлян, но, несмотря на это, сохранявшими свою древнюю специфику и собственный образ жизни.

Разе выходит из тени лишь в конце владычества Римской империи, когда Галлия ощущает на себе первые удары вторжения сильных германских племен. Среди множества историков бытует мнение, что именно в это время на территории будущего графства появляется город Редэ, основанный вестготами. Восточногерманское племя вестготов (визиготов), действительно оставившее неизгладимый след в истории и культуре этого края, породило целый ряд вопросов и ничем не обоснованных гипотез. На самом деле Разе был не более вестготским, чем знаменитая «Септимания», семь окситанских стран, прославившихся в эпоху Меровингов. Тем не менее факт остается фактом: «крепость Редэ» либо основали, либо, на худой конец, обустроили и расширили вестготы.

Но где находилась эта пресловутая «крепость Редэ»? В Ренн-ле-Шато? В это хотелось бы верить, но факты, имеющиеся

в нашем распоряжении, не говорят на этот счет ничего определенного. Во-первых, изначально крепость Ренна находилась на месте Кастейи. Во-вторых, зная то, насколько невелика площадь, занимаемая Ренн-ле-Шато, сложно представить, что на его месте когда-то был город, насчитывавший тридцать тысяч жителей. Однако, несмотря на эти очевидные факты, древний Ренн в местных легендах обрастает невероятными достопримечательностями: вокруг него появляется внушительный пояс защитных укреплений, а в стенах города оказываются целых два замка, два храма (один — церковь Святого Пьера, второй — сеньориальная часовня Святого Жана), семь мясных лавок и около тридцати тысяч жителей. Если все это правда, то очевидно лишь одно: опасная и неприступная «крепость Редэ» находилась в *другом месте*. Ренн-ле-Шато был всего лишь дозорным постом, расположенным на пути из Каркасона в Иберию. Где же тогда искать эту грозную укрепленную столицу вестготов, о существовании которой документы заявляют столь же уверенно, как и о знаменитом Каркасоне?

Логичнее всего предположить, что она находилась в Лиму. Во-первых, его имя свидетельствует о древнем поселении, появившемся в кельтскую эпоху. Во-вторых, этот город расположен в глубине долины, в удобном месте, позволяющем расширять и укреплять городские границы. В-третьих, в Лиму без труда могло обитать тридцать тысяч жителей. Но все вышесказанное не отменяет того факта, что в Ренн-ле-Шато находилась сеньориальная резиденция. Подобная путаница в понятиях вызвана изменением значения слово «город»: сегодня оно означает определенный населенный пункт, но во времена Римской империи и в эпохи, следовавшие за ней, оно являлось обозначением *духовной, гражданской общности*, о чем заявлено в латинском термине «*civitates*». В античные времена никогда не смешивали понятия «*cit e*» (общность, фактически и по праву объединявшая людей одной этнической группы) и «*ville*» (точно локализованный населенный пункт). Именно «*ville*», эквивалентом которого выступает латинское «*urbs*»,

был «городом» в современном понимании этого слова, то есть местом проживания, жизнедеятельности и даже коллективной защиты. Плюс ко всему, «*cité*» и «*ville*» никогда не путали с «*citadelle*» (цитаделью, латинским эквивалентом которой было понятие «агх»): в средние века это слово обозначало укрепленный замок, располагавшийся как в самом городе, так и вне его стен.

В своей книге «Графство Разе и диоцез Але» Луи Федье всеми силами старается доказать, что крепостью Редэ был Ренн-ле-Шато — правда, его воображение сильно преобразует то, что существует в действительности. Так, он утверждает, что «защитные укрепления города опоясывали все плато», но при этом добавляет, что «в их стенах оставалось свободным огромное пространство». Во времена галлов такое положение дел не противоречило бы действительности, но в данном случае защитное укрепление вовсе не являлось городом: в нем лишь собирались на время, вели торговлю и укрывались в случае войны. «По примеру римских городов в вестготских поселениях часто выстраивали один или два города в стенах городских укреплений, одну или две крепости в стенах цитадели. Прекрасный образец такой постройки можно видеть в Каркасо-не». Далее Луи Федье утверждает, что Редэ был поделен на три части, до сих пор видимые в планировке деревни, в то время как «укрепления, окружавшие цитадель Редэ, еще не полностью исчезли». Учитывая то, что на всем плато располагались сторожевые посты, относящиеся к разным эпохам, обратное было бы удивительно. Но как поверить, что Ренн-ле-Шато, в 1709 году вмещавший в своих стенах всего лишь две сотни жителей, двенадцатью веками ранее насчитывал тридцать тысяч человек? Во времена вестготов население на территориях древней Галлии было малочисленным и рассеянным. Лишь большие городские средоточия, снабженные всем, что необходимо для нормальной жизнедеятельности, могли позволить себе вмещать столь много людей. Но засушливое плато Ренн-ле-Шато меньше всего подходило под эти условия: вряд ли это

довольно бедное по сравнению с другими регионами место могло удовлетворять нуждам большого числа населения. Города, расположенные на равнинах или в плодородных долинах, орошаемых водами источников, имели гораздо больше шансов в этом отношении. Безусловно, Редэ существовал. И поскольку население его было многочисленным (но не тридцать тысяч — это все же преувеличение), это мог быть только Лиму или, в крайнем случае, Але или Кийан.

Как бы то ни было, вестготы, обосновавшись в Разе, устроили в нем нечто вроде своего логова: они обустроили этот край так, словно решили оставить его про запас. Когда король Рекаред, отказавшись от арианства (вестготы были христианами, но исповедовали арианство), захотел реорганизовать епархии Септимании и предложил сделать Редэ резиденцией епископа, этому, разумеется, воспротивился епископ Каркасонский: до сего времени Редэ находился в его епархии, и подобное назначение могло нанести фатальный удар по его изобильным доходам. Словно по иронии судьбы, спустя некоторое время (в 680 году, при правлении короля Вамбы) епархия Каркасона досталась епископу, исповедовавшему арианство, и епископ-ортодокс, вынужденный бежать, укрылся не где-нибудь, а в Редэ, где он еще имел возможность исполнять свои обязанности главы диоцеза. К слову заметим, что распри между арианами и христианами-ортодоксами породили немало вопросов и предположений, а предположения, в свою очередь, быстро превратились в легенды. В это же время Раза захлестнула волна эмиграции спасающихся от преследований евреев, которым, вероятно, оказан хороший прием, особенно в Але, где об их пребывании свидетельствуют не только названия улиц старинного еврейского квартала, но и декор монастырской церкви. Присутствие евреев в этом регионе впоследствии отразилось в еще одной легенде, на этот раз о еврейском происхождении Меровингов, в частности «законного» родоначальника, оттесненного от престола каролинскими узурпаторами и укрытого в Раза!

Но неоспоримое присутствие вестготов в Ренн-ле-Шато имело и другие последствия для легендарной истории (или исторической легенды) этого края. Один из ее эпизодов посвящен тому, как войска Алариха, участвовавшие в разграблении Рима, доставили в Разе часть награбленных сокровищ; их поделили и спрятали в некоем тайном месте. Более того, среди них была часть сокровищ, привезенных императорами Титом и Веспасианом из Иерусалима — в свою очередь разграбленного римлянами. Что ж, круг замкнулся! Итак, в нескольких таинственных гротах Ренн-ле-Шато хранится *сокровище*, но это не обязательно драгоценности или золото: утаенными ценностями вполне могли быть некие *документы* величайшей важности, возможно, имевшие отношение к кончине еврейской независимости и «секты» христиан. Эта легенда, основанная на искаженных фактах, была подхвачена теми, кто еще при жизни аббата Соньера, но особенно с 1956 года извлекал выгоду из сенсационной темы «аббата-миллиардера». Аббат Соньер стал в их изложении человеком, входившим в оккультные круги своего времени, и хранителем «секрета», которым во что бы то ни стало хотел обладать Ватикан, жаждавший купить его у Соньера и спрятать в надежном месте подальше от глаз и ушей любопытной публики. Такова суть этого романа. Но, повторимся, нет дыма без огня. Поэтому легенды о вестготах, в частности то, что касается возможного существования в Разе сокровищ или документов, привезенных веками ранее из Иерусалима, не должны быть отброшены в сторону, даже если при первом же анализе гипотеза, выстроенная на их основе, кажется неправдоподобной. Что ж, темные провалы истории всегда пытались чем-либо заполнить.

Вестготское королевство представляло угрозу для франков в целом и для Хлодвига в частности. Поэтому, вероятно, новообращенный Хлодвиг (скорее всего, принявший христианство в силу политических соображений) неожиданно узрел корень всех бед в арианстве. Политика и религия идут рука об руку: XIII век еще докажет это своими альбигойскими войнами.

Крестовые походы, как известно, приносят не только вечное спасение, но и «презренные» материальные ценности тем, кто оказывается предприимчивее и циничнее других. Уничтожив всех тех, кто мог помешать его личным целям (кого хитростью, кого руками наемных убийц, не избежавших той же участи), Хлодвиг заключил союз с единственным могущественным орденом, занявшим место бывшей Римской империи, то есть с Церковью, и обрушился на вестготов. Он победил Алариха II в битве при Вуйе в 507 году. Франки, быстро продвигаясь к югу, достигли Пиренеев и установили в занятом регионе подобие протектората, на территории которого оказалась вся Окситания. Однако, как кажется, Разе остался в стороне от всех этих «нововведений» — очевидно, потому, что франки не считали этот край особо важным, — поэтому вестготы не сразу исчезли из Ренн-ле-Шато и его окрестностей.

Обособленность Разе «от внешнего мира» особенно хорошо заметна в эпоху меровингских королей: этот затерянный в горах край остается в стороне от непрекращающихся внутренних войн, развязанных потомками Хлодвига. Воистину отпрыски этой династии оказались достойными наследниками своего воинственного предка: это были непревзойденные эксперты по части всевозможных преступлений. И тем не менее этим «длинноволосым королям» поют осанну все учебники истории Франции, авторы которых, видимо, так и не смогли осилить хроники Григория Турского. Далее на смену «длинноволосым королям» пришли «ленивые короли», столь любимые нашими школьниками. К счастью, эту ветвь рода Меровингов учебники не превозносят, да и нелегко было бы восхвалять их нелепый обычай, предписывающий возить их во время сна в специально оборудованных повозках. Это были ничтожества, оказавшиеся в руках майордомов, не менее жестоких и еще более циничных, чем их предшественники. Речь, конечно, идет о семействе Пипина д'Эристаля. Это время можно считать отправной точкой для легенды о потомке Дагоберта II: у убитого по приказу Пипина д'Эристаля Дагоберта остался сын, которого

спрятали в Разе. Он-то и стал родоначальником той меровингской линии, отпрыски которой существуют и поныне. Легенда была сфабрикована при помощи поддельной генеалогии, обнаруженной в так называемых «Секретных досье», волшебным (и, разумеется, анонимным) образом оказавшихся на полке Национальной библиотеки Парижа. Но это вновь уводит нас в сторону мифа о «проклятом золоте Ренн-ле-Шато».

Эпоха Каролингов для Разе немногим отличалась от эпохи Меровингов: страна по-прежнему сохраняла «положение вне общества». Однако, в отличие от своих предшественников, Карл Великий не забывал об этом отдаленном регионе. Чтобы быть в курсе всего, что в нем происходит, он отправил в Разе епископа Орлеанского Теодульфа. Вернувшись из путешествия, епископ представил королю отчет, выполненный в виде поэмы: в нем, среди всего, что было им увидено, упомянуты «*cité*» (а не «*ville*») Каркасон и Редэ. Епископ признает эти «*cité*» практически равными друг другу; отсюда понятно, почему духовенство Разе так настойчиво просило о том, чтобы для Разе было создано епископство, независимое от епархии Каркасона.

У Карла Великого были причины присматривать за Разе. Септимании постоянно угрожали «сарацины», заполонившие земли по другую сторону Пиренеев. Вопреки общепринятому мнению, это, конечно, были не арабы: в том количестве, в каком они в то время существовали, арабы не могли за два века захватить почти все области Средиземноморья. Арабы-мусульмане, как известно, использовали метод «столкновения поездов». Начинали они с того, что завоевывали и обращали в ислам своих ближайших соседей, а затем поручали новообращенным народам продолжать начатое ими дело. Скорее всего, те «арабы», что были побеждены Карлом Мартеллом в Пуату, в большинстве своем были иберами, а также маврами, североафриканскими народами. Поэтому вернее будет предположить, что не арабы, но иберы и мавры порой проникали в Окситанию, что вынуждало короля и его приближенных отправлять

в Разе военные экспедиции. Так или иначе, эти события легли в основу литературно обработанного национального эпоса — «chansons de geste», восхваляющего Карла Великого, доброго защитника христиан (каким он действительно являлся). В «geste du roi» «седобородый император» вел бескомпромиссную войну с сарацинами, символизировавшими всех язычников (а не только арабов), мешавших христианизации Европы, которой занимался франкский король, поощряемый папой. Желая сделать из Раза своего рода цитадель, предохраняющую от возможных вторжений мусульман, Карл назначил на этот ответственный пост Гильома Желлонского, снабдив его в придачу графским титулом. Так родилось *графство* Раза.

Гильом Желлонский, умелый военачальник и убежденный христианин... Проведя большую часть своей жизни в битвах с сарацинами, он окончил свои дни в Желлонском монастыре, построенном по его инициативе. Эта обитель, признанная одним из красивейших образцов окситанских аббатств, выполненных в каролингском и романском стиле, в память о своем основателе была переименована в Сан-Гильемскую Пустынь. Гильом Желлонский умер в лучах славы и святости, после чего был канонизирован «voce populi».

По некоторым утверждениям, Гильом Желлонский был потомком Меровингов, той самой ветви, родоначальником которой стал сын Дагоберта II, спрятанный в Раза и ставший супругом дочери графа. Правда, чтобы принять это на веру, нужно постараться забыть, что первым графом Раза был сам Гильом Желлонский... К тому же, когда сына Дагоберта II привезли в Раза (если, конечно, ему удалось ускользнуть от расправы, учиненной каролингскими убийцами), ему было не больше трех лет. Как видно, кому-то во что бы то ни стало понадобилось «привить» к генеалогическому древу Гильома Желлонского чужеродный «побег»...

Однако жизненный путь графа Раза не нуждается в правке. Этот святой человек оставил след не только в истории, но и в легендах. В цикле героических песен «о гордом Гарене

Монгланском» он выступает под именем Гильом Оранжский, или «Гиллем Court Nez» («Гильом Короткий Нос» — что не совсем точно: на самом деле, он был *Curb Nez*, «крючконосый»). Гильом Оранжский — покровитель Людовика Благочестивого, беспощадный воин, истребляющий неверных. Надо заметить, что цикл жест «Гарен де Монглан», основанный на реальных исторических событиях, выстроен согласно древней мифологической схеме, в которой, вполне возможно, отразились черты социальной структуры индоевропейцев. Супруг сарацинки Орабль, в крещении ставшей Гибор, Гильом Оранжский действует в паре со своим племянником Вивьеном: этот «дуэт» напоминает другие пары, фигурирующие в легендарном эпосе, например: Карла Великого и Роланда, короля Артура и Гавейна, королей из кельтских легенд и их племянников. Примечательно то, что все эти племянники непременно были сыновьями сестер отца, в чем отразились, вероятно, древние представления о филиации по материнской линии.

Реальный человек и легендарный герой — воистину удивительная судьба! Но, помимо ратных подвигов, помимо спасения Южной Франции от сарацин, Гильом Желлонский оставил след в истории христианства: он оказал помощь своему другу, святому Бенедикту Анианскому, в составлении нового устава бенедиктинцев, тремя веками ранее написанного святым Бенедиктом Нурсийским. В него вошли элементы устава святого Колумбана, ирландца, участвовавшего в распространении христианства на континенте.

В 817 году Людовик Благочестивый, сын Карла Великого, при грандиозной стечении духовенства в Экс-ла-Шапель приказал всем монастырям королевства принять обновленный устав. Незадолго до этого события было основано бенедиктинское аббатство в Але, которому дали столь редкое в те времена имя: Нотр-Дам. В 813 году граф Разе Бера IV вручил ему дарственную хартию, которая, впрочем, может быть поставлена под сомнение, как и большинство монастырских хартий того времени. Дело в том, что документ содержит явный анахронизм:

в нем упоминается о том, что монастырь находится под непосредственным покровительством папы — чего не делалось до конца X века. Тем не менее аббатство начинает функционировать, а графы Разе заботятся о том, чтобы у него были средства к существованию. Спустя век аббатство Але оказалось в своего рода «союзе монастырей» под эгидой знаменитого аббатства Сен-Мишель-де-Кукса, расположенного у подножия Канигу. В 993 году во власти аббата Гарена были Сен-Мишель-де-Кукса, Сен-Пьер-де-Мас-Гренье, Сен-Илер, Пьер-де-Леза и Нотр-Дам-д'Але, но в 998 году, после его смерти, этот союз распался. В тот момент начал набирать силу другой орден, пожалуй, наиболее значимый среди тех, что бытовали во Франции до появления святого Бернара и цистерцианцев. Это был орден ключийцев, который в свою очередь внес вклад в следующую реформу бенедиктинских монастырей.

Гильом Желлонский передал графство Разе одному из своих сыновей. Вплоть до 870 года графством управляли его потомки, чередой правителей по имени Бера, до тех пор, пока Разе не перешло в руки графов Каркасонских. Надо заметить, что такой поворот событий впоследствии стал причиной длительных споров между графами Каркасона и Барселоны. Во время правления графов Каркасонских Разе был важным центром, в котором могли собираться сеньоры из всех близлежащих земель. Аббатство Але успешно развивалось; слух о том, что в нем хранится обломок Святого Креста, увеличивал как его престиж, так и приток паломников в Разе. В 1090 году в сфере влияния Нотр-Дам-д'Але оказалось аббатство Сен-Поликарп, а 16 июня 1096 года аббатство Але посетил папа Урбан II. Визит понтифика, навестившего Але наравне с Тулузой и Каркасоном, как нельзя лучше свидетельствует о его интересе к монастырю на берегах Од. Наконец, в 1067 году графиня Эрменгарда уступила (точнее, продала за тысячу унций золота) верховную власть над Каркасоном и Разе своему родственнику Раймону-Беранже, графу Барселонскому. Переход Разе в сферу влияния Каталонии отразился на частных уставах некоторых монастыр-

ских орденов. Отныне тамплиерский орден, обосновавшийся в Безю, более не зависел от французского монарха Филиппа Красивого, будучи во власти графа Барселонского; по этой причине ордену Безю удалось ускользнуть от репрессий со стороны короля.

Но далее в истории Разе начинается темный период. В Окситании пробил час катаров. Охватывая регион за регионом, катарская «ересь» получила многочисленную поддержку со стороны местной знати. На проблемы религиозного характера наслонились проблемы политические: окситанские правители прекрасно знали, чего добивалась от них Северная Франция, в частности капетингская монархия. Юг Окситании всегда считался страной ереси и протеста, словно это было особенностью его национального менталитета. Как бы то ни было, катаризм нашел в Окситании благодатную почву для расцвета.

Графство Разе в тот момент стало виконтством. В 1194 году оно находилось во власти Раймона Роже Транкавельского, виконта Каркасона и Безье, героя крестового похода против альбигойцев. Преданный Симоном де Монфором, виконт умер в тюремной камере Каркасона в 1209 году. Но знамя восстания подхватил его сын, чье воспитание было поручено графу Фуа, при дворе которого в изобилии водились еретики чуть ли не всех сортов, что ни для кого не было тайной. Объединяло всех их одно общее: глубокая ненависть к Франции и капетингскому королю.

Господствующей «ересью» в XII–XIII веках было катарское учение, но не стоит забывать, что в те времена существовали и другие «еретические» доктрины. Ни один период в истории не насчитывает столь огромного количества сект, диссидентских учений и странных культов, среди которых были и откровенно дьявольские ритуалы. Официально инквизиция была создана ради того, чтобы бороться (как словом, так и делом, точнее, огнем) с теми, кого в деревнях почтительно называли «добрыми людьми», а в церковных кругах — «дуалистами». Но, помимо этого, в ее задачи входило также противостоять

потоку различных «ересей», ворвавшихся в христианский мир Западной Европы. Нельзя сказать, что это было время веротерпимости — скорее всего, такого слова тогда еще не существовало... Любое возражение против официальной доктрины, любой диалог с иной религиозной традицией оказывался невозможным: слова Священного Писания и его официальные комментарии не вызывают сомнений у истинных верующих и не нуждаются в обсуждении — таков был вердикт Римско-католической церкви. К этому можно было бы еще добавить: «Вне Церкви никто не обретет спасения!», рефреном звучащее в ту темную эпоху. Однако сколько отклонений от официальной доктрины можно выявить в литературных памятниках и произведениях искусства того времени! И сколько странных еретиков гнило в тюрьмах и горело на кострах инквизиции... Непримируемая жестокость Церкви по отношению к «еретикам» вполне объяснима: ведь они ставили под сомнение главенствующую роль священников, что подрывало основы трехчленного общества «*oratores — bellatores — laboratores*» (служители церкви — воины — работники). К тому же, даже несмотря на то, что в некоторых бедных приходах духовенство легко могло скатиться до уровня нищеты, никогда более у Церкви не было столь богатых доходов. Принять доктрину катаров, утверждавших, что священники ни на что не годятся, значило добровольно отказаться от обильных запасов, поставляемых проведением культов и налогами. Страх перед подобными катарскими идеями, охвативший окситанское ортодоксальное духовенство в начале XIII века, заставил их принять позицию сеньоров Северной Франции: бороться и отдавать свою жизнь во имя истребления дьявольской доктрины — вернее сказать, во имя истребления тех, кто ее проповедует и поддерживает. Под удар Церкви попали как еретики, так и окситанские сеньоры, дерзнувшие поддерживать «этих безбожников». Так начался очередной крестовый поход, послуживший прекрасным прикрытием для истинных целей папства и капетингской монархии. Так, во имя Бога, который никогда

не ошибается (и во имя материальных интересов французского короля и его вассалов), была уничтожена катарская Окситания.

Невозможно обойти молчанием все зверства крестового похода против альбигойцев: поход во славу Господа, противоречивший самой доктрине христианского милосердия, привел к культурному и духовному геноциду страны. Невозможно умолчать о тех чудовищных способах удовлетворения человеческого эгоизма, на которые благословило участников похода папство. Невозможно забыть истребление Безье. Невозможно оправдать садистскую жестокость Симона де Монфора или любого из его подручных. Но равным образом невозможно переделать Историю.

Лишенный отца и законного наследства, молодой Транкавель, воспитанный при дворе графа Фуа под несмолкаемый антифранцузский и антипапский ропот, не мог остаться равнодушным к происходящему. Несмотря на свой юный возраст, он решил отомстить: отныне целью его жизни будет вернуть себе незаконно отнятое наследство, то есть графства Альби, Каркасон и виконтство Разе, столь дорогое его сердцу.

Молодой Транкавель — довольно любопытный персонаж в этой истории: не говоря о его авантюрном характере, скажем лишь, что он напоминает одного из тех, кто «ищет Грааль», это своего рода рыцарь, сражающийся с мельницами. Собственно, поэтому некоторые не колеблясь утверждали, что он был прообразом Персеваля, ставшего королем Грааля в немецкой версии Вольфрама фон Эшенбаха. Но увы, когда Персеваль впервые появился в эпосе о короле Артуре, Транкавель еще не родился: Кретьен де Труа, создатель «сына вдовы» Персеваля, взялся за перо в 1190 году. Однако почему не предположить обратное? Кто знает, быть может, молодой Транкавель, ознакомившись с произведением Кретьена де Труа, дополненным умелыми писателями конца XIII века, решил взять этого героя за образец, то есть отомстить убийце своего отца и стать королем идеального царства...

Но в то время как молодой Транкавель предавался мечтам, его официальный опекун Бертран де Сессак, находившийся в Каркасоне, безуспешно пытался спасти то, что еще можно было спасти: обстановка в Разе, особенно в Але, оставляла желать лучшего. Действительно, после смерти Понса Амьеля, бывшего настоятелем монастыря с 1167 по 1197 год, монахи Нотр-Дам д'Але избрали на его место Бернара де Сен-Ферреоля, который уже являлся настоятелем аббатства Сен-Поликарп. Бертран де Сессак поспешил в Але. Схватив новоиспеченного аббата, он велел эксгумировать тело Амьеля и вернуть его в аббатство, приказав монахам приниматься за новые выборы. Монахи, вставшие на его сторону или попросту испугавшиеся его, не осмелились перечить: они выбрали некоего Бозона, не замедлившего послать архиепископу Нарбона крупную денежную сумму, чтобы тот закрыл глаза на произошедший переворот и даже дал благословение. Скромный дар Бозона возымел действие. Но Бернар де Сен-Ферреоль, лишенный владения, не сдался: он направил жалобу высшему церковному начальству, желая возбудить процесс против незаконных и насильственных действий де Сессака. На самом деле Бертран де Сессак, покровитель «добрых людей», попросту не доверял Бернару де Сен-Ферреолю, считая его «ортодоксом» и рьяным сторонником папства.

Тяжба тянулась долго. Наконец, 21 июля 1222 года на соборе в Пюи-ан-Веле папский легат, кардинал Конрад, признал избрание Бозона недействительным и приказал монахам немедленно покинуть аббатство, которое должно было быть секуляризировано и передано в распоряжение архиепископа Нарбона. Но монахи, не поддержавшие переворот и Бозона, обратились к папе. В ответ на это Григорий IX назначил для рассмотрения ходатайства двух аббатов, и, в конце концов, монахам вернули их аббатство, после чего был спешно избран новый настоятель. Транкавель мог лишь наблюдать за тем, что происходило в аббатстве Але: у него не было возможности даже побывать в своих владениях. Аббатство так и не оправилось от пережитого им кризиса.

Однако Транкавель не бездействовал: решив исполнить то, что задумал (то есть отомстить за отца и вернуть отнятое наследство), он стал душой восстания файдитов, сеньоров, незаконно лишенных владений в силу того, что их признали еретиками. Во время жестокой расправы над катарами (1239–1240 гг.) Транкавель и его вассал Оливье де Терм, в чьих руках еще были Корбьеры, Термене, а также крепости Керибу и Пейрепертюз, совершили ряд походов, более напомилавших партизанские вылазки, чем военные действия. О Транкавеле заговорили как об освободителе страны, перед ним распахивались ворота крепостей и замков, однако виконт не удосужился закрепить столь очевидный успех — и напрасно: это дало возможность его противникам объединиться и действовать сообща. Помимо этого, Транкавель ожидал помощи со стороны Раймона VII Тулузского, бывшего на стороне еретиков, но граф Тулузский находился в то время в довольно затруднительном положении и не решался вмешиваться в ход событий. Однако промедление в делах такого рода подобно: положение молодого Транкавеля резко изменилось. После жестокого контрнаступления французов Оливье де Терм сдался королю Франции и, без сомнения, подкупленный Капетингами, предал Транкавеля. Увы, это поражение, и Транкавель, должно быть, покорился неизбежному: он сдался. Его домены перешли во владение французского монарха, поэтому Транкавель решил остаться в Арагоне. Возможно, в голове беспокойного виконта созрел темный замысел найти в Арагоне поддержку и денежные средства для возобновления борьбы.

Итак, в Разе вошли войска французского короля, усердно отлавливающие всех еретиков на своем пути. Бог знает, сколько их было в этих пустынных горах! Ведь в 1225 году в Разе появился настоящий катарский диоцез, отделенный от диоцеза Тулузы; он был доверен Бенуа де Терму, одному из родственников Оливье. Катары не признавали церковной иерархии в привычном для нас понимании: «дьякон» у катаров был тем

же Совершенным, достигшим наивысшего предела и имеющим право давать «*consolamentum*». Однако ради того, чтобы противостоять репрессиям, катарам пришлось организовать своего рода тайную «антицерковь» с духовной иерархией и главами, возведенными в сан епископов. Так был образован катарский диоцез Разе, а поскольку верующих было много, многим из них удалось избежать арестов и укрыться в труднодоступных местах этого края, где уже обитали тамплиеры, которые, как кажется, заключили союз с катарами.

Как известно, у тамплиеров были общины в районе Ренн-ле-Шато: одни находились в Кампань-сюр-Од и Лавальдьё и подчинялись Франции, но другие, более могущественные, обосновались в крепости Безю и зависели от Арагона. Судя по документам, которые, возможно, не заслуживают доверия, но проясняют положение дел, в 1209 году тамплиеры Безю заключили соглашение со знатной семьей д'Аниоров, владевшей практически всем регионом Ренн-ле-Шато. Это соглашение заключалось в фиктивной передаче тамплиерам имущества семьи д'Аниоров (подобная мера объяснялась тем, что земли семейства могли быть конфискованы королевской властью). Иными словами, тамплиеры решили помочь еретикам, вероятнее всего, катарам Разе. Веком ранее они уже проделывали этот маневр: один из документов подтверждает, что в 1142 году храмовники арендовали земли евреев Разе. В крестовом походе против альбигойцев тамплиеры, тем не менее, сыграли двойственную роль: они не принимали участия в этой войне. Собственно, поэтому иногда можно услышать мнение о том, что тамплиеры были светской властью катаров. Почему бы и нет? Во всяком случае, пример Разе это подтверждает.

Обосновавшись в регионе Ренна, в 1156 году тамплиеры избрали магистром ордена некоего Бертрана де Бланшфора. Вопреки тому что утверждают некоторые исследователи, поленившиеся обратиться к первоисточникам, Бертран де Бланшфор не имел никакого отношения к знатному семейству

Бланшфоров из Разе. Великий магистр Ордена храмовников был родом из известной семьи Гюеннов, на этот счет не может быть никакого сомнения. Но сомнение и недоумение вызывает другой факт: в это же самое время тамплиеры Безю вызвали в Разе колонию немецких рабочих-литейщиков для работы в местных рудниках. В окрестностях Разе было множество свинцовых, медных, серебряных и золотых шахт, правда, все они были не очень-то доходными: в свое время над ними потрудились римляне, вычерпав практически все их содержимое. Но что еще более удивительно, тамплиеры Безю упорно называли наемных рабочих *литейщиками*, а не *рудокопами*, как следовало бы ожидать. Но тогда... какую работу выполняли в округе Разе эти немцы? Зачем нужно было нанимать рабочих, не знавших ни слова по-французски или по-провансальски? Не для того ли, чтобы местным жителям, не владевшим немецким, было непонятно то, о чем могли бы рассказать им эти странные наемные «литейщики»? После таких историй становится понятно, почему вокруг Ренн-ле-Шато сплетено столько легенд о «спрятанном золоте», «тайных рудниках» и волшебном золоте, охраняемом дьяволом, не говоря уже о сокровищах Дельфов, Иерусалима, тамплиеров или катаров. Почему бы не внести в этот список и Святой Грааль?

Таинственные работы немцев, нанятых тамплиерами Безю, некий договор между тамплиерами и катарами возвращают нас к нескольким необъяснимым событиям, произошедшим во время альбигойского крестового похода. В настоящее время известно, что сделка между инквизиторами и последними защитниками Монсегюра, Пьером-Роже де Мирпуа и Раймоном де Перелла, проходила под поручительством Раймона д'Аниора, сеньора Ренн-ле-Шато и Ренн-ле-Бен. Равным образом известно то, что после бегства четырех Совершенных, спасавших знаменитое «сокровище» (каким бы оно ни было), за несколько дней до сдачи Монсегюра на горе Бидорта вспыхнул огонь, оповестивший осажденных о том, что операция прошла успешно: «сокровище» катаров переправлено в

безопасное место. Огонь был зажжен неким Эскотом де Белькаром, человеком Раймона д'Аниора. Отсюда можно предположить, что «клад» катаров был спрятан где-то в Разе, по крайней мере, на первое время.

Странная судьба была уготована сеньориальным семьям этого Раза... Все они так или иначе имели дело с теми, кого называли еретиками. В 1231 году французский монарх доверил Лиму и Разе сенешалю Пьеру де Вуазену, мелкому помещику из Иль-де-Франс и соратнику Симона де Монфора. Первым делом Пьер де Вуазен разрушил крепости этого края. Любопытно, что позднее внук сенешаля, Пьер II, старался восстановить их и даже перестроил замок Ренн-ле-Шато. К тому же после исчезновения катаров большая часть сеньоров, которой вернули ее имущество, поспешила укрепить то, что было разрушено, на случай очередных политических и религиозных проблем. Не говоря уже о том, что укрепленный замок был лучшим решением проблемы бытового характера: по округе бродили грабители и бандиты всевозможных сортов. Так, в 1362 году группа каталанских головорезов, навестивших Ренн-ле-Шато, превратила деревню в руины, попутно разграбив замок и церковь.

Но это произошло спустя век после того, как виконтство Раза перестало быть доменом Транкавеля... Преследуемый королем Северной Франции, покинутый своими сторонниками, понявшими, что виконт променял орла на кукушку, несчастный Транкавель, преданный соратником, решил отказаться от борьбы. В 1247 году он уступил свои права французскому королю Людовику IX. Дешево отделался, хотелось бы сказать. По утверждениям некоторых, Транкавеля в худшем случае могла бы ожидать участь отца — тюремное заключение. Людовика IX усмирила Бланка Кастильская, горячо защищавшая юного бунтаря и просившая о снисхождении, которое французский монарх, хотя и бывший добрым христианином, не слишком стремился проявлять к своим врагам. Странно, что за Транкавеля заступилась именно Бланка Кастильская, в свое

время сделавшая все, чтобы лишить его владений, что удалось ей как нельзя лучше. Что в таком случае могло быть «разменной монетой» в этом компромиссе? Возможно ли, что Транкавелю был известен некий секрет — или, по крайней мере, «код доступа» к секрету? Не стоит забывать, что имя Бланки Кастильской связано с источником в Ренн-ле-Бен. Но даже если его название произошло от легенды о хранильнице источника Белой Даме, все же не следует отрицать то, что подобные события, в которых Транкавель играл не последнюю роль, могли произойти на самом деле. Транкавель не был катаром. Что же он в таком случае искал? Что искали тамплиеры Безю? Что позднее велел искать в этих местах Кольбер? И что, наконец, нашел аббат Соньер в своей церкви — или в ином месте? Отвечая на эти вопросы, можно было бы написать не один роман, но ответы на них приходится искать в области, покрытой мраком.

В «деле о катарах» фигурирует еще один знатный род, который, как кажется, сильно себя скомпрометировал: это семейство д'Аниоров. Во время альбигойских войн 1209 года они, вероятно, находились на стороне «еретиков». Четыре брата д'Аниора (Жеро, Отон, Бертран и Раймон), к которым присоединились двое из их кузенов, яростно противостояли Симону де Монфору. Разумеется, их отлучили от Церкви и конфисковали их замки, однако спустя некоторое время им вернули часть владений, приняв «раскаявшихся грешников» в лоно Церкви. Замок д'Аниоров должны были разрушить, но в последний момент прибыл гонец Людовика IX с приказом об отмене операции. Позднее Раймон д'Аниор был даже принят Людовиком, выказавшим ему исключительное почтение, что, конечно же, удивительно, ведь Раймон был бунтарем и союзником еретиков. Каковы причины такой снисходительности, почему король неожиданно пошел на попятный? Желание простить виновного? Тогда... какова цена этого «прощения»? Как и Транкавель, Раймон д'Аниор должен был отдать (или поведать) что-либо взамен, ибо, как нам известно, в политике

оплачено все, даже если политик — особа канонизированная. Итак, что было известно Раймону д'Аниору, каким «секретом» владел он?

Тайна Разе окутывает не только семейство д'Аниоров, но и наследников Пьера де Вуазена, того самого сенешаля, который присматривал за транкавельским доменом. Как выяснилось, семейство Вуазенов было в прекрасных отношениях с тамплиерами: позднее, во время ареста тамплиеров, предпринятого Филиппом Красивым, один из членов этой семьи помог множеству храмовников перебраться в Испанию. Сам Филипп Красивый посетил Разе в 1283 году. В то время он еще не был королем. Пока что он лишь сопровождал своего отца Филиппа Смелого во время его путешествия в Лангедок. Сын Людовика Святого, Филипп Смелый остановился у Пьера II де Вуазена, сеньора Ренна, в чьем владении находился весь Разе. Причина этого визита проста. Готовясь к войне с Арагоном, Филипп Смелый решил принять некоторые меры предосторожности: он намеревался договориться о нейтралитете с местными сеньорами, теми, что были вассалами арагонского короля. Но после визита к Пьеру де Вуазену король неожиданно отправился к д'Аниорам, где его встретили как Раймон д'Аниор, так и его супруга Аэлиса де Бланшфор и юный брат Раймона Удо. Кажется, с этого момента между юным Удо и будущим королем завязались крепкие дружеские отношения, поскольку Филипп предложил Удо стать его соратником. Но Удо д'Аниор мечтал о другой карьере: он хотел стать тамплиером.

Что подтолкнуло Филиппа Смелого навестить это семейство? Д'Аниоры были отъявленными еретиками, всегда готовы оказать помощь братьям по вере: два дяди Раймона были убежденными катарами, а Аэлиса де Бланшфор приходилась дочерью сеньору-файдиту. Но кто может понять королей? Быть может, целью визита Филиппа Смелого было уладить одно деликатное дело — свадьбу? Действительно, через некоторое время вдовец Пьер III де Вуазен женился на Жордане д'Аниор, кузине Раймона. Таким образом, два знатных рода

графства Разе объединились — но с какой целью? Присматривать за д'Аниорами при помощи Вуазенов или реабилитировать их?

«Дело катаров» было закрыто — настал черед нового процесса: «дела тамплиеров». Подвергшиеся гонениям во всей Франции по воле Филиппа Красивого, тамплиеры предстали перед церковным судом; в конце концов, после странных признаний они были осуждены¹, и Орден тамплиеров, поглощенный Орденом госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, прекратил свое существование. Преследование тамплиеров подручными Филиппа Красивого и беззаветно преданного королю Ногаре не распространялось далее границ государства, поэтому храмовники нашли приют в других королевствах. Множеству французских тамплиеров, предупрежденных вовремя, удалось избежать ареста, в то время как другие (например, тамплиеры Безю) воспользовались своим особым статусом, который позволял им на некоторое время давать прибежище другим гонимым.

Итак, Окситания всегда была готова стать на защиту неортодоксальных доктрин, что требовало усиленного надзора за душами (точнее, разумом) ее подданных. Поэтому в 1317 году на совете короля Франции, которому французский папа был многим обязан, Иоанн XXII принял решение основать новый диоцез. Это во многом решало проблему: подобные меры легко могли обуздать слишком независимого архиепископа Нарбонского и епископа Тулузского. В Лиму, Сен-Понс-де-Томьере и Сен-Папуле учредили новые епископства. Однако в Пруиле произошла заминка: Иоанн XXII не предусмотрел, что монахини Пруиля, вот уже более века собиравшие налоги с церковных учреждений Лиму и его окрестностей, отнесутся к его проекту (ударявшему по их карману) со столь явным предубеждением. Их яростное заступничество за архиепископа Нарбонского возымело действие: папа отозвал буллу

¹ J. Marcale. Gisors et l'énigme des Templiers, Pygmalion, 1986.

об учреждении епископства в Лиму. Однако, так и не отказавшись от намерения снабдить Разе новым епископом, в 1318 году Иоанн XXII учредил епископство в Але. Так монастырская церковь Нотр-Дам-д'Але стала кафедральным собором. Некоторое время спустя епископом Але стал его последний настоятель, бенедиктинец Бартелеми.

Для старого аббатства, сохранившего в своем облике черты романского стиля, началась новая жизнь. Поскольку монастырская церковь была слишком мала для того, чтобы называться собором, ее расширили, добавив в восточной части готические хоры, которые можно увидеть и сегодня. Деревня Але, неожиданно ставшая резиденцией епископа, превратилась в настоящий маленький городок, окруженный крепостными стенами. У прихожан Але появилась новая церковь Сент-Андре, сохранившаяся до наших дней. Конечно, в жизни этого епископства, просуществовавшего вплоть до революции, бывали и трудные времена: религиозные войны нанесли его собору сильнейший ущерб. В XVI веке резиденция епископа, бывшая одновременно и аббатством, оказалась в руках знатного рода де Жуазе, что привело к ее секуляризации. В XVII веке епископ Этьен де Польверель решил создать новый кафедральный собор. Этот храм, возведенный на территории прежних монастырских построек и ориентированный по оси «север — юг», получил имя Сен-Бенуа в память о бенедиктинцах. Наконец, в 1637 году во главе диоцеза Але оказался молодой епископ Никола Павийон.

Это немаловажный персонаж в истории графства. Никола Павийон, его духовный наставник святой Винсент де Поль и аббат Жан Олье, основатель церкви и семинарии Сен-Сюльпис в Париже, были движущей силой знаменитого «Общества Святой Евхаристии», чья роль в «деле Ренн-ле-Шато» по-прежнему остается темной. Известно, что это братство каким-то образом было связано с суперинтендантом финансов Никола Фуке, в силу неизвестных причин осужденным Людовиком XIV, который упрятал своего подчиненного в темницу при загадочных

обстоятельствах. Никола Фуке обладал не только своего рода шизофренической мегаломанией, но и некими способами оказания давления, которыми он не смог воспользоваться, в результате чего они обернулись против него самого. Спустя некоторое время после его ареста Кольбер организовал поиск неких документов в Разе и даже занялся раскопками на его территории. Зачем? Наиболее правдоподобной кажется версия о том, что Кольбер задался целью найти на плато Ренн-ле-Шато золотые рудники, которые еще могли приносить прибыль. Однако в этом деле слишком много совпадений. На мой взгляд, эти тайные поиски имеют прямое отношение к «секрету, известному месье Фуке», говоря словами того времени. Все это, в совокупности с загадочным письмом брата Никола Фуке, в котором упоминается и автор «Аркадских пастухов» Никола Пуссен, может лишь сгустить туман тайны, окутавший Разе. Что бы там ни было, епископ Але Никола Павийон, как и другие члены братства, приложил все усилия к тому, чтобы помочь Фуке. Это заступничество, впрочем, лишило министра финансов простой и легкой смерти, как того желал король Франции.

Все эти события не мешали Павийону управлять своим диоцезом. Следуя советам святого Винсента де Поля, прекрасно осознававшего, насколько низок культурный уровень духовенства, а потому горячо желавшего его повысить, Никола Павийон основал в Але семинарию для обучения молодых священников. Во время своего правления он часто встречался с аббатом Олье, основателем семинарии Сен-Сюльпис. Нужно ли в таком случае удивляться тому обилию домыслов, порожденных неуловимой связью между церковью Ренн-ле-Шато и храмом Сен-Сюльпис? Однако то, что дело Никола Фуке вышло за пределы Разе, домыслом не является¹.

¹ См.: J. Marcale. La Bastille et l'énigme du Masque de Fer, Pygmalion, 1989. По моему мнению, Железной Маской или, по крайней мере, «одной из Железных Масок» был Никола Фуке.

Но времена меняются. В беспокойном Разе наступило своего рода затишье: окутанная солнечной дымкой, страна погрузилась в мирную дремоту, не обращая более внимания на те странные события, которые порой происходили в ее пределах. Ее аристократия уже мало напоминала тех воинственных сеньоров, что упорно отстаивали свои права и потакали «катарской ереси». Конечно, в округе было несколько знатных родов, заботившихся о процветании края, но их финансовое положение с каждым днем все более ухудшалось. Земли Раза, особенно ее известковые плато, понемногу приходили в упадок.

Правда, об одном из этих семейств стоит упомянуть отдельно. В 1422 году наследница Вуазенов и д'Аниоров Маркафава вышла замуж за Пьера-Раймона д'Отпуля, потомка одного из самых древних и знаменитых семейств Окситании. Основатели рода д'Отпулей называли себя «Королями Черной горы», что довольно ясно указывает на характер их поведения: уйти в подполье (точнее, забраться на гору), чтобы с высоты своей крепости снисходительно взирать на представителей законной власти, пытающихся навязать им свои законы. Во времена альбигойского крестового похода они были на стороне еретиков, за что их лишили замков и владений. Иными словами, д'Отпули были идеальным образцом сеньоров-файдитов, которыми столь богата страна катаров и ее окрестности. Именно д'Отпули впоследствии стали сеньорами Ренн-ле-Шато.

Итак, в 1732 году, спустя век после загадочных «раскопок Кольбера», Франсуа д'Отпуль женился на Мари де Негри д'Абль, чьими предками также было семейство д'Аниоров; насколько известно, в распоряжении маркизы находился архив этого рода. У Франсуа д'Отпуля и Мари де Негри д'Абль было трое детей. Старшая дочь Элизабет умерла в безбрачии в Ренн-ле-Бен, средняя дочь Мари вышла замуж за кузена д'Отпуля-Фелина, а младшая, Габриель, стала женой маркиза Флери, состоявшего в различных тайных обществах, в частности в Ордене розенкрейцеров.

После того как Элизабет д'Отпуль поссорилась со своими сестрами из-за несправедливого, на ее взгляд, раздела имущества, она отказалась передать им бумаги из семейного архива д'Отпулей. Свой отказ она объясняла тем, что наводить какие-либо справки по этим документам крайне опасно (интересно, почему?): «сначала их надо расшифровать и отделить те, что являются семейным достоянием, от тех, что не имеют к семейству д'Отпулей никакого отношения»¹. Что это могло означать? Д'Отпули, полноправные наследники д'Аниоров, хранили в своем архиве документы, *не имевшие отношения к семейным бумагам...* Более того, они не имели права распоряжаться этими бумагами по своему усмотрению... Скорее всего, мы никогда не узнаем, каково было содержание этих документов, но одно можно сказать точно: они могли быть компрометирующими. Но для кого, вот в чем вопрос.

В 1870 году история с бумагами из архива д'Отпулей повторилась. Нотариус, хранивший семейный архив д'Отпулей — д'Аниоров, отказался передать документы Пьеру д'Отпулю, наследнику этого знатного рода, под предлогом того, что он не имеет права отдать кому-либо столь важные документы, поскольку обратное может иметь тяжелые последствия. Что можно подумать об этой не поддающейся проверке истории? Кто знает, быть может, в тех документах были бумаги Бланки Кастильской, содержавшие сведения о генеалогическом древе, утверждавшем непрерывность меровингского рода. Те самые генеалогические сведения, которые Бланка Кастильская отдала взамен на капитуляцию знатных «сеньоров-еретиков» графства Разе — разве не этим объясняется ее пламенное заступничество за Транкавеля или снисходительное отношение к семейству д'Аниоров? Однако как можно утверждать подобное, если *этих документов никто никогда не видел*, поскольку нотариус так и не отдал их в распоряжение Пьера д'Отпуля? К тому

¹ *Жерар де Сед*. Проклятое сокровище Ренн-ле-Шато. М.: Крон-пресс, 1998, с. 113.

же в дальнейшем мы увидим, что тезис о непрерывности меровингской династии — чистейший вымысел, если не сказать мошенничество. Так или иначе, все эти недомолвки будоражат воображение многих: череда совпадений, все глубже затягивая исследователя в темный омут этой истории, приводит к *некоему открытию аббата Соньера*. Действительно, проводя реставрационные работы в своей церкви, аббат *это-то обнаружил*. В те времена (как и в нынешние) утверждали, что Соньер нашел «сокровище Бланки Кастильской». Но какого рода было это «сокровище»?

Однако в то время, когда Элизабет спорила со своими сестрами по поводу наследства родителей, был еще некто, знавший о существовании и, возможно, содержании таинственных документов. Это был аббат Бигу, кюре Ренн-ле-Шато, служивший в приходе вплоть до Великой французской революции. Будучи племянником священника Ренна, Антуан Бигу, получив духовный сан, в 1776 году сменил своего дядю, став штатным кюре Ренн-ле-Шато. По свидетельству Рене Декадея, этот человек был «любим и глубоко уважаем своими прихожанами». Обедневшая к тому времени маркиза Мари де Негри д'Абль коротала свои дни в замке Ренна вместе с дочерью Элизабет д'Отпуль. В 1781 году маркиза скончалась. Ее могила на маленьком кладбище позади церкви впоследствии стала предметом пристального изучения, поскольку надпись на ее могильной плите в силу непонятных причин уничтожил аббат Соньер. Зачем? Дело в том, что в эпитафии, начертанной на могильном камне, было множество ошибок, без сомнения, представляющих интерес для любителей криптограмм. Но, как заметил Рене Декадея в своих произведениях «Ренн и его последние сеньоры» и «Мифология Ренн-ле-Шато», в этих ошибках нет ничего экстраординарного: «В XVIII веке в удаленных от центра деревнях надписи на могилах были редкостью; в большинстве случаев тот, кто умел обращаться с резцом, не понимал того, что гравировал на камне, будучи неграмотным... О том, чтобы сделать новую надпись или, по крайней мере,

заменить плиту, не было и речи: такая работа стоила немалых денег, в то время как д'Отпули Ренна, насколько нам известно, были не столь уж и богаты». Тем не менее достоверно известно, что эта странная надгробная плита существовала (Соньер внес эту могилу в опись), но в 1906 году она исчезла стараниями Соньера. Зачем он ввязался в это дело?

После смерти Мари де Негри д'Абль аббат Бигу продолжал заниматься делами семьи. Его дядя-кюре был своего рода доверенным семейства д'Отпулей — почему бы племяннику не продолжить его дело? Именно на этом основании можно утверждать, что аббат Бигу знал о содержании документов этой странной семьи. Но началась революция, а с ней и неприятности: «29 ноября 1791 года декрет Учредительного собрания постановил лишить пенсионера, отстранить от должности или наказать двумя годами тюремного заключения всех священников, подозреваемых в бунте и отказавшихся дать присягу. Чуть ранее, 20 февраля 1791 года, аббат Бигу принял присягу, но он прекрасно подходил под определение непокорного священника, в силу чего, согласно закону от 26 августа 1792 года, аббата должны были депортировать. Поэтому в первые дни сентября 1792 года, следуя примеру большей части священников этого региона, аббат тайно пересек испанскую границу. Антуану Бигу было тогда 73 года. Вместе со многими священниками из своего диоцеза он поселился в Сабаделе, неподалеку от Барселоны, где он тихо ушел из жизни 21 марта 1794 года»¹.

Итак, аббат Антуан Бигу, по всей очевидности, знавший содержание документов, хранимых семейством д'Отпулей, умер в изгнании, унеся секрет за собой в могилу. Но так ли это на самом деле? «События, последовавшие век спустя, доказывают, что, перед тем уехать из Франции, аббат Бигу спрятал в церкви Ренн-ле-Шато драгоценные предметы религиозного культа, а также принадлежавшие ему старинные монеты, которые он не

¹ Pierre Jarnac. Histoire du trésor de Rennes-le-Château, p. 114–115.

мог взять с собой в изгнание»¹. Вне всякого сомнения, именно этот клад обнаружил Соньер, проводя работы в церкви. Но тогда остается нерешенной проблема манускриптов, найденных в полую опоре алтаря. Во всяком случае, учетные ведомости 1793 года свидетельствуют о том, что среди спрятанного аббатом Бигу нет ничего особо ценного. Результат этих описей разочаровал: продажа предметов культа почти ничего не принесла. Стоит отметить, что подобные находки в церквях не редкость для множества приходов; в наше время «сокровищницы» храмов могут гордиться всевозможными драгоценными предметами благодаря стойкой традиции церковных тайников.

После революции и имперских войн Разе вновь впал в спячку. Времена, когда богатство края зависело от его территории, закончились: наступила индустриальная эра. Разе не затронули бурные политические или экономические перемены, охватившие страну в XIX веке. О крае, оставшемся в стороне от новых центров жизнедеятельности, понемногу стали забывать. Плато в Корбьерах, покинутые обитателями долины, старинные города, чьи здания медленно разрушаются, так как у владельцев нет средств на их реставрацию, — все это мирно уснуло в дымке прошлого, окутавшей Разе.

Один политический режим сменяется другим, каждый раз угрожая существующему общественному порядку; общество то и дело впитывает в себя новые идеи, мгновенно искажаемые в ходе их распространения, а потому ничего в корне не меняющие. Разе становится одним из тех регионов, о которых более не говорят: в нем царят обветшалость и разруха, в то время как в обществе, которое не знает, что его ждет впереди, царит великое разобщение. В этом меняющемся мире всеми силами стараются выжить древнейшие знатные семейства, прекрасно понимая, что такое положение вещей не может длиться вечно... К их имуществу, замкам и владениям, уже присматри-

¹ Pierre Jarnac. *Op. cit.* p. 115.

ваются нувориши из простонародья, разбогатевшие во время продажи национального имущества.

Пожалуй, исключением из общего правила остается семейство д'Отпулей, наследников д'Аниоров, чьи имена еще напоминают о героическом прошлом Разе, о непокорных сеньорах-файдитах и бунтаре Транкавеле. Напомним, что Габриель д'Отпуль де Бланшфор вышла замуж за маркиза Поля Франсуа Винсента де Флери. Этот персонаж был образцом человека эпохи Просвещения; вне всякого сомнения, он входил в общества, называемые философическими. От этого союза на свет появилось множество детей. Один из них, Поль-Урбен де Флери, родившийся в 1778 году, не только уцелел во время «охоты на бывших», но и сумел разбогатеть в столь неподходящее для этого время. Он нашел способ выкупить то «национальное имущество», что ранее принадлежало его семье и семье его жены, в том числе и замок Ренн-ле-Шато, после чего женился на представительнице обедневшей знати, эмигрантке, прекрасно чувствующей себя в новом окружении. 7 августа 1836 года в возрасте пятидесяти восьми лет этот удачливый человек скончался. Его похоронили в Ренн-ле-Бен. Там и поныне можно увидеть две могилы Поля-Урбена де Флери, на одной из которых оставлена надпись: «Он жил, творя добро» — явный знак его принадлежности к розенкрейцеровскому ордену.

Один человек и две его могилы с заведомо ложными датами рождения и смерти — это уже слишком. В редком краю можно встретить что-либо подобное... До сего момента такой привилегией — иметь несколько гробниц — обладали разве что король Артур и чародей Мерлин! Уж не принадлежит ли к их числу и Поль-Урбен де Флери? Быть может, и его стоит отнести к когорте мифологических персонажей, в свое время возникших в Западной Европе — точнее, в общественном сознании Западной Европы? Хотелось бы в это верить... Но не стоит забывать, что во всех этих заброшенных уголках страны, где налицо непрерывная связь поколений, легенды становятся частью реальности и даже ее структурой. Если бы кто-нибудь

задался целью описать все аномалии, странности и анахронизмы, характеризующие множество затерянных уголков на карте мира, то его работа затянулась бы на долгое время. Тогда зачем интересоваться графством Разе, а именно Ренн-ле-Шато и Ренн-ле-Бен? Его история мало чем отличается от историй других затерянных и удаленных уголков страны. Никто не обратил бы внимания на этот край на краю мира.

Если бы не одно обстоятельство: в 1885 году кюре Ренн-ле-Шато стал уроженец Разе, аббат Беранже Соньер. Благодаря ему история графства Разе стала скандальной.

Часть вторая

**ЧЕЛОВЕК, СТАВШИЙ
ПРИЧИНОЙ СКАНДАЛА**

Глава I

«РОМАН ОБ АББАТЕ СОНЬЕРЕ»

Лето 1885 года. В застывших в знойном мареве Корбьерах, возвышающихся над долиной Од, жара ощутима, как нигде более в департаменте. В далеком Париже понемногу замедляет рабочую деятельность правительство Республики, в ожидании летнего отпуска члены правительства в спешном порядке расправляются с текущими делами. У министров одна лишь мысль в голове: скорее бы вернуться в родные края! Но увы, от летнего отдыха в родных пенатах придется отказаться: в октябре начнутся выборы, а повторное переизбрание, как известно, в большей степени зависит от усилий депутата, сумевшего или не сумевшего сагитировать избирателя. Так что ради удовлетворительного большинства голосов на выборах придется позабыть о летней жаре.

Да, жизнь прекрасна для слуг народа. Правда, согласимся, положи руку на сердце, — без повторного избрания она была бы еще прекраснее. Но будущее пока что неопределенно, и не только для томящихся в ожидании переизбрания министров: Римско-католической церкви тоже может не поздоровиться... Ох уж это духовенство! Мало того, что на основании Конкордата они взимают ежемесячный налог 75 франков золотом, так они еще позволяют себе критиковать родное правительство: воистину черная неблагодарность! Ах, если бы Наполеону Первому не пришла в голову злополучная идея заключить этот дурацкий пакт с папой, чертов Конкордат 1801 года! Тогда бы Церковь знала свое место. А из-за этого пакта, видите ли, нужно

поддерживать духовенство, восстанавливать церкви, ремонтировать дома священников, оказывать им еще тысячу услуг и любезностей... По крайней мере, в их присутствии. А в их отсутствии можно вновь приступить к решению важного вопроса, как и когда следует отделить Церковь от государства. Неплохо бы подумать и о том, как завладеть имуществом духовенства, что уже сделали многие законные монархи — правда, у кого-то это получилось лучше, у кого-то хуже...

Лето 1885 года... Горячее время для Франции: антиклерикальная пропаганда приобретает невиданный размах, находя поддержку среди населения. Не остается в стороне от политики и далекий южный департамент, славящийся своим неповиновением и готовностью погрузиться в очередную ересь: разве департамент Од не страна катаров? В таком «левом» округе антиклерикалы всегда найдут благосклонных слушателей.

В это же время епископ Каркасонский монсеньор Феликс Бийар, человек справедливый и добрый, но все же очень замкнутый, озабочен насущным вопросом: кого назначить на место кюре в Ренн-ле-Шато? Этот никудышный приход, который, несмотря на крайнюю бедность его обитателей и суровость климата, никак не может исчезнуть с лица земли, не приносит епископству никакого дохода. О жителях Ренн-ле-Шато не скажешь, что они примерные христиане, почитающие Церковь и закон Божий: в округе ходит молва, что кое-кто в этой заброшенной деревеньке исполняет колдовские обряды — впрочем, это не столь уж и редкая вещь для диоцеза Каркасона. Но деревня нуждается в духовном пастыре — и монсеньор Бийар решает послать в Ренн-ле-Шато священника тридцати трех лет, пока что исполненного самых радужных надежд насчет своего нового назначения. Новый кюре переведен из самого захудалого в Разе прихода: три года, проведенные в деревне Кла, успели познакомить его с понятием «черная меланхолия». Он хорошо знает уклад и привычки местных жителей, поскольку сам он уроженец этих мест, из Монтазеля. Его семья пользуется в деревне уважением и имеет кое-какой достаток, а младший брат

тоже стал священником — правда, его поведение беспокоит церковные власти. Поэтому... да, пожалуй, аббату Беранже Соньеру самое место в Ренн-ле-Шато: быть может, пребывание в этом высокогорном местечке уберезет его от дурного влияния брата, повседневную жизнь которого лучше обходить молчанием — она совершенно не вписывается в рамки духовного поведения.

Жарким июльским днем 1885 года аббат Беранже Соньер, полный радостных надежд, отправляется в Ренн-ле-Шато. Ему кажется, что когда-то он уже был здесь: деревушка, виднеющаяся на вершине холма, как две капли воды похожа на все деревни этого края. Ее дома, словно пытаясь подбодрить соседские строения, подпирают друг друга своими стенами, а древний ярко-красный цвет романских крыш давно уже превратился в коричневатый, вперемешку с сухим мхом. «Эта деревня, — пишет Луи Федье, свидетель той эпохи, — расположена на огромном пустом пространстве, занимающем почти две трети поверхности плато. Ни время, ни человек не смогли изменить этот каменистый массив в виде усеченного конуса, возвышающийся над всеми окрестными долинами».

Добравшись до вершины этого природного «конуса», Соньер чувствует себя необычайно гордым. Этот холм — настоящее орлиное гнездо! Как тут не почувствовать себя если не орлом, то смотрителем вселенной и правой рукой Господа? Разве не для этого он, священник, посвятил себя Богу и людям? Конечно, он знает о своих слабых сторонах. У него не все в порядке со здоровьем: вполне возможно, это результат сердечной недостаточности. Но он молод — что, впрочем, тоже может оказаться его слабой стороной: пока что взор молодого аббата устремлен не в сторону храма, а в сторону молодых женщин, которые проходят неподалеку от него. Да, женские чары не оставляют его равнодушным, и он прекрасно знает, что это не только тяга к прекрасному... Тело тоже своего требует. Вот и прямое тому доказательство: время обеда, если верить желудку! Кстати, где в этой деревушке можно закусить и выпить?

Но понемногу восторженность священника идет на убыль. Причиной тому первый визит в храм, где ему предстоит проводить службы. Вероятно, и церковь, и молодой аббат, наконец увидевший местное святилище, в тот момент представляли собой душераздирающее зрелище... Лучшего подарка от епископа, наверное, еще никто не получал: кровля храма в плачевном состоянии, витражи недосчитываются стекол, а свод, как кажется, вот-вот рухнет на головы прихожан. Внутри храма царит не меньшее запустение. Ошеломленный Беранже Соньер задается вопросом, не перепутал ли епископ приходы: такое повышение в чине более напоминает суровое наказание за неведомые грехи! Такая мера наказания не редкость в стенах Римско-католической церкви, умеющей карать не хуже, чем миловать. Но за какие грехи сюда сослан он, Беранже Соньер? Он верующий: своим поведением, своим неустанным служением Господу он доказывал это множество раз. Быть может, он расплачивается за грехи своего непутевого младшего брата? Такими вопросами мучает себя молодой аббат, плетясь к дому священника, предназначенному ему для жилья и работы. Боже правый, дом священника тоже намерен обвалиться! В ту минуту аббат готов поверить, что община Ренн-ле-Шато, обязанная следить за состоянием церковных зданий, поклоняется дьяволу, по всей видимости, антиклерикальному, который зовется «Республикой, покинувшей святую Церковь в ее печальной участи».

Вполне вероятно, что такое положение вещей пробудило в Беранже Соньере неосознанное стремление к монархизму. В его семье все было подчинено Традиции, а Традиция — это прежде всего Церковь. Что может защитить Церковь лучше, чем монархизм, единственный режим, поддерживающий союз Священства и Империи, способный гармонизировать отношения между Священным и Мирским? Придя в себя от увиденного в храме и доме священника, аббат Соньер решает, что он переменит такое положение вещей. Он борец. Несмотря на все его слабости, у него есть силы и ум. Он *хочет* перемен. Перед Богом и самим собой аббат клянется, что всеми силами он

будет содействовать процветанию доверенного ему прихода, он превратит его в самый лучший приход во всем диоцезе. Он чувствует, что способен на это. Немного времени и усилий — и он докажет этим крестьянам и епископу, что у него не рабская душа. Терпение, главное — терпение... В семье Соньеров никогда не мирились с поражением, ни одно несчастье еще не смогло сокрушить этот род, от кого бы оно ни исходило — от людей или от самого дьявола. Вероятно, приход, доставшийся ему в удел, — дело рук нечистого. Но, будьте уверены, у Беранже Соньера хватит сил, чтобы усмирить самого дьявола! Аббат победно усмехается, возможно представляя воочию, как всемогущий дьявол, установленный им на портике церкви, согнется пополам от тяжести кропильницы, которую Соньер водрузит на него. Чем не лучшая ноша для черта, который, как известно, ненавидит святую воду, причиняющую ему жесточайшие муки? Дьявол провоцирует его? Прекрасно! — пускай поскорее появляется, уж он-то, Соньер, заставит его встать на колени. Разве мир не полон историй о том, как святые заставляли дьявола строить здания, мосты и даже соборы¹, ничего не отдавая взамен, поскольку дьявол бессилен против тех, у кого чистое сердце? Итак, Беранже Соньер принял решение. Ему дали бесплодную скалу? Что ж, он удержится на ее вершине. И сделает из нее рай. Вот только... где взять для этого средства?

Первое, что следует делать, оказавшись на новом месте, — оформиться в установленном законом порядке. Мэр регистрирует аббата (что стоит денег), который за столь короткое время успевает надоесть деревенскому главе своими стенаниями о плачевном состоянии церкви и дома священника. Мэр разводит руками: община не богата, лишних средств на починку и

¹ В Трегье (Кот-дю-Нор) местная легенда рассказывает о соглашении святого Тугдуаля и дьявола. Дьявол должен был построить великолепный собор за одну ночь при условии, что ему достанутся души тех, кто умер между обедней и вечерней. Но святой Тугдуаль обхитрил дьявола: закончив обедню, он тут же перешел к вечерней. Вариантов этой темы множество.

обустройство храма пока нет, и, конечно, он обязательно подумает, как спасти положение, а пока что новому кюре лучше всего расположиться у какого-нибудь жителя прихода. Так Соньер за небольшую сумму денег снимает жилье у прихожанки. Попутно он берет в долг у бакалейщика, поскольку он еще не получил жалованья, а сбережения его невелики¹.

Труды и дни лета 1885 года... Молодой аббат принимается за неотложные дела: церковь как можно скорее нужно освободить от накопившегося в ней мусора и обломков. По просьбе священника прихожане наводят в ней порядок, в результате чего храм наконец приобретает благопристойный вид. В один из таких спокойных летних дней аббата навещает его собрат из ближайшего прихода: аббат Буде, кюре Ренн-ле-Бен. Респектабельный аббат Буде самоуверен и даже слегка самовлюблен; у него вид человека, располагающего некоей конфиденциальной информацией. Туманные намеки, на которые щедр кюре Ренн-ле-Бен, дают Соньеру понять, что нечто из этих тайных сведений предназначено только для аббата Буде, но он поделится ими с Соньером — при условии, что новичок-кюре будет сотрудничать с ним.

На какое сотрудничество намекает аббат?.. Буде, человек себе на уме, остерегается говорить что-либо определенное, довольствуясь сугубо деловыми советами, которыми он снабжает своего молодого коллегу. На Соньера его старший товарищ производит сильное впечатление: кюре Ренн-ле-Бен, как известно, ученый, его статьи публикуют в журналах, он даже издал несколько книг... И кроме того, он поддерживает отношения с влиятельными людьми, которым, к слову сказать, ничто не стоит выделить средства на реставрацию церкви Святой Магдалины в Ренн-ле-Шато. Соньер погружается в мечтания. Неужели скромный аббат Ренн-ле-Бен действительно столь влиятельный человек в обществе? В таком случае стоит повни-

¹ Хочу напомнить, что это *роман* об аббате Соньере, каким он был написан с 1956 года. Разумеется, в действительности все было иначе.

мательнее прислушаться к тому, что говорит ему старший коллега, а главное — *попытаться понять то, что скрыто в довольно туманных намеках аббата*. Итак, вот оно, «первое искушение аббата Соньера». И далеко не последнее.

Аббат Буде приглашает молодого кюре навесить его скромное жилище в Ренн-ле-Бен. В те времена в округе Разе было лишь три способа передвижения: двуколка, спина лошади или мула и собственные ноги. Между тем Ренн-ле-Шато и Ренн-ле-Бен отделяет приличное расстояние. У аббата Буде есть удобная двуколка, но аббат Соньер такой роскошью не обладает. Несмотря на это, ему все же удается, воспользовавшись услугами местного крестьянина, спуститься в долину. Очутившись в доме кюре Ренн-ле-Бен, Соньер поражен: обитель аббата Буде разительно отличается от его обнищалого жилища! Удобная и красивая мебель, картины, письменный стол, заваленный книгами (аббат Буде, как известно, выдающийся ученый), — и восхитительный ужин, ничем не уступающий трапезе, подаваемой на стол во время больших приемов. Пускай служанка аббата Буде не миловидна (разумеется, ведь канонический возраст оставлен ею далеко позади), но зато ее кулинарные способности превыше всяческих похвал. Однако все это наводит на размышления: как аббат Буде, в чьем приходе всего лишь 447 человек (среди которых наверняка есть и неверующие), ухитряется жить в таком достатке? Где этот неизвестный источник доходов, позволивший аббату иметь столько книг и дорогих вещей? Может быть, аббата Буде «спонсирует» какое-нибудь богатое семейство? Нет, не похоже на то. Но тогда откуда вся эта роскошь, которую Буде с легким цинизмом демонстрирует собрату? В конце концов, и аббат Буде, и он сам всего лишь скромные священники бедных приходов... Вопрос о том, каким способом его коллега добыл такое богатство, светится в глазах молодого священника.

Но коллега хранит молчание, тем самым лишь разжигая любопытство Соньера — и другое, более опасное чувство: зависть. Вот если бы принимать своих посетителей с таким же

размахом, как Буде, неожиданно мелькает мысль у Соньера. Молодой священник вдруг чувствует себя бедным родственником, которому оказан любезный, но довольно снисходительный прием. Итак, Соньер горделив, это еще одна из его слабостей. Что ж, в один прекрасный день он оплатит аббату Буде тем же приемом... Такие страсти бушуют в душе нищего деревенского кюре, в то время как радушный хозяин нарочито неторопливо показывает ему свои сокровища. Кого-то этот аббат Буде ему напоминает... Уж не Вотрена ли из «Отца Горио» Бальзака? Когда-то, еще в семинарии, Соньер прочел это произведение — разумеется, тайком, поскольку Оноре Бальзак, этот совратитель молодых душ, включен в список книг, запрещенных Католической церковью. В высших церковных кругах, вероятно, позабыли, что Бальзак, достойный ученик ораторианцев, описал в «Луи Ламбере» душу молодого человека, охваченную демонами мистицизма, если не сказать спиритуализма... Но литературные аналогии недолго владеют мыслями Беранже Соньера: в конце концов, в Бальзаке его привлекали вовсе не метания души, а соблазнительный образ прекрасной еврейки Эстер Гобсек. Он вновь прислушивается к тому, что говорит ему Буде, который вперемешку с рассказом о своих сокровищах повествует об особенностях этого края, об этих удивительных скалах, о гротах, хранящих в себе множество секретов... или сокровищ... Рассказ хозяина заканчивается неожиданно: аббат внезапно сообщает, что Соньер выбран некими людьми для миссии, которую ему решили доверить. Соньер удивлен. Каким образом он, бедный деревенский кюре, может служить сильным мира сего? Буде успокаивает коллегу: у каждого в этом мире свое предназначение, и чаще всего великая роль отведена в нем самым скромным людям. Ибо сказано в Евангелии: есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними...

Беранже Соньеру не по себе. Куда он попал, что с ним происходит? Голова идет кругом... Пожалуй, прислуга переусердствовала: не стоило столь часто наполнять его бокал этим

превосходным арманьяком... Поскорее бы очутиться дома, на своем плато, подальше от всех этих соблазнов, которыми завлекает его аббат Буде. Кто на самом деле его лукавый собеседник? Ходит молва, что порой он по нескольку дней не выходит из рабочего кабинета: запершись от всех, аббат что-то ищет в старых колдовских книгах. А порой его видят в деревне с картой в руках: Бог знает, что он хочет найти благодаря этой карте! Хотя нет, Бог не знает, а вот черт — вполне возможно. И все же это безупречный кюре: все прихожане ходят на его проповеди, даже не заглядывая перед этим в ближайшее бистро, чтобы пропустить стаканчик-другой. Но тогда почему этот безукоризненный кюре так усердно настаивает на какой-то миссии, которую должен выполнить Соньер? Все эти мысли неотступно преследуют молодого аббата, пока он добирается до Ренн-ле-Шато. Но вот он снова в родной деревне: вернув двуколку прихожанину, который терпеливо ждет его возвращения, Соньер, утомленный визитом и дальней дорогой, засыпает сном праведника. Но Дьявол не дремлет.

Проходит лето. Близятся долгожданные выборы в два тура, намеченные на 4 и 18 октября 1885 года. Но утром 18 октября, перед открытием участка для голосования, происходит неожиданная вещь: аббат Беранже Соньер обращается к пастве в церкви Святой Магдалины Ренн-ле-Шато. Разумеется, удивителен не факт обычной утренней мессы, а то, что во время ее провозглашается: оказывается, аббат несказанно счастлив, что выборы в первом туре дали значительный перевес партии монархистов. Однако до полной победы еще далеко: ради нее прихожанки (вероятно, только они и присутствуют на мессе) должны помочь своим мужьям «сделать правильный выбор», то есть просветить плохо осведомленный мужской электорат и убедить их отдать голоса защитникам религии. Аббат даже умудряется произнести речь, которую старательно передали: «Республиканцы — вот тот дьявол, которого нужно победить, он должен пасть на колени, поверженный истинно верующими и крещеными. Да пребудет с нами победоносное крестное знамение!»

Должно быть, в тот момент перед глазами Соньера вновь предстал согбенный дьявол на портике, которым он украсил бы церковь Ренн-ле-Шато, только на этот раз пылкое воображение священника добавило к нему надпись: «Сим знамением его победишь». Какая муха укусила аббата?.. Или виной тому превосходное вино, которым потчевал его аббат Буде? Хотя порой привычные законы логики в Разе перестают действовать и без помощи этого горячительного напитка. Так или иначе, своей несвоевременной проповедью аббат Соньер умудрился «плюнуть в колодец» прилюдно, в ответ на ежемесячную зарплату, которую выплачивала ему французская Республика.

Проповедь аббата Соньера (на самом деле это была политическая речь, которую он не имел права произносить) никоим образом не отвечала понятию о «сдержанности», которую обязано проявлять в таких случаях любое «должностное лицо». Его озлобление, вызванное действиями республиканцев, планировавших акцию против клерикализма, может сравниться лишь с необдуманностью его поступка. Он рьяно отстаивает права консервативной (если не сказать реакционной) партии, в то время как окситанский Юг, в частности департамент Од, намерен стать «красным» (что в наше время, конечно, назвали бы «бледно-розовым»). Почти повсюду победу празднуют радикалы, что, разумеется, мгновенно отражается на судьбе священника-реакционера, получающего жалованье из государственного бюджета: Соньер обвинен в том, что он призывал к беспорядкам и оказывал давление на избирателей. Увы, закон и устав не на стороне кюре: его вина доказана, и префект департамента Од решает временно отстранить аббата от занимаемой им должности (такая мера наказания утверждена министром вероисповеданий). Несчастный Соньер! Позднее он будет отстранен от должности («*suspens a divinis*») своим же собственным епископом, но пока что это делает его собственный префект.

Аббат попадает в нелегкое положение: вместе с должностью он лишается и зарплаты. Понимая, что у священника более нет никаких средств к существованию, монсеньор Бийар попыта-

ется уладить эту неприятность: он назначает аббата преподавателем маленькой семинарии в Нарбоне. Но при этом из своих же собственных денег епископ дает Соньеру две сотни франков, сумму по тем временам значительную. Неужели Беранже Соньер действительно стал протеже монсеньора?

Итак, это кульминационная точка романа о Соньере. Все его различные варианты как один утверждают: безусловно, Соньер был пешкой в руках монсеньора Бийара, епископа Каркасонского и выдающегося деятеля таинственной секты. Ее целью было найти спрятанные в Ренн-ле-Шато сокровища и документы, чтобы тем самым поспособствовать восстановлению французской монархии, во главе которой окажется законный наследник меровингской династии. На престоле должен оказаться монарх именно этой королевской линии, поскольку род Меровингов восходит к царю Давиду, а также к Иисусу и Марии Магдалине¹. Для осуществления этой наисложнейшей миссии был выбран уроженец этих мест, несчастный Соньер. Разумеется, монсеньор Бийар не мог оставить аббата в нужде, поскольку хотел привлечь его на свою сторону; ту же цель преследовали и туманные речи аббата Буда, входящего в ту же секту.

Но, как известно, ссоры между различными партиями не длятся долго: период обоюдного устрашения в конце концов заканчивается компромиссом. В июле 1886 года префект департамента, признав, что меры, примененные к служителю церкви, довольно жестоки, отменяет наказание и возвращает аббату его прежние административные обязанности и ежемесячное пособие. Итак, аббат может с триумфом возвратиться в Ренн-ле-Шато.

«С триумфом» — это сильно сказано. Местные кумушки, привыкнув к его проповедям, вновь собираются в стенах храма, но их мужья, отдавшие свой голос радикалам, в церкви отсутствуют. Соньер для них — третий лишний, враг демократии, которому следует идти в ногу со всеми, если он не желает

¹ Еще раз повторяю: это *роман*, а не исторические факты.

иметь проблем с префектурой и епископством. За столь короткое время отсутствия священника в Ренн-ле-Шато буйным цветом расцвел антиклерикализм (что, впрочем, неудивительно: его семена были посеяны еще в далекое время катаров). Отныне за кюре решено присматривать, соглашаясь с ним лишь в тех случаях, если предлагаемое аббатом дело никому не приносит ущерба. Такой будет политика муниципальных властей на протяжении всей службы Соньера.

Однако из Нарбона Соньер возвращается не с пустыми руками. В его распоряжении оказывается огромная сумма — 3000 франков золотом, милостиво предоставленных ему графиней Шамбор, вдовой графа Шамбора. Ее покойный супруг был законным претендентом на французский престол; не получив желаемого, он удалился в Австрию и умер в изгнании. Вполне возможно, Соньер вспоминает странные слова аббата Буде, ведь в его руках прямое доказательство того, что некоторые высокопоставленные персоны ждут от него какого-то действия. Любопытно то, что, согласно имеющимся документам, полная стоимость неотложного ремонта, произведенного в храме Ренн-ле-Шато, составляет 2797 франков. Совпадение? Вряд ли. Используемый аббатом Буде с явного благословения епископа Бийара аббат Соньер должен выполнить некую миссию, сути которой он пока что не понимает. В голове его вертится фраза, оброненная Буде в тот самый вечер, когда он был одурманен атмосферой, царившей в обители этого интеллектуала, и вкусом его превосходного арманьяка: «Вдобавок вы будете обладать богатством — если, конечно, сумеете его принять». На такие слова поначалу не обращаешь внимания, но когда в руках оказываются 3000 франков, эти слова приходят на ум снова и снова. В таком случае не потратить ли неожиданное богатство на нужды храма? Что Соньер и делает, помня о своем обещании превратить Ренн-ле-Шато в самый лучший приход диоцеза.

Теперь у Соньера развязаны руки. По закону, если церковные и муниципальные власти не в состоянии обслуживать при-

ход, то этим должны заниматься сами прихожане. Однако община Ренна слишком бедна, чтобы произвести подобную работу за свой счет, в то время как в распоряжении церковного совета находится лишь незначительная сумма денег, оставленная прежним кюре. Благодаря дару графини Шамбор аббат берет почти все расходы на себя: в первую очередь он намерен заменить витражи, которых попросту нет, починить полуразвалившуюся кафедру и восстановить алтарь, угрожающий обвалиться. Наняв ремесленников, он обговаривает с ними условия и цену предстоящих работ.

Однако в этот момент ему наносит визит молодая девушка, пришедшая по поручению аббата Буде. По ее словам, кюре Ренн-ле-Бен велел ей помогать аббату по хозяйству, чтобы тот отныне спокойно занимался своей работой. Эта девушка, работающая в шляпной мастерской, — Мари Денарно¹. Соньер, к тому времени залатавший брешь в доме священника, перебравшись в него, принимает Мари на службу. Но присутствие в доме милой молодой девушки причиняет ему вполне понятные беспокойства и мучения, поэтому нет ничего удивительного в том, что через несколько дней скромная служанка Мари Денарно становится любовницей живого и неутомимого кюре. Преданная аббату всем сердцем, Мари посвятит ему всю свою жизнь, несмотря на то что ее спутник воплощением верности отнюдь не является. Поскольку у Беранже Соньера, как выражаются в этих краях, «горячая кровь», Мари Денарно вовсе не первая в его греховном списке...² К тому же у Соньера есть если не прямой образец для подражания, то, по крайней мере, своего рода стимул: его собственный брат-иезуит, исключенный

¹ Эпизод полностью вымышлен. К великому сожалению сочинитель романа, аббат Буде не имел никакого отношения к появлению в жизни Соньера Мари Денарно; более того, связь между Соньером и Денарно возможна, но не доказана.

² Члены духовенства, живущие среди мирян, то есть священники приходов, давали обет безбрачия, но не обет целомудрия, который давало черное духовенство.

из ордена; всем известно, что Альфред Соньер сожительствует с Мари-Эмили Сальер. И в конце концов, разве пылкая страсть скромного деревенского кюре к юной служанке не может вызывать сочувствие, какое обычно вызывают прелестные любовные истории? Конечно, Мари Денарно далека от канонического возраста, предусмотренного церковными правилами, но кого это беспокоит в Ренн-ле-Шато? Кюре, как говорится, «из той же плоти и крови, что и другие!».

Так Соньер обзавелся домашним хозяйством. Конечно, в таком «домашнем хозяйстве» (с милым личиком Мари Денарно) можно легко учуять запах серы, но поскольку запах этот, как кажется, никому в деревне не мешает, почему бы не оставить все как есть? К тому же аббат Буде, с которым Соньер встречается все чаще, по-видимому, очень доволен этим «семейным союзом», получившимся из Беранже Соньера и Мари Денарно. Тогда... быть может, Мари Денарно — всего лишь пешка в игре, в которую втянули кюре Ренн-ле-Шато? Но при этом очень важная пешка: как известно, в шпионских романах наибольшего успеха всегда добивались всевозможные шпионки и секретные агенты женского пола! Вне всякого сомнения, если Мари Денарно и стала любовницей аббата Соньера, то «по высшему распоряжению»: конечно, ее использовали, бедную простушку... Тем не менее ущерб, причиненный бедняжке, впоследствии будет возмещен, так как Соньер оставит ей все свое имущество¹.

¹ После смерти Соньера выяснилось, что он ничем не владел — все было записано на имя Мари Денарно, что и послужило поводом к рождению абсурдного по сути мифа: Соньер завещал все свое имущество любимой и верной служанке. В действительности все было гораздо прозаичнее: после наложения ареста на имущество духовенства, следовавшего за отделением Церкви от Государства, ни одно духовное лицо не было заинтересовано в том, чтобы владеть имуществом от своего имени. Многие использовали подставных лиц или создавали организации «Закон 1901 года». Такая практика используется и в наши дни: если бы государство решило наложить арест на имущество духовенства, результат был бы нулевой, поскольку официально духовенство ничем не владеет (кроме заработной платы и личного домашнего имущества).

«Неожиданная» любовь не мешает Соньеру преследовать свои цели. Закончив переговоры с муниципалитетом, владеющим церковными постройками, он приступает к первому этапу работ. Впрочем, члены муниципального совета находят целесообразным обновление храма Ренн-ле-Шато и потому решают принять в нем участие: в распоряжении кюре оказывается скромная дотация из кармана деревенских властей. Поначалу холодные отношения между мэром и кюре становятся все более дружескими: мэр старается доставить удовольствие аббату, который в свою очередь стремится быть любезным в общении с главой деревни. Замечание немаловажное, поскольку Соньер не отказывается от своих реакционных идей: жители деревни прекрасно осведомлены о его извечном стремлении к монархическому режиму, который, по его словам, должен воцариться во Франции. Позиция аббата ясно выражена: она основана на средневековом трехчастном разделении общества, что, кстати, соответствует знаменитому индоевропейскому делению общества на три части, о котором рассказал в своих работах Жорж Дюмезиль. Такое деление было принято практически у всех народов Западной Европы, христианство всего лишь взяло его на вооружение.

Чтобы воплотить в жизнь свой проект, Беранже Соньер не колеблясь прибегает к уговорам и просьбам: так, он убеждает своего знакомого из Люк-сюр-Од, продавца прохладительных напитков (sic) Эли Бо¹, принять участие в необходимых работах после полудня в субботу и воскресенье. Эли Бо, располагающий свободным временем, обещает помочь; не против поработать в выходные и четырнадцатилетний подросток Пибуло родом из Безю. С этими не очень умелыми, но преданными помощниками аббат начинает работы внутри храма.

Зачем приводить в порядок внутренние покои церкви, если далее последует обновление кровли и проемов? Простая логика

¹ В некоторых версиях этого романа Эли Бо оказывается евреем, хранителем секретов Каббалы, доверенным человеком таинственного приората, главного инициатора всего этого дела.

требует изменить такой порядок работ на прямо противоположный, но... Аббат Буде намекнул Соньеру, что *персоны, заинтересованные работами в Ренн-ле-Шато*, желают, чтобы кюре прежде всего занялся внутренними помещениями храма. Начав починку храма изнутри, он сможет найти в нем что-либо, но эта находка позволит ему начать и другие поиски, более важные для *высших сфер*. Итак, инициатором такого хода работ можно смело назвать кюре Ренн-ле-Бен, все сделано по его усмотрению. Беранже Соньер слепо повинуется приказам своего старшего собрата — возможно, потому, что взамен Буде пообещал огромное богатство, способное поднять приход на ноги. Правда, при этом не следует принимать во внимание тихие толки, на которые горазды обитатели деревень. «Разговоры в интимной обстановке» порой очень интересны: жители городка, зная о том, что кюре спит со своей служанкой, начинают выражать недовольство той исключительной ролью, которую приписала себе маленькая Мари. Отныне всякий раз, когда нужно увидеть Соньера, приходится просить на то разрешения у Мари Денарно: она, наверное, уже считает себя хозяйкой не только в доме священника, но и в церкви! По деревне расползаются сплетни и слухи. Почему эта «церковная» парочка якшается с Эли Бо и юным Пибуло? Что у них там происходит? Хотите верьте, хотите нет, но наш кюре точно применяет магию — белую или черную, не все ли равно? Скорее всего, черную! К слову сказать, обвинение пастора в использовании черной магии приводит добрую паству и в восхищение, и в ужас, поэтому... нет, уж лучше быть заодно с аббатом, чем потом страдать от порчи или сглаза!

Но слухи не рождаются на пустом месте: действительно, аббат довольно часто уединяется в церкви — и, скорее всего, не ради молитв. Вряд ли обращение к Всевышнему вынуждает аббата простукивать стены и пол храма, отскрести слои штукатурки или пропитывать ее, пытаясь узнать, что за ней скрыто. Что же ищет аббат Соньер? Вероятно, он знает, что в храме Святой Магдалины спрятано нечто заслуживающее внимания.

Он должен найти это нечто, ибо тогда он сможет преобразить святилище Ренн-ле-Шато и украсить его на свой лад. Только так можно оставить свой след в этом отдаленном краю, куда занесла его судьба... Тогда с чего же начать работы? Лучше всего заменить старый алтарь. В Тулузе, в торговом доме Монна, Соньер заказывает новый алтарь — следовательно, пора освободить для него место.

Это важный момент в романе. В один прекрасный день Соньер с двумя подручными берется за установку нового алтаря. Когда Эли Бо и Пибуло приподнимают древний алтарный камень, аббат вдруг замечает, что его опора (знаменитая «вестготская» колонна) полая; внутри опоры, наполненной сухим папоротником, оказываются две или три деревянные трубки, обернутые пергаментом. В присутствии свидетелей Соньер осторожно разворачивает пергамент... Увы, документ составлен на языке, непонятном для простых смертных; чтобы расшифровать его, нужно быть архивистом-палеографом или, по крайней мере, экспертом по части древней тайнописи. находка заставляет Соньера задуматься: ему известно, что во время революции, перед тем как скрыться в Испании, его далекий предшественник аббат Бигу спрятал в церкви какие-то предметы... Значит, есть еще один тайник? Аббат продолжает работу, сосредоточив внимание на тех местах, которые он простукивал: некоторые из них тоже могут оказаться полыми. В этом ему деятельно помогают деревенские мальчишки.

«После воскресной мессы аббат Соньер попросил мальчишек из церковного хора помочь ему в следующий четверг после катехизиса, пообещав им в награду хороший полдник. В назначенный день церковь была закрыта: Соньер и певчие, которым было по девять-десять лет, принялись за работу. В полу центрального прохода, неподалеку от лестницы к хорам, рядом с большой гладкой плитой находились железные брусья. По всему периметру убрали все, что могло помешать при работе. Юные подручные аббата, выломав железные брусья, приступили к плите: сделав рычаг, они попытались приподнять ее.

Это была тяжкая работа. Наконец желание и усилия привели к тому, что плита начала понемногу приподниматься. Соньеру и ребятам удалось немного сдвинуть ее. В открывшемся проеме виднелось несколько ступенек, но, несмотря на солнце, освещавшее неф, более ничего нельзя было разглядеть. Время было полуденное, и Соньер, поблагодарив ребят, сказал им: „Пожалуй, на этом мы закончим. Пока что бегите развлекайтесь, а в четыре, как и условились, приходите на полдник“...»¹ Ребята так и поступили, но некоторые из них все же успели заметить, что в глубине подземелья был «большой котелок», наполненный сверкающими предметами, напоминавшими золотые монеты.

Чем занимался аббат после того, как его юные помощники удалились? Скорее всего, добросовестно исследовал подземелье. Помимо вышеупомянутого «котелка», аббат, возможно, нашел там и другие предметы, вплоть до документов. Но точных данных на этот счет у нас нет: аббат ни словом не обмолвился о своей находке. Что же касается поднятой плиты, это та самая «Плита рыцарей», что находится сейчас в маленьком музее при церкви.

Слух о том, что священник нашел тайник, быстро облетает деревню. Тем не менее никто не спрашивает у аббата, какого рода сокровище он обнаружил в церкви. Издавна жители Ренн-ле-Шато знают, что в ходе веков округа Разе пополнялась не одним десятком тайников, часть из которых заключала в себе различного рода ценности. Некоторым даже удавалось найти подобный тайник, но эти счастливицы, остерегаясь волновать окружающих, предпочитали хранить эти открытия в тайне. Когда же представлялась удобная возможность, они сбывали с рук найденное, обращая находку в звонкую монету. Поэтому никто не упрекал Соньера: каждый способен на такое. Впрочем, спустя несколько дней при помощи Эли Бо и еще нескольких людей аббат освобождает место для главного алтаря. Так

¹ Свидетельство, полученное Пьером Жарнаком; оно опубликовано в его «Истории сокровища Ренн-ле-Шато» на с. 140–145.

обнаружен еще один тайник, наполненный сверкающими предметами. Под предлогом обеденного перерыва Соньер отсылает рабочих и остается в церкви один.

Эти неожиданные открытия в храме полностью меняют жизнь Беранже Соньера. Впрочем, нельзя сказать, что они случайны. Конечно, он долгое время действовал на ощупь, но он всегда искал в нужном месте. И теперь, по окончании поиска, хотелось бы получить несколько указаний. Разумеется, кто может дать их, как не аббат Буде, действующий от имени таинственного братства, стоящего за спиной скромного кюре Ренн-ле-Бен? Более всего Соньеру не дают покоя знаменитые манускрипты: ему не удастся прочесть и понять их. Тогда, найдя аббата Буде, священник докладывает ему о своих находках и просит совета.

Итак, мы вступаем в самую темную область этой истории. Аббат Буде поздравляет молодого коллегу со столь блестящими результатами проделанной работы и дает необходимые объяснения. Найденное Соньером «сокровище» — это его награда, так сказать, «заработная плата». Соньер может оставить все это себе, не предоставляя находку в распоряжение храма. Но следует учесть, что для этого необходимо заручиться согласием муниципалитета, чтобы власти не могли упрекнуть его в незаконном присвоении имущества. Впрочем, муниципалитет не сможет отказать, потому что часть «сокровищ» будет использована для обустройства деревенского имущества. Манускрипты пока что лучше всего отдать самому Буде: быть может, ему удастся расшифровать их. Покончив с разъяснениями, Буде отпускает аббата в его приход, уточнив, что вскоре он даст ему другие инструкции¹.

¹ Эти эпизоды содержат множество противоречий. Соньер нашел манускрипты в 1886 году, но лишь в 1893 году его отправили в Париж для того, чтобы он передал найденные документы знающим в них толк людям. В чем причина такой задержки? Далее, ничто не доказывает, что аббат Буде ознакомился с документами. Конечно, учитывая то, что Буде слыл ученым и приписывал себе знание археологии, возможно, Соньер передал ему манускрипты с просьбой изучить их. В таком случае почему Буде медлил с предложением отправить манускрипты в Париж?

Соньер рассказывает о своих открытиях мэру, скорее всего, слегка уменьшив их значимость. Упорно настаивая на передаче ему манускриптов, он получает согласие муниципалитета: мэр решает, что аббат волен продать их в том случае, если они представляют какую-либо ценность. Тем временем во внутренних помещениях храма вовсю продолжаются работы: в 1887 году установлен новый алтарь, а два месяца спустя в окнах хоров и нефа появляются витражи, после чего Соньер решает укреплять стены. Наконец, аббат приступает к оформлению территории, прилегающей к храму: ваятель Жискара из Тулузы получает от него заказ на изготовление барельефа, который будет установлен вблизи входа в церковь. По всей видимости, статуя, украшающая его, призвана олицетворять Марию Магдалину, покровительницу святилища. Работы завершены в 1891 году; по их окончании Соньер просит у муниципального совета разрешение огородить территорию, прилегающую к храму, — он хочет возвести на этом месте церковный памятник. Разрешение ему дано, но с оговоркой: ключ от входа на огражденную территорию должен находиться в распоряжении муниципалитета, поскольку это общая земля. Иными словами, священник не имеет никакого права на обладание обустроенной (за его, надо сказать, счет) территорией.

Получив разрешение, Беранже Соньер не теряет времени даром: обработав «вестготскую» колонну (уменьшив ее до нужного размера), он устанавливает на ней статую Богоматери Лурдской. На колонне появляется указание «Миссия 1891», а на ее капители — надпись: «Покайтесь, покайтесь». 21 июня 1891 года в присутствии прихожан, местного духовенства и отца Феррафья из Лиму храм Ренн-ле-Шато торжественно открыт и освящен. Что может быть более «ортодоксальным», чем подобная церемония? О юре начинают говорить как о неумомимом труженике во славу если не всей Церкви, то, по крайней мере, одной из них: церкви Ренн-ле-Шато. Такие действия ни у кого не вызывают косых взглядов или жалоб.

Однако в пылу работы Соньер не забывает о таинственных манускриптах. Аббат Буде признался собрату, что он не в силах их перевести, и вернул Соньеру его находку. Поскольку глава муниципалитета попросил аббата хранить манускрипты в архиве мэрии, то кюре довольствовался тем, что отдал мэру их копии, — по крайней мере, так говорят. Такое утверждение, конечно, может несколько смутить, ибо как Соньер мог сделать идентичные копии, если он толком не понимал, что написано в документах? Так или иначе, Соньер вновь обращается за советом к Буде, который в свою очередь направляет его к епископу Каркасонскому. Слушая рассказ священника, монсеньор Бийар рассматривает манускрипты с пристальным интересом. Похоже, что в трех документах содержатся молитвы, но в четвертом заключена довольно сложная генеалогическая информация. Но епископ Бийар, как и Соньер, не архивист и не палеограф, его знаний, увы, не хватает на то, чтобы расшифровать документы. Единственное, что можно сделать в этом случае, — обратиться к компетентным людям.

Самым простым решением, на первый взгляд, было направить документы в Архив департамента Од: там наверняка можно найти специалистов по древним надписям. Но нет, монсеньор Бийар не желает прибегать к помощи архивистов департамента: это сплошь республиканцы, если не сказать антиклерикалы, им невозможно доверить такие документы, поскольку они тут же используют их в своих целях. И потом, кто знает? Возможно, в манускриптах содержится тайная информация, которую не следует разглашать, поэтому лучше оставить их в собственном распоряжении. В силу этого монсеньор Бийар отправляет Соньера в Париж, чтобы тот передал документы людям, которым можно доверять. Епископ снабжает аббата рекомендательным письмом для странного книготорговца Ане, который издает книги религиозного содержания: издатель близко знаком с аббатом Биелем, директором семинарии Сен-Сюльпис. Таким образом, аббат Биель, взяв

на себя заботу о Соньере, сможет в свободное время изучить документы и высказать свое мнение. В крайнем случае, у Ане есть племянник Эмиль Оффе, специалист по древним языкам и криптографии, он тоже может помочь деревенскому кюре. Итак, монсеньор Бийар, позволив Соньеру покинуть приход на три недели, снабжает его 1400 франками, что должно покрыть все расходы, как дорожные, так и связанные с изучением и переводом манускриптов.

Образ действий епископа ясно указывает на то, насколько сильно был заинтересован монсеньор Бийар находкой аббата¹. К тому времени кюре Ренн-ле-Шато прекрасно знает, чего от него ждут и как ему следует поступать: аббат Буде рассказал ему о существовании тайного братства, членом которого якобы является монсеньор Бийар. Соньер получает инструкции и ни минуты не медля отправляется в Париж.

Сложно представить, что почувствовал аббат, сойдя с поезда в разгар парижской суеты. В те времена, когда провинциалы не решались на дальние и длительные поездки, столица вполне могла показаться приезжему из захолустья огромной чужой страной. Отдельный, особый и обособленный мир — таким предстал Париж перед глазами скромного деревенского священника, одетого в сутану старого покроя. И все же, несмотря на свои тайные страхи и колебания, Соньер находит издателя Ане. Тот устраивает аббата у себя, обещая ему, что в ближайшее время он встретится с аббатом Биелем и его племянником Эмилем Оффе. Так и происходит: директор Сен-Сюльпис аббат Биель, увидев манускрипты, проявляет горячий энтузиазм. Поблагодарив Соньера, он просит у него разрешения показать эти документы сведущим людям. По его словам, никто не справится с такой тонкой работой лучше, чем юный Эмиль Оффе, которому он полностью доверяет; к тому же Оффе всегда может

¹ Факт вышеупомянутой встречи Соньера с епископом не имеет никаких документальных подтверждений, то же самое касается миссии, доверенной кюре Ренн-ле-Шато.

воспользоваться услугами своих знакомых специалистов в области криптографии.

Не будем забывать, что аббат Биель — директор семинарии Сен-Сюльпис, чьим далеким предшественником является аббат Олье, основатель Сен-Сюльпис и влиятельный член всемогущего «Общества Святой Евхаристии» в XVII веке. Аббат Олье в свою очередь был дружен с Никола Павийоном, епископом Але, а поскольку внутреннее убранство собора Сен-Сюльпис не может не напомнить интерьер церкви Ренн-ле-Шато, то это вновь возвращает нас в Разе: круг замкнулся. Можно сказать, что Беранже Соньер оказывается среди знакомых.

Однако собор Сен-Сюльпис и лавка издателя Ане оказываются не только средоточием духовной деятельности, но и центром деятельности *спиритической*: на дворе конец XIX века, время расцвета множества групп и оккультных обществ, членами которых являются многие известные люди Парижа. Меньшее, что можно сказать о таких обществах, то, что в них царит отнюдь не католическая атмосфера... В нее-то и погружается Беранже Соньер, который, возможно, не предусматривал такого поворота событий. Но, как бы то ни было, похоже, что ему нравится бывать в кругах, тяготеющих к оккультным знаниям.

Хотя, без сомнения, поначалу вся эта непривычная обстановка немало беспокоит деревенского священника: вот оно, начало «искушений аббата Соньера»... Обличья дьявола, искушающего аббата, порой восхитительны и даже отдаленно не напоминают привычный средневековый образ врага рода человеческого. Прежде всего это Эмиль Оффе, юный аббат, учившийся в то время не в парижской семинарии Сен-Сюльпис, а в Лотарингии. Все версии романа сходятся в одном: именно этот молодой аббат ввел аббата Соньера в оккультные круги. Станный человек — этот «отец» Эмиль Оффе... Большую часть времени он проводит, расширявая древние гримуары; он интересуется оккультными науками, а также многочисленными «братствами», «ангельскими обществами» и подобными им

организациями. Истинных целей этих обществ не понять, но они существуют в каждом уголке мира, «разлагая» интеллектуальную элиту и распространяя странные послания, по большей части тайно. В 1946 году Эмиль Оффе умер, оставив необыкновенную библиотеку, которая до сегодняшнего дня доступна лишь некоторым привилегированным особам: духовным лицам, доказавшим свою духовную порядочность. Если есть «тайна аббата Соньера», то, вне всякого сомнения, существует и «тайна аббата Оффе», достойная того, чтобы заниматься ею. Кто был тайным вдохновителем Эмиля Оффе? К какому секретному обществу он принадлежал? Только ли церковь была сферой его деятельности? Пока что нам нечего ответить на эти вопросы. Лишь одно можно утверждать с точностью: у Эмиля Оффе был доступ в тайные общества, появившиеся в *декадентскую* эпоху, и, похоже, он прекрасно в них себя чувствовал.

Во всяком случае, согласно «роману об аббате Соньере», деревенский кюре и Эмиль Оффе быстро нашли общий язык: именно Оффе ввел Соньера в круг светских и оккультных обществ и познакомил аббата с жизнью столичных салонов. «Занимательные беседы, непрекращающиеся горячие споры за рюмочкой коньяка: ничего беспокоящего или тревожащего, что могло бы нарушить атмосферу, царившую в этих благонамеренных салонах»¹. В результате Беранже Соньер оказался в замкнутом кружке людей, объединенных «духовным лидером» Жюлем Буа, в котором он встретил Клода Дебюсси и других знаменитых людей того времени.

Жюль Буа — личность не менее загадочная, чем Эмиль Оффе. Друг большинства поэтов-символистов и тех, кто становился «декадентами», Жюль Буа с одинаковой легкостью посещал и иллюминатов, и розенкрейцеров, и франкмасонов, придерживающихся разных обрядов. Более того, это не помешало ему создать собственное общество, придерживающееся идей

¹ Jean Robin. *La Colline envoûtée*, Paris, Trédaniel, 1982, p. 24.

сатанистов¹. Не стоит забывать и о его произведениях, названия которых говорят сами за себя: «Невидимый мир», «По ту сторону неизвестных сил» и «Сатанизм и магия». И все же известность пришла к Жюлю Буа не только в результате писательских усилий: он был замешан во множестве дел, с одним из которых читателю стоит ознакомиться, чтобы понять, каков был тот мир, в котором очутился Соньер во время своего пребывания в Париже.

Речь пойдет о поединке между Жюлем Буа и другим оккультистом, Станиславом де Гюайта, причиной которого стала гнусная безумная выходка аббата Буллана. Этот священник, когда-то бывший примерным христианином, сделав своей ученицей и любовницей монахиню из Салетты, основал довольно странное сообщество, чьи сексуальные и магические обряды прекрасно уживались с богословским учением: смесь, заставившая содрогнуться христианских монахов-пуристов. Вот что написал об этом «деле» Жан-Люк Шомей: «Друг Мориса Барре маркиз Станислав де Гюайта был обвинен другим оккультистом, приходившимся другом Гюисмансу: это был аббат Буллан, лишенный духовного сана. Он обвинил маркиза в черной магии

¹ «Сатанизм» в понимании многих связан с действиями эротикоманиакального характера, оскверняющими христианские ритуалы. Однако в нашем случае речь идет о другом роде «сатанизма»: это не богохульство ради удовольствия, практикуемое безбожниками. Речь идет о восхвалении Существа Тьмы, то есть Сатаны, *незаконно свергнутого Богом с небесного престола*. Низвергнутый во мрак Сатана является олицетворением (разумеется, для последователей секты) надежды на возврат и обновление мира, поскольку первоначальный бог — это Сатана, в то время как Бог Отец всего лишь узурпатор его власти. Можно даже сказать, что такое утверждение напоминает «перевернутую» катарскую доктрину: падший ангел — это жертва, в то время как Зло (метафизическое или иное) появилось в результате Божьего захвата мира. К тому же в сатанизме Жюля Буа можно разглядеть черты мифа о «Великом Монархе»: грядущий властелин мира, в настоящее время заключенный во мраке, в один прекрасный день вернется, чтобы вернуть обезумевший мир в привычное равновесие. Как видно, доктрины сатанистов не лишены мифологической поддержки.

и призвал осудить его, даже созвав ради этого „судилище“. В результате этого состоялся „поединок волшебников“, о котором впоследствии вспоминал Барре: „Однажды вечером Гюайта слепил из воска фигурку и пронзил ее иголкой, чтобы накликать порчу на лионского священника, использовавшего секреты Каббалы в дурных целях. В ответ священник сглазил своего противника, желая ослепить его, но Гюайта принял меры и в свою очередь навел порчу на аббата, что обернулось для последнего смертью. Таков был конец этого поединка“. На самом же деле, 3 января 1893 года аббат Буллан умер от удара молнии. Как только это произошло, в дело вмешался Жюль Буа, написав в газете следующее: „Меня уверили в том, что маркиз де Гюайта, живущий в одиночестве и чуждающийся людей, умело пользовался ядами, он выпаривал их и мог рассеивать яд в пространстве. Не желая вменить что-либо в вину кому-либо, я лишь прошу объяснить причину такой смерти“. Ознакомившись со статьей, Станислав де Гюайта направил к Жюлю Буа своих секундантов¹». Стоит ли говорить, что этот поединок проходил в необычных условиях: еще до того, как Жюль Буа добрался до места дуэли, с ним произошли сразу два несчастных случая, отчего перед маркизом он предстал уже будучи в крови. Пули, которыми обменялись дуэлянты, не принесли вреда ни тому, ни другому, но честь была спасена.

Эпизод из жизни Жюля Буа был упомянут лишь затем, чтобы пояснить, в какой странной среде оказался Беранже Соньер. Однако не происходило ли подобное и в далеких Корбьерах, в самом сердце департамента Од? Действительно, аббат Соньер, будучи *священником*, прекрасно знал о некоторых колдовских обрядах, бытовавших в его родном Разе. Вряд ли наш священник был экзорцистом (это довольно опасное занятие было предназначено для более сильных церковников), но он, скорее всего, был в курсе того, что происходило в деревеньках его

¹ J.-L. Chaumeil. Le Trésor du Triangle d'Or, Paris, Lefevre, 1979, p. 104–105.

бедного прихода. «В землях Од всегда находили приют колдуны и ведьмы. Думаю, епископство Каркасона не станет обвинять нас во лжи, если мы скажем, что в этих долинах *запрещенных обрядов* было гораздо больше, чем в других местах. Аббат Соньер, уроженец этого края, понимавший нравы и привычки его жителей, не мог не знать того, что большинство ритуалов ведьм представляет собой религиозные обряды, проводимые *в обратной последовательности*. В материалах любого фольклориста, за исключением экзорцистов¹, можно найти множество молитв, произносимых в обратном порядке. Столь же часты истории о старухах, которые останавливаются и молятся перед каждой из картин, изображающих этапы крестного пути, но при этом поворачиваются к ним спиной, бормоча неприятные для слуха угрозы²». Более того, разве сам аббат Соньер не перевернул «вестготскую» колонну, устанавливая ее перед храмом? Разве не он расположил картины, изображающие этапы крестного пути, в обратном порядке? Без сомнения, он не упустил из вида то, что связывает деревенское колдовство с магией «декадентов», «символистов» и других «посвященных», наполнивших «весь Париж» конца XIX века...

Несмотря на легкий испуг, вызванный нравами парижского света, аббат Соньер прекрасно понимает, что Жюль Буа и его друзья всеми силами стремятся к тому, чтобы управлять этими «психическими», неуловимыми и невидимыми силами, чьими секретами они намерены овладеть. Клод Дебюсси, Стефан Малларме, Морис Метерлинк и Морис Леблан всегда окружены тесной толпой литераторов, почитателей и влиятельных *вдохновительниц*, таких как Жоржета Леблан или оперная дива Эмма Кальве, бывшая в то время любовницей Жюля Буа. Этот модный бомонд общается с членами Теософского общества, розенкрейцерами и масонами, соблюдающими древний

¹ Об этой теме подробно см.: Jean-Baptiste Thiers *Traité des Superstitions*, Paris, éd. du Sycomore, 1984.

² Jean Robin, *Rennes-le-Château*, p. 144.

шотландский общепринятый ритуал; они увлечены спиритизмом, им близки «еретики», то есть те, кто толкует на свой лад священные канонические тексты (такая позиция ясно выражена в произведениях Реми де Гурмона и Гюисманса). Наивысшей степенью снобизма становится присутствие на сеансе черной магии или даже на черных мессах. В душах этого высшего общества царит «Парцифаль» Вагнера, вызывающий непреодолимое желание увидеть и услышать эту оперу-литургию в Байрейте (в 1914 году, по желанию Козимы Вагнер, эту странную оперу, полную темного очарования, имеют право ставить лишь в Байрейтском театре). Вагнером пропитано все: «Фервал» Винсента д'Инди (своего рода французский «ремейк» «Парцифаля»), «Сигурд» Луи-Этьена-Эрнеста Рейера, в котором легко угадывается влияние оперной тетралогии «Кольцо Нибелунга», и даже творческие замыслы Клода Дебюсси, в то время увлеченного как легендой о Тристане, так и черновыми набросками «Пелеаса и Мелисанды» Мориса Метерлинка. В моду вновь входит средневековье: это уже не то выпренное к нему отношение, царившее в эпоху романтизма, но утонченное, «символическое» его понимание, попытка разгадать смысл трудных для восприятия текстов. Увлечение средневековьем накладывает свой отпечаток даже на архитектурный облик Парижа: знаменитый «стиль модерн» есть не что иное, как неоготический стиль, в который внесли поправки в соответствии с умозрительными эзотерическими построениями.

Такова парижская салонная атмосфера конца века... В таком случае почему звездой всех этих нескончаемых светских раутов неожиданно становится никому не известный, незаметный кюре Ренн-ле-Шато, попавший в высший свет по воле случая, благодаря Эмилю Оффе? Смущенный аббат спрашивает себя, что нужно от него всем этим светским львам и львицам. Но он хорошо помнит слова аббата Буде: высокопоставленные лица предложат ему выполнить некую миссию, благодаря которой он сможет разбогатеть. Не то чтобы Беранже Соньер любит деньги: они нужны ему лишь для того, чтобы вложить

их в Ренн-ле-Шато, обустроить не только храм, но и всю деревню. Поэтому, несмотря на все свое смущение, аббат внимательно прислушивается к тому, что говорят ему завсегда в салонах, в речах которых порой проскальзывают туманные намеки.

Он изо всех сил старается понять их суть — в то время как чарующий голос Эммы Кальве проникает в его душу гораздо глубже, чем хотелось бы. Эмма Кальве... Одна из прославленных оперных певиц своего времени, чей талант, по утверждению ее современников, не имеет себе равных. Ее имя не сходит с уст салонной публики. У фаворитки модных парижских салонов Эммы Кальве теплые дружеские отношения с Клодом Дебюсси, который просит ее пропеть некоторые из его мелодий. Наконец, она любовница Жюля Буа. Однако близкие друзья этого человека увлечены эзотерическими и герметическими учениями, не говоря о магии. В таком случае не принадлежит ли к таинственному братству, в чьих руках оказался Соньер, и Эмма Кальве? Настоящее имя Эммы — Кальва, измененное дивой в угоду благозвучию; она дальняя родственница Мелани Кальва, пастушки из Салетты, героини «апокрифических явлений» Девы Мари¹, бывшей прекрасным подспорьем реакционеров середины XIX века.

Так Беранже Соньер становится возлюбленным (и, возможно, любовником) Эммы Кальве. Была ли это любовь с первого взгляда? Или же Эмма Кальве, называвшая Соньера не иначе как «мой маленький провинциальный кюре», действовала по приказу Жюля Буа и таинственного братства, желавшего провести кюре и управлять им? Эти предположения не противоречат друг другу. Впоследствии Эмма Кальве будет навещать священника в Ренн-ле-Шато. Одно время полагали, что благодаря

¹ В ходе сенсационного процесса выяснилось, что Жан-Мари Вианне, кюре Ара, получил признание пастуха, заявившего, что он ничего не видел. Испытывая отвращение к скандалу, поднявшемуся вокруг этих ложных «явлений», кюре Ара обратился с жалобой к епископу Гренобля. В ответ его учтиво попросили вернуться к себе домой и помалкивать.

щедрости и великодушию аббата певица могла купить в этих краях замок, о котором она мечтала. Полагали даже, что у нее был ребенок от Соньера, но это не доказано.

Однако, несмотря на внезапно вспыхнувшую любовь к Эмме Кальве, кюре Ренн-ле-Шато помнит о своем предназначении. Аббат Биель при помощи Эмиля Оффе наконец изучил манускрипты. Оба эксперта сообщают аббату, что три манускрипта не представляют никакой ценности, но четвертый (та самая таинственная родословная) — документ чрезвычайной важности. В результате Соньеру предложена сделка: манускрипт остается в Париже, в то время как в обмен на этот документ аббат получает некие указания, благодаря которым он сможет найти утерянное сокровище. Беранже Соньер соглашается. Кто мог бы поступить иначе? Несчастный кюре прекрасно понимает, что он стал звеном в цепи какой-то сложной махинации и разорвать эту цепь практически невозможно. К тому же цель оправдывает средства, а его цель неизменна — улучшить, облагородить свой приход.

Надо думать, что эксперты, поставившие перед ним этот выбор, объяснили священнику некоторые отрывки в манускриптах и предоставили ему обещанные указания: иначе чем в противном случае можно объяснить неожиданное увлечение Соньера Лувром, внезапно вспыхнувшее к концу его «парижских каникул»? До сего момента он не проявлял никакого интереса к живописи, но теперь он вновь и вновь наведывается в галерею, где висит полотно Никола Пуссена «Аркадские пастухи». Впрочем, его интересует не только это произведение, столь же притягательной силой для него обладает полотно Теньера и анонимный портрет папы Целестина V, недолгое время занимавшего папский престол в конце XIII века. Что привлекло Соньера в этих картинах?

Вероятно, рассматривание картин не приносит желаемого результата, поскольку священник приобретает их репродукции. Более всего его волнуют «Аркадские пастухи», словно в картине скрыто некое указание, о котором поведали ему два «иску-

сителя», посоветовав изучить полотно наивнимательнейшим образом. В то время он еще не знает, что неподалеку от его прихода, у дороги в Арк, будет сооружена гробница, как две капли воды похожая на ту, что изображена на картине Пуссена. Но знает ли он, какая история была связана с этим полотном в XVII веке? Когда покровитель Пуссена Никола Фуке был упрятан за решетку, Людовик XIV, предпринявший поиски «Аркадских пастухов», не успокоился до тех пор, пока эта картина не заняла место в его личной коллекции в Версале...

Конечно, зная о стремлении Беранже Соньера украсить свой храм, можно предположить, что аббат совершал прогулки в один из величайших музеев мира ради того, чтобы почерпнуть в нем идеи для будущего оформления церкви, чтобы заказать в нем произведения искусства, которые прославили бы его храм. Но при виде тех отвратительных статуй и предметов культа, которыми наполнена церковь Ренн-ле-Шато, возникает сомнение в том, что визиты в Лувр были посвящены столь благородной цели или хотя бы развитию эстетического вкуса священнослужителя.

Пребывание Соньера в Париже от начала до конца кажется довольно странным: что священник делает в оккультных кругах, какой деятельностью занимается? С того момента, как записка манускрипта открыта, аббат убежден, что все знаменитые люди, с которыми он познакомился, воспринимают его всерьез, считают его важной персоной: что еще более может утешить и подбодрить человека в обществе, как не такое мнение? Однако наступает время отъезда: пора прощаться со своими хозяевами и парижской светской жизнью. Расставание с Эммой Кальве полно грусти. Беранже понимает, насколько ему посчастливилось — чтобы бедный деревенский кюре снискал расположение и даже любовь одной из самых знаменитых женщин столицы... Но они еще встретятся, поэтому не стоит предаваться бурной печали. В конце концов, в Ренн-ле-Шато аббата ждет его верная Мари Денарно... «Аббат мог вернуться в свое „орлиное гнездо“ без сожалений: он не прогадал в сделке,

совершенной в Париже. Теперь, при помощи маленькой лжи, ему лишь надо утолить беспокойство монсьеора Бийара, удивленного отсутствием пергамента. Епископ уже сожалеет о том, что дал Соньеру рекомендацию: такого бравого парня, как этот кюре Ренн-ле-Шато, видимо, не стоит „подсаживать на лошадь“... Умудриться обменять сведения о родословной на ключ к богатству!..»¹

Итак, Беранже Соньер наконец возвращается в Ренн-ле-Шато, к великой радости своих прихожан, которые, считая своего священника довольно оригинальным типом, все же успели искренне к нему привязаться. Разумеется, больше всех счастлива Мари Денарно. В первый же вечер она без устали спрашивает Беранже о его поездке, о Париже, о столичной жизни... Каково приходится несчастному аббату, в памяти которого при упоминании Парижа тут же всплывает образ Эммы Кальве? Соньер чувствует себя кругом виноватым: ему приходится лгать епископу, прихожанам, Мари Денарно и, конечно же, собственной совести. Разве такое простительно для священника? Чтобы облегчить свою совесть и получить прощение Господа, духовные пастыри пользуются теми же способами, что и паства: они исповедуются у одного из своих братьев. Кто станет исповедником Беранже Соньера? Определенно, не аббат Буде, погрязший в тех же темных делах, что и кюре Ренн-ле-Шато. Тогда, быть может, Альфред Соньер, священник и его родной брат? Тоже нет: членам семьи не исповедуются. Уж если Альфред Соньер и был в курсе некоторых дел Беранже, то лишь потому, что он приходился ему братом, а не духовником. По крайней мере, Альфреду было известно о так называемой симонии Беранже Соньера только потому, что он сам участвовал в этом деле. Но на роль исповедника Альфред Соньер все же не годится: его образ жизни далеко не безупречен...

Тогда остаются двое. Первый — аббат Эжен Грассо. Преподаватель лицея Луи де Гонзага в Перпиньяне (куда впослед-

¹ Jean Robin. Rennes-le-Château, p. 25.

ствии Соньер будет часто наведываться, стараясь, чтобы о его визитах не узнали), ставший кюре в Амели-ле-Бен и в Сен-Поль де Фенуе, что в диоцезе Перпиньяна, но достаточно близко от Разе. Аббат Грассо слыл славным предприимчивым человеком и большим эрудитом, в его библиотеке хранилось множество книг и разного рода манускриптов. Как и Соньер, он не менее усердно старался отреставрировать храмы, бывшие в его распоряжении. Поэтому «дружба, связавшая аббата Соньера и каноника Грассо, оставалась неизменной даже тогда, когда о нем поползли всевозможные слухи, вызванные его тяжбой с епископством. Тем не менее Соньер не опасался навещать своего коллегу из Амели-ле-Бен, и каноник ответил ему тем же. Даже после смерти своего друга Грассо не жалел усилий, чтобы помочь Мари Денарно в этот трудный период ее жизни¹». В 1893 году Эжен Грассо получил в подарок от аббата Соньера позолоченный потир. Как у Соньера мог оказаться такой предмет? Вряд ли он был среди сокровищ, спрятанных аббатом Бигу в церкви Ренн-ле-Шато².

Другим возможным исповедником Соньера мог стать кюре Кустоссы аббат Жели, пожилой здравомыслящий человек, через несколько лет ушедший из жизни при таинственных обстоятельствах: кюре был убит. Возможно, вернувшись из Парижа, Беранже Соньер обратился за помощью именно к нему. Вне всякого сомнения, ему было что рассказать: воспоминания о «сатанинской» атмосфере, окружавшей аббата во время парижской поездки, тяготили его все более. Но мог ли Соньер, помимо признаний, доверить своему исповеднику и нечто большее — например, отдать ему на хранение некие документы? Вполне возможно.

¹ Pierre Jarnac. Histoire du trésor de Rennes-le-Château, p. 334–335.

² «Речь идет о вещи, не имеющей большой рыночной стоимости. Разумеется, она восхитительна, ее чеканка в превосходном состоянии, но она не из чистого золота — это всего лишь позолота. На основании потира можно увидеть мальтийский крест из финифти зеленого цвета. Этот предмет был изготовлен в XVIII веке» (Pierre Jarnac. Op. cit., p. 336).

Вернувшись в Ренн-ле-Шато, Беранже Соньер занимается странными делами. Муниципалитет предпринял ряд работ по благоустройству кладбища, в частности огородил его и снабдил порталом, который можно видеть там и поныне. Эти работы на руку Соньеру: по ночам священник закрывает кладбище и остается там до утра. Что он задумал? На первый взгляд может показаться, что аббат перемещает могильные памятники; на самом деле он оскверняет могилы. Что он надеется найти? Возможно, он выполняет эту мрачную работу согласно указаниям, которые он получил в Париже в обмен на бумаги с генеалогическим деревом. Более всего ему не дает покоя могила Мари де Негри д'Абль из рода д'Отпулей и Бланшфоров, умершей в 1781 году. Это были две плиты; на вертикальном камне, установленном, вероятно, аббатом Бигу, была начертана эпитафия с невероятным количеством ошибок, вызывающих у исследователей ряд вопросов. На горизонтальной плите была оставлена надпись на латинском языке, но с несколькими греческими буквами.

Могильный камень маркизы стал камнем преткновения для Соньера: он усердно стирает эпитафии, не зная, правда, что об этих надписях уже успели позаботиться археологи, снявшие с них копии. В 1903 году они будут опубликованы в «Бюллетене Археологического общества департамента Об». Столь упорное стремление Соньера уничтожить надписи служит красноречивым доказательством того, что в них была скрыта важная информация и даже ключ, позволяющий вести тайные ночные поиски в нужном направлении.

На вертикальной плите была начертана следующая эпитафия:

CT GIT NOBLE M
ARIE DE NEGRe
DABLES DAME
DHAUPOUL De
BLANCHEFORT
AGEE DE SOIX
ANTE SEPT ANS

DECEDEE LE
XVII JANVIER
MDCOLXXXI
REQUIES CATIN
PACE.

Надпись заканчивается инициалами «P.S.», расположенными ниже, и словом «PRAECUM». Первое, что просится на ум при объяснении такого количества ошибок, — неопытность и неграмотность каменотеса, занимавшегося этим камнем в XVIII веке. Но как при всем неумении и малограмотности можно перепутать дату смерти? 17 января... Если бы Соньер, принимаясь за расшифровку эпитафии, мог предполагать, что именно в этот день, зимой 1917 года, его сразит апоплексический удар, за которым последует его собственная кончина... Если при расшифровке текста, заключающего в себе множество аномалий, воспользоваться методом, хорошо известным специалистам в области шифров (ключ, находящийся в самом тексте), и продублировать его другим методом, то получится вполне ясный текст, таящий в себе загадочное сообщение: «Пастух, никакого искушения, что Пуссен, Теньер хранят ключ. Рах. DLLLXXXI — крестом и конем Господа я добыю этого дьявола-охранника в полдень. Голубые яблоки»¹. На мой взгляд, полученное сообщение нельзя назвать «вполне ясным текстом», однако Беранже Соньер, «расшифровав» надпись, пришел в восторг: это было то самое послание, которое таилось в манускрипте, оставленном у аббата Биеля и Эмиля Оффе! Значит, Соньер на правильном пути; следовательно, необходимо как можно скорее уничтожить все следы, которые могут указать на этот путь людям, не имеющим на то права. Получив от таинственного братства приказ завершить миссию, Беранже Соньер готов на все, чтобы устранить *других*.

К тому же аббату Соньеру известен *ключ*, при помощи которого становится понятен истинный смысл этого текста: диагональ,

¹ Michael Lamy. Jules Verne, initié et initiateur, p. 68.

проведенная от первой зафиксированной на камне «ошибки», укажет на ключевое слово-разгадку. Без сомнения, первая «оплошность каменотеса» — это «Т» на месте «I» в «*ci gît*». Диагональ, прочерченная от «Т», указывает на слово «*catin*»: эпитет не слишком любезный по отношению к старой даме, которая там «*ci gît*», покоится. К счастью, Соньер знает, что если «Т» (или «Тау» в западной эзотерической традиции) появляется в слове, где ее не должно быть, то она в этом случае обозначает «сокровище», каким бы оно ни было. Ему известно и то, что слово «*catin*» означает не только девицу легкого поведения, но и впадину, углубление. Итак, из всего этого можно заключить, что «сокровища у д'Отпулей» более нет (потому что в имени «*DHAUPOUL*», написанном на камне, буква «Т» отсутствует): его перепрятали, то есть поместили в «углубление», «*catin*»¹. Упоминание в расшифрованном тексте Пуссена и «пастухов» наталкивает священника на мысль о полотне «Аркадские пастухи»: в конечном счете могилу тоже можно считать «углублением», «каверной» — или «каирном», мегалитическим сооружением, служащим некрополем. Все, что осталось сделать, — понять, каков этот «каирн» и где его искать.

На другой плите гробницы д'Отпулей была начертана надпись, снабженная, как и первая, инициалами «P.S.» и словом «*praes-cum*». Греческие буквы, идущие по краям плиты, ничего не дают исследователю: из них невозможно сложить какое-либо понятное слово. Проведенная по центру вертикальная черта в виде стрелы отделяет одну группу латинских слов от другой. Слева от стрелы написано «*REDDIS*» и «*CELLIS*», а справа — «*REGIS*» и «*ARCIS*». Связным текстом это, конечно, не назовешь, но слово «*REDIS*» может иметь отношение к Редэ, то есть Ренну или Разе. «*REGIS*», без сомнения, латинское «гех» (царь), поставленное в родительный падеж. «*CELLIS*» — аблатив (отложительный падеж, обозначающий место действия)

¹ Интерпретация Жана-Пьера Монтея: *le Dossier secret de Rennes-le-Château*, Paris, Belfond, 1981, p. 61.

множественного числа от «cella» («подземелье, подвал», «подземное жилище»), а «ARCIS» — родительный падеж от «агх», «цитадели»¹. Все это вновь совпадает с указаниями, данными аббату в Париже: «В Ренне, в подземельях королевской цитадели». Королевская цитадель — но о каком монархе идет речь? Имеется ли в виду «сокровище» Бланки Кастильской? Или же это сокровище «Пропавшего короля», мифического наследника Меровингов, о котором неожиданно упоминает в приключениях Арсена Люпена Морис Леблан (друг Жюля Буа и брат Жоржеты Леблан, спутницы Мориса Метерлинка)? Беранже Соньер не слишком хорошо понимает, в чем суть истории об этом «утраченном Меровинге», что, впрочем, не так уж и важно. Важно то, что его поиск на кладбище оправдал надежды.

Но, похоже, этот поиск в ночи, сопровождающийся разрушением надгробий, не оправдывает надежд деревенских жителей, поначалу уверенных в том, что аббат решил привести кладбище в порядок. Упреки и замечания обитателей деревни и работников муниципалитета заканчиваются строгим выговором мэра. «Когда ущемляют мои интересы, я считаю себя вправе защищаться», — заявляет в ответ не на шутку рассерженный аббат. В конце концов муниципалитет разрешает ему продолжить работы на кладбище, но жителей Ренн-ле-Шато такое положение дел не устраивает: они направляют петицию префекту Од, желая уведомить его о странной деятельности священнослужителя. Поскольку ответа они не получают, следом летит вторая жалоба: «Мы недовольны тем, в каких условиях ведутся работы на кладбище: кресты опрокинуты, могильные камни — тоже. Такая работа на самом деле ничего не восстанавливает»². Но ответа от префекта так и не последовало, поэтому ничто не мешало Соньеру еще

¹ Вопрос о том, является ли этот камень подлинным, не решен до сих пор.

² Оригинал петиции опубликован Пьером Жарнаком, с. 151–153.

долгое время заниматься своими темными «кладбищенскими делами».

Если бы только это волновало прихожан... По ночам странный аббат «трудится» на кладбище, но с раннего утра Соньер в компании Мари Денарно отправляется бродить в окрестностях деревни, нередко забираясь в горы. На удивленные расспросы жителей он отвечает, что ему нужны камни, из которых он собирается сделать миниатюрную копию Лурдской пещеры, которая будет украшать церковный сад. Действительно, ближе к вечеру аббат возвращается в деревню, сгибаясь под тяжестью наполненной доверху сумки. Порой, по пути в Ренн-ле-Бен, Соньер встречает другого человека, исследующего окрестные долины и горы с не меньшим усердием. Достопочтенный аббат Буде («Доброго дня вам, месье Соньер, надо же, какая неожиданная встреча!») занят археологическими исследованиями: он определяет географические координаты некоторых скал и ищет наскальные надписи или древние кресты, скрытые в густых зарослях¹. Иными словами, Соньер занимается странными делами и вдобавок переписывается чуть ли не со всей Францией, отправляя письма даже за границу.

Однако событие, произошедшее неподалеку от Ренн-ле-Шато, отвлекает внимание любопытных прихожан от Соньера. 5 ноября 1897 года в «Религиозном еженедельнике Каркасона» появляется сообщение: «В ночь с воскресенья на понедельник в приходе Кустосса было совершено ужасное преступление. В доме священника, на кухне, в луже собственной крови был найден аббат Жели, скончавшийся от тяжелых ранений. Мотив преступления заставляет следователей теряться в догадках. Несмотря на то что прокуратура и жандармерия приложили все усилия к тому, чтобы как можно скорее найти преступника, дух тайны по-прежнему витает над местом этого трагического события. Аббат Жели останется в нашей памяти

¹ В действительности Соньер, скорее всего, ходил на охоту. Известно, что он приносил много дичи и делился ею с прихожанами.

таким, каким он был: благочестивым и набожным человеком, обладавшим мягким характером, какой и должен быть у священнослужителя».

Итак, семидесятилетний Жан Антуан Морис Жели, исповедник и доверенное лицо Беранже Соньера... Потрясенный страшным известием, наш аббат отправляется на похороны своего несчастного собрата. Проводить аббата Жели в последний путь пришло множество народа, в толпе можно заметить и представителей местного духовенства, не говоря уже о главном викарии. Среди негромких разговоров в толпе то и дело можно услышать: что же случилось на самом деле?

В «Le Midi libre» от 3 октября 1975 года опубликована выдержка из материалов о расследовании дела 1897 года, в ней указаны обстоятельства, при которых был убит несчастный аббат. «Меры предосторожности, принятые убийцей, говорят об изощренном уме преступника. Несмотря на то что кухня была местом борьбы, ее оставили в идеальном порядке, ни одного отпечатка рук или ног. Видимо, убийце удалось осторожно пройти мимо трех больших луж крови, поскольку снаружи не обнаружено никаких следов. Две крошечные капли крови в кабинете аббата Жели доказывают, что преступник побывал в жилых комнатах, но не оставил после себя ни малейшего кровавого отпечатка. Неизвестным был взломан замок дорожной сумки, в которой хранились различные бумаги и документы, принадлежавшие священнику. Однако убийца открыл сумку лишь потому, что он искал в ней какую-то вещь, но не деньги или ценности. Об ограблении говорить сложно, поскольку сбережения аббата остались нетронутыми: в его письменном столе хранились 683 франка золотом и банкнотами, а в комоде лежало 106,90 франка. Любопытно то, что труп был обнаружен в центре кухни лежащим на спине со сложенными на груди руками. Нам доступно лишь одно свидетельство, оставшееся на месте преступления, лишенного каких-либо очевидных мотивов: аббат не курил и ненавидел запах табака, однако во второй луже крови, рядом с окном, плавал блокнот

из сигаретной бумаги „Царь“, на листке которого карандашом было помечено „Viva Angelina“».

Что думал Беранже Соньер об этом страшном убийстве? Не приходила ли ему, столь долго занимавшемуся расшифровкой посланий, мысль о том, что могло означать это «Viva Angelina» на листочке сигаретной бумаги? Сам Беранже курил, хотя и не должен был: с сердечной недостаточностью шутить не стоит. Возможно, он знал об этом деле гораздо больше, чем хотелось бы, но никто никогда не спрашивал аббата о его подозрениях или предположениях. В дни, последовавшие за преступлением, следствию удалось задержать племянника убитого аббата: он вечно нуждался в деньгах и не раз докучал своему старому дяде просьбами и требованиями о вспомоществовании. Однако, как было установлено, в ночь убийства племянник находился в другом месте. Преступник, этот загадочный «курильщик», *искавший какую-то вещь* и оставивший *послание*, так и не был найден.

Но кому предназначалось послание?

Вероятно, этот вопрос неотступно преследовал нашего священника в тот печальный ноябрьский день 1897 года, когда аббат возвращался с похорон в свое «орлиное гнездо», поднимаясь по тропинке к Ренн-ле-Шато. Но зачем изводить себя понапрасну? Что бы там ни произошло в Кустоссе, он не имеет к этому ни малейшего отношения. Разве что... Нет, довольно об этом. В конце концов, у него, как говорится, и без того забот полон рот.

Действительно, планы у священника наполеоновские: не проходит и дня, чтобы он не подправил или не переделал какой-либо мелочи в своих проектах. Правда, пока что все его замыслы существуют лишь на бумаге, но это не мешает ему в свободные часы воображать себя «военачальником» очередных строительных работ. В то же время он не забывает уговаривать богатых людей заказывать у него мессы. В этом деле неоценимую помощь оказывает Альфред Соньер, который, благодаря своей коллекции любовниц, имеет большие связи в высшем обществе. Заказы приходят, принося Беранже Соньеру

двойной прок: ему достаются не только деньги, но и марки с конвертов, в которых приходят ответы дарителей. У аббата есть маленькая слабость — или, как назвали бы это сейчас, хобби: он собирает коллекцию почтовых марок.

Это период финансовой деятельности священнослужителя. Выходец из крестьянской семьи, Соньер отлично знает, как правильно распорядиться тем, чем он владеет. В банках появляются счета на его имя, но, что странно, скромный деревенский кюре не пользуется банками своего региона. Банкиры, издалека чующие прибыльного клиента, относятся к нему с большим доверием, но крестьянская жилка Соньера подсказывает ему «не складывать все яйца в одну корзину». По некоторым утверждениям, у аббата есть свой счет в австрийском и даже в английском банках, но точно можно утверждать лишь одно: основным местом вложения денег оказался Перпиньян, где священник появлялся очень часто, но при таинственных обстоятельствах.

В самом деле, Соньер никогда не говорит, куда он направляется. Он спускается в Куизу, где садится на поезд, следующий до Каркасона. А далее? Сейчас известно, что во время своих частых поездок в Перпиньян он всякий раз останавливался в скромной гостинице Ежен Кастель. Перед отъездом он готовил письма, заранее указывая в них нужные даты (особенно в тех письмах, которые были предназначены епископу), после чего, во время его отсутствия, их относил на почту Мари Денарно. Такой обычай приводит в недоумение всех, кто знаком с аббатом, но прихожане держат рот на замке. В конце концов, кюре — хороший священник, он починил церковь, заботится о благоустройстве деревни и помогает тем, кого заела нищета или кто внезапно оказался в нужде. Иными словами, в деревне у него хорошая репутация; несмотря на мимолетные разногласия с мэром насчет маловажных проблем, он прекрасно уживается с муниципальными властями. Такова «расстановка сил», сложившаяся в 1897 году, когда он приглашает своего епископа, монсеньора Бийара, на торжественное открытие новой церкви.

Поскольку аббат не терял времени: фрески, картины страстей Господних, дьявол Асмодей у входа, статуи святых, витражи, новый алтарь, перестроенная ризница (с тайной комнатой, служащей чуланом), обновленная кафедра и новая исповедальня из дерева, — все на своем месте. В тот памятный день, при стечении всего народа и местного духовенства, аббат Соньер произносит проповедь, превознося милосердие и любовь к ближнему своему. Монсьеюр Бийар может лишь присоединиться к его словам: он поздравляет своего подопечного с удачным завершением его проекта. Интересно, что епископ думал на самом деле, рассматривая приобретения Соньера, коими он украсил церковь Ренн-ле-Шато...

Итак, Соньер сдержал свое обещание: благодаря ему приход преобразился. Он выполнил и другую миссию, порученную ему братством, имя которого он не осмеливался произносить. Отныне, свободный от обязательств, он с головой погружается в жизнь, полную расточительства и ненужных трат, отнюдь не предназначенных на благое дело. Все это выглядит так, словно кюре Ренн-ле-Шато внезапно стал обладателем баснословного богатства.

Он скупает земли, расположенные на западе от церкви, — точнее, покупает их Мари Денарно, вся недвижимость приобретена на имя служанки, но оплачена аббатом. На этих землях появляется вилла в неоготическом стиле, названная «Вифанией» в честь Марии Магдалины. Стена от дома священника продлена вплоть до высокого мыса, на котором аббат возводит странную «неоготическую» башню «Магдала», названную опять же в честь покровительницы его прихода: в башне священник намерен устроить библиотеку и рабочий кабинет. Правда, пока что аббат-миллионер и его верная служанка по-прежнему коротают время в доме священника.

Но это далеко не все затеи священника. Недвижимое имущество — это, конечно, прекрасно, но пространство вокруг новых построек следует привести в порядок, облагородить. Так, между виллой и башней разбит настоящий парк с водоемом,

благоухающими цветниками, тенистыми аллеями, оранжереями и даже маленьким зверинцем. Как и всякий практичный человек, аббат не забывает и об огороде. Что и говорить, настоящий рай... «В этом имении, приобретенном на имя служанки, бедной шляпницы, за какие-то ничтожные три миллиона франков золотом, аббат, пятнадцать лет назад появившийся в Ренн-ле-Шато без единого су в кармане, начинает жить на широкую ногу». Появляются приятные расходы: например, нужно издать почтовые открытки с видами своего нового поместья (в этот пейзаж, увековеченный фотографиями, очень любит вписываться и сам владелец). Конечно, деньги за проданные открытки идут в его карман; конечно, он получает дары и деньги за мессы, но эти денежные вложения даже отдаленно не напоминают те суммы, которые тратит священник, желая наполнить роскошью и удовольствиями свою повседневную жизнь. «Он выписывает к себе на виллу мастера-переплетчика и фотографа; он покупает богатую библиотеку, коллекцию из 100 000 марок, мебель и дорогую посуду. Все сделано на заказ; многие приобретения священника свидетельствуют о его неудержимой тяге к роскоши, граничащей с экстравагантностью. Скажем, хрустальный сервиз; Соньер пожелал, чтобы, когда по сервизным приборам легонько ударили в определенной последовательности, раздавалась „Аве Мария“!»¹

Господин кюре Ренн-ле-Шато начинает принимать гостей. Двери его дома открыты не только для коллег, вовсю злословящих об архитектурных и декоративных фантазиях «этого Соньера», но и для знатных гостей, которым в жизни не пришлось бы в голову навещать «какого-то нищего священника из обедневшего прихода». Местные жители не слишком хорошо разбираются в столичной знати, но глаза-то не закроешь: в гостях у кюре бывает очень красивая дама с восхитительным голосом (разумеется, Эмма Кальве), видные «господа писатели» (Морис Леблан, почему бы и нет), артисты, художники... Даже местный

¹ J.-L. Chaumeil. Le Trésor du Triangle d'or, p. 109.

глава управления, депутат департамента Од господин Дюжарден-Бометц, художник, франкмасон и временный министр изящных искусств. Среди гостей аббата обращает на себя внимание и некий иностранец с величественной осанкой, называющий себя Жаном Ортом: обитателям Ренн-ле-Шато и невдомек, что перед ними австрийский эрцгерцог Иоганн Габсбургский, кузен императора Австро-Венгрии. Да, это действительно он; эрцгерцог — частый гость аббата Соньера, который принимает именитого гостя с особым почтением. Порой их беседы с глазу на глаз длятся часами, но, по всей видимости, их связывают деловые отношения, а не дружеские. Что, впрочем, не мешает «господину Орту» бывать на светских вечерах, проходящих на вилле Соньера.

Да, отныне кюре Ренн-ле-Шато принимает гостей исключительно на своей вилле. В ее служебных помещениях кипит работа: при помощи слуг, нанятых по случаю большого приема, искусный кулинар Мари Денарно готовит восхитительный пир, который оценил бы любой знаток французской и окситанской кухни. Кто знает, не приходило ли ей в голову слегка подправить вкус своих изысканных кушаний — скажем, крысиным ядом! — разумеется, лишь в те вечера, когда на вилле гостила Эмма Кальве... Мари была недалекой деревенской девушкой, бесконечно преданной человеку всей ее жизни. Властный, но в то же время великодушный характер аббата в совокупности с его внешним обликом сумел покорить эту скромную шляпницу, она умела вовремя промолчать или проглотить обиду. К тому же верной служанке не на что было жаловаться, ее положение было не столь уж и печальным. Мари прекрасно понимала, что знаменитая певица никогда не променяет Париж на Ренн-ле-Шато, так что опасаться появления на вилле новой хозяйки ей не стоило. Что не мешало Мари сердиться на Беранже за подарки, которые он делал Эмме Кальве. Конечно, до нее доходили слухи о том, что ее любимый аббат снабдил «певичку» значительной суммой денег, чтобы та смогла купить в Авероне замок своей мечты и даже растить в нем ребенка, прижитого ею с аббатом... Но стоит ли верить злым толкам?

Порой люди не знают меры. Правда, такое можно приписать только тому, кто на это способен...

Помимо именитых гостей, Беранже Соньера навещают банкиры. Только ли ради ссуды, которую он просит и получает, или ради того, чтобы извлечь пользу из его «сбережений»? Злые языки не знают устали: аббат богат настолько, что кормит своих уток бисквитами с ложечки. Что верно, то верно — аббат не мелочится, когда речь заходит о еде и выпивке. «Страница расходной книги за 1 ноября 1900 года: один бочонок рома с Мартиники емкостью 45 литров по 2 франка за литр = 90 франков; 50 литров старого выдержанного рома по 2,35 франка = 117,5 франка; 33 литра белого вина „От Барсак“; 33 литра мальвазии, 17 литров золотистой хинной настойки, 55 литра вина из Баньюля; 12 литров муската». Да, «бель-эпок» началась для Соньера наилучшим образом: вряд ли кто мог отказаться от визита к столь богатому и расточительному хозяину.

«Но не беспокоила ли эта скандальная роскошь, которой окружил себя аббат — который, верно, успокаивал свою совесть, думая о драгоценном мире, который Христос принял в Вифании от Марии Магдалины, — так вот, не беспокоила ли эта неумеренная роскошь епископа Каркасонского, злосчастного монсеньора Бийара, чьими милостями Соньер попал в это волшебное царство? Во всяком случае, он ничем не проявляет своего отношения к происходящему и предоставляет аббату полную свободу действий. Быть может, монсеньор решил, что Соньер „отработал“ право на вольготную жизнь, восстановив приходскую церковь? Отдадим должное Соньеру: починить храм было первоочередной заботой аббата. Как бы то ни было, столь „ренессансному“ образу действий священника, дающего работу целой плеяде ремесленников, не хватает скромности, а главное, вкуса»¹. Действительно, как австрийский эрцгерцог, знаменитая парижская певица и другие важные персоны могли выносить столь «разношерстное» причудливое творение Беранже Соньера?

¹ Jean Robin. Rennes-le-Château, p. 27–28.

Но времена меняются. Постаревший монсеньор Бийар в последние месяцы жизни практически беспомощен, и вскоре на епископском престоле оказывается монсеньор Босежур. К сожалению, нового епископа нельзя назвать толерантным человеком. Этот человек явно «не из нашего братства», мелькает в мыслях Соньера, когда в 1902 году он узнает о его назначении. Первым делом новый епископ желает осмотреть свои владения, чтобы понять, что в них соответствует его требованиям, а что нет. Разумеется, поведение Соньера кажется ему из ряда вон выходящим: образ жизни кюре Ренн-ле-Шато не укладывается в рамки евангелической бедности! Правда, сам монсеньор живет в епископском дворце, гораздо более удобном, чем дом священника, но, в конце концов, каждому свое! Для чего, собственно, существует иерархия? Если деревенские священники будут жить жизнью епископов, то к чему все это приведет, куда далее?

Впрочем, сначала монсеньор Босежур не предпринимает каких-либо действий, лишь в 1905 году он предлагает аббату новый приход. Соньер отвечает отказом: он не может покинуть приход, в котором его удерживают собственные интересы. Епископ настаивает на своем, пытаясь вызвать аббата в Каркасон, дабы выслушать его. Но, несмотря на все предупреждения монсеньора, Соньер избегает встречи с ним под предлогом болезни: при этом каждый раз на свет появляется новое медицинское удостоверение. Видя столь явное нежелание аббата покинуть свой приход, в 1909 году епископ закрепляет за ним приход в Кустоге в Корбьерах и торопит аббата Марти занять место кюре в Ренн-ле-Шато. Для Соньера это катастрофа... Он отказывается от этого назначения, хотя новый приход гораздо богаче, чем прежний.

Итак, за невероятным взлетом последовало неизбежное падение. Вплоть до сего времени любое предприятие Соньера оканчивалось успешно. Из нищего священника он превратился в зажиточного кюре и высокопоставленную персону, таким он был в глазах прихожан и гостей, поддерживающих с ним отношения, непонятные для простых смертных. Но был ли он

счастливы? Никто этого не знает. Порой в мирной жизни аббата и служанки-любовницы появляется Эмма Кальве. Впрочем, их отношения более напоминают историю Красавицы и Чудовища, где роль чудовища, разумеется, играет Соньер. Эмма Кальве не принадлежит ему. Ее властелин — это публика и таинственное братство, для которого и Беранже Соньер, и Эмма Кальве всего лишь марионетки в их странной и непонятной пьесе. Вне всякого сомнения, Беранже Соньер симпатичен оперной диве: робкий воздыхатель, обладающий силой Геркулеса! Женщины это любят. Но Беранже для нее всего лишь *пешка* (пускай даже симпатичная) в игре, участники которой невидимы. Поэтому, когда господин кюре Ренн-ле-Шато окажется в затруднительном положении, ни Эмма Кальве, ни те, кто стоят за ее спиной, не шевельнут и пальцем, чтобы помочь ему. Отныне аббату придется отвечать за свои поступки самому.

Когда Беранже был простым священником, церковное начальство обладало для него непререкаемым авторитетом: он подчинялся. Но времена меняются — изменили они и Беранже Соньера. Он не намерен быть рабом системы. В его распоряжении находятся некие *секретные* документы, но проблема заключается в том, что аббат не знает как ими воспользоваться. В его руках настоящая бомба, а он не знает, как ее взорвать! По мере того как он борется с епископом, желающим *убрать* Соньера из Ренн-ле-Шато (без сомнения, у монсеньора на то есть серьезные причины), аббат ставит себя выше церковных законов, но, как известно, «вне Церкви нет спасения». Печальный опыт Соньера тому лучшее свидетельство. Ни один из «друзей», в свое время навещавших священника на вилле «Вифания», не пойдет ради него на жертвы или испытания. Напротив, эти «друзья» сделают все, чтобы поставить его в трудное положение, поскольку более они в нем не нуждаются: аббат выполнил миссию, для которой был предназначен. Теперь он вне игры — а значит, надеяться на помощь «свыше» деревенскому священнику более не стоит. Лишь безграничная преданность Мари Денарно спасет Соньера от отчаяния.

Тучи над головой кюре сгущаются: представитель духовной власти монсеньор Босежур, всеми силами стремящийся очистить место, занимаемое Соньером, пытается сыграть на его слабостях. О нет, речь не идет о Мари Денарно: в рядах черного духовенства это настолько распространенное явление, что за «порочную связь со служанкой» на аббата нельзя даже как следует рассердиться, не говоря уже о том, чтобы учинить скандал. Епископ Каркасона нашел наиболее незащищенное место священника: он обвиняет Соньера в том, что он накопил свое богатство при помощи незаконных махинаций с суммами, полученными за мессы; иными словами, это обвинение в симонии, получившей свое название по имени знаменитого волхва Симона.

Ход монсеньора Босежура прост: Беранже Соньер проводил дорогостоящие работы, полностью оплачивая все расходы, — в таком случае пускай аббат поведает, *где и каким способом* он смог добыть столь значительные денежные суммы. Разумеется, как того и ждет епископ, аббат *не может этого объяснить*. Он довольствуется тем, что приводит ряд ничего не значащих цифр, но он не вправе рассказать, откуда взялся источник его доходов. К тому же кюре обвинен в том, что его махинации с мессами охватили не только родной диоцез, но и другие. Так или иначе, в глазах высшего церковного начальства Беранже Соньер сильно скомпрометирован. Все, о чем просит его монсеньор Босежур, — оправдать свои излишние расходы, чего он, как мы понимаем, *никогда* не сможет сделать. «Тогда Соньер соорудил докладную, которая внесла путаницу в подсчеты исследователей»¹.

¹ Впоследствии различные записки, составленные Соньером, а также оплаченные (или неоплаченные) им счета-фактуры были собраны и частично опубликованы в двух произведениях: «Знаменитое сокровище Ренн-ле-Шато» Жака Ривьера и «История сокровища Ренн-ле-Шато» Пьера Жарнака. Оба автора, проделавшие колоссальную исследовательскую работу, предоставили почти одинаковые результаты, расхождения в их интерпретациях не вызывают нареканий. На мой взгляд, бесполезно повторять их работу, поражающую своей точностью и упорством, проявленным авторами. Фотографии, опубликованные в этих книгах, — это документы, которые говорят сами за себя.

Одни только работы в церкви оценены им в 193 000 франков золотом. В конце XIX века, когда французский посол получал 40 000 франков в год, такая сумма была значительной. Но Соньер плурует: исследование тех счетов, которые он поостерегся приложить к своей докладной записке, доказывает, что на самом деле он потратил в пятнадцать раз больше¹, не говоря уже о стоимости виллы и башни „Магдала“². Так или иначе, в «двойной бухгалтерии» Соньера сомневаться не приходится.

Наказание неминуемо. Поначалу аббата объявляют «*suspens a divinis*» временно: это своего рода предупреждение епископа, желающего подчинить Соньера своей воле и заставить его принять новое назначение. Но аббат, словно «право имеет», апеллирует к Римской курии, где дела такого рода обычно откладываются в долгий ящик. Более того, кюре не намерен освобождать дом священника в Ренн-ле-Шато, в то время как муниципалитет принимает его сторону, утверждая, что дом арендован господином Соньером и никто другой не может его занять. Очевидно, прихожане любят своего кюре — даже те, кто не жаждет посещать церковь.

В 1913 году Римская курия отказывает в иске монсеньору Босежуру... Как Соньеру удалось выиграть это дело? Но епископ Каркасона не намерен сдаваться: он возобновляет атаку. К тому же атмосфера в округе понемногу меняется: не будем забывать, что в Европе вспыхивает Первая мировая война. Соньер, внезапно лишившийся возможности оплачивать свои счета, вынужден прибегнуть к займам. Злые языки дают себе волю: в разговорах жителей Ренн-ле-Шато то и дело упоминается странный австриец с царской осанкой, в свое время навещавший аббата. Уж не шпион ли наш достойный кюре, мелькает подозрение у представителей местной власти. Отношения Соньера с австрийским эрцгерцогом (что является доподлинным фактом) оборачиваются против него: аббата считают

¹ Я предоставляю Жану-Люку Шомяю самому нести ответственность за свои слова.

² J.-L. Chaumeil. *Le Trésor du Triangle d'or*, p. 110.

агентом разведки, работающим либо на кайзера, либо на императора. Конечно, это невозможно доказать, но, по слухам, башня «Магдала» служит постом наблюдения для врагов, а на вилле «Вифания», в ее «тайных комнатах», скрываются шпионы. Итак, Соньер вновь на скамье подсудимых. *Он защищается так неубедительно, что это дает повод ко всяческой клевете.* В 1915 году он объявлен «*suspens a divinis*», но на этот раз обвинение окончательно и обжалованию не подлежит. Отныне аббат не имеет права выполнять свои приходские обязанности, то есть служить обедню и отправлять таинства. В Ренн-ле-Шато появляется новый кюре (который, впрочем, там не живет), что никоим образом не мешает прихожанам присутствовать на мессах, которые читает Соньер в своей часовне, построенной на территории поместья. Ведь вилла «Вифания» с ее садом и башней является частной собственностью, записанной на имя Мари Денарно, поэтому выселить аббата из нее невозможно. Что же касается дома священника, то он, с согласия муниципалитета и по законному арендному договору, навечно сдан господину кюре Беранже Соньеру — а посему новый кюре не имеет никакой возможности в нем поселиться. Забавная ситуация.

С этого момента история об аббате Соньере варьируется. Одни утверждают, что Беранже Соньер и Мари Денарно в поисках денег отправились блуждать по Окситании: они даже продавали освященные медали раненым в военных госпиталях. Согласно второй версии, кюре и его служанка, укрывшись в поместье, жили затворниками и покидали свой дом крайне редко. По сведениям третьих, Соньер всеми силами пытался вернуть свою должность. Но все уверены в одном: финансовое положение Беранже и Мари было отчаянным, а к роскошному имени Соньера уже внимательно присматривались кредиторы. К счастью, в связи с войной дела о погашении долгов перестают волновать судий. Экс-кюре Ренн-ле-Шато и его верная служанка, так сказать, выходят сухими из воды.

С 1914 года Франция охвачена страхом: война забирает людей из семей, возвращая обратно далеко не всех. В Ренн-ле-

Бен стареет аббат Буде. Грохот далекой войны не достигает его ушей, но силы аббата уже на исходе. Подав в отставку, Анри Буде отправляется в Акса, к родной семье. В 1915 году напор немцев остановлен, но никто не знает, что начнется далее. Страх перед будущим поселяется даже в удаленных от мира деревушках департамента Од, где никто не ведает об ужасах войны, — о ее потерях узнают лишь из газет или рассказов военных, в основном раненых, отпущенных в отпуск по болезни. А в это время в Акса, неподалеку от Ренн-ле-Шато, аббат Буде, понимая, что его дни сочтены, просит позвать к себе Соньера, который немедленно навещает собрата. О чем они говорят в последние часы жизни Буде? Никто не знает об этом: разговор священников был конфиденциальным. 30 марта 1915 года Анри Буде испустил дух, по-видимому примирившись с Богом.

Жизнь Беранже Соньера вновь меняется. Оплата неотложных долгов, возмещение убытков поставщикам и новые амбициозные проекты — все происходит как по мановению волшебной палочки! Аббат вновь чувствует вкус к жизни. В голове его зреют новые проекты, один величественнее другого. Снабдить Ренн-ле-Шато канализационной системой, которая приведет в каждый дом питьевую воду. Оздоровить деревню. Построить на востоке деревни грандиозную башню, подобие «Магдалы», с которой аббат будет нести слово Божье всем, кто придет послушать его проповеди. А слушателей будет много, в этом можно не сомневаться. Итак, он выплачивает задаток и распоряжается работами.

Что произошло на этот раз?

Самое простое объяснение «воскрешения аббата Соньера» — аббат Буде. Скорее всего, перед смертью кюре Ренн-ле-Бен доверил ему «великий секрет», о котором Соньер не имел понятия. Но что это была за тайна? Неисчерпаемое сокровище или некие документы? Вариантов ответа множество. Точно можно сказать одно: в 1916 году Беранже Соньер вновь становится тем, кем он был: человеком с неизмеримыми амбициями, способным на любую дерзкую выходку, готовым взяться за постройку

зданий еще более красивых, чем раньше. Так будут говорить о нем еще долгое время. Можно сказать, что аббат взял реванш в борьбе с епископом. Разногласия с высшим духовным начальством не означают, что аббат отказался от веры: он продолжает служить мессы в своей часовне, на которые приходят прихожане Ренн-ле-Шато. Похоже, паства предпочитает держаться подальше от официальных служб аббата Марти, которого в деревне так и не приняли. Беранже Соньер останется «кюре Ренн-ле-Шато» до конца своей жизни.

1917 год. Войне все не видно конца. Список «погибших за отчизну» удлиняется с каждым днем, и вскоре на площади Ренн-ле-Шато появится памятник, но вовсе не тот, о котором мечтал Соньер, — это памятник погибшим воинам, какой можно увидеть во многих деревнях Франции. Соньеру уже шестьдесят пять лет, но он все еще в прекрасной форме: его могучий вид, крепкая широкоплечая фигура производят на посетителей сильное впечатление. Он по-прежнему строит множество планов, ожидая лишь их конкретного воплощения. Но 17 января (та же дата, что была указана на могильном камне маркизы д'Отпуль...) у входа в башню «Магдала» он падает, пораженный апоплексическим ударом, от которого он уже не оправится. Его проводят в комнату в доме священника, в котором он все еще живет. Мари Денарно, полная страха, посылает за врачом.

Беранже знает о своей болезни. Он знал о ней всегда, но делал вид, что не болен. Проходит несколько дней. Наконец аббат просит Мари позвать священника, и в Ренн-ле-Шато появляется аббат Ривьер, кюре Куизы. Исповедь в комнате Соньера, при которой присутствует лишь его коллега, длится долго. Наконец кюре Куизы выходит из комнаты: он смертельно бледен. Пройдет еще много времени, прежде чем к коллеге Соньера вернется былая безмятежность. Какой ужасный секрет доверил ему кюре Ренн-ле-Шато? Говорят, что в момент смерти в присутствии доктора Куррена аббат произнес таинственное имя «Иоанн XXIII». Утверждают также, что его соборовали лишь спустя два дня после смерти, перед тем как похоронить

его на маленьком кладбище, прилегающем к церкви, к той самой церкви, которую он так любил...

Никто никогда не узнает, в чем признался аббат Соньер своему исповеднику. Мертвецы хранят свои секреты не хуже, чем тайна исповеди. Аббат Ривьер ни словом не обмолвился о том, что сказал ему Соньер перед смертью. Но после его смерти, пришедшей к Соньеру в ночь на 22 января 1917 года, его имя еще долго не сходило с уст прихожан, обсуждавших как покойного, так и его проводы. Заботливая Мари Денарно постаралась, чтобы аббата, одетого в богатое церковное облачение с темно-красными кистями, уложили на возвышении в большом зале виллы. Провожать Соньера пришли отовсюду, желая отдать последние почести этому исключительному человеку. Говорят даже, что в день похорон в Ренн-ле-Шато появилась коляска, в которой видели красивую даму, чье лицо было скрыто черной вуалью: разумеется, это была Эмма Кальве...¹ После этой несколько языческой церемонии (дело в том, что во время прощания жители деревни незаметно отрывают кисточки от одежды покойного, «на добрую память») прихожане несут гроб Беранже Соньера в церковь, где готовится прочесть мессу аббат Ривьер. Напротив стены храма Ренн-ле-Шато вырыта могила.

По открытию завещания покойного оказалось, что у аббата не было никаких сокровищ, а все его имущество было записано на имя Мари Денарно. Что касается его банковских счетов, никто их так и не обнаружил... Погруженная в печаль Мари Денарно осталась доживать свой век на вилле «Вифания». Отныне ее удел — скромная незаметная жизнь, которую скрашивают разве что воспоминания об аббате Соньере. Секрет, которым он владел, она не раскрыла никому. Многие односельчане

¹ Этот эпизод восхитительно поставлен Жаном-Луи Фурнье, снявшим телефильм «Золото Дьявола» (1989) по двум романам Жана-Мишеля Тибо. Конечно, это вымысел, но вымысел этот не более абсурден, чем все, что было рассказано или написано о Беранже Соньере. Я бы даже сказал, что это наиболее приемлемый вариант этой темы.

помнят ее слова: Мари частенько повторяла, что они ходят по золоту, даже не подозревая об этом... Но тогда почему эта старая дама, умершая в 1953 году, жила если не в нужде, то в стесненных условиях? Ведь ей, как известно, пришлось отдать имение в пожизненную ренту Ноэлю Корблю. Если золото было у нее под ногами, почему она им не воспользовалась?

Итак, мы подробно изложили сюжет романа о Беранже Соньере, этого полотна, сотканного из вымысла настолько искусно, что вымысел этот порой принимают за реальный исторический факт. Однако... есть церковь Святой Магдалины Ренн-ле-Шато, есть вилла «Вифания» и башня «Магдала», и есть, наконец, тень самого Беранже Соньера, неотделимая от «дела Ренн-ле-Шато». Где же проходит грань между вымыслом и реальностью в этом абсурдном, но тем не менее наполненном историческими сведениями «романе»?

«Роман об аббате Соньере» можно смело назвать мифом. Но мифы не появляются на пустом месте: существует и «обратная сторона дела Ренн-ле-Шато», породившая столь великое множество мифологических напластований. Поисками этой «обратной стороны», или «скрытой реальности», нам и предстоит заняться, невзирая на то, что она почти не видна сквозь густой туман вымысла. Помимо «мифа о Соньере», существует и «тайна Соньера», и в этом нет сомнения. В таком случае — кем был этот незаурядный человек?

Глава II

КЕМ БЫЛ АББАТ СОНЬЕР?

1 июня 1967 года в «Религиозном ежедневнике Каркасона» появилась пространная статья «Предостережение и предосторожность», подписанная Жоржем Бойером, главным викарием. Среди прочего в статье были следующие строки: «В течение нескольких лет наш древний край Разе то и дело становится объектом неустанных исследований, ложных поисков, непрекращающихся раскопок и газетных сенсаций. Основной удар этой неуправляемой стихии пришелся на Ренн-ле-Шато, однако волна захлестнула и его окрестности, в частности, Ренн-ле-Бен, плато де Фе, Бланшфор и Кампань-сюр-Од. Иными словами, в „зоне затопления“ оказалась вся область, хранящая следы вестготов. Без сомнения, у этого края богатая и интересная история, но сегодня все это скрыто под напластованиями легенд и апокрифических документов. Так, например, некоторые не колеблясь утверждают, что сокровище спрятано в некоем древнем некрополе и что епископ Каркасонский знал о его существовании, но не собирался раскрывать этот секрет... Попытки выяснить, что могло стать источником доходов бывшего кюре Ренн-ле-Шато аббата Соньера, умершего в 1917 году, рождают массу предположений, от шпионажа во время войны до нахождения сокровищ вестготов, катаров, королевы или тамплиеров». Должен заметить, что поиск сокровищ по сути своей нормальное и полезное развлечение, даже в том случае, если его результаты ничтожны или отсутствуют вовсе. Поэтому «чрезвычайные полномочия», которыми наделил себя «Религиозный

еженедельник», движимый заботой о безопасности родного края, вызывают некоторое недоумение: даже самые безудержные фантазии кладоискателей не могут нести в себе той угрозы, о которой заявляет этот печатный орган.

«В прежние времена над сложившейся ситуацией можно было лишь посмеяться, но сегодня более нельзя молчать. В ходе долгого расследования в наших руках оказалось множество доказательств и предположений¹. А поскольку репутация наших священников — это святое, хотелось бы предостеречь тех, кто будет продолжать какие-либо исследования в этой области: мы не оставим без внимания несправедливые обвинения в их адрес, мы не допустим, чтобы их имена были использованы в сомнительных или коммерческих целях...»

Разумеется, обнаружение биографии знаменитого человека (тем более духовного лица) — вопрос довольно деликатный, но, хотите вы этого или нет, аббат Соньер стал частью Истории, а История, как известно, принадлежит всем и каждому. Главное в делах такого рода — понять намерения тех, кто стремится разобраться в этом вопросе. Один и тот же факт можно использовать для подтверждения противоположных гипотез, в чем легко можно убедиться, обратив внимание на те аргументы, которыми пользуются обе стороны, желающие «обелить» либо «очернить» аббата Соньера. Его история довольно запутанна, поскольку реальные факты его биографии порой подменялись их интерпретацией, иногда доходящей до абсурда. Однако в силу того, что «тайна Соньера» действительно существует, нужно попытаться разгадать ее или, по крайней мере, объяснить. Поэтому первым делом следует обратиться к

¹ Епископ Каркасонский предоставил в распоряжение часть документов этого расследования, впоследствии они были опубликованы и прокомментированы в 1983 году Жаком Ривьером («Знаменитое сокровище Ренн-ле-Шато») и в 1985 году Пьером Жарнаком («История сокровища Ренн-ле-Шато»). Эти две книги являются основной литературой для тех, кто намерен посвятить себя объективному исследованию «дела аббата Соньера».

надежным документам, чтобы понять, кем был аббат Соньер на самом деле, то есть до того, как его имя стало легендой.

Беранже Соньер — уроженец края Разе: факт, которым не следует пренебрегать. Он появился на свет 11 апреля 1852 года в Монтазеле, неподалеку от Куизы. Поклонники астрологии могут добавить, что Соньер родился под знаком Овна, следовательно, это человек, в котором заложено неосознанное стремление идти напролом, невзирая на барьеры и препятствия на своем пути, но при этом оставаться целым и невредимым — иными словами, всегда выходить сухим из воды. Беранже был старшим сыном в уважаемой всеми семье. Его отец занимал важный пост: он работал управляющим мукомольней при замке маркиза де Каземажу, что считалось тогда хорошим местом. Многоводная долина Куизы в те времена была плодородной, богатой пастбищами и фруктовыми садами. Знатный род Каземажу (близкие родственники семьи Негри д'Абль) принадлежал к одному из самых древних семейств в регионе. Эта семья посвятила себя христианским делам, в их роду насчитывалось немало священников и духовных лиц. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что жизненный путь семейства Соньеров, этих «из ряда вон выходящих простолюдинов», в какой-то степени был предопределен: в семье Жозефа Соньера появились два священника, Беранже и его младший брат Альфред.

Равного внимания к себе требует и то время, в котором родился и вырос Беранже Соньер: эпоха Второй империи. Страх перед республиканцами (особенно перед социалистами) во многом обусловил политический выбор, сделанный знатными семействами Окситании и их «сторонниками»: в большинстве своем они отдали свой голос Луи Наполеону Бонапарту. Что представляли собой в то время эти знатные семейства? Традиция, принципы и убеждения крепко держат их в границах католической веры. Они не доверяют людям, которые, по их мнению, могут предать интересы Церкви под влиянием еврейских банкиров и франкмасонов всевозможных категорий. После

катастрофы 1870 года они, разумеется, поголовно становятся антикоммунарами, мечтая о том дне, когда молодая Республика превратится в монархическое государство, во главе которого окажется человек, достойный быть государем, — например, Генрих V, граф Шамбор, неоспоримый законный наследник королевского рода. Итак, Монтазель — обитель легитимистов, ярых противников орлеанистов: кандидату на трон от партии орлеанистов не могут простить, что он является потомком Луи-Филиппа, этого цареубийцы и «великого магистра» франкмасонства в годы, предшествующие Великой французской революции. Поэтому обвинения в том, что Беранже Соньер был масоном, не только смешны, но и полностью лишены смысла: причиной появления этой бесосновательной теории стал так называемый шахматный пол в церкви Ренн-ле-Шато. Вернемся, однако, к знатым семействам Окситании. Поскольку в большинстве своем это монархисты-легитимисты, то, соответственно, их с уверенностью можно назвать сторонниками интегризма, иначе и быть не может. После того как Наполеон III принял участие в итальянском движении против папы Григория XVI, им становится ясно, что «Баденге» действовал по указке «этих дьявольских франкмасонов», желающих развратить мир. Наполеон III для них — образец лицемерия, правитель, попавший под влияние карбонариев; то, что впоследствии он станет защитником папской власти, объясняется лишь тем, что он хочет завоевать доверие французских католиков... К счастью для легитимистов, впоследствии на папском престоле окажется папа Пий X, готовый безоговорочно осудить любую форму демократии, поскольку она противоречит Божьему замыслу. По замыслу Всевышнего, общество может состоять лишь из работников, воинов и служителей церкви (знаменитое индоевропейское трехчленное деление общества, вновь введенное в обращение во времена средневековья). Иного не дано — разве что небольшое допущение: работники могут перейти в класс служителей церкви. Подтверждение тому — Беранже и Альфред Соньеры.

Такова была окружающая среда, в которой рос юный Беранже Соньер. Он останется монархистом на всю жизнь. Конечно, его идеи можно (и нужно) назвать реакционными, но в равной мере это *патерналистские* устремления. Что, кстати, вполне объясняет ту линию поведения, которой он придерживается: священник обязан быть движущей силой общества как в материальном плане, так и в духовном. Разве Беранже стремился к чему-либо иному?

В 1874 году Соньер поступает в семинарию Каркасона. Там он получает обычный набор знаний, необходимых для священника, и в июне 1879 года становится священнослужителем. Его младший брат опережает Беранже на целый год: вероятно, у старшего Соньера были какие-то трудности, мешавшие ему дойти до конца обучения. А может быть, это был не столь уж блистательного ума юноша, каким нам его обычно описывают в «романе об аббате Соньере». Но, как бы там ни было, он заканчивает обучение в возрасте двадцати семи лет, после чего его отправляют в Але на место викария с оплатой 900 франков в год: такую сумму предоставляет викариям закон, регулирующий отношения государства и Церкви.

Молодой викарий, как кажется, целиком и полностью предан своему делу и, помимо повседневных обязанностей, не упускает возможности проявить как можно больше заботы и внимания прихожанам, желая снабдить деньгами наиболее нуждающихся — или, по крайней мере, заставить тех, у кого есть деньги, обратить внимание на их бедственное положение. Как видно, это стремление заложено в нем изначально. Конечно, получив богатство, Соньер стал жить чересчур привольно, но не стоит забывать и о том, что он не расставался с мыслью пустить его на доброе дело, поделиться им с другими людьми. Вероятно, это патерналистские устремления, сходные с идеями аристократии того времени. Во всем этом можно усмотреть не больше чем системные отношения, удерживающие население Франции в зависимости от Церкви и от тех, кто заключил с ней союз, то есть монархистов и части «правых» республиканцев,

готовых примкнуть к роялистам. Но образ действий Соньера, как и большей части его коллег, очевидно, является следствием обучения в тени аристократического семейства.

В свободные часы наш аббат прогуливается по улочкам Але. Этот деревенский крепко сложенный человек, от которого веет здоровьем и жизненной силой, любит «подышать свежим ветром» и живо интересуется всем, что его окружает. Ему нравится бродить среди руин кафедрального собора, разглядывая развалины древнего монастыря. Вероятно, думая о былой, ныне исчезнувшей красоте этого архитектурного памятника, он не раз сожалеет, что в 1862 году Виоле-ле-Дюк не счел нужным взяться за его реставрацию. Соньер навещает и могилу бывшего епископа Але Никола Павийона, ученика и друга Винсента де Поля, проявлявшего милосердие к беднякам и полагавшего, что проповедование христианского учения и образование деревенских жителей может быть как мужским, так и женским делом (мысль по тем временам довольно редкая). Вероятно, эти слова, произнесенные двадцатидевятилетним епископом Але, довольно часто приходят на ум Беранже: когда в его распоряжении окажется приход Ренн-ле-Шато, он попытается претворить его слова в жизнь. Не вспоминает ли он, помимо этого, двусмысленное изречение провансальского трубадура Ука де Сен-Сирка о том, что Бога можно постичь через женщину? Конечно, трубадур говорил о совершенно иной вещи, но... Разве не к Марии из Магдалы обратился воскресший Иисус с просьбой передать ученикам весть о его воскресении?

Во время своих «археологических» прогулок Беранже встречает человека, которому «в деле Ренн-ле-Шато» уделяют лишь несколько строк, что по меньшей мере странно, так как именно этот персонаж в каком-то смысле предопределил дальнейшую судьбу священника. Его влияние на ум молодого викария во многом позволяет понять часть творений Соньера. Почему его обходят молчанием? Почему эти важные встречи не нашли отражения в истории жизни столь же таинственной, как и Соньер, личности? Этот художник, чьи творения практически неизвестны

потомкам, оказал сильнейшее воздействие на будущую деятельность аббата. Речь идет об Анри Дюжардене-Бометце, который впоследствии будет навещать Соньера на вилле «Вифания», неизменно встречая самый радушный прием.

Анри Дюжарден-Бометц, родившийся в 1852 году, долгое время занимался живописью, но поскольку его ремесло не приносило доходов, он оставил искусство ради политики. Став главным советником департамента Од, в 1889 году он был избран депутатом. Его активная деятельность в палате депутатов привела к тому, что бывшему художнику доверили пост заместителя министра изящных искусств. Анри Дюжарден-Бометц — член радикальной партии и притом, заметим, убежденный в своих идеях франкмасон. Удивительно, как столь разные по духу и убеждениям люди смогли подружиться... Искренне верующий монархист-легитимист, отстаивающий идеи «правых», священник, заботящийся о своем долге, — и антиклерикал, если не сказать атеист, готовый сражаться за победу «левых», сторонник светского характера образования, целиком и полностью поддерживающий деятельность кабинета Комба. И, несмотря на это, их взаимная симпатия с годами не ослабнет: дружба священника и министра изящных искусств продлится вплоть 1910 года, до смерти Анри Дюжардена-Бометца.

О чем беседуют во время прогулок по Але эти два человека? Разумеется, о политике, поскольку ни тот, ни другой не собираются ни скрывать своих убеждений, ни отступать от них. Но возможно, что общей темой для разговора станут искусство и археология, ведь оба они прогуливаются вокруг аббатства Але. Говоря откровенно, Соньер по сути своей невежда: в то время преподавателей семинарий не слишком беспокоил вопрос о том, будут ли их ученики, будущие служители культа, обладать артистическим вкусом. В результате такого невежества многие деревенские юре продавали антикварам по несоизмерно низкой цене статуи удивительной красоты, заменяя их безобразной гипсовой продукцией в духе Сен-Сюльпис: сегодня эти наводящие уныние гипсовые скульптуры можно увидеть

во многих храмах. Порой происходят еще более страшные вещи: пользуясь тем, что здание не занесено в списки исторических памятников, многие кюре в буквальном смысле калечили свои церкви, превращая прекрасные уютные святыни в подобия залов заседаний¹. Беранже Соньер внимательно слушает художника. Без сомнения, тот дает ему объяснения о пышном *символическом* убранстве этого достойного, но покинутого святыни, которое, несмотря на все ходатайства и жалобы Дюжардена-Бометца, продолжают растаскивать каменоломы с явного на то позволения административных властей. Без сомнения, художник наводит Соньера на размышления о том, насколько необходимы пастве конкретные и образные воплощения христианских идей, даже если эти изображения поначалу могут сбивать с толку. Франкмасон Анри Дюжарден-Бометц не понаслышке знает о системе символов: вполне возможно, что он учит молодого викария распознавать некоторые из них и понимать их значение.

Но нельзя оставаться викарием вечно. 16 июня 1882 года Беранже Соньер становится кюре: новый епископ Каркасона, монсеньор Феликс Бийар, закрепляет за ним приход Ле Кла в округе Акса. В Кла, деревушке на краю высокого плато, откуда как на ладони видна округа Соль, обитают 282 жителя. Прихожане Кла бедны как церковные мыши и спасаются от нищеты разведением мулов. Такое назначение нельзя назвать удачным, но Соньер ведет себя как должно. Как всегда, в его голове роятся честолюбивые и человеколюбивые замыслы: как обустроить приход, помочь тяжелой участи прихожан и оставить в память о себе какое-либо архитектурное наследие. Уединенная жизнь

¹ Я мог бы привести множество примеров этого ужасающего неведения (точнее, невежества) священников, в частности удивительную церковь Тиранж (Верхняя Луара), в которой кюре велел уничтожить восхитительные римские колонны с капителями, объяснив свой варварский поступок тем, что колонны мешали ему отследить, кто из его прихожан был на воскресной мессе, а кого не было. Свидетели этой «перестройки» еще долго не могли прийти в себя.

священника в Кла продлится три года. Чем мог скрашивать Соньер свое одиночество? По некоторым сведениям, он был страстным любителем чтения. Правда, при этом никто не уточняет, *какого рода* было это чтение, у нас нет точных сведений о том, какие книги хранились в личной библиотеке священника. Разумеется, в ней были священные тексты, произведения на греческом, латинском и даже древнееврейском языках. Но все же Соньер не был интеллектуалом: это был человек действия, более строитель, чем мыслитель. Поэтому стоит предположить, что в деревне прихода Акса он не развивал свой ум систематическим чтением, а терпеливо сносил все тяготы бытия, будучи в твердой уверенности, что рано или поздно ему достанется хороший приход.

В 1883 году до Кла доносится весть о смерти графа Шамбора, герцога Бордо, которого легитимисты прочили в короли Франции и величали не иначе как Генрихом V. Его непримиримость, отказ от трехцветного знамени и очевидное презрение к «народу» оттолкнули часть тех, кто верил в его возвращение. Граф Шамбор умер в изгнании, в Австрии, не оставив наследников. С этого момента единственным претендентом на трон оставался граф Парижский, потомок древнего рода герцогов Орлеанских и капетингской ветви. Однако в том же 1883 году усилиями роялистских комитетов во Франции появляются величественные сооружения, возведенные в память о графе Шамборе. Один из таких монументов существует и поныне в Сент-Анн д'Оре (Морбиан), неподалеку от собора, воздвигнутого в честь покровителя бретонцев. Его можно назвать типичным произведением искусства (точнее, псевдоискусства), характерным для конца XIX века, времени агрессивного торжества реакционной и уверенной в своей правоте Католической церкви. Этот стиль, ужасающий с точки зрения эстетики, легко узнаваем: к нему можно отнести Сакр-Кер в Париже, Нотр-Дам-де-Фурвьер в Лионе, новый собор в Арс-сюр-Форман (Эн), безобразную базилику Нотр-Дам-де-ла-Салетт (Изер), собор де ла Лувеск (Ардеш)... Венцом этого архитектурного уродства, бесспорно,

является собор Нотр-Дам в Лурде, против которого выступали все художники и Грилло де Живри. Совсем небольшой отрезок времени отделяет 1883 год от торжества непримиримой реакционной христианской веры в лице Пия X, впоследствии тем не менее причисленного к лику святых. Следы религиозной агрессии видны и в деле Дрейфуса, и в происках Лео Таксиля, сотворившего миф о франкмасонах и палладистах, и в печально известных «Протоколах сионских мудрецов». Этот от начала и до конца вымышленный документ, в свое время свирепствовавший в среде интегрисов, привел не только к всплескам антисемитизма, но и к газовым печам Освенцима — факт, который упорно отрицают те, кто путают Историю с идеологией.

Но не только отсутствие хорошего вкуса характеризует вышеупомянутые памятники и церкви: их отличительной особенностью можно назвать и постоянный вызов, брошенный Красоте. Эти произведения «искусства» нарочито некрасивы, бесформенны и напыщенны, в то время как изображение божества в этих соборах более напоминает страшилище, одновременно внушающее и уважение, и ужас. Поэтому Беранже Соньер является чистейшим продуктом своего времени, впитавшим в себя его культуру и тенденции. Поскольку у него не развит артистический вкус, аббат приложит все усилия к тому, чтобы соединить свои идеологические устремления с советами, которые ему будут давать. Не стоит упрекать священника за то, что в убранстве церкви Ренн-ле-Шато катастрофически не хватает хорошего вкуса: отсутствие артистической жилки Соньер компенсирует тем, что оказало влияние на его собственный вкус, включая то, что врезалось в его собственной позиции.

Каковы бы ни были эти интеллектуальные и художественные умозрительные построения, не будем забывать о том, что в голове Беранже Соньера зреет грандиозный замысел: превращение скромного прихода в новый Лурд, куда будут стекаться огромные толпы верующих. К сожалению, на реализацию такого проекта у него нет денег, монсеньор Бийар не выделяет необходимых для этого средств. Более того, освободив

священника от прихода Кла, епископ в качестве повышения по службе переводит его в Ренн-ле-Шато. Повышение вряд ли можно назвать значительным: население Ренн-ле-Шато по численности опережает деревушку Кла... на 16 человек. Уж не хочет ли монсеньор Бийар таким образом избавиться от священника?

Действительно, довольно странное повышение. Обычно, если приходской vikарий в течение определенного отрезка времени исправно выполняет свои обязанности, ему предлагают приход получше, где в его власти будет больше людей и больше возможностей проявить свои способности. Но бывают случаи, когда церковное начальство отправляет «неугодных» ему vikариев или кюре в иной приход; казалось бы, подобное назначение является наградой, тогда как на самом деле оно более похоже на наказание, поскольку обещанный приход на поверку оказывается либо вопиюще бедным, либо запятнанным каким-либо пороком, незаметным при первом рассмотрении¹.

¹ Лично мне известен пример такого рода — именно таким было назначение аббата Анри Жийара, которого я считаю своим духовным учителем. Выполняя функции vikария в двух неплохих приходах, но «будучи неугодным» как владельцу прихода, так и своему церковному начальству, епископу Ванна, аббат Жийар был назначен «приходским священником» Треорентека (Морбиан). То, что выглядело как повышение по службе, оказалось ловушкой, потому что приход, с трудом насчитывающий сотню жителей, был не только самым бедным во всем диоцезе, но и самым нелегким для управления как в культурном отношении, так и в духовном или политическом. Недаром этот приход называли «ночным горшком диоцеза»... Вряд ли нужно говорить о том, что аббат Жийар принял вызов и сделал из этого скромного бретонского прихода один из наиболее важных духовных центров полуострова. Тем не менее по здравом размышлении становится понятно, что это назначение на самом деле было наказанием за «чересчур» независимый характер священника и «слишком» живой, предприимчивый ум. Об этой теме подробнее рассказано во введении к произведению аббата Жийара «Тайны Броселианда» (Ploëmel, 1983). Речь идет о переиздании множества выпусков, опубликованных при жизни аббата Жийара его собственными усилиями. Это переиздание также содержит комментарии Пьера-Жака Элиа, Янна Брекильена и Шарля ле Куинтрека.

По замыслу церковного начальства, викарий должен пройти своеобразный *курс обузения*, соответствующий тому, что может ожидать его в будущем. После первых шагов, после всех испытаний на новом месте с нелегкими условиями для работы викарию дают новое место, которое соответствует его устремлениям. Или же не дают, как в случае с Беранже Соньером, которому достался приход, как две капли воды похожий на тот, что был у него прежде, и, возможно, даже более сложный для несения службы, чем старый. Его нельзя назвать более престижным, чем Кла, что, разумеется, ставит вопрос о том, каковы были отношения между монсеньором Бийаром, епископом Каркасонским, и его подчиненным аббатом Соньером. Поскольку нужно помнить, что изначально распределение Таинств было прерогативой епископов, считавшихся наследниками Христа. В ходе развития Церкви епископы предоставили некоторые из своих полномочий «облеченным миссией» (таков смысл слова «кюре»), чтобы те выполняли проповеднические функции епископов, у которых уже не хватало на это времени. Больше всего в такой мере нуждались отдаленные уголки страны, в частности деревни и поселки.

Прибыв в Ренн-ле-Шато, Беранже Соньер испытывает глубочайшее разочарование: деревня — настоящая «дыра», затерянная в сухих, бесплодных горах. Можно ли надеяться на лучшее в приходе, работа в котором более напоминает каторжный труд? В каждом диоцезе есть «хорошие» и «плохие» приходы, их репутация складывалась в течение многих веков. Ренн-ле-Шато, безусловно, «плохой» приход, в нем слишком мало людей, к тому же в основном это беднота. Скучного жалованья, предоставленного Церковью, хватает на жизненные потребности священника, но не на то, чтобы починить храм и дом священника: в этом случае приходится рассчитывать только на себя самого. Поэтому Соньер, воспользовавшись наследием, оставленным ему своим предшественником, пытается привлечь на свою сторону церковный совет, призванный заведовать имуществом прихода, и муниципалитет, являющийся местным

руководством государственного органа, управляемого министерством вероисповеданий.

Бедность Ренн-ле-Шато, обветшалость церкви и дома священника побуждают Соньера к действиям. Если нужно что-то сделать, он это сделает, даже если это «что-то» будет из ряда вон выходящим и осуждаемым всеми действующими законами. Чтобы понять действия Соньера, нужно постоянно помнить о той ситуации, в которой он оказался по прибытии в Ренн-ле-Шато. Его несвоевременное выражение политической позиции во время выборов не улучшает ситуации. Отстраненный от службы, но получивший поддержку монсеньора Бийара, он возвращается на свой пост, ему вновь выплачивают жалование, которое, как известно, было удержано за то, что «священнику не хватило должной сдержанности»... Кому аббат, занесенный в «черный список» республиканцев, был обязан мгновенным восстановлением в правах? Своему другу Дюжардену-Бометцу или монсеньору Бийару, который порой пользовался не меньшим влиянием, чем министр изящных искусств? Этого никто не знает, и никакой документ не в силах прояснить этот вопрос.

Далее я лишь вкратце напомним об основных событиях, уже изложенных мной в «романе об аббате Соньере», желая тем самым обозначить проблемы, которые всплывут в ходе этого расследования. Итак, безудержное желание отреставрировать церковь. Странная связь с Мари Денарно и непонятно чем вызванное благорасположение к аббату епископа Каркасонского. Раскопки в церкви и находка *некой вещи*. Осквернение могилы маркизы Мари де Негри д'Абль. Блуждания по каменному плато в компании Мари Денарно, частые встречи с аббатом Буде. Исповедь аббату Жели. Превращение бедного деревенского кюре в знатного «феодалного сеньора» и осуществление его проектов по обустройству деревни. Станные взаимоотношения с иностранными и местными гостями, частые отъезды из Ренн-ле-Шато, что доказано, за исключением поездки в Париж. Сногшибательный образ жизни, неизменное

стремление к монархизму. Необычное и противоречивое внутреннее убранство церкви Ренн-ле-Шато. Встречи и беседы в конфиденциальной обстановке с австрийским эрцгерцогом, скрывающимся под именем Жан Орт. Разногласия и споры с монсеньором Босежуром, новым епископом. Выдвинутые против аббата обвинения в симонии, неумелая защита Соньера и его постоянный отказ рассказать об источнике своих доходов. Опала и выигрыш дела в Римской курии. Окончательное отстранение от службы. Настойчивое желание остаться в Ренн-ле-Шато. Денежные затруднения и нищета в начале Первой мировой войны. Смерть аббата Буде и «новое обогащение» Соньера, череда грандиозных обременительных проектов. Наконец, таинственная скоропостижная кончина аббата (получил ли он отпущение грехов перед смертью?) и странный образ жизни Мари Денарно вплоть до 1953 года. Все это можно считать «теневыми сторонами дела Ренн-ле-Шато».

Беранже Соньер был человеком, не склонным к откровениям или признаниям. Он сумел убедить Мари Денарно хранить его секрет в тайне от всех — так она и поступила, уважая последнюю волю покойного, кому она слепо повиновалась всю свою жизнь. Беранже любил щеголять на фотографиях, предназначенных для изготовления почтовых открыток, приносивших ему прибыль: вот он на фоне виллы «Вифания», вот он стоит перед башней «Магдала», а вот он в компании Мари Денарно прогуливается в своих изысканных садах. Это имение подпитывало гордость Соньера в той же мере, в какой оно подпитывало и его уверенность в тех, кто ничего не потеряет, даже если дела окажутся для него роковыми. Всю свою жизнь Беранже Соньер был настолько *замкнутым* и *скрытным* человеком, что выяснить, кем же он был на самом деле, оказалось чрезвычайно сложным делом. Решить этот вопрос поможет лишь тщательное изучение тех самых «*теневых сторон*», которые были обозначены чуть выше: как это ни парадоксально, но именно они способны «осветить» личность Соньера, помочь увидеть его истинный облик, отличный от того, каким

он был изображен в романе, написанном за *тридцать лет после его смерти*.

«Тень» первая: «великий магистр» монсеньор Бийар

Первое, что бросается в глаза при прочтении этого «романа», — утверждение о некоем «пособничестве» епископа Каркасонского и кюре Ренн-ле-Шато. Некоторые версии романа твердо настаивают на том, что епископ отправил Соньера в столь незначительный и бедный приход лишь потому, что хотел доверить ему некую тайную миссию. Она заключалась в том, чтобы отыскать если не сокровище, то, по крайней мере, чрезвычайно важные (и ценные) для Церкви документы, спрятанные в храме Ренн-ле-Шато аббатом Бигу перед его эмиграцией в Испанию.

Что ж, такое объяснение действий епископа вполне логично. Действительно, все могло быть именно так. Но тогда почему был выбран именно Соньер, а не кто-либо иной? В ответ на это могут пояснить, что монсеньор Бийар тоже выполнял чьи-то приказания. Но чьи это были приказы, архиепископа или самого Ватикана? В некоторых гениальных, но сумбурных теориях мелькает предположение, что епископ действовал от имени таинственного братства, которое держало под контролем все действия Соньера. Однако нет нужды прибегать к такому «таинственному» объяснению. Вполне возможно, что церковное начальство действительно могло заинтересоваться документами, имеющими прямое или косвенное отношение к Церкви, которая бы с радостью отделалась от них или упрятала бы их в надежное место: на свете есть такие вещи, о которых лучше молчать. Во всяком случае, эта приемлемая гипотеза не отбрасывает тени на добропорядочность, чистосердечие и христианское рвение епископа. Равным образом она не очерняет и его подчиненного, аббата Соньера. Таким образом, желая вознаградить аббата за успешно выполненную миссию, епископ предоставляет ему право действовать по его усмотрению, поэтому он закрывает глаза как на архитектурные «излишества»

Соньера (в том числе и на внутреннее убранство храма), так и на его финансовую деятельность.

Действительно, монсеньор Бийар всегда предоставлял Соньеру известную свободу действий. Возможно, епископ был сильно удивлен, увидев столь странное оформление храма Ренн-ле-Шато, но он тем не менее ничем не выказал своих чувств: вероятно, в вычурном внутреннем убранстве храма он увидел лишь желание Соньера выделиться из общей массы, сделать свою церковь отличной от тех, какие можно было увидеть в других приходах. Не более того. Присутствие дьявола в храме ничуть не смутило епископа, поскольку эта статуя не содержала в себе никаких еретических намеков — действительно, дьявол подвергнут тяжелому испытанию: он поддерживает кропильницу. Можно лишь спросить себя, за что епископ мог бы упрекнуть Соньера. Если бы монсеньор Бийар обладал артистическим чутьем, тогда упреки были бы заслуженными. Но, кто знает, быть может, эстетические вкусы епископа были схожими со вкусами кюре?

Аргумент, согласно которому Бийар доверил Соньеру некую миссию по заданию таинственного братства, опирается на тот факт, что с появления во главе диоцеза монсеньора Босежура положение Соньера сильно изменилось, он оказался на скамье подсудимых. Отсюда следует, что монсеньор Босежур не был осведомлен о сделке своего предшественника с кюре Ренн-ле-Шато. Однако не стоит забывать того, что в последние годы своего правления монсеньор Бийар многое пустил на самотек, поэтому его последователь всего лишь хотел привести все в порядок. Без сомнения, он был шокирован, увидев скромного деревенского священнослужителя, щеголяющего неслыханным богатством. Священник диоцеза обязан подчиняться своему епископу даже в том случае, если у него есть способности, освобождающие его от церковного права.

Итак, образ действий монсеньора Бийара, как и монсеньора Босежура, кажется вполне логичным. Пожалуй, не стоит обвинять монсеньора Бийара в том, что он согласился вступить

в какую-то странную игру: тому нет ни единого доказательства, как и не существует доказательств того, что епископ был членом какого-то таинственного братства, которое всегда держалось в тени. Если Соньер вернул своему начальнику документы, найденные им в храме (поскольку он действительно что-то нашел), то он всего лишь выполнял свой долг священника. И если монсеньор Бийар спрятал эти документы, то он всего лишь выполнял свой долг прелата. Все остальное — пустые домыслы.

«Тень» вторая:
«глен тайного братства» аббат Буде

Вряд ли кто-либо станет отрицать, что между аббатом Соньером и его старшим коллегой были дружеские отношения, основанные на взаимном уважении. Тем не менее в дальнейшем этот факт подвергся различного рода интерпретациям, допускающим в отношении двух служителей культа «третьего лишнего»: загадочное секретное общество, якобы руководившее действиями и поисками Соньера при помощи «надсмотрщика» и «подстрекателя» аббата Буде, состоявшего в этом братстве. Причиной такого утверждения стали два факта, один из которых неопровержим, но другой нуждается в дополнительной проверке. Речь идет об археологических и лингвистических исследованиях аббата Буде, вошедших в его книгу «Истинный кельтский язык», а также о странной записи в расходной книге аббата. Что касается первого факта, он неоспорим: действительно, на протяжении всей жизни кюре Ренн-ле-Бен интересовался историей родного края и занимался археологическими исследованиями. Это была его страсть — страсть любителя, но не профессионала. К несчастью для себя и для всех окружающих, он написал и, увы, опубликовал ошеломляющее своей наивностью, огрехами и неточностями произведение «Истинный кельтский язык». Оплошности и ошибки, допущенные этим «любителем», столь велики, что поневоле начинаешь задумываться: уж не написана ли эта книга на тайном «птичьем

языке», если воспользоваться излюбленным выражением эзотериков.

Второй аргумент в поддержку руководящей роли Буде более весомый — при условии, конечно, что этот факт достоверен (поэтому будет правильнее, если читатель поставит дальнейшее сообщение в условное наклонение). Действительно, в расходной книге аббата Буде указано, что в период с 1885 по 1901 год кюре Ренн-ле-Бен перечислил на имя Мари Денарно баснословную денежную сумму, в общем счете равную 3 679 431 франку золотом... Такое богатство мгновенно сводит на нет все утверждения о том, что аббат Соньер разбогател при помощи найденных им сокровищ или в результате неправомερных денежных махинаций с суммами, полученными за мессы. Но тогда в чем причина такой милости? Для какой тайной миссии была предназначена эта сногшибательная сумма? Такой факт, разумеется, легко может подтвердить предположение о воздействии на Соньера невидимого, но очень действенного тайного братства, стоящего за спиной аббата Буде. Хотя бы потому, что столь значительная денежная сумма не могла поступить на имя Мари Денарно ни из кармана бедного деревенского кюре, ни из приходской кассы. Иными словами, это лишь подбавляет масла в огонь «страстей по Соньеру».

Но, к сожалению, информация о записи в расходной книге поступила из источника по имени Пьер Плантар де Сен-Клер: он упомянул об этих счетах в предисловии к «Истинному кельтскому языку», переизданному в 1978 году¹. Дело в том, что вышеупомянутый Пьер Плантар является если не создателем, то, по меньшей мере, инициатором создания «мифа о Соньере», зародившегося в 1956 году. Его утверждениям сложно поверить на слово, тем более что бумаги аббата Буде всегда хранились в Акса, в семейном архиве священника, но никто до сего момента так и не смог подтвердить подлинность этих

¹ Paris, editions Belfond, 1978.

довольно-таки странных «даров на имя Мари Денарно». Все это, безусловно, наталкивает на размышления.

Анри Буде родился в Кийане 16 ноября 1837 года. Живой и острый ум мальчика, подмеченный викарием Кийана, послужил ему пропуском в семинарию Каркасона. Анри превосходно учился, получил право преподавать английский, был посвящен в сан и работал в двух приходах, после чего в 1872 году его назначили кюре Ренн-ле-Бен. В этом приходе он оставался вплоть до 1914 года, впоследствии, выйдя на пенсию, он переехал в Акса к своему брату-нотариусу. Аббат Буде вел простой и спокойный образ жизни, прихожане вспоминали о нем как о хорошем священнике, который, несмотря на любовь к археологии и лингвистике, никогда не пренебрегал своими обязанностями. Своим научным увлечениям он посвящал лишь свободное время (а его, надо сказать, хватало в деревенском приходе!). Его связь с семьей, сестрой и матерью, никогда не прерывалась. Он не был задействован в каких-либо скандальных или таинственных историях. Конечно, «аббат Буде был не так беден, как хотелось бы думать... Он был выходцем из маленькой буржуазной семьи. Его младший брат Эдмон Буде¹ служил нотариусом в Акса (департамент Од). Некоторые исследованные мной документы (ими в нынешнее время владеет один из его внучатых племянников) подтверждают, что аббат Буде получал значительный доход с земель, являвшихся общей собственностью аббата и его сестры»².

Но раз жизнь аббата Анри Буде настолько проста и безупречна, ее стоит «малость подсолить и поперчить», пускай

¹ Именно он является автором-составителем знаменитой карты, опубликованной в «Истинном кельтском языке». Подпись Эдмона Буде, поставленная внизу карты, породила на свет множество толкований: читатели «Истинного кельтского языка» решили, что в ней кроется послание, зашифрованное путем словесной игры.

² Pierre Jarnac. *Op. cit.*, p. 278. Пьер Жарнак, в свое время работавший с архивами Буде, разыскивал этот знаменитый «дар на имя Мари Денарно», он не преминул сообщить об этом.

даже ценой невероятной подтасовки фактов. Видимо, именно так решили изобретатели «мифа о Соньере», вытащив из тьмы забвения некоего аббата Куртоли и заставив его высказаться на страницах сборника «Гравированные камни Лангедока» некоего Эжена Стублейна, местного ученого конца XIX века и видного археолога. От себя лишь добавлю, что в предыдущем предложении следовало бы по меньшей мере два раза поставить штамп «лжесвидетельство»: дело в том, что аббат Куртоли *никогда* не писал предисловия к книге Эжена Стублейна, а Эжен Стублейн в свою очередь *никогда* не писал такой книги. Действительно, в ранней юности Жозеф Куртоли был знаком и с Анри Буде, и с Беранже Соньером. Это был добросовестный честный священник, оставшийся в памяти как большой оригинал и неутомимый исследователь. Его тихая безукоризненная жизнь подошла к концу в 1964 году, в возрасте семидесяти одного года священник тихо скончался в родной деревушке неподалеку от Лиму. Но вот что действительно любопытно: в 1966 году, спустя два года после собственной смерти, аббат Куртоли умудрился написать предисловие к «Гравированным камням Лангедока» псевдо-Стублейна! Более того, предисловие наполнено таким невероятным вздором, что я не удержусь от желания привести несколько примеров. «В 1908 году я провел два месяца в гостях у Соньера в Ренн-ле-Шато, мне было тогда почти восемнадцать лет. Ренн-ле-Шато — восхитительное, но продуваемое насквозь местечко. Соньер обращал на себя внимание с первого взгляда. С его помощью я нарисовал маленькую картину в церкви Ренн-ле-Шато...»¹ Затем он переходит к аббату Буде: «Аббат Буде — о, это целая история! Он покинул Ренн-ле-Бен в мае 1914 года, потому что у него были какие-то неприятности с епископством...»² Его рукописи были уничтожены у него на глазах, а книга „Лазарь“ даже

¹ Куртоли действительно помог Соньеру подновить картину, изображающую Марию Магдалину.

² Лжесвидетельство. Постаревший утомленный аббат Буде не мечтал ни о чем более, как уйти на пенсию.

сожжена¹. В мае 1914 года на место кюре Ренн-ле-Бен был назначен аббат Ресканьер, миссионер из епархии, попытавшийся прояснить темные стороны „дела Буде — Соньера“, но в понедельник, 1 февраля 1915 года, где-то во втором часу ночи, к нему пришли два человека, не оставившие после себя никаких следов. Утром аббата нашли мертвым, он был одет и лежал на полу. Причина его смерти до сих пор остается тайной»².

Но и это еще не все. Далее Жозеф Куртоли рассказывает о смерти самого Буде. «Буде находился в Акса в угнетенном состоянии духа. 26 марта 1915 года он решил написать епископству о своих предположениях по поводу смерти Ресканьера³, но, когда 30 марта 1915 года уполномоченный епископства прибыл в Акса к восьми часам вечера, аббат Буде скончался от ужасного приступа незадолго до его приезда. В этот день к нему приходили двое неизвестных...». Да, подобное признание украсило бы любую детективную повесть или роман ужасов. Два священника, умирающие при странных обстоятельствах, после визита двух неизвестных, следов которых не обнаружено... В средние века непременно решили бы, что эти два незнакомца (одетые неизменно в черное) были дьяволами, посланными Сатаной. В наше время о них предпочли молчать — и напрасно. Такое умалчивание немедленно породило на свет следующее предположение: таинственные «вестники смерти» были членами тайного общества, в которое входили Буде и Соньер, — или же это были члены другого, враждебного общества, стремившегося завладеть секретами церковной братии. За образец для подобных рассказов был взят случай, реально

¹ Лжесвидетельство. Буде никогда не писал такой книги, равно как и то, что его рукописи никто не уничтожал и не сжигал. Чтобы роман стал интригующим, необходимо было снабдить его если не святой инквизицией, то хотя бы намеком на нее: такая аллюзия понятна всем и каждому!

² На самом деле Ресканьер умер от припадков, но такая деталь показалась изобретателям сенсационного романа слишком прозаической.

³ Нет ни единого следа этого письма.

произошедший за двадцать лет до описанных событий, — убийство аббата Жели. Вдохновленные этим «сюжетным ходом», сочинители добавили еще несколько таких же «смертей», чтобы приукрасить сюжет и вдобавок обвинить Соньера. Конечно, ведь влачивший жалкое существование Соньер вновь стал богатым именно после смерти аббата Буде! После ознакомления с такими «убийственными деталями» складывается такое ощущение, что кому-то очень нужно было *огернить* Соньера и Буде ради того, чтобы заострить внимание на тайне, окутавшей «дело Ренн-ле-Шато»¹. К чему же в подобной истории следует отнестись с подобающим интересом? *Ни к чему.*

Аббат Анри Буде и аббат Беранже Соньер были коллегами в приходах, расположенных по соседству. Их связывало много общего, что стало причиной обоюдной симпатии и дружеских отношений, — в частности, любовь к родному краю, к стране, которую оба они (правда, каждый по-своему) стремились прославить далеко за ее пределами. Соньер работал над ее «внешним обликом», создавая архитектурные памятники, которые могли бы привлечь в этот затерянный край толпы паломников. Буде предпочитал работать в молчании, восславляя «внутренний облик» родного края в своих книгах, призванных очаровать читателей историей графства Разе и его достопримечательностями. Однако повторю еще раз: все имеющиеся в нашем распоряжении документы в совокупности с позднейшими находками не дают нам *никакого* права утверждать, что аббат Буде был вдохновителем Соньера, оплатившим некую миссию по приказу общества-фантома. *Ничто* в них не подтверждает гипотезу о существовании этого общества, затеявшего странную игру, правила которой непонятны так же, как и намерения тех, кто намеренно искажал факты этого дела, превращая роман об аббате Соньере в достойный образчик английской готической прозы конца XVIII века. Тень аббата Буде, если она и появля-

¹ Обо всей этой махинации и той роли, которую заставили сыграть аббата Куртоли против его воли, подробно рассказано в произведении Пьера Жарнака, с. 268–278.

ется за спиной аббата Соньера, не вызывает ни тени беспокойства, в ней нет ничего дьявольского. Конечно, это великая потеря для готического романа, но для нашей истории это неоспоримый факт.

«Тень» третья: «последний король» граф Шамбор

1 июля 1886 года, вернувшись из духовного училища Нарбона, куда аббат был «изгнан» при уже известных нам обстоятельствах, Соньер вновь принял на себя управление приходом. В то время в жизни аббата еще не произошло каких-либо кардинальных перемен — за исключением того, что в его кармане, если можно так выразиться, уже лежало 3000 франков золотом. Это был скромный дар графини Шамбор, вдовы так называемого Генриха V, претендующего на корону Франции, но своими отсрочками и реакционной нетерпимостью проваливавшего любую попытку реставрации монархии Капетингов-Бурбонов. Что можно сказать о «монархе», чья поблекшая статуя, установленная на повороте дороги из Сент-Анн-д'Оре в Бреш напротив безобразного собора в честь покровителя бретонцев, и ныне покрыта ржавчиной? И что, спрашивается, понадобилось этому Капетингу-Бурбону в бретонской глуши? Скорее всего, «псевдо-Генрих V», король без короны, заставивший величать себя графом Шамбором и герцогом Бордо, был довольно бесцветной личностью, лишенной героического размаха. Тем не менее, каким бы ни был граф Шамбор, он все же сыграл свою роль в жизни аббата Соньера, человека набожного и воспитанного в «монархистских традициях», выходца из зажиточной семьи, слепо подчинявшейся ханжескому клерикализму аристократии конца XIX века.

Ханжеский клерикализм — вот то определение, которое полностью подходит к духу, царящему во Франции в конце века. Поражение 1870 года, вмененное в вину Наполеону III, заставило определенные круги общества (называющие себя «элитарными») задуматься о том, как поправить дела «бедной милой Франции», отданной на растерзание «красным» и франкмасонам,

которым в свое время покровительствовал Наполеон Бонапарт, этот достойный наследник революции¹. На помощь «младшей дочери Церкви, вероломно предавшей свою миссию», устремилась партия монархистов, не терявшая надежды управлять страной, которую поддерживало папство, никогда еще не бывшее столь реакционным и антипопулистским. Все это не ирония и не розыгрыш: это социальная, религиозная и политическая обстановка во Франции конца XIX века. Потеря Эльзаса и Лотарингии. Седанская катастрофа. Низложенный император. Дни Парижской коммуны, несущей страшную угрозу французскому обществу. И наконец, предостережения, посланные самими Небесами... О том, какая страшная участь ожидает Францию, если та пойдет на поводу у республиканцев и демократов, этих хитрых слуг дьявола, страну предупредила сама Дева Мария! Произошло это в 1846 году в местечке Салетт-Фаллаво, расположенном в департаменте Изер, в диоцезе Гренобля: Богоматерь явилась двум ребятишкам-пастушкам. Пастушок Максимен Жиро позднее отречется от своих слов перед кюре Ара и закончит свою жизнь в беспробудном пьянстве. Пастушка Мелани Кальва окажется двоюродной сестрой Эммы Кальве, предполагаемой любовницы Соньера, но «официальной» любовницы Жюля Буа, входящего в различные эзотерические общества. И наконец, само название «Фаллаво» означает «Долина обмана» — действительно, чем не «предостережение с небес»? В ходе процесса 1855 года выяснилось, что автором этого «видения» была экзальтированная аристократка Констанция де Ламерльер, защитником которой выступил адвокат-франкмасон Камилл Пеллетен, впоследствии ставший министром. Режиссер этой «постановки» так не призналась, что подтолкнуло ее взять на главную роль Матерь Божью. Впрочем, нет никакого сомнения, что Констанция де Ламерльер руковод-

¹ Сам Наполеон Бонапарт франкмасоном не был, но его брат Люсьен им был. Известно, что именно Люсьен «сделал» своего брата императором в день 18 брюмера, в чем ему содействовали масонские ложи Франции и Наварры, а также другие европейские ложи.

ствовалась указаниями монархистов-легитимистов и интегрис-тов, в то время подрывавших устои французского общества, желая вернуться к прежнему режиму. Для столь «благой цели» были хороши все средства, в том числе и мошенничество. Веком позднее, когда «третий секрет» Салетты наконец был обнародован, даже папа Иоанн XXIII воскликнул, что речь идет о колоссальной глупости.

Целью этой злокозненной «постановки видений» было желание навести ужас на верующих¹. После печальных военных событий 1870 года партия монархистов-легитимистов и интегрис-тов сочла нужным приврать в очередной раз. Так на свет всплыло дело Паре-ле-Моньяль (департамент Сон-е-Луар), где двумя веками ранее, 16 июня 1671 года, монахине Марии Маргарите Алакок было видение Христа, поведавшего ей, что Франция будет спасена от врагов, если целиком посвятит себя Святому Сердцу Иисусову. Поражение Франции, рост синдикализма, первые успехи марксистской доктрины и, главное, неожиданное стремление некоторых правоверных христиан перейти на сторону социальной демократии² — все это привело к сильнейшей реакции в обществе, умело подогреваемой представителями легитимистского претендента. Паре-ле-Моньяль — это провинция³, следовательно, культ Святого Сердца Иисуса, покровителя Франции и легитимной монархии, необходимо

¹ Впрочем, обвинение в злокозненных махинациях несколько не помешало сегодняшней Салетте быть местом частого посещения, что приносит ей неплохую прибыль: первое качество центра паломничества. Порой кажется, что чем больше обвинений в мошенничестве, тем больше успеха у таких мест.

² Так, во Франции зародилось течение «Борозда», идейным вдохновителем которого был Марк Саньер, осужденный папой до того, как он встал во главе «христианской демократии».

³ Ныне в Паре-ле-Моньяль намечается всплеск общественной активности, но не только из-за традиционного паломничества. В этом месте собираются интегрис-тские группировки с довольно темными целями и сторонники «харизматического» течения, чьи истинные намерения (как и источник их финансирования) неясны.

распространить и в других регионах, в частности в Париже. Разве не этот добрый покровитель (разумеется, при небольшой помощи организатора массовых убийств Адольфа Тьера) уберег французскую столицу от гнусной Коммуны, этого порождения дьявола или, во всяком случае, его пособников, социалистов и коммунистов, для которых существует лишь один священный текст: «евангелие святого Маркса»? Разумеется, столицу спас добрый гений Франции — следовательно, Парижу как можно скорее нужно отблагодарить спасителя путем возведения очередного архитектурного монстра. Им станет Сакр-Кер, «собор из папье-маше», напоминающий огромное кондитерское изделие, невесть как очутившееся на Монмартском холме. Но кто оплатит счет его «кондитеру»? Конечно, верующие: будьте уверены, умело организованная подписка заставит их раскошелиться. Однако, помимо пожертвований парижской паствы, на строительство собора будет перечислено *пятьсот тысяч франков золотом*, и пожалует столь значительную сумму не кто иной, как господин граф Шамбор. В то же самое время его сторонники без устали твердят, что «Франция будет спасена лишь в том случае, если она целиком посвятит себя Святому Сердцу».

Итак, вернемся к нашему аббату. В 1885 году, через два года после смерти графа Шамбора, от его вдовы Беранже Соньер получает в безвозмездное пользование 3000 франков. Конечно, в сравнении с 500 000 франков, отданных на строительство Сакр-Кер, такая сумма вызывает улыбку, *но она тем не менее прекрасно выявляет намерения Соньера и некоторых интегритских кругов, ожидающих от аббата определенных действий.* Достаточно лишь сравнить факты, установив их в нужной пропорции. Подписка для нужд строительства Сакр-Кер организована несколькими приемами: для бедных слоев населения выпущены почтовые открытки (деньги от их продаж, соответственно, поступят в фонд Сакр-Кер), в то время как к богатым людям и организациям обращаются за помощью без обиняков. Что в свою очередь делает Беранже Соньер? «Перед нами

отработанная модель, позднее использованная кюре Беранже Соньером, желающим осуществить свои архитектурные проекты, в том числе и реставрацию храма Ренн-ле-Шато»¹. Очевидно, аббат Соньер, искренний интегрис и легитимист, прекрасно помнил историю с собором Сакр-Кер, когда намеревался сделать из Ренн-ле-Шато грандиозный центр, привлекающий к себе толпы паломников.

«Большой барельеф церкви Ренн-ле-Шато, установленный в 1897 году, — это изображение Святого Сердца Христа, равным образом как и статуя на вилле „Вифания“, появившаяся в 1902 году. Навязчивой идеей, владевшей умом Соньера в 1885 году, было спасти Францию от Республики, но результаты выборов в департаменте Од лишили его этой надежды. Отныне целью его *Миссии*² станет спасти Францию путем покаяния»³.

Есть лишь единственно правильный способ понять действия аббата Соньера, не облакая их в туманные эзотерические рассуждения: не стоит вырывать этого героя из политического, культурного и религиозного контекста его эпохи. Не стоит забывать, что аббат жил и действовал во времена Третьей республики, когда в обществе еще сильны были монархические идеи, а позиция Рима по отношению к инновациям и изменениям в традиционной общественной структуре была особенно непримиримой. Без этих немаловажных факторов, как и без учета той роли, которую сыграл в жизни священника граф Шамбор, Беранже Соньера понять невозможно.

Остается лишь узнать, как Соньеру удалось познакомиться с вдовой претендента на французский престол, каким образом он вошел в тесный контакт со средой монархистов и интегрисов. Выяснить это нам поможет еще одна «тень», Альфред Соньер, родной брат Беранже Соньера.

¹ Jacques Rivière. *Le Fabuleux Trésor de Rennes-le-Château*, p. 57.

² Не будем забывать, какие слова Соньер велел выбить на «вестготской» колонне, гласящей о некой миссии 1891 года: «Покаяние, покаяние».

³ Jacques Rivière. *Ibid.*, p. 57.

«Тень» четвертая: «иезуит» Альфред Соньер

Младшему брату священника Альфреду учение давалось легче, чем старшему отпрыску Соньеров: во всяком случае, он стал священнослужителем раньше, чем Беранже, и притом, что немаловажно, вступил в ряды ордена иезуитов, которые в те времена были своего рода элитой и допускали в свой орден лишь интеллектуально развитых людей. Но если у Альфреда и были на то блестящие данные, то в сфере, касающейся непосредственно прав и обязанностей священнослужителя, он блистал совершенно иначе. Имя Альфреда постоянно мелькало на страницах скандальных хроник в связи с его греховными связями, которые он надменно демонстрировал всему свету. Поэтому в какой-то степени можно смело утверждать (что и сделал Беранже в письме к своему епископу), что кюре Ренн-ле-Шато часто приходилось расплачиваться за грехи своего младшего брата-иезуита.

Но если Беранже платил по счетам своего брата, то его брат в свою очередь не раз предоставлял ему возможность облегчить задачу. Беранже был незаметным деревенским кюре, в то время как Альфред слыл «господином», уважаемым «преподобным отцом», бывающим в светском обществе того времени. Это был блестящий рассказчик и приятный собеседник, блистательный светский лев, ко всему прочему очень нравящийся дамам. В конце XIX века женщины хотя и не имели права голоса, но играли определяющую роль в аристократической и интеллектуальной среде: их связи, налаженные между членами светских обществ, в которых они часто были тайными советчицами, значили немало для тех, кто хотел извлечь из этих кругов какую-либо выгоду.

Альфред представил своего брата маркизе де Боза, с которой он, как говорится, был на короткой ноге. Маркиза входила в знатные для того времени общества, занималась религиозной благотворительностью и отдавала деньги на проведение пышных богослужений — что не мешало ей выбирать любовников

среди артистов, интеллектуалов и даже священников. Подобное свидетельство о загнивании общества, увы, не единственное. Конец XIX века был временем восхитительного лицемерия: честные буржуа-католики заливались горячими слезами, слушая певца, без устали оплакивавшего несчастья «бедных девушек», вынужденных стать проститутками, — и в то же время отводили прислуге чердаки и мансарды, лишённые нормальных человеческих удобств, чистой воды и отопления. Почему-то в этот момент их сердца не обливались кровью при мысли о том, что эти самые «бедные девушки», поставленные ими в подобные условия, подвергались всяческого рода искушениям и становились легкой добычей авантюристов.

Тем не менее Беранже Соньер, прекрасно зная пороки этого «хорошего» общества, не преминет ими воспользоваться: он просит своего брата ввести его в высшие круги, в которые он не осмелится проникнуть самостоятельно. Так для Беранже Соньера начинается период «призывов и пожертвований»: он обращается к богатым семействам с просьбой помочь ему отреставрировать скромную приходскую церковь, ему нужны деньги для того, чтобы сделать из маленького прихода духовный центр, куда могли бы стекаться сотни паломников. Конечно, Беранже при этом не пользуется аргументами о спасении Франции при помощи Святого Сердца Христа (ими уже воспользовались) — он действует более скромно, апеллируя к покровительнице своего храма святой Магдалине, к той самой Марии из Магдалы, столь неясно и вкратце описанной евангелистами, что, конечно, несет в себе тайну. Да, именно тайну... Тайна — это то, что привлекает толпы, то, что кружит головы! Итак, очевидно, что в период с 1885 по 1905 год Беранже и его брат основали прочный альянс, в котором Альфреду была отведена роль «уполномоченного по делам», — роль, с которой он великолепно справлялся. Когда позднее епископ потребует от Беранже Соньера отчет о полученных им дарах, аббату придется хранить упорное молчание об источниках своего дохода: «хорошее» общество не любит огласки в подобных делах.

Нет никакого сомнения в том, что именно Альфред Соньер служил посредником между Беранже и графиней Шамбор. Вполне возможно и то, что именно Альфред ввел Беранже Соньера в определенные круги, называемые эзотерическими. Конечно, им было далеко до парижского высшего общества, но тем не менее их влияние на политику и религию было довольно ощутимым. Именно так можно объяснить то, почему Соньер оказался в оккультных кругах, в которых он мог поддерживать отношения с Жюлем Буа и Клодом Дебюсси.

Искать ответ следует в деятельности Альфреда Соньера, бывшего в те времена наставником в знатном семействе Шедебьен де Загаррига. Из-за неизвестной нам провинности (скорее всего, какого-то непорядочного поступка) Альфред был изгнан из этой семьи. Тем не менее вхождение Альфреда Соньера в семейство Шедебьен стало краеугольным камнем в мифе о Соньере.

Действительно, что представляло собой это семейство Шедебьен де Загаррига? Его имя восходит к бретонскому «Pen-mad»: в XVIII веке бретонское семейство с таким именем в силу неизвестных нам причин было изгнано в Нарбон. Маркиз де Шедебьен, глава семьи, в которую имел доступ Альфред Соньер, был известным деятелем в рядах франкмасонов. «Маркиз, советник шотландской директории Септимании, часто посещал Ложи по ту сторону Рейна в то время, когда находился в Страсбурге. В 1779 году он опубликовал „Историю масонства“, но литература была не единственной областью, в которой он оставил после себя след. В 1879 году вместе со своим отцом, виконтом де Шедебьеном д'Эгрефеем, он создал новый масонский ритуал, „Основной ритуал Франции“, который относился к „Ритуалу Филадельфа Нарбона“... В знаменитом масонском монастыре Вильгельмсбада он защищал диссертацию, основным положением которой было то, что Орден тамплиеров никогда не прекращал своего существования, храня его в тайне от всех. Согласно его словам, главы этого ордена были „Высшими Неизвестными“, вероятно управляющими судьбой масонства.

Он надеялся на то, что эти тайные управляющие, сохранившие знание об алхимических приемах, которыми тамплиеры в средневековье обеспечили себе огромное богатство, решат открыться масонам, пытающимся оживить эту ассоциацию в секрете Лож»¹.

Итак, вот оно. Долгое время Соньера причисляли к «таинственному братству», каким-то образом связанному с Орденом тамплиеров. Эта информация всплывет после смерти аббата, отчего следует отнести к ней с величайшей сдержанностью. Но факт в том, что за спиной Беранже Соньера постоянно возникает беспокоящая разум тень тайных обществ, на основе которых впоследствии появились такие секты, как «Баварские Иллюминаты» и «Ангельское Общество». Их развитие в XVIII веке одновременно с франкмасонством и значительное распространение в XIX веке заканчивается апогеем 1900 года: это время расцвета ордена розенкрейцеров, Теософского общества и многочисленных сект, чьими жрецами являются Жюль Буа, Станислав де Гюайта, Клод Дебюсси и Морис Метерлинк, а жрицами — Анни Безант, Рене Вивьен и Эмма Кальве. Этим «друидессам», воспетым поэтами-символистами и знаменитыми декадентами, увековеченным такими художниками, как Гюстав Моро, отводили роль «разоблачительниц» или *вдохновительниц*; именно таким стал образ Эммы Кальве. Но *демиургом* мифа о принадлежности Соньера к тайному ордену станет Альфред Соньер, общавшийся как с семейством Шедебьен, так и с другими знатными семьями, увлеченными герметизмом, оккультизмом и эзотерикой.

Альфред Соньер, без сомнения, хотел узнать слишком многое о секретах семьи Шедебьен, за что и поплатился: он был изгнан из семейства, после чего всю оставшуюся жизнь ощущал на себе последствия своей ошибки. Недовольство высшего церковного начальства стало причиной его исключения из ордена иезуитов. В конце концов, перед Альфредом закрылись

¹ Jean Robin, Rennes-le-Château, p. 60–61.

двери всех знатных семей, бывших средством его обогащения (как в духовном, так и в денежном плане), и он, лишившись духовного сана, он вернулся в Монтазель, где сожительствовавал с Мари-Эмили Сальер. Там, в 1905 году, он ушел из жизни, о чем мало кто сожалел. Даже родной брат Беранже в письме к епископу Босезуру пожалуется, что он должен расплачиваться за поведение и образ жизни брата Альфреда. «Кюре Ренн-ле-Шато, должно быть, надеялся искупить ошибки своего брата, умершего слишком рано».

Странно. Что означает это «умер слишком рано»? Довольно двусмысленное выражение. Иными словами, Альфред не успел ответить за свои поступки и объяснить, что побуждало его вести такой образ жизни? Или же это могло означать, что без брата Беранже не мог более продолжать свою «светскую деятельность»? Сложно сказать. К сожалению, это не сможет внести ясность в вопрос о роли родного брата в жизни священника из Ренн-ле-Шато: тень Альфреда Соньера по-прежнему стоит за спиной аббата Беранже Соньера.

«Тень» пятая: «вдохновительница» Эмма Кальве

Во всем, что рассказывают о «любовой связи» аббата Соньера с оперной дивой Эммой Кальве, нет ни единого факта, позволяющего соорудить из этих отношений прекрасную любовную историю с элементами детектива и шпионского романа. Прежде чем вдаваться в подобные измышления, следовало бы узнать, что в этом «романе» соответствует действительности — в противном случае «история любви» грозит оказаться вымышленной от первой до последней строчки.

Действительно, не существует ни единого аргумента, способного доказать, что между Эммой Кальве и Беранже Соньером существовали какие-либо отношения. Прежде всего, оперная певица и деревенский священник могли познакомиться только во время пребывания Соньера в Париже, куда он приехал после того, как обнаружил в полый плите алтаря некие манускрипты. Однако пока что никто не в силах уточнить даже

то, в каком году состоялось путешествие Соньера в Париж: 1888, 1891 или 1893 году? Проблема заключается в том, что равным образом *не существует ни единого аргумента, способного доказать, что Беранже Соньер совершал это путешествие.*

Предположение о том, что Соньер ездил в Париж, чтобы «отдать на экспертизу» найденные им манускрипты, не несет в себе ничего абсурдного. Оно могло быть даже логичным, если бы к нему не присоединили забавную историю о монсеньоре Бийаре, который отправил Соньера в эту поездку, дав ему рекомендательное письмо для аббата Биеля и оплатив все расходы из собственного кармана. Как епископ Каркасонский, монсеньор Бийар мог воспользоваться другими способами ради изучения этих документов. Если, конечно, не принять на веру такой же абсурдный тезис о том, что епископ входил в невидимое «таинственное братство», о котором нам прожужжали все уши.

Что ж, попробуем пойти от обратного. Допустим, что епископ Каркасона действительно велел своему подчиненному доставить манускрипты парижским специалистам. Правда, возникает вопрос: почему «специалистом» вдруг оказался директор семинарии Сен-Сюльпис и его непосредственное окружение, а не обычный архивист-палеограф, который без труда справился бы с этой работой? Следует ли из этого, что монсеньор Бийар и *Беранже Соньер* не доверяли архивистам-палеографам, даже если бы те были убежденными монархистами и примерными католиками? В таком случае нужно предположить, что и епископ, и кюре знали (хотя бы в общих чертах), о чем говорилось в манускрипте. Если продолжить рассуждение в этом направлении, то оно неизбежно приведет нас к факту существования секретного общества, не желавшего, чтобы эти манускрипты сгинули в недостижимом месте или были использованы людьми, не входившими в их братство. Тем не менее допустим, что монсеньор Бийар и аббат Соньер все же не совсем понимали, о чем говорится в таинственном документе. Допустим, что епископ отправил аббата в Париж, откуда тот

вернулся с тремя документами вместо четырех. Как нам кажется, такое путешествие должно было оставить какие-то следы либо в документах епископства Каркасона, либо в личных бумагах Соньера, либо, на крайний случай, в произведениях тех знаменитостей, с которыми Соньер встречался в Париже.

Ни единого следа. Ни с той, ни с другой, ни с третьей стороны.

На это, конечно, могут возразить, что епископство Каркасона показало далеко не все свои бумаги, что у Соньера не было нужды упоминать об этом путешествии в своих записях (однако у него их было много!), а знаменитости на то и знаменитости, чтобы быть таинственными и скрытными. Это сильные аргументы — *для того, чтобы успешно развивать интригу романа, выдавая желаемое за действительное.*

Единственный факт, позволяющий принять на веру путешествие Соньера в Париж и его встречу с интеллектуальным кружком Жюль Буа, — это несколько романов Мориса Леблана и «Кловис Дардантор» Жюль Верна. Но ничто не говорит о том, что Беранже Соньер встречался с Морисом Лебланом, Жоржеттой Леблан или даже с Морисом Метерлинком. Конечно, произведение Метерлинка «Пелеас и Мелисанда», положенное в основу оперы Клода Дебюсси, с полным на то правом можно назвать «меровингской драмой», но говорить о том, что ее вдохновителем оказался аббат Соньер, кажется нам неправомерным, даже несмотря на то, что главные роли в пьесе идеально подходят к действующим лицам «романа о Соньере». Так, роль Пелеаса (Короля-Рыбака из романов о Граале) можно было бы отдать Беранже, с ролью Голо (рогоносца) справился бы Жюль Буа, а Мелисанду прекрасно бы сыграла Эмма Кальве. Метерлинк и Дебюсси, насквозь пропитанные духом герметизма, охватившего умы интеллектуалов в конце XIX века, в полной мере явили миру свой гений, создав этот общепризнанный шедевр символизма, но нуждались ли они для этого в несчастном Соньере?

Однако в основе романов Мориса Леблана «Полая игла» или «Остров тридцати гробов» лежат темы, которые могут

заинтриговать читателя, ознакомленного с «мифом об аббате Соньере». В «Полой игле» речь идет о сокровище французского короля, спрятанном где-то в прибрежных отвесных скалах неподалеку от Фекана; чтобы найти его, предстоит отправиться в полное сложностей и опасностей путешествие, — иными словами, пройти инициацию ради достижения цели. Сюжет «Острова тридцати гробов» еще более заманчив: некий авантюрист, возомнивший себя отпрыском королевского рода, стремится завладеть «Божьим камнем», который может дать ему могущество и славу, — это своего рода Грааль и Философский камень, наследие богемских королей. К великому счастью, на пути проходимца оказывается Арсен Люпен, вор-джентльмен, взломщик с великосветскими манерами, но тем не менее истинный француз и благородный человек. Впрочем, все сюжеты многочисленных приключений Арсена Люпена вращаются вокруг одной и той же темы, которая, если хорошенько подумать, есть не что иное, как бесконечно варьирующийся поиск Святого Грааля, одним из вариантов которого оказывается поиск «sangréal», то есть наследника королевского рода. Ни для кого не секрет, что литературные, артистические и эзотерические круги, которые посещал Морис Леблан, в то время были увлечены Вагнером и буквально помешаны на его «Парсифале».

Еще более интригующей может показаться тема, лежащая в основе романа Жюль Верна «Кловис Дардантор». Сквозь облик североафриканской страны, описанной фантастом, проглядывают реалии графства Разе, а имя капитана корабля — Бюгараш — тому лишнее подтверждение. Известно, что Жюль Верн состоял в обществе, которое с той или иной степенью уверенности можно было именовать тайным, и которое было похоже на братство розенкрейцеров и франкмасонов, но неизвестно, мог ли он встречаться с Беранже Соньером в то время, когда тот находился в Париже. Этой информацией не обладают даже сочинители романа об аббате Соньере. Впрочем, Жюль Верну Беранже Соньер был нужен не меньше, чем Морису Метерлинку или Клоду Дебюсси: писатель уже бывал в Разе,

где его успели ввести в курс дела, рассказав некоторые местные легенды, касающиеся утерянного золота.

Итак, аббату Соньеру не нужно было ехать в Париж ради того, чтобы узнать, что в Ренн-ле-Шато и его окрестностях рассказывают удивительные истории о древнем кладе, спрятанном в гроте или в гробнице. Это был секрет Полишинеля. В свою очередь ни Жюль Верн, ни Морис Леблан не нуждались в Беранже Соньере, когда изобретали сюжеты своих романов. В этом стали нуждаться современные авторы «мифа о Соньере», которые ради воплощения своего вымысла перерыли не только недра Ренн-ле-Шато, но и романы Жюль Верна и Мориса Леблана. В конце концов, почему бы не предположить, что аббат Соньер был не вдохновителем Жюль Верна, а, напротив, вдохновленным им? Что если, внимательнейшим образом изучив «Кловиса Дардантора», Соньер отыскал в нем пресловутый *ключ*, позволивший ему найти если не сокровище, то *некую вещь*? А для этого ему совершенно незачем было встречаться с аббатом Биелем, Эмилем Оффе, Жюлем Буа, Клодом Дебюсси или знаменитой оперной дивой (с ней даже меньше, чем со всеми другими). В конечном счете никто не мог с уверенностью утверждать, что среди гостей Беранже Соньера видели именно Эмму Кальве: на вилле «Вифания» гостили не только местные врачи и нотариусы, но и их красивые жены. Поэтому можно с уверенностью сказать, что тень Эммы Кальве во всем этом деле — всего лишь туманный фантом, который исчезнет при малейшем дуновении ветерка.

«Тень» шестая: «чужеземец» Жан Орт

В окружении аббата Соньера есть еще один загадочный персонаж — тот, кого в округе Ренн-ле-Шато называли «Чужестранцем» и принимали за обманщика. Но об обмане не может быть и речи: аббата Соньера действительно навещал Иоганн Стефан Габсбургский, сын Леопольда II, принц Австрии, Богемии, Венгрии и великий герцог Тосканы. Точное тому свидетельство было найдено в документах полицейского управления.

Если верить Пьеру Жарнаку, австрийский эрцгерцог попал на заметку местного полицейского органа благодаря отнюдь не служебному рвению доктора Эспезеля из Эсперазы, возненавидевшего аббата с первого же дня его появления в Ренн-ле-Шато. Виной тому, вероятно, была политика: доктор был рьяным республиканцем и антиклерикалом, никогда не упускавшим случая донести на кюре-монархиста, чья странная деятельность не внушала ему доверия. Поскольку появившийся в округе (да еще и в гостях у интегрриста Соньера) «Чужеземец» не давал покоя доктору Эспезелю, жандармам пришлось начать дознание. Довольно быстро установив личность незнакомца, полиция, как и следовало в подобных случаях, передала дело в разведывательный отдел. Итак, согласно документам, «Чужестранец» появлялся в Ренн-ле-Шато в 1888, 1889 и 1890 годах, но не более.

Глубокие разногласия между Иоганном Габсбургским и австрийским императором Францем-Иосифом привели к тому, что эрцгерцог отказался от своих титулов и даже от австрийского гражданства. Стал рядовым гражданином по имени Жан Орт (это было название одного из замков принца), экс-эрцгерцог проводил все свое время в путешествиях. В 1890 году он отправился в плавание, чтобы повидать мир, но из него Жан Орт так и не вернулся (что, впрочем, еще не означает, что он погиб). Во время своих странствий он посещал и Ренн-ле-Шато, всякий раз навещая аббата Соньера. Иными словами, в существовании «тени эрцгерцога Австрии» в деле Ренн-ле-Шато можно не сомневаться.

Разумеется, власти вежливо расспросили Жана Орта, в силу каких причин эрцгерцог нанес визит Ренн-ле-Шато: им не давал покоя вопрос, что занесло представителя (пусть даже лишённого прав) одной из прославленных европейских фамилий в такое захолустье. «Он утверждал, что оказался в Куизе по воле случая, после поездки в Италию и Испанию; ошибившись дорогой, он поднялся в Ренн-ле-Шато, где его принял аббат Соньер. По его словам, он путешествовал инкогнито, в поисках

укрытия как для себя, так и для своих приближенных»¹. Ответ всех удовлетворил. Жану Орту было позволено приезжать в департамент Од когда ему вздумается.

Правда, история о «воле случая», который привел эрцгерцога в дом священника аббата Соньера, вызывает в легкое недоумение. С таким же успехом можно утверждать, что графиня Шамбор (кстати, австрийка!) познакомилась со скромным деревенским кюре «случайно» и не менее «случайно» предоставила ему 3000 франков для обновления храма. «Случайностью» такие дела не объясняются: если лишенный прав и гражданства эрцгерцог прибыл в Ренн-ле-Шато, значит, у него были на то веские причины.

Однако подобное предположение еще не дает ответа на вопрос. Таинственная тень «чужестранца Жана Орта» возбуждала любопытство во все времена. В мирные деньки конца XIX века местные жители терялись в догадках по поводу того, что мог делать в их краях столь знатный господин. Во времена Первой мировой войны люди вновь принялись судачить о странных отношениях аббата и *австрийского* гостя, следовательно, *врага*. Конечно, с момента странного исчезновения эрцгерцога прошло довольно много времени², но память, которую он оставил о себе, не исчезла. Дружбы с австрийским подданным оказалось достаточно для того, чтобы обвинить Соньера в шпионаже (разумеется, лучше и больше всех в этом хоре обвинителей старался доктор Эспезель). В округе ходили слухи, что башня «Магдала» построена по особому проекту и служит опорой для артиллерийских орудий. Правда, никто не задумывался о том, по кому можно было стрелять из Ренн-ле-Шато... Злые языки утверждали, что Соньер получал огромные денежные суммы

¹ Pierre Jarnac. Op. cit., p. 335.

² Легенда, не имеющая ничего общего с Ренн-ле-Шато, утверждает, что Жан Орт воспользовался кораблекрушением, чтобы замести следы: «умерев» для Европы, он начал новую жизнь под другим именем в Америке. Почему бы и нет? На эту тему см.: Maurice Paléologue. Le Destin mystérieux d'un archiduc: Jean Orth, Paris, 1959.

(что объясняло его расходы) за то, что был агентом разведки немецкого кайзера и австрийского императора. Но никому и в голову не приходила мысль о том, какие сведения мог доставлять кюре немецкому кайзеру или австрийскому императору из забытого богом угла, где не было ни одного военного объекта! Значит, находился ответ у недоброжелателей, Соньер работал посредником, принимая у себя немецких или австрийских шпионов под видом артистов и художников. Да, видимо, многим в округе не давали покоя роскошные пиры на вилле «Вифания»!

Итак, тень Жана Орта породила в «деле Соньера» обвинения в шпионаже. К тому же нужно принять во внимание то, что своими таинственными путешествиями Беранже заинтриговал многих и тем самым дал повод к нападкам. Из Куизы, начального пункта путешествия, Соньер отправлялся в Каркасон, а далее в Перпиньян. По сведениям, взятым из надежного источника, в Перпиньяне находился банк «Вдова Ориоль и ее сыновья», куда вкладывал деньги аббат, однако ничто не мешает предположить, что его визиты в банк были предлогом для дальнейших действий или путешествий. Действительно, Перпиньян был крупным транспортным узлом, откуда священник мог отправиться куда ему вздумается. Из документов, опубликованных архивистом Рене Декадейя, известно, что Соньер навещал богатые влиятельные семьи, живущие в районе Нарбона и Безье; целью поездок были просьбы о вспомоществовании. В этих путешествиях нет ничего тайного или таинственного, хотя, по некоторым свидетельствам, два раза ему приходилось бывать в Лондоне¹. Но если сегодня обвинения в шпионаже вызывают улыбку, то во время Первой мировой

¹ Об этом рассказала Мари Денарно. В книге Пьера Жарнака (с. 356) опубликован список дат, указывающих на те дни, когда Соньер не проводил службы в своем приходе. Вероятно, именно в это время он уезжал из Ренн-ле-Шато, при этом его поездки продолжались до 1909 года. Надо сказать, дат в этом списке довольно много, но Пьер Жарнак замечает, что не все они могут быть связаны с отлучками кюре из своего прихода. Тем не менее, если он и уезжал из Ренн-ле-Шато, это могло происходить лишь в указанные в списке периоды.

войны они дали повод к упорным толкам и слухам, что, конечно, привело к опале священника, который, помимо всего этого, судился со своим епископом. Поведение и образ жизни Соньера, необъяснимый для всех и каждого, легко мог быть использован против него, особенно в период войны¹.

Но все же, зачем «чужеземец Жан Орт» посещал Ренн-ле-Шато? Скорее всего, в силу неких причин делового (но не дружеского и тем более не военного) характера. Визиты экс-эрцгерцога приходятся на те годы, когда Соньер занимается реставрацией храма — и находит в нем некие ценные вещи. Без сомнения, Жан Орт просто-напросто был покупателем; аббат интересовал его лишь с той точки зрения, что у него можно было приобрести драгоценные предметы, найденные в церкви. *Но тогда нужно предположить, что это были предметы, так или иначе связанные с Австрией.* Конечно, о природе сокровищ нам ничего не известно. Возможно, это были драгоценности: ходил слух, что аббат нашел в храме чью-то корону. Была ли это корона королей Франции — или имперская корона, когда-то принадлежавшая Габсбургам? Почему бы и нет? Сокровище, найденное кюре Ренн-ле-Шато, было спрятано в церкви аббатом Бигу перед его эмиграцией в Испанию. Следовательно, это могли быть какие-либо ценности, принадлежавшие семейству

¹ Я хотел бы представить сведения, почерпнутые из книги Пьера Жарнака (с. 362): это выдержка из статьи «Midi libre» от 13 февраля 1973 года. Некий господин Эспе, в 1930 году изучавший личные бумаги Соньера, высказал по поводу обвинений в шпионаже два замечания. «Первое: барон фон Крон, глава немецкой разведки, во время войны находился в Барселоне. После всего случившегося разведывательный отдел задумался, не являлось ли поместье Соньера, находившееся между Германией и Испанией, идеальным местом встречи вражеских агентов. Конечно, тому нет никаких доказательств. Второе замечание касается государственной тайны: в те времена в ближайшем от Ренн-ле-Шато монастыре матерью-настоятельницей была монахиня-немка, родная сестра кайзера»; далее Пьер Жарнак уточняет: «Это был монастырь Пруиля». Все это красноречиво свидетельствует о тайне Соньера и о трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться в начале Первой мировой войны.

д'Отпулей, о которых известно то, что они поддерживали отношения с Австрией. Если, конечно, в храме были найдены ценности: вполне возможно, что в тайнике могли находиться важные документы, необходимые австрийскому семейству. Отсутствие точных данных порождает неистовые домыслы, вплоть до того, что в тайнике хранилась драгоценная чаша, чуть ли не Святой Грааль! Истина в том, что никто никогда не видел находки Соньера, а сам он остерегался говорить о ней кому-либо, за исключением, конечно, тех, кому он мог ее продать. Одним из таких людей стал Жан Орт, чьи действия положили начало обогащению аббата Соньера.

Без сомнения, тень эрцгерцога в этом деле весьма ощутима...

***«Тень» седьмая: «хранители секрета» д'Отпули
и осквернение кладбища***

В ходе реставрации храма Беранже Соньер сделал некое открытие. Возможно, это была случайность, хотя многое указывает на то, что Соньер давно знал о том, что же он ищет. Впрочем, это неважно. Если это были предметы, спрятанные аббатом Бигу во время Революции, аббат Соньер имел полное право извлечь их из тайника. Другой вопрос, имел ли он право продавать их ради личной выгоды. В оправдание священника можно заметить, что его деньги шли на постройку храма и зданий, которые предназначались не только для его личного пользования, но и для устройства дома для священников, вышедших на пенсию (что, разумеется, произошло бы и с ним самим). Когда епископ обвинит его в растрате, в защиту Соньер выдвинет именно эти человеколюбивые намерения и замыслы. Тем не менее монсеньор не станет закрывать глаза на значительное расхождение между суммами, истраченными аббатом, и его скромными доходами.

Гораздо более серьезным проступком, на наш взгляд, является осквернение могил, произведенное аббатом на приходском кладбище. Это бесспорный факт, подтвержденный петициями, посылаемыми префекту департамента Од: Беранже Соньер

проводит ночи, переворачивая кладбище верх дном и *оскверняя могилы*, не говоря уже о том, что он зачем-то стирает надписи на могильной плите маркизы д'Отпуль. Это не легенда или сплетни недоброжелателей: это действительность, что, разумеется, вызывает вопрос не только о морально-этической стороне такого поступка (надо признать, что моральные критерии Соньера были довольно эластичными), но и о причинах, побудивших священнослужителя действовать таким странным образом. Без сомнения, Соньер *знал*, что он ищет, и хотел найти это *любой ценой*.

Точка зрения, разделяемая сегодня многими из тех, кто пытается объективно решить этот вопрос, заключается в том, что аббат нашел во внутренних покоях храма гробницы древних сеньоров Ренна; плоды своих находок он продал, что и послужило его внезапному обогащению. Некоторые из найденных им драгоценностей священник подарил нескольким людям, в частности Мари Денарно, однако то, что он нашел на кладбище, аббат продать не осмелился.

Тем не менее все не так просто, как кажется на первый взгляд. То упорство, которое Соньер употребил на то, чтобы раскопать могилу маркизы д'Отпуль и стереть надписи, невольно притягивает к себе внимание. Вряд ли такое поведение служителя культа можно считать нормальным и не выходящим за рамки разумного. Поэтому стоит задуматься о том, чем оно могло быть вызвано — точнее, что могла значить для Соньера эта гробница, которая, на наш взгляд, является ключом к разгадке «тайны Ренн-ле-Шато».

У д'Отпулей, бывших сеньоров Ренна, хранились все древние документы, касавшиеся края Разе, поскольку представители этого знатного рода являлись наследниками других семейств, с которыми они состояли в родстве. Поверенным семейства д'Отпулей был аббат Бигу, который, по мнению многих, утаил некие предметы или документы в храме Ренн-ле-Шато. Соответственно, в руках его последователя, аббата Соньера, оказался «клад д'Отпулей», сокровища или документы (кому как боль-

ше нравится), которые Соньер мог бы продать, обменять или даже оставить себе в целях совершения какой-либо тайной сделки, которая упрочила бы его положение. Поэтому осквернение могилы Мари де Негри д'Абль, маркизы д'Отпуль, может иметь гораздо большее значение, чем то предполагают. Во всяком случае, *оно связано с даром графини Шамбор*. Это очевидный и наиважнейший факт в этом деле — удивительно, что его обходят стороной или молчанием.

В самом деле, «значительный денежный дар, преподнесенный священнику из деревни, затерянной в высокогорье Од, вызывает сильное удивление», замечает Жак Ривьер, выдвинувший три объяснения такого поступка. Во-первых, 3000 франков могли быть отданы в ответ на просьбу Соньера, обратившегося к вдове «Генриха V» в тяжелый момент, то есть в 1885 году, когда монархисты потеряли большинство голосов на выборах. Во-вторых, это могло быть проявлением благодарности графини Шамбор, своеобразной наградой за легитимистские взгляды Соньера, не раз открыто заявлявшего о своих монархистских убеждениях. В обоих этих случаях посредником мог выступать Альфред Соньер, у которого, как известно, были большие связи в аристократических кругах. Но третье объяснение заставляет приостановиться.

Известно, что графиня Шамбор, будучи австрийкой, не питала особо нежных чувств к французской нации, считая ее легкомысленной и отличающейся непостоянством в отношении великих ценностей прошлого. Но графиня «никогда не забывала о том, что приход Ренна является древним фьефом д'Отпулей. Это семейство она хорошо знала: дело в том, что в 1834 году д'Отпуль-Фелин служил сборщиком налогов у ее супруга, молодого короля Генриха V. Маркиз Арман д'Отпуль отказался от какого бы то ни было вознаграждения за эту работу и не раз оказывал герцогу Бордо знаки внимания и уважения. Он последовал за ним через всю Германию»¹.

¹ Jacques Rivière. Op. cit., p. 47.

Итак, вот недостающее звено в цепи рассуждений по поводу д'Отпулей. Какую тайну мог доверить претенденту на трон Франции Арман д'Отпуль? Не то ли, что в Ренн-ле-Шато спрятана некая вещь, необходимая легитимной французской монархии? Пожалуй, такая гипотеза объясняет «дар в 3000 франков» гораздо лучше, чем предположение о неожиданном великодушии австрийской графини, проявленном к представителю нации, которую она с трудом выносила. Не затем ли графиня снабдила священника столь щедрым подарком, чтобы эти деньги дали ему возможность найти «некую вещь»? В таком случае, осквернение могилы маркизы д'Отпуль можно считать «побочным эффектом» той миссии, которую доверила кюре Ренн-ле-Шато королевская семья. Этим же обстоятельством, кстати, можно объяснить и визит в Ренн-ле-Шато экс-эрцгерцога Жана Орта, заключавшего с Соньером некие сделки.

Подобная гипотеза соблазнительна. Это логичное объяснение, позволяющее понять странные поступки убежденного легитимиста Беранже Соньера, не углубляясь в дебри легенд о «завещании Бланки Кастильской», которое якобы нашел аббат. И все же можно спросить себя, не являлось ли «сокровище д'Отпулей» важными документами, касающимися происхождения и легитимности французской монархии. Поскольку известно, что Бланка Кастильская, приложившая все свои силы к тому, чтобы лишить Транкавеля его владений, сделала все возможное для того, чтобы во главе графства оказались люди, в которых она была полостью уверена. Что не помешало ей, как это ни странно, проявлять великодушие к бывшему владельцу графства, незаконно лишенному своих прав. Вне всякого сомнения, графство Разе хранит свою тайну, но для того чтобы убедиться в этом, вовсе не нужно изобретать ложные генеалогические документы, касающиеся первой ветви Меровингов. Секрет графства Разе, несомненно, относится к государственной тайне.

Итак, осквернение кладбища Ренн-ле-Шато — или же дело государственной важности, о котором приказано хранить молчание?

**«Тень» восьмая: монсеньор Босежур
и «незаконная нажива на мессах»**

Монсеньор Бийар, будучи епископом Каркасонским, никогда не требовал у аббата Соньера каких-либо отчетов о его расходах и доходах. Эту заботу взял на себя преемник Бийара, монсеньор Босежур: образ жизни кюре из довольно бедного прихода, с трудом насчитывавшего 200 жителей, показался ему чересчур вольготным. Сначала новый епископ присматривался к такому положению дел, после чего предложил аббату принять повышение по службе, дабы тот оставил Ренн-ле-Шафо. Скорее всего, это отстранение от прежнего прихода было вызвано желанием епископа избежать неприятностей: он не хотел, чтобы его подчиненный был скомпрометирован какими-то темными финансовыми сделками, поскольку скандал вокруг этого дела мог легко отразиться на всем духовенстве диоцеза.

Причины такого беспокойства более чем понятны. С 1905 года Франция более не жила по законам Конкордата — на смену им пришел закон об отделении Церкви от государства, внесенный министерством Комба. Священники, будь то кюре приходов или простые викарии, более не являлись служащими и не получали зарплаты от государства. Чтобы выжить в таких условиях, приходилось выкручиваться: обращаться с призывами к верующим, которые, согласно логике системы, отныне становились *клиентами* духовенства. Иными словами, духовенству приходится переходить на рельсы рыночной экономики, поскольку никто из *клиентов* Церкви не обязан *покупать* мессы, их нельзя заставить креститься, жениться или хоронить кого-либо при помощи священника. Отныне Церковь становится предприятием, которого лишили прав, взамен оставив небольшую льготу: о нормальном состоянии храмов и домов священников должны заботиться органы местного управления, по-видимому, муниципалитеты (исторические памятники взяты под охрану самим государством, хранителем национального имущества).

Итак, забота о достойной оплате труда священника легла на плечи верующих, которым пришлось платить за каждую мессу и каждую службу. Что и говорить, наступило время экономического либерализма, в котором витал дух свободного предпринимательства... Однако, до вступления в силу закона Комба, священники, получавшие жалованье, могли также получать дары. Впрочем, это было необходимой мерой, поскольку ремонт и обновление святынь стоили очень дорого, и муниципалитеты приходилось долго упрашивать, прежде чем заставить их оплатить расходы по реставрации храмов. Таким образом, вплоть до 1905 года священники всегда взывали к милосердию верующих. После 1905 года этот призыв стал жизненно необходимым. В результате сложившегося положения на свет появилось церковное предписание, основные пункты которого навсегда остались в силе.

Итак, для тех или иных церковных служб (то есть крестин, свадеб и похорон) установлены расценки; поначалу размер оплаты оговаривался отдельно в каждом диоцезе, но затем, во избежание злоупотреблений, в пределах всего государства был установлен единый тариф. Мессы, заказанные прихожанами по той или иной причине, как и любой труд, должны быть оплачены: служитель культа приобретает статус работника, подобно простому рабочему или служащему. Но при этом всякий раз, когда священники получают вознаграждение за мессы, они обязаны доложить об этом своему церковному начальству. Действительно, в одних приходах мессы заказывают крайне редко, в то время как на долю других выпадает неисчислимое количество заказов, как, например, в местах паломничества. Итак, во имя справедливости и равенства (Церковь не осталась безучастной к идеям республиканцев...) нужно сделать так, чтобы каждый священник получал определенную денежную сумму, которая позволила бы ему вести нормальный образ жизни. Поэтому епископство, имея на руках всю информацию о запросах на мессы, распределяет заказы между бедными приходами, помогая таким образом как своему диоцезу, так и

другим, еще более нуждающимся епархиям. Речь не идет о каком-либо «денежном обороте месс» — это справедливое распределение между священниками запросов на мессы, которые заказаны и уже оплачены прихожанами. Благодаря такой системе каждый священник, работающий или на пенсии, может быть уверен в завтрашнем дне: *в его распоряжении имеется обязательный прожиточный минимум — одна (а то и больше) ежедневная месса, за которую он полукает гонорар*. Вряд ли подобное распределение может вызвать у кого-либо нарекания: это надежный, прекрасно отлаженный механизм, исключающий возможность злоупотребления или мошенничества. При этом никто не отнимает у священников права получать дары от прихожан и использовать их как для личного пользования, так и *для религиозной благотворительности*, то есть для того, чтобы помогать обездоленным или же оплачивать расходы, возникающие в ходе служебной деятельности. Такой закон работает безотказно; конечно, без злоупотреблений не обойтись, но на этот случай существует церковное право, рассматривающее подобные отклонения от нормы как особый вид правонарушений.

Эти правила действуют и сегодня¹. На мой взгляд, некоторым антиклерикалам стоило бы ознакомиться с ними, прежде чем обвинять священников в «роскоши»². Отдельные исключения

¹ Уточним, однако, что мессы в память умерших более не подвергаются оплате, каждый отдает столько, сколько он в силах за них заплатить.

² Я должен засвидетельствовать обратное: большинство священников живут в условиях, внушающих жалость. В пятидесятые годы я часто бывал в домах бретонских служителей культа и видел ту угнетающую бедность, в которой они живут, не теряя, однако, веры и с честью выполняя свой долг. В частности, в моей памяти сохранилось трогательное воспоминание о священнике прихода Ифф (Иль и Вилен), известного своим храмом и его восхитительными витражами: священнослужитель жил в ужасающей нищете. Другой священник, кюре Ностана (Морбиан), обитал в настоящем подвале, промозглом, беззвонном и лишенном всяческого комфорта. Столь неприемлемые условия жизни вызывали у него лишь грустную улыбку — так улыбаются те,

(порой скандальные) лишь подтверждают общее правило: в большинстве своем французское духовенство живет скромно, не уклоняясь от выполнения священнического долга даже тогда, когда условия, в которых они работают, становятся непереносимыми¹.

Этот экскурс в историю Церкви необходим для того, чтобы разобраться в вопросе о том «денежном обороте», в котором обвиняли аббата Соньера. По некоторым сведениям (правда, непроверенным), впоследствии епископ Каркасонский признался, что подобное обвинение было лишь предлогом: аббат Соньер не собирался покидать Ренн-ле-Шато, поэтому монсеньор Босежур возбудил против него дело, в 1909 году усадившее непокорного кюре на скамью подсудимых.

Проблема, признаться, сложна. «Изучение графика прибыли дало возможность выдвинуть два предположения: аббат умышленно удвоил доходы, приносимые церковной кружкой для пожертвований, а также увеличил суммы вознаграждений, полученных от семьи Ренна². Этот фальшивый отчет на самом деле был призван утаить незаконную прибыль от месс, посту-

кто знает, что жизнь земная лишь краткий момент в непостижимой вечности. Я хочу воздать должное этим незаметным славным священникам, этим скромным труженикам, готовым ради своего дела на любые лишения, как, например, аббат Жийар, который жил на посланной воде и черством хлебе, так как вкладывал все свои деньги в реставрацию и оформление своей церкви. Найдется ли автор, который осмелится создать книгу (а не полемику) о великой нищете французского духовенства конца XX века?

¹ Хочу воспользоваться моментом, чтобы предложить тем людям, кто обвинял меня в антиклерикализме, хорошенько подумать над приведенными мной аргументами. Я не имею ничего общего с «малограмотными» антиклерикалами. О положении французского духовенства я знаю не понаслышке, поэтому могу направить дискуссию в нужное русло, в первую очередь обращая внимание на то, что заслуживает рассмотрения.

² Речь идет о семье Денарно, что красноречиво свидетельствует об отношениях Беранже Соньера и Мари Денарно.

павшую в его распоряжение с 1896 года...¹ Соньер не раз утверждал, что гонорары за мессы не имеют никакого отношения к источнику его богатства. В 1911 году он признался, что действительно довольно часто ходатайствовал о заказах на мессы², но при этом оговорился, что полученные гонорары он распределял между некоторыми священниками; он называл их поименно³, однако к 1910 году одни из них уже скончались, а другие были неизвестны церковному начальству⁴. Действительно, факт подлога налицо, но стоит ли называть его «незаконным получением прибыли от мессы»? И что, собственно, значит эта «незаконная прибыль от мессы»?

На мой взгляд, речь идет вовсе не о законном или незаконном обороте денег, полученных за мессы: действия Соньера как нельзя лучше подходят под определение «обработка клиентов». Целью его частых путешествий было настойчивое ходатайство о заказах на мессы (если не сказать более грубо — «попрошайничество»). К каким аргументам он прибегал, чтобы добиться своего? Без сомнения, он утверждал об особом культе, о поклонении в Ренн-ле-Шато святой Марии Магдалине, покровительнице его прихода. Вдобавок к этому Беранже отправлял множество писем, в которых содержались одни и те же просьбы; ответы на его призывы позволили ему, к слову сказать, собрать коллекцию марок различных стран. Аббата упрекали в том, что он затеял махинации с мессами примерно в 1905 году, но это не так: его «работа с клиентами» началась гораздо раньше, чуть ли не в первые годы жизни в Ренн-ле-Шато, и

¹ Таково мнение Жака Ривьера, с которым я категорически не согласен.

² Небольшие объявления в «Les Veillées des Chaumières», а также визиты к богатым милостивым персонам, большей частью монархистам, помогали ему добиваться своего и получать заказы на мессы. Ныне доказано, что он агитировал семьи в пользу своего прихода.

³ Таким образом, Соньер взял на себя функции епископства, что, согласно церковному праву, являлось упущением.

⁴ Jacques Rivière. *Op. cit.*, p. 135.

действенную помощь в этом деле ему оказывал Альфред Соньер. «Нам ничего не известно о том, существовало ли между братьями соглашение насчет „обработки клиентов“, но, как бы то ни было, „обработка“ была эффективной. Каждый из братьев великолепно справлялся со своей ролью. Соньер не щадил своих сил, отправляя огромное количество писем различным религиозным конгрегациям и богатым милосердным людям. У тех, кто был беден, кюре выпрашивал старые марки и открытки. У богатых и влиятельных особ он просил помощи ради „спасения старого храма“ и постройки „дома, в котором могли бы жить на пенсии престарелые священники“. Аббат нечасто прибегал к объявлениям, он предпочитал действовать самостоятельно, находя клиентуру и атакуя ее нескончаемыми письмами, что приводило к успеху»¹.

Причиной обвинения, выдвинутого епископством против Соньера, стало опасение, что кюре Ренн-ле-Шато кладет в карман вознаграждения за мессы, но при этом не выполняет своего священнического долга. Действительно, если бы он честно отслужил все мессы, за которые получил гонорары, ему бы пришлось трудиться день и ночь не покладая рук. Но, как известно, Соньер распределял мессы между знакомыми священниками, порой даже не имевшими отношения к его родному диоцезу. Далее, вполне возможно, что благодетели Соньера нередко платили больше, чем того стоила месса. Иными словами, обвинение в «обороте прибылей за мессы» не имело никаких оснований, и все же в 1910 году оно прозвучало: по наущению епископа Босежура, во что бы то ни стало желавшего подчинить себе Соньера, прокурор церковного суда выдвинул против аббата три иска. Первый: незаконная нажива на гонорарах от месс, начатая в 1896 году. Второй: осуществление за

¹ Jacques Rivière. *Op. cit.*, p. 338. В этом произведении можно увидеть факсимиле тетрадей Соньера, в которых сохранился список тех, кому писал аббат, и список тех, кто ему ответил. Такой документ красноречиво говорит о том, какую невероятную работу выполнил кюре при помощи переписки.

счет этих средств реставрационных работ в церкви и возведение на деньги от месс гражданских построек в Ренн-ле-Шато. Третий: неповиновение своему непосредственному начальству, монсенюру Босежуру, который запретил ему производить подобные действия.

В самом деле, бухгалтерские книги свидетельствуют, что за год аббат Соньер получал от 1500 до 2500 франков золотом, что никак не могло объяснить его сногшибательные расходы на те или иные нужды, в том числе и постройки. Тем не менее сложно было представить, что источником такого богатства могли стать церковные гонорары, поэтому епископство отказалось от обвинения в незаконных действиях с мессами. Однако на редкость слабая защита обвиняемого и отказ предъявить истинный источник доходов лишь усугубили положение Соньера, поэтому церковный суд дал согласие на отстранение священника от прихода Ренн-ле-Шато. Надо сказать, отстранение это было проделано окольным путем: священника приговорили к мере наказания «*suspens a divinis*», против которой он подал апелляцию в Рим. Возможно, такая двусмысленная мера послужила причиной столь же двусмысленной ситуации, в которой оказался аббат. Беранже Соньер, несмотря ни на что, остается в Ренн-ле-Шато, занимая все тот же дом священника. Согласно «*suspens a divinis*», ему запрещено служить мессы *в общественных местах* — но никто не отнял у него права читать мессы *в собственной часовне* на вилле «Вифания», причем на его проповеди собирается чуть ли не все население Ренн-ле-Шато, не оставившее в беде своего любимого кюре¹.

¹ Предоставление приходов священникам — очень сложный вопрос в каноническом праве, в зависимости от обстоятельств он может варьироваться в каждом отдельно взятом диоцезе и даже в церковных провинциях. Таким образом, в современной церковной провинции Бретани, включающей в себя диоцезы Рен, Сен-Бриок, Кемпер и Ван, приходские священники не могут быть отстранены от своего прихода без их согласия, но с деканами округов дело обстоит иначе. Но в церковной провинции Нарбона, включающей в себя диоцез Каркасона,

Что думал по этому поводу сам Беранже Соньер? Сложно сказать. Очевидно, он почти не чувствовал себя виновным в тех тратах, которые он производил: в конце концов, по его же собственному признанию, вилла «Вифания» и башня «Магда-ла» предназначались для общественных нужд, позднее они бы стали приютом для ушедших в отставку священников. Действительно, даже если Соньер жил на широкую ногу (что впоследствии было преувеличено слухами и толками), он никогда не упускал из виду то, что ему нужно выполнить некую миссию: пусть она будет таинственной и непонятной, но зато она принесет пользу другим людям.

Итак, тень «незаконной наживы на мессах» тает на глазах...

**«Тень» девятая:
«невинно убиенный» аббат Жели**

Наш рассказ подошел к делу, о котором не говорят. Очевидно, потому, что оно играет незначительную роль в «романе о Соньере», хотя, на мой взгляд, его следует считать одним из ключевых эпизодов этой истории. Кюре Кустоссы был хорошо

подобное ограничение не играло роли: ничто не мешало отстранить Соньера от прихода Ренн-ле-Шато. Поэтому в какой-то момент процесса Соньер, зная о том, как можно заставить каноническое право работать на себя, подал прошение об отставке. Но епископ разглядел ловушку и отказал аббату в прошении. Если бы он принял отставку священника, он бы тем самым признал, что аббат пожизненно являлся номинальным кюре. Говоря откровенно, у монсьёра Босежура не было никаких веских обвинений против Соньера: иск о «незаконной наживе на гонорарах от месс» был последним способом, которой смог бы оказать воздействие на строптивного кюре и заставить его отказаться от своего прихода. Между суровым, призывающим к подчинению епископу каноническим правом и действительностью всегда была и остается пропасть. У священника, принадлежащего к разряду мирского духовенства, гораздо больше автономии, чем у церковного духовенства, где каждый монах зависит от высшего начальства и вынужден подчиняться букве закона. Так или иначе, «автономия» аббата Беранже Соньера, должно быть, играла немаловажную роль в ночных кошмарах монсьёра Босежура.

знаком с Соньером, оба они принадлежали к одному и тому же округу декана¹. Конечно, узнать о том, был ли аббат Жели исповедником Соньера, уже невозможно, однако нельзя отрицать того, что Соньер часто навещал коллегу, а аббат Жели в свою очередь был в курсе всех «дел» своего собрата. Поэтому, говоря о «деле Соньера», невозможно пройти мимо настоящего уголовного дела об убийстве аббата Жели, даже если оно и по сей день остается нераскрытым.

Прежде всего нужно напомнить факты. 1 ноября 1897 года аббат Жан Антуан Морис Жели, кюре Кустоссы, был обнаружен убитым на кухне своего дома. Убийца так и не был найден; более того, никто так и не смог определить мотивы убийства. Однако рядом с телом убитого, который не курил и не выносил запаха табака, был найден блок сигаретной бумаги с листочком, на котором карандашом было написано «Viva Angelina». Что ж, прекрасное начало для романа ужасов.

Подробности разыгравшейся трагедии можно восстановить следующим образом: вечером к аббату Жели, который был очень подозрительным, жил затворником и тщательно запирали все двери на ключ, кто-то приходил. Поскольку входная дверь не была открыта ключом, можно предположить, что аббат лично принял запоздалого посетителя — следовательно, кюре был с ним знаком. Нет никакого сомнения в том, что этим посетителем был именно убийца. Но кто? Никто в деревне не смог сказать жандармам что-либо определенное. Итак, преступление, совершенное знакомым аббата.

Поводом для убийства не могло быть воровство: сбережения аббата Жели остались в целости и сохранности. Если бы

¹ Как правило, священники одного и того же округа (который, согласно Конкордату, чаще всего совпадал с границами гражданского округа) были обязаны регулярно встречаться. Эти встречи проходили во время трапезы, которую поочередно подавали то у одного, то у другого священника, с интервалами, которые зависели от профессиональной деятельности каждого, возможности оказать прием или других обстоятельств. В ходе этих братских трапез священники обменивались новостями и обсуждали духовную жизнь округа.

преступником был племянник покойного, то он не упустил бы возможности украсть их, потому что он всегда нуждался в деньгах и досаждал дяде просьбами о помощи. К тому же, как потом выяснилось, в ночь преступления племянник находился в другом месте. Итак, это не было убийство ради наживы.

Другая важная деталь, отмеченная в полицейском рапорте: «Труп был обнаружен в центре кухни лежащим на спине со сложенными на груди руками, как при погребении». Это означает, что убийца не был простым злоумышленником: после своего черного деяния он позаботился о том, чтобы его жертва имела достойный (можно даже сказать *церковный*) вид, словно преступник хотел тем самым засвидетельствовать свое почтение тому, кого он уважал, но кого ему пришлось убить. Странно...

Итак, это было не ограбление. Разве что... Из того же полицейского отчета следует, что убийца, который прекрасно ориентировался в доме священника, поднялся на второй этаж, в комнату аббата. Там, приняв все меры предосторожности, чтобы не оставить после себя ни единого следа, «он взломал замок дорожной сумки, в которой хранились различные бумаги и документы, принадлежавшие священнику». К тому же, как выяснилось, «убийца вскрыл сумку лишь потому, что он искал в ней *какую-то вещь*, но не деньги или ценности». Разумеется, нет ничего, что могло бы позволить нам предположить, что же искал убийца, но нужно признать очевидное: хладнокровие, с каким было совершено это преступление, и уверенное спокойствие, которое сохранял убийца во время своих поисков, свидетельствуют о том, что *эта вещь имела для него огромное значение*. И наконец, что может означать «Viva Angelina» на листочке сигаретной бумаги, кому адресовано это послание? Вот те части головоломки, которую еще никому не удалось собрать воедино. Без сомнения, убийство аббата Жели отбрасывает зловещую тень на «дело Ренн-ле-Шато» в целом и на жизнь аббата Соньера в частности.

Вопросы по этому делу напрашиваются сами собой, что вполне понятно. Непонятно другое: в силу каких причин безу-

пречный аббат Жели, посвятивший свою скромную жизнь добрым делам, был «исключен из игры»? «Не был ли юре Кустоссы хранителем некоего секрета или документов, за которые он поплатился жизнью? Кому была выгодна его смерть? Расследование показало, что убийца знал дом аббата так же хорошо, как и его владельца. Убийство, скорее всего, было преднамеренным, но причиной его стал не грабеж с целью наживы, а изъятие неких документов. Что это были за документы? Вместе с тем преступник оказал почтение убитому, расположив его тело так, как укладывают покойного при погребении в христианскую гробницу...»¹

Можно сколь угодно долго развивать и приукрашивать этот сюжет, но факт остается фактом. Кустосса находится всего в двух километрах по прямой линии от Ренн-ле-Шато, в котором в это время живет и действует аббат Соньер. И действует, надо сказать, довольно странным для священника образом: ищет и находит некие тайники в храме, оскверняет могилы на приходском кладбище и принимает у себя таинственных гостей из других регионов страны. Вспомним послание, оставленное убийцей на листке сигаретной бумаги: «Viva Angelina» — разве это нельзя назвать паролем? Но кому он принадлежит? Неужели тень таинственного общества, стоящая за спиной аббата Соньера, коснулась и несчастного аббата Жели? «Тайна осталась тайной, — пишет Жак Ривьер, но тут же коварно добавляет: — Можно лишь констатировать, что после этого события образ жизни аббата Соньера меняется: отныне он посвящает свое время исключительно гражданским постройкам, вкладывая в них значительные денежные суммы»².

Итак, можно предположить одно из двух. Аббат Жели был хранителем некоего секрета (поэтому дорожную сумку священника столь усердно обыскали), а неизвестный хотел им завладеть (что ему удалось). Оставленное послание должно было

¹ Jacques Rivière. Op. cit., p. 145–146.

² Jacques Rivière. Op. cit., p. 146.

предупредить, что неподчинение таинственному братству, чья грозная тень витает над Разе, карается смертью. Послание получено — и аббат Соньер прекращает свои странные «кладбищенские изыскания», с головой погрузившись в иные заботы: он возводит здания, которые впоследствии пойдут на благотворительные цели. Или же все было иначе: убийца аббата Жели хотел извлечь некие материалы, которых ему не хватало, то есть ту недостающую часть секрета, обладание которой позволило бы ему завершить миссию. В таком случае убийцей мог быть сам аббат Соньер. Не опорочит ли это ничем не подкрепленное утверждение доброго имени покойного? Говоря откровенно, в «деле аббата Соньера» звучали обвинения и похуже, поэтому такое предположение имеет право на огласку. В неоднозначном поведении Соньера нет ничего, что позволило бы нам отвести в сторону столь чудовищную догадку. Оно лишь усугубляет положение священника: из растратчика (почему бы не просто жулика?), пренебрегающего своими должностными обязанностями, незаконно торгующего украденными предметами и не брезгующего симонией, аббат Соньер превращается в убийцу, способного пойти на все ради миссии, *которую ему доверили*. И, что прискорбнее всего, от этого обвинения аббата невозможно избавиться.

К тому же косвенной уликой в «деле аббата Жели» станет странное вмешательство в дела деревенского кюре еще одного персонажа: некоего господина Жаме, *который долгое время будет шантажировать Соньера*. Сегодня это установленный факт: учителю Жаме, который был и секретарем мэрии, кюре Ренн-ле-Шато отдавал деньги и драгоценности, чтобы оплатить тем самым его молчание. Но о чем аббат просил его молчать? О раскопках, которые он проводил в церкви? Об осквернении могил, учиненном им на кладбище? Или о какой-либо иной вещи? Несмотря на то что господин Жаме оставил о себе недобрую память (в деревне его считали настолько мерзким типом, что его потомки даже сменили имя), этот случай может легко отбросить мрачную тень на выразительный образ аббата,

эдакого славного и крепкого малого, при всей своей силе не способного обидеть и мухи¹. Нет ничего более ошибочного, чем видимость. Действительно, почему учитель Жаме «терроризировал» аббата и собирал с него этот оброк? Пусть тот, кто сомневается, бросит обвинение первым...

Никто не может снять с Соньера обвинение в убийстве своего коллеги, аббата Жели, которое он совершил в силу неизвестных, но как-то связанных с «сокровищем Ренна» причин. Однако в то же самое время еще никому не удавалось обвинить его в столь мерзком поступке. Как бы то ни было, дело аббата Жели имеет решающее значение в «деле аббата Соньера».

«Тень» десятая:

Мари Денарно и «история вечной любви»

Согласно распространенному мнению, в нашей истории главную роль играет не один, а два неразрывно связанных человека, чей союз способен растрогать читателей до глубины души: в их воображении Беранже Соньер неотделим от Мари Денарно. Вы только подумайте: аббат завещал ей все, чем он владел! Должно быть, Беранже страстно любил свою кроткую Мари... А она! Какая безграничная преданность! Какая стойкая верность его памяти и твердый отказ разглашать тайны человека, которому она посвятила всю свою жизнь! Должно быть, кроткая Мари страстно любила своего Беранже...

Порою кажется, что тень Мари Денарно заслоняет тень самого аббата. Впрочем, он сам приложил к этому усилия, вплоть до фотографий на почтовых открытках, которые запечатлели его в компании верной «служанки» на фоне виллы «Вифания».

¹ Хотя убийство аббата Жели могло быть выгодно аббату Соньеру, я не могу поверить в то, что Соньер был способен на такое чудовищное преступление. Да, он ошибался, но при этом оставался *хорошим* человеком, что не раз доказывал своими поступками. Но это, как говорится в таких случаях, доводы сердца, а не разума: каких-либо доказательств в поддержку Соньера у меня нет.

Однако читатели, жаждущие увидеть в паре «Денарно — Соньер» еще один извод легенды о Тристане и Изольде, будут жестоко разочарованы: отношения между Мари и Беранже не строились по законам прекрасной и вечной любви, не знающей преград и предательств. У аббата Соньера, как известно, была «горячая кровь». Видимо, это было у него в крови: его брата Альфреда, священника и сверх того члена почтенного ордена иезуитов, обвиняли в не меньшей «горячности», проявленной им в отношении слабого пола. К тому же жалобы Беранже Соньера о том, что ему нередко приходилось расплачиваться за грехи своего брата, вызывают закономерный вопрос: почему Соньер не расплачивался за собственные прегрешения с Мари Денарно? Быть может, потому, что их и не было? В конечном счете у нас нет ни одного доказательства того, что между кюре Ренн-ле-Шато и его служанкой была любовная связь. Никто не может твердо утверждать, что Мари была любовницей аббата или, если предпочтительнее, что Беранже сожителем с собственной служанкой.

Нужно признать, что степень вероятности этого факта велика. Деревенский кюре, принявший на службу молоденькую (и симпатичную, по утверждениям односельчан) девицу, тем самым дает повод к предположениям такого рода. Служанка двадцати четырех лет от роду в доме священника — об этом, разумеется, охотно будут судачить¹. Но, с другой стороны, Ренн-ле-Шато — это Окситания, где очень любят истории о кюре, спящих со своими служанками. Окситанский народный фольклор изобилует сказками такого рода, порой даже непри-

¹ Обычно прислуга священника должна была достичь канонического возраста, то есть минимум сорока пяти лет. Не стоит думать, что подобное правило было обусловлено моральным или теологическим критерием: оно имеет вполне конкретные предпосылки — связь с женщиной канонического возраста не чревата столь тяжелыми последствиями, как дети. Это избавляет приход от скандала, а священников — от проблем, связанных с воспитанием и образованием ребенка.

стойными (точнее сказать, бесцеремонными)¹. Как говорят в Окситании, кюре — тот же человек, а потому он волен поступать так, как поступают все люди. В любовных связях аббатов и служанок не видят ничего дурного. Главное, чтобы кюре не был чересчур строг к таким же, как он, «ошибающимся» мужчинам и женщинам, которые приходят к нему на исповедь. Почему бы, в конце концов, не договориться? В Ренн-ле-Шато мало кого волновало, что приходской кюре сожительствует с прислужгой; более того, когда Соньер окажется на скамье подсудимых, во время церковного процесса его ни разу не упрекнули в том, что он живет с Мари Денарно: на подобный проступок епископство, похоже, закрывает глаза. Даже если кто-либо и подозревает Соньера в «преступной связи» со служанкой, то он тем более не собирается поведать об этом прокурору церковного суда: если Соньер живет во грехе, это его дело — главное, чтобы дело это не дошло до скандала². Но Беранже Соньер избегал огласки в этой области, в отличие от своего злополучного брата-иезуита.

Рассказ о бедной девушке Мари Денарно, поступившей в услужение аббату Соньеру (по собственному желанию или по приказу аббата Буде) и влюбившейся в этого «великого человека» с первого взгляда, может взволновать сердце любого читателя. Эта история прекрасна, трогательна — и полностью вымышлена. Все началось с того, что новичок кюре, прибыв в Ренн-ле-Шато, поселился у доброй прихожанки и жил у нее до тех пор, пока не были завершены первые работы в доме

¹ Интересующиеся этой темой могут ознакомиться с произведениями фольклориста Антонина Пербо (современника Соньера), опубликованными в Каркасоне в 1984–1987 гг.: «Фривольные сказки Окситании» и «Волшебное кольцо».

² Как здесь не вспомнить мольеровского Тартюфа, когда этот достойный представитель Общества святых даров (то есть «Общества Святой Евхаристии» с Винсентом де Полем, аббатом Олье и Никола Павийоном) произносит восхитительную проповедь на тему «Кто вводит в мир соблазн, конечно, согрешает, но кто грешит в тиши, греха не совершает».

священника. Новое жилище Соньера было еще далеко от совершенства, поэтому в 1892 году аббат попросил перебраться в Ренн-ле-Шато своих старых знакомых, семью Денарно, которая помогла ему успешно завершить работы по обустройству дома.

Денарно были родом из Эсперазы. В семье было четыре человека: отец, мать, сын и дочь Мари. Отец и сын Денарно были умелыми ремесленниками. Когда семья переехала в Ренн-ле-Шато, Мари, родившейся в 1868 году в Эсперазе, исполнилось двадцать четыре года, и она стала помогать матери «приглядывать» за домом священника. О семействе Денарно будут отзываться как о «гостеприемной» семье — поскольку Денарно поселились у священника, оплачивая проживание в его доме работами по его починке и обустройству. Впоследствии отец и сын уйдут работать на завод в Эсперазу, мать следует за ними, а Мари останется у Соньера. Увы, рассказанная подобным образом, романтическая история теряет весь свой быллой шарм. Тем не менее вполне возможно, что связь Мари и Беранже возникла еще тогда, когда в доме священника проживало все семейство Денарно (правда, тому нет ни единого доказательства). В оправдательных документах, которые Соньер представил на процессе, он позаботился упомянуть о вознаграждениях за мессы, которые, как он утверждал, поступили к нему от Мари Денарно и ее матери.

Так или иначе, Мари Денарно осталась с ним до конца его жизни, будучи его доверенным лицом. Девушка, восхищавшаяся аббатом, была готова умереть ради него, если он того потребует. Ее преданность к Беранже вызывает удивление и уважение: даже после смерти аббата она не выдала ни одного секрета, доверенного ей Соньером¹. До последних дней своей жизни она берегла эту тайну, порой лишь оговариваясь, что жители

¹ За исключением одного случая, когда она показала один тайник новому владельцу имения, Ноэлю Корбю. Но тайник был пуст. Без сомнения, Соньер опустошил его, не оповестив о том свою верную служанку.

Ренн-ле-Шато ходят по золоту, даже не подозревая об этом. Но можно ли доверять этим словам? Сама Мари Денарно умерла в бедности, лишенная средств. Чтобы выжить, она отдала свое поместье в пожизненную ренту и до глубокой старости жила в семье нового владельца, которого она, впрочем, сделала своим законным наследником.

Великодушная служанка, беззаветно преданная кюре, всю свою жизнь остававшаяся в его тени, навсегда сохранившая память о нем, — и законная владелица всего, что аббат приобрел или построил. Любопытный персонаж — и не менее любопытная ситуация, которая складывается в том случае, если предположить, что Мари никогда не была любовницей кюре! Но и без этого допущения история Мари Денарно и Беранже Соньера не перестает будоражить воображение и порождать на свет самые причудливые фантазии. Мало кто из сочинителей романа об аббате Соньере отказывает себе в удовольствии написать о прекрасной и вечной любви, которая, в конце концов, была всего лишь глубоким взаимопониманием уважавших и, без сомнения, любивших друг друга двух людей.

Тень Мари Денарно у могилы аббата Соньера — что может быть более волнующим и трогательным во всей этой истории?..

Сколько теней! Одни из них мутные и нечеткие, другие же бледные и зыбкие настолько, что исчезают при малейшем волнении ветра. Но среди этого сонма теней есть и такие, которым не страшны ни ветра, ни бури — они по-прежнему остаются непроницаемыми и неуловимыми. Аббат Беранже Соньер — кто же он на самом деле? Попробуй разберись... Без сомнения, это был обычный, не плохой и не хороший, человек. Это был священник, убежденный в своей миссии, но живший в нелегкое для священнослужителей время, когда политические убеждения нелегко было примирить с религиозными. Мания величия? Вне всякого сомнения, но амбициозные устремления священника были все же направлены на благое дело: он хотел оставить после себя что-либо напоминающее о том, что *он*

прожил жизнь, творя добро. Но из этого вовсе не следует, что аббат был розенкрейцером или франкмасоном, в чем его не раз подозревали те, кто оказывался во власти фантазий, навязанных странным оформлением его церкви. Был ли он «управляем» кем-либо? Нет, это не его роль: Беранже Соньер был не из тех, из кого можно веревки вить. Но тогда почему вокруг этого персонажа сгустилась тайна? Почему его дело наделало столько шума, особенно через сорок лет после его смерти? Почему из неприметного деревенского кюре сотворили легендарного героя?

Потому что в силу обстоятельств аббат Соньер невольно стал воплощением мифа. А миф не может обойтись без Божоявления, которое поражает всех тех, кто безнадежно ищет истину.

Глава III

ПРОЯВЛЯЯ ОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ...

В январе 1956 года в серьезном издании «La Dépêche du Midi» появились три статьи о Ренн-ле-Шато с фотографиями виллы «Вифания», башни «Магдала» и, конечно же, церкви. Заголовок одной из статей не колеблясь можно назвать программным: «Удар заступа по опоре алтаря открыл аббату Соньеру путь к сокровищам Бланки Кастильской».

Дело пошло... Думаю, не стоит уточнять, что в последующие недели и месяцы появлялись и другие публикации: о таинственном деле аббата-миллионера писали как местные печатные органы, так и государственные периодические издания. Нескончаемые публикации об аббате и его сокровище Ренн-ле-Шато сделали все, чтобы привлечь внимание к затерянному уголку департамента Од, мирно дремавшему на плато под всеми ветрами, где никому и в голову бы не приходило искать какие-то сокровища или проводить свой отпуск. Что, к слову сказать, напрасно: в этих краях, отдаленных от промышленного или какого-либо другого загрязнения, царит прекрасный для здоровья климат.

Любопытно, что при жизни Соньера ни один журналист не счел нужным написать хотя бы одну колонку об открытиях кюре или о его удивительных проектах и постройках. Не менее любопытно то, что после смерти аббата в 1917 году никто (кроме Мари Денарно и ее односельчан, хранивших о нем трогательные воспоминания) даже не вспомнит о таком живописном персонаже, как кюре, нашедший сокровища. Понадобилось

тридцать девять лет для того, чтобы о Соньере вновь заговорили и начали писать. Причины такой временной отсрочки вызывают недоумение, но еще больше удивляет то, что после сорокалетнего забвения «дело Соньера» неожиданно вышло на первые полосы газет и, покинув край Разе, обошло чуть ли не всю Европу, чему способствовали журналистские репортажи, документальные фильмы, телепередачи и книги, выпускаемые огромными тиражами.

«Странно... Вы сказали „странно“? Как это странно...»

Знаменитая реплика прекрасно подходит к «делу Соньера» — а это действительно настоящее *дело*, точкой отсчета которого можно считать январь 1956 года, тридцать девятый год от кончины Соньера или третий год от кончины Мари Денарно. Разумеется, каждый истолковывает факты в зависимости от своего склада характера. Кто-то попался на удочку и хватил через край. Кто-то смотрит на вещи скептически и не скрывает своего к ним отношения, рискуя подчас попасть под удары рьяных защитников тайны. Кто-то, оставаясь к этому делу равнодушным, довольствуется тем, что ведет подсчет ударов. И наконец, среди всех этих лиц есть те, кто, занимаясь «делом Соньера», упорно держатся в тени.

Впрочем, эти «таинственные следователи» скрываются в тени уже с давних пор. Чтобы выйти из нее, им потребовался 1956 год — но чем вызвано их ожидание? При этом вряд ли можно сказать, что они раскрыли это темное дело, поскольку туман тайны, окутавший деревушку Ренн-ле-Шато, не развеялся и после всего того, что было сказано и написано о ней в 1956 году. Скорее, напротив, — еще больше сгустился.

Дело в том, что, помимо статей в прессе, так или иначе варьирующих «удар заступа, открывший путь к сокровищам», в 1956 году появились еще две публикации, которые, возможно, широкая публика оставила без внимания, но которые тем не менее сыграли огромную роль в этом деле. Во-первых, это странная «Книга Конституций», опубликованная в Женеве никому не известным издательством «Commanderies de Genève».

Во-вторых, это исследование Анри Лобино (который, как потом окажется, и не существовал вовсе), неожиданным образом появившееся в книгохранилище Национальной библиотеки Парижа и заключающее в себе родословные Меровингов, рискующие перевернуть все наши знания о ходе истории. Ко всему этому, 1956 год стал свидетелем еще одного немаловажного для нашего дела события: префектура департамента Верхняя Савойя зарегистрировала общество, расположенное в Аннемассе и по сути своей напоминавшее организацию «Закон 1901 года». Общество называлось Приорат Сиона, а организаторами его были Пьер Боном, Пьер Дефаго, Жан Дельваль — и Пьер Плантар, чье имя, в отличие от трех первых, было хорошо известно тем, кто «работал» в области эзотерики и невероятных историй.

Последнее событие напрямую связано с упомянутыми нами публикациями. Дело в том, что в «Книге Конституций» содержатся сведения о Приорате Сиона. Согласно ей, Орден Сиона был основан в 1909 году в Иерусалиме самим Готфридом Бульонским, а его первоначальным центром было аббатство Нотр-Дам на горе Сион. Вал информации, обрушивающийся на читателя со страниц «Книги Конституций», невероятно сложен для восприятия, но все же из него удастся вычленить сведения о том, что Ордену Сиона передало факел другое (по всей видимости, гностическое) общество, приказавшее долго жить, и что впоследствии этот орден стал тайным обществом под управлением тамплиеров. Но во время «рубки жизорского вяза»¹ Орден Сиона порвал со своими знаменитыми протезе; с этого момента началась его долгая, но невидимая для глаз непосвященных жизнь: Орден Сиона тайно вершил судьбы мира, будучи во главе определенного числа обществ-пособников или обществ, полностью зависящих от него. В книге дан список его великих магистров, среди которых такие известные имена, как Никола Фламель, Леонардо да Винчи, Исаак Ньютон, Шарль

¹ См.: Ж. Маркаль. Жизор и тайна тамплиеров.

Нодье, Виктор Гюго, Клод Дебюсси и Жан Кокто. Орден Сиона «открылся миру» лишь в 1956 году, заявив о себе официально, как и следовало сделать в соответствии с законами Французской республики. Согласно документам, отныне он должен был действовать под именем Приорат Сиона, его штаб-квартира должна была располагаться в Аннемассе, а управлять им должен был некто Пьер Плантар де Сен-Клер, объявивший всем и каждому, что он является последним представителем рода Меровингов.

В «Книге Конституций» говорилось, что наиглавнейшей задачей Ордена Сиона было охранять наследников меровингского рода, чья кровь струилась еще в жилах Готфрида Бульонского. Их миссия будет выполнена лишь тогда, когда на французском престоле окажется истинный потомок меровингской династии, который прогонит не только республиканцев и бонапартистов, но и Капетингов, Бурбонов и Орлеанцев, — их ждет жалкая участь, какая и должна ожидать захватчиков чужого престола. «Неужели Приорат Сиона вооружит Фронду против Людовика XIV? Неужели Приорат Сиона вдохновит Никола Пуссена на создание „Аркадских пастухов“ и доверит ему опасный секрет, о котором тот проинформирует Никола Фуке? Неужели именно Приорат Сиона поддержит усилия „Общества Святой Евхаристии“?» Такими вопросами задается Жан Робен, который, как кажется, не очень-то верит в возможность утвердительного ответа¹. Тем не менее появление всей этой информации именно тогда, когда начинается шумиха вокруг «дела Ренн-ле-Шато», более чем подозрительно.

То же самое можно сказать и о драгоценных документах Анри Лобино, помещенных в Национальную библиотеку. Ознакомление с материалами такого рода может привести к *повторному прогтению* истории Меровингов; более того, именно эти

¹ Jean Robin. Rennes-le-Château, la Colline envoûtée, Paris, Trédaniel, 1982, p. 80. Автор разоблачает некоторые стороны мифа о Приорате Сиона, существование которого, по меньшей мере, вызывает сомнение.

документы впервые упоминают о роли графства Разе в меровингские времена. Согласно им, последний представитель законной ветви Меровингов укрылся в Разе, доказательством чему служат генеалогические сведения, представленные на страницах исследования Лобино. К сожалению, слишком быстро выяснилось, что эти родословные не более чем подтасовка фактов. Автор (или авторы) этого розыгрыша довольствовались тем, что взяли уже существующие генеалогические древа и слегка видоизменили их, где-то прибавив имя, а где-то убавив. Вероятно, такое понятие, как элементарная честность, предмету «история» незнакомо¹. «Генеалогические списки Лобино» были приманкой, изготовленной для любителей сенсаций, а также для тех, кто всегда готов переписать историю на свой лад. «Документы» псевдо-Лобино, множество раз изобличенные во лжи, не стоят внимания...

Думаю, не имеет смысла более уделять время всем этим фальсификациям, которые интересны лишь персонам, представившим их публике. Довольно разговоров о призрачном Приорате Сиона, об этом «таинственном братстве», которое всякий раз всплывает в «деле аббата Соньера». Но все же стоит заметить, что «Книга Конституций», «документы Лобино» и «официальное» рождение Приората Сиона являются частями одного и того же плана, целью которого было извлечение прибыли из «дела Ренн-ле-Шато» и удивительных авантюр аббата Соньера. Движущей силой этого «заговора» были три человека. Один из них — Ноэль Корбю, наследник Мари Денарно и владелец имения Соньера. Двое других — истинные аристократы, граф Пьер Плантар де Сен-Клер, прославивший герметистом, и маркиз Филипп де Шеризе, писатель и артист, известный в свое время по роли Грегуара в «Амее» Ролана Дубийера, показанном по французскому каналу «Культура». После

¹ Об этой теме подробнее рассказано в книге: Richard Bordes. Les Mérovingiens à Rennes-le-Château, éd. Schraubens, Rennes-le-Château, 1984.

того как Ноэль Корбю погиб в автокатастрофе, «заговорщики» нашли союзника в лице талантливого писателя Жерара де Сед, в 1967 году опубликовавшего большую серию «Золото Ренна». Так «дело аббата Соньера» (вероятно, кое-где подправленное для широкой публики) облетело весь мир.

Обратимся, однако, к недавнему прошлому — в нем можно отыскать первые шаги этой умелой махинации, достигшей небывалого успеха.

В конце Второй мировой войны для одинокой Мари Денарно, живущей памятью об аббате Соньере, настали тяжелые времена. Не покидающая Ренн-ле-Шато постаревшая Мари уже с трудом ходит и не отдает себе отчета в том, что происходит во внешнем мире. Вероятно, поэтому во время Освобождения, когда нужно было обменивать банковские билеты старого образца (множество из них было фальшивками, сфабрикованными немцами во время оккупации), жители Ренн-ле-Шато с изумлением наблюдали странную картину: «мадмуазель Мари», как ее уважительно называли, сжигает кучу билетов вместо того, чтобы обменять их. Чего она опасалась? Быть может, того, что ей будут задавать нескромные вопросы насчет этих денег? Так или иначе, расправившись с устаревшими банкнотами, Мари Денарно оказывается в еще большей нужде, чем была.

И вот тогда на сцене появляется Ноэль Корбю. Это промышленник, который основал несколько небольших предприятий и, помимо этого, даже написал детективный роман. Его поведение во время оккупации вызвало нарекания, вследствие чего ему пришлось испытать определенные затруднения. Ноэль Корбю хорошо знал Разе, поскольку часто бывал в нем. Он слышал истории об аббате Соньере и просил рассказывать все, что люди могли знать об этом деле. История деревенского кюре его живо интересовала, возможно, он даже хотел написать новый детективный роман... Но, как кажется, гораздо большей притягательностью в этом случае обладали не писательские лавры, а спрятанные сокровища, мысль о которых прочно засела в голове предпринимателя-авантюриста.

В 1944 году Ноэль Корбю, его жена и двое детей перебрались в Бюгараш, решив покинуть район Перпиньяна, где о промышленнике еще жила недобрая память, связанная с его делами во времена черного рынка. На новом месте Ноэль Корбю нашел друзей, один из которых, деревенский учитель, вероятно, первым рассказал ему о Соньере. В 1945 году семейство Корбю посетило Ренн-ле-Шато — тогда они и познакомились с Мари Денарно, поведавшей им историю о «бедном господине кюре». Впоследствии Корбю не раз возвращался в Ренн-ле-Шато: старая служанка и семейство промышленника испытывали друг к другу искреннюю симпатию. Одинокая жизнь стареющей и немощной Мари Денарно внушала жалость, поэтому с чистым сердцем (но не без тайного умысла) Корбю предложил Денарно сделку: он покупает недвижимое имущество Мари, а взамен на это семья Корбю берет на себя заботу о старой даме. Сделка состоялась 22 июля 1946 года в присутствии нотариуса: так Ноэль Корбю и его супруга стали законными владельцами недвижимости Мари Денарно, лишив, таким образом, наследства ее родственников.

Оставив Мари Денарно жить в новоприобретенном ими владении, Корбю отправились в Марокко. Дела там шли неважно, поэтому семейство вернулось во Францию — куда же еще, как не в Ренн-ле-Шато? Но как поправить бизнес, сильно пошатнувшийся из-за авантур в Марокко? Умный и упорный делец умел извлекать выгоду из всего, что его окружало. Возможно, в 1950 году, когда он вновь очутился во Франции, в его голове уже созрела мысль об эксплуатации «честного имени Соньера». Мари Денарно, доверявшая лишь ему и его жене, пообещала Ноэлю Корбю, что когда-нибудь она обязательно откроет ему «секрет», доверенный ей «бедным месье кюре». Корбю терпеливо ждал, честно выполняя условия сделки; впрочем, вся его семья действительно была искренне привязана к старой служанке, и она отвечала им тем же. Но в 1953 году Мари Денарно умерла в возрасте восьмидесяти пяти лет, так и не передав «секрета» своему наследнику. Она была

погребена на маленьком кладбище рядом с могилой того, кому она посвятила свои молодые годы и в конечном счете всю свою жизнь.

Так Ноэль Корбю стал законным владельцем всего недвижимого имущества, которое принадлежало Беранже Соньеру и Мари Денарно. Острый деловой ум подсказал промышленнику устроить в «Вифании» отель-ресторан. Работы по переделке здания не мешали ему заниматься поисками каких-либо документов, способных пролить свет на знаменитый «секрет» Беранже Соньера, — он искал их везде, где только можно. «Из проекта по преобразованию „Вифании“ в ресторан, а затем в отель-ресторан Корбю извлек двойную выгоду: доходы от предприятия и возможность получить от клиентов какие-либо новые сведения о бывшем кюре Ренна, способные указать, в каком направлении следует вести поиски. Этим и занимался Корбю в последние месяцы 1953 года»¹. Однако посетители ресторана не знали об этом деле ничего такого, чего не мог бы знать и сам владелец заведения, и, поскольку новые сведения не поступали, хозяину ничего не оставалось, как восполнять этот пробел собственными усилиями. Но даже если Ноэль Корбю не мог найти «секрет», то он, по крайней мере, получал выгоду от туристов, обожающих тайны подобного рода.

А они, надо сказать, не упускают возможности посетить этот край. Неподалеку от Ренн-ле-Шато находится Монсегюр: уже тогда его катарский замок, забравшийся на вершину „пога“, принимал в своих стенах не только соотечественников, но и иностранных гостей, привлеченных историями о знаменитом сокровище катаров, которым вполне мог быть святой Грааль. Почему бы не завлечь в Ренн-ле-Шато тех, кто держит путь из Монсегюра? Любители легенд о сокровищах катаров и святом Граале — потенциальные клиенты этой загадочной деревушки! Для привлечения их внимания нужно лишь немного умелой рекламы: слухов и перешептывания о странных делах в дере-

¹ Pierre Jarnac. Op. cit., p. 296.

веньке Ренн-ле-Шато, где нищий кюре когда-то нашел несметные сокровища, спрятанные в храме. Распространять эту историю следует именно так, «по секрету всему свету», ибо ничто не притягивает человека лучше, чем некое «тайное знание». Но, помимо правильной подачи материала, необходимо его правильное оформление, образцом которого служит модель, уже использованная в Монсеюре: вымысел, основанный на исторических фактах. «Дело Соньера» не получило бы ни огласки, ни желаемого внимания публики, если бы не воспользовалось умело подогнанными фактами из истории местного края.

Ноэль Корбю позаботился и об этом. Умелый делец, несомненно, обладал талантом рассказчика: доказательством тому служит его детективный роман, опубликованный в 1943 году. Записав на магнитофон небольшой рассказ об истории Ренн-ле-Шато, хозяин «Башни» (именно так назвал Корбю свой ресторан) сделал его звуковым фоном своего заведения. Эта история скрашивала досуг посетителей, но была направлена на то, чтобы заставить их воображение работать, следствием чего стал бы повторный визит в Ренн-ле-Шато уже в компании друзей, охочих до такого рода тайн и загадок.

Резюме было искусно составлено. Начиная свой рассказ, Корбю вскользь упоминает о том, что «судебный процесс, в который втянула аббата Соньера Церковь, не позволял священнику заниматься своими постройками». Умелый ход: священник, порвавший с Церковью, — колоритный персонаж, особенно в краях, где прошлое неразрывно связано с рассказами о всевозможных еретиках. Однако по окончании церковного процесса опальный (но свободный!) священник «вновь начал разрабатывать проекты, которые он собирался осуществить за свой счет. В них входила постройка дороги из Куизы в Ренн-ле-Шато (аббат хотел купить автомобиль), проведение водопровода в деревне, возведение кладбищенской часовни, крепостных стен вокруг Ренн-ле-Шато и башни пятьдесят метров высотой с винтовой лестницей, которая вела бы к библиотеке.

Помимо этого, аббат намеревался достроить уже существующую башню, прибавив к ней еще один этаж, и разбить зимний сад».

Умением Ноэля Корбю создать интригующую фабулу можно лишь восхищаться. Прежде всего, чтобы привлечь внимание слушателя, он рассказывает об «альтруисте Соньере» (каким он и был на самом деле) и его грандиозных проектах. Но как скромный деревенский священник мог осуществить такие работы *за свой счет*? Ведь их стоимость достигала порядка «восьми миллионов, а по нашим временам более двух миллиардов франков! В разгар войны, 5 января 1917 года, аббат составляет сногшибательные сметы и подписывает заказ на проведение всех работ». Очевидно, аббат Соньер нашел неслыханное сокровище или, по крайней мере, знал, где оно спрятано. Священник мог бы даже не стараться претворить свои проекты в жизнь: одни его замыслы и безостановочные работы, которые вдобавок велись при таинственных обстоятельствах, говорят воображению гораздо больше, чем их осуществление. «Однако 12 дней спустя кюре заболел, а 22 января ушел из жизни». Такова судьба, каждому отмерен свой срок. Но в этом тоже кроется тайна: что если кто-то «помог» аббату уйти из жизни? Не стоит ли за его смертью чья-либо темная тень? Таков финал истории в изложении Корбю.

Но раз уж речь идет о тайне, то необходимо приподнять ее завесу. Если Беранже Соньер мог позволить себе осуществить такие проекты за свой счет, значит, он знал, где находится «древнее сокровище Капетингов, спрятанное в XIII веке». Итак, на сцене появляется сокровище. Пока что оно не имеет отношения к вестготам. К нему не приплетено имя Меровингов — Пьер Плантар де Сен-Клер еще не побывал в этих краях. Можно было бы, конечно, приписать сокровище Ренн-ле-Шато катарам, но это значило бы составить конкуренцию Монсегюру. Нет, честный делец Ноэль Корбю неспособен на такое вероломство: зачем отнимать хлеб насущный у доброго соседа, когда в собственном арсенале есть запас восхитительных местных легенд? «Откуда взялось это золото? Ответ на этот вопрос

был найден в архивах Каркасона. Во время крестовых походов Людовика Святого его мать Бланка Кастильская, регентша французского королевства, сочла Париж слишком ненадежным местом для королевских сокровищ: то было время бунтов против королевской власти, в которых участвовали как бароны, так и простолюдины». Ноэль Корбю, без сомнения, неплохой предприниматель, но никудышный историк. Действительно, Бланка Кастильская, вдова Людовика VIII, испытывала затруднения, но не из-за парижских простолюдинов и баронов, а из-за восстаний, возглавляемых знатными людьми королевства: это были Тибо Шампанский, Пьер Муклерк и, конечно, Раймонд VII Тулузский с Транкавелем в арьергарде. Все это действительно происходило в разгар крестового похода, но направлен он был против альбигойцев¹.

В конечном счете речь идет о XIII веке. В кратком историческом опусе Корбю Бланка Кастильская «перевезла принадлежавшее ей (sic) сокровище из Парижа в Ренн (ле-Шато, разумеется). Покончив с этим делом, она приняла участие в подавлении бунта, вслед за чем последовала ее смерть. Возвратившись из крестового похода, Людовик Святой встал во главе новой экспедиции, но из нее он уже не вернулся, встретив смерть в Тунисе. Его сыну Филиппу Смелому было известно о том, что сокровище хранится в Разе, иначе бы он не проявлял столь сильного интереса к Редэ... Но впоследствии знание было утеряно: в силу того, что сокровище Франции исчезло, Филиппу Красивому приходилось делать фальшивые деньги. Поэтому мы вправе предположить, что он ничего не знал о тайнике». Итак, сокровище было утеряно потому, что прабабушка Филиппа Красивого хорошо его припрятала, причем настолько хорошо, что несчастному правнуку пришлось прибегать ко всяческим уловкам, чтобы раздобыть хоть немного денег? Да... И это притом, что документы о сокровище Бланки

¹ J. Marcale. Le Chêne de la Sagesse: un roi nommé saint Louis, Paris, Hermé. 1985.

Кастильской все это время спокойно хранились в архиве Каркасона? Нет, довольно. Даже если бы такие документы существовали на самом деле, Филипп Красивый непременно получил бы их в свое пользование... и уничтожил бы их, как только завладел сокровищем.

Впрочем, это мало смущает Ноэля Корбю, продолжающего серьезно утверждать: «Согласно архивам, в которых хранился список драгоценностей Бланки Кастильской, сокровище составляло восемнадцать с половиной миллионов слитков золота, то есть приблизительно 180 тонн, не считая драгоценностей и предметов религиозного культа». Упоминание о драгоценностях играет важную роль, поскольку достоверно известно, что Соньер обнаружил в церкви тайник, наполненный драгоценными предметами, — что как нельзя лучше связывает фантастическую историю о Бланке Кастильской с более скромным, но зато не столь давним рассказом о Беранже Соньере. Общая сумма сокровищ, согласно Ноэлю Корбю, составляет четыре миллиарда франков по курсу 1954 года. Понятно, что от такой суммы у многих начинает кружиться голова...

Но в то время как Ноэль Корбю старался привлечь своими сказками клиентов в Ренн-ле-Шато, неподалеку от него, в окрестностях Ренн-ле-Бен, бродил другой персонаж. Он скупал в округе небольшие участки земли, интересовался термальными источниками (особенно Ванной Магдалины и Ванной Королевы), изучал возвышенности, окружающие долину, без устали задавал вопросы и, как кажется, был сильно заинтересован двумя могилами сеньора Флери на кладбище Ренн-ле-Бен. Его звали Пьер Плантар. В Ренн-ле-Бен этот «герметист» называл себя археологом. Его часто видели в компании молодого маркиза де Шеризе, который, поссорившись с семьей из-за своих профессиональных устремлений, стал актером и исполнял роли в небольших постановках. О нем знали лишь то, что его настольной книгой был «Истинный кельтский язык и кромлех Ренн-ле-Бен» аббата Буде, собрата и современника аббата Соньера.

Нам неизвестно, встречался ли Пьер Плантар с Ноэлем Корбю. Вполне возможно, что, поднявшись на плато в Ренн-ле-Шато, наш «археолог» побывал в ресторане «Башня», где он имел удовольствие прослушать историю Ноэля Корбю, записанную на пленке. Так или иначе, вряд ли кто-то станет отрицать, что эти два человека были скроены на один лад. Им было бы легко понять друг друга. Даже если им и не привелось встретиться, этот досадный пробел восполнили те истории, которые они распространяли вокруг себя: впоследствии на свет появились необыкновенный симбиоз идей, занимавших когда-то умы Ноэля Корбю и Пьера Планта.

Но это в будущем. А в том прошлом, к которому мы обратились за разъяснениями, Ноэль Корбю, управляя своим рестораном, не прекращал своих поисков, ибо искренне верил и в существование сокровищ Бланки Кастильской, и в то, что ключ к сокровищам хранился у Соньера. Прошло время — и устные методы распространения информации, использованные им, принесли свои плоды: в Ренн-ле-Шато стали появляться туристы. Правда, их манера поведения несколько отличалась от туристической: все они предпочитали бродить в окрестностях Ренн-ле-Шато, не попадаясь на глаза местному населению. Наконец слух о сокровищах Бланки Кастильской достиг ушей нескольких журналистов, нуждающихся в броском газетном материале, — так на свет появилась статья в январском номере «*La Dépêche du Midi*» за 1956 год. Это было началом работы сложного механизма, отключить который оказалось невозможно.

Ноэль Корбю не остановился на достигнутом. В 1956 году он получил у местных властей надлежащее разрешение на раскопки, что позволило ему и нескольким подручным прозондировать почву под храмом Ренн-ле-Шато. Они нашли несколько костей и человеческий череп «с зарубкой на макушке», напоминающей ритуальное ранение, которое можно видеть на черепах из захоронений меровингских и каролингских времен. Такое ранение, согласно некоторым германским верованиям, было призвано помешать покойному перевоплотиться. Но можно

вспомнить и о том, что в античности и в «варварские» времена пробитый череп помещали неподалеку от тайника с сокровищами¹. Не указывал ли найденный под храмом череп на близость сокровищ? У Ноэля Корбю по этому поводу не было никакого сомнения, поэтому он продолжил раскопки, на этот раз избрав полем для деятельности кладбище. Поиски не принесли желаемого результата. Но в распоряжении Корбю были некоторые сведения, без сомнения найденные в старых бумагах Соньера, поэтому он продолжил исследования в парке, окружающем башню «Магдала» и виллу «Вифания». Что ж, эта попытка увенчалась успехом.

«Работы были сосредоточены в квадрате со сторонами приблизительно 4 метра. Земля в этом месте была рыхлой: очевидно, это был насыпной грунт. На глубине 1,5 метра наши рабочие нашли череп и несколько костей. Поскольку подобные находки не редки для земли Ренна, рабочие не обратили на них никакого внимания и продолжили раскопки. Каково же было их удивление часом позже, когда они увидели, как собаки господина Корбю, обнюхивая эти мрачные останки, облизывают их, переворачивая лапой. Удивленные работники внимательно осмотрели останки: на обнаруженном черепе еще сохранились остатки кожи, волос и даже усов. В яме, где был найден этот „клад“, нашлись полуистлевшие лохмотья одежды из сукна и шерстяной ткани, там же были и другие кости... Пыл кладоискателей поубавился: оставив все в беспорядке, они спешно покинули это место»². Конечно, Ноэль Корбю предупредил

¹ Скорее всего, это был магический ритуал, призванный обезопасить тайник от осквернителей. Следы этого обычая можно найти в уэльских рассказах раннего средневековья, например во второй ветви Мабиноги, повествующей о голове Брана Бендигейда, которую похоронили на Белом Холме (Лондон). Пока голова оставалась на Белом Холме, острову не угрожало нашествие вражеских племен. Можно вспомнить и то, что Голгофа — это «Место черепа», а римский Капитолий — место, где была похоронена голова Тола (Caput Toli).

² René Descadeillas. *Mythologie du trésor de Rennes*, Carcassonne, reprint Savary, 1988, p. 56.

об этой страшной находке жандармерию. При осмотре места полицией были найдены останки трех молодых людей в возрасте 25–35 лет; следствие установило, что их одежда была сшита из военного сукна, а смерть наступила не в столь давние времена. Также в ходе расследования было выяснено, что во время Второй мировой войны на вилле «Вифания» укрывались испанские партизаны. Однако следователям так и не удалось установить, кто были эти жертвы и кто решил свести с ними счеты. Тела вновь предали земле (на этот раз кладбищенской), и дело было закрыто.

Но оно добавило в историю пикантности: когда еще в Ренн-ле-Шато было столько тайн? «Ренн становится знаменитым. Никогда еще он не принимал столь много посетителей. Приезжих с огромным удовольствием посвящали в подробности всех работ, находя в их лице благодарных слушателей. В любом деле подобного рода не обойтись без какой-нибудь „похоронной“ истории»¹. Но среди приезжающих есть и те, кто не забыл о знаменитых сокровищах, а потому они навещают не только Ренн, но и архивы Лиму и Каркасона. Есть и Ноэль Корбю, пишущий книгу о Ренн-ле-Шато, которая никогда не будет издана, а ее рукопись бесследно исчезнет. И наконец, есть неуправляемые толпы кладоискателей (что и следовало ожидать), которые с восхитительным упорством раскапывают все, что попадает им на глаза. Вся эта «шахтерская» деятельность, порой перемежающаяся с взрывными работами при участии динамита, будет вестись столь активно, что в 1965 году муниципалитет запретит в округе любые раскопки.

Конечно, «запатентованные», снабженные разрешениями кладоискатели не прекратили своих работ, которые, впрочем, не принесли никакого результата. В 1962 году в «деле Ренн-ле-Шато» решил разобраться сам Робер Шарру, в то время ведущий знаменитой передачи «Поиски сокровищ». Вот что он сказал по этому поводу в беседе с Жаном-Люком Шомеем: «Мы,

¹ René Descadeillas, p. 57.

члены клуба и я сам, множество раз приезжали в Ренн-ле-Шато с нашими металлоискателями. В ходе работ нам удалось уловить излучение в двух могилах, одной из которых была гробница Берже Соньера. Мы не хотели осквернять ее¹, хотя в ней, без сомнения, можно было что-то найти. То, что там, возможно, находилось, не было свинцом, довольно часто становящимся причиной излучения. Другая могила оказалась еще более интересной².

Мы предприняли раскопки, заранее предупредив об этом, потому что местное население пристально наблюдало за нами. Мы провели их в месте X, следуя указаниям Корбю, но не нашли там того, что искали...³ Ноэль Корбю был прекрасным человеком, но сегодня я склонен думать, что он направил нас в ложном направлении, точнее, по дополнительному, но вовсе не по основному следу... Он был лучше ознакомлен с историей аббата Соньера и его знаменитого сокровища, ибо посвятил им всю жизнь. Если бы он захотел сотрудничать с нами, если бы захотел воспользоваться нашими приборами, то, думаю, наши совместные усилия привели бы к положительному результату⁴. Вероятно, самому Корбю удалось что-то найти: часть того, что Мари Денарно, служанка и любовница Соньера, прятала в надежном месте. Но вряд ли тайник был один. Кюре, человек хитрый, не стал бы прятать все сбережения в одной кубышке. Я уверен, что Корбю наткнулся на часть его богатств⁵. Ренн-ле-Шато, на мой взгляд, это очень серьезное дело...»⁶

¹ Но других мысль об осквернении не остановила.

² Робер Шарру поостерегся говорить, чья именно.

³ Остается лишь узнать, что же именно хотел найти Робер Шарру, если только не очередную сенсацию, которой он мог бы оснастить свое очередное произведение. Искать сокровища — это была его стихия, но в области истории, археологии и даже эзотерики Робер Шарру был способен на невероятные преувеличения.

⁴ Примем к сведению это притязание.

⁵ Маловероятно, что Корбю удалось отыскать что-либо, особенно если принять во внимание дальнейшие трудности в его жизни. Он «не спал на золоте», а его отъезд из Ренна более напоминал бегство.

⁶ Эта беседа опубликована Жаном-Люком Шомеем в книге «Du premier au dernier Templier», Paris, Henri Veyrier, 1985, p. 232–233.

Сколько безрезультатных попыток! Но кого это волнует? История аббата Соньера, облетевшая всю Францию, воодушевляет толпы. Средства массовой информации, окрыленные успехом сенсации, подливают масла в огонь: за «дело аббата Соньера» берется телевидение, намеренное снять несколько эпизодов из жизни «кюре-миллионера». Итак, в один прекрасный день в Ренн-ле-Шато появилась съемочная группа. Это был памятный период в истории затерянной деревушки! «Никакое другое событие не могло так взволновать славных людей Ренна, как съемки фильма, в котором были задействованы чуть ли не все жители деревни. Главную роль исполнял Ноэль Корбю, облаченный в костюм священника начала XX века¹. Та серьезность, с какой он подошел к своей задаче, та вкрадчивость и мягкость, какой он наделил своего героя, та благосклонность, которую излучал его персонаж, давали понять, что Ноэль Корбю примерял эту роль еще до того, как ему предоставили возможность сыграть ее. Он был Соньером, но Соньером, так сказать, в «пастельных тонах»: утонченный, красноречивый священник, лишенный того крепкого вида, лихости и слегка вульгарного веселого нрава, каким обладал настоящий Соньер. Никто не мог лучше воспроизвести манеру разговора и жесты, которыми наделила аббата легенда. Зрители увидели, как Соньер искал сокровища, как радовался, найдя их, как превратился в мецената, отдающего деньги тем, кто в этом нуждался... Был даже снят эпизод с деревенским колодцем: жители Ренн-ле-Шато всякий раз мучаются, вытягивая из него тяжелые ведра, — но вот они уже благодарят священника за проведенный им водопровод! Картина полная — не хватает только одного: самого сокровища!»²

Действительно... Не хватает. Но не потому, что его наконец-то нашли. Увы, увлеченный поисками Ноэль Корбю,

¹ Ноэль Корбю в роли аббата Соньера можно увидеть на двух фото, опубликованных Рене Декадея в книге «Mythologie du trésor de Rennes», p. 157.

² René Descadeillas. Mythologie du trésor de Rennes, p. 65.

позабывший из-за них о своих ресторанных делах, остался ни с чем. Мадам Корбю, на плечи которой, помимо кухни, легла ответственность за управление делами заведения, начала понемногу уставать. Наконец, Ноэль Корбю, понимая, что овчинка выделки все же не стоит, нашел более плодотворное занятие. Он открыл мастерскую по изготовлению вееров и абажуров, но ее уничтожил пожар. Мастерская просуществовала лишь до 1965 года, после чего Корбю решил перебраться в Фанже, расположенный на древней дороге из Каркасона в Мирпуа. Закрыв ресторан «Башня» и продав имение Соньера господину Анри Бутьону, Ноэль Корбю покинул Ренн-ле-Шато. Итак, перевернута еще одна страница истории Ренн-ле-Шато, но то, что написал на ней Ноэль Корбю, не исчезнет. Впоследствии дела этого изобретательного человека придут в упадок, а в 1968 году Ноэль Корбю погибнет в автокатастрофе. Ренн-ле-Шато, дело его жизни, так и не принесшее какого-либо результата, будет окончательно заброшено. Но, к сожалению, найдутся те, кто решат его продолжить.

В 1967 году в книжных магазинах появилась книга Жерара де Седа «Золото Ренна» с подзаголовком «Необычная жизнь Беранже Соньера, кюре Ренн-ле-Шато¹. Это был триумф «дела Ренн-ле-Шато». На сей раз об аббате Соньере, неприметном священнике из неприметной деревни в Разе, узнает вся Европа. Однако теперь на первый план выходят не сокровища, а та странная роль, которую играл священник во всей этой истории. Если бы Соньеру довелось ознакомиться с этой книгой, он, вероятно, был бы немало изумлен, узнав, какое значение в ней приобрели некоторые факты из его реальной жизни.

Замысел «Золота Ренна» и прост и сложен. Аббат Соньер, кюре крохотного прихода, открыл секрет, который до сего

¹ Paris, Julliard, 1967. Произведение неоднократно переиздавалось, в частности, в серии книг карманного формата «J'ai lu» под иным названием: «Проклятое золото Ренн-ле-Шато». В 1977 году произведение Жерара де Седа, значительно дополненное, будет выпущено издательством «Plon» опять же под иным заголовком: «Печать розенкрейцеров».

момента ревностно оберегали от глаз и ушей посторонних: секрет о существовании законного наследника меровингского короля Дагоберта II (ставшего *vox populi* «святым» Дагобертом), убитого Каролингами (в то время это была черед Пипинов). Когда-то этот король, желая захватить Аквитанию, спрятал в Ренн-ле-Шато огромное сокровище. Цели своей он так и не достиг, но завещал своим потомкам завершить начатое им дело. Как аббату удалось открыть этот секрет? Загадка. Однако за его неразглашение аббату было позволено черпать средства из королевской сокровищницы. Тот, кто уведомил Соньера об этом решении (этот таинственный мистический «кто-то»), остался неизвестным, но все же можно понять, что речь идет о представителе, уполномоченном Приоратом Сиона, древнейшего ордена, существовавшего в то же время, что и орден тамплиеров, и даже пережившего его¹. Но вместо того чтобы уважать требования «неизвестных», аббат начал жить на широкую ногу, что заставило «их» сделать аббату предупреждение. Однако Соньер был не из тех, кем можно управлять: он заключил с «ними» соглашение. В конце концов, ему было дозволено оставить знаки, указывающие на месторасположение сокровищ, ориентиры для тех, кто после его смерти смог бы пользоваться ими, чтобы вернуть на трон законного монарха. Вскоре аббат умер, так и не осуществив своего замысла: создания новой религии, духовным лидером которой был бы он сам.

Безусловно, у Жерара де Седа был талант. Но на чем он обосновал свою теорию? Источники, которыми они пользовались, не поддаются проверке, а документы, любезно представленные им широкой публике, оказались фальшивками. Эти документы, то есть фотографии камней и манускриптов, изобрел, конечно, не Жерар де Сед, но те, кто подкинул их ему. Так, писатель получил в свое распоряжение «манускрипты аббата

¹ В 1962 году Жерар де Сед уже опубликовал произведение о тамплиерах Жизора, принятое публикой с большим энтузиазмом. Именно в этой книге в первый раз появилось имя Пьера Плантара, что указывает на давнее знакомство этого персонажа с писателем.

Соньера», волшебным образом доставленные из Англии, где они, как оказалось, мирно дремали в одной из банковских ячеек, в то время как их копии были переданы различным персонам, в том числе и нынешнему владельцу виллы «Вифания».

Действительно, практически все свидетельства сходятся в одном: в полной опоре, поддерживающей древний алтарь, Берже Соньер обнаружил некие манускрипты. Но этих документов нет ни в одной публичной библиотеке, ни в одном архиве или хранилище. Если бы они существовали, очень хотелось бы взглянуть на них... Далее, некоторые утверждают, что с манускриптов были сделаны копии. Вполне возможно, но все же, прежде чем принять это утверждение на веру, стоит хорошенько расспросить на этот счет маркиза Филиппа де Шеризе и его друга Пьера Плантара де Сен-Клера. Тогда, вероятно, читатель узнает нечто новое о природе знаменитых манускриптов, опубликованных в произведении Жерара де Седа. По крайней мере, признание Филиппа де Шеризе многое проясняет. «В 1961 году я был в Ренн-ле-Шато. Узнав, что после смерти аббата в мэрии Ренн-ле-Шато был пожар (в результате которого погибли все архивы), я, воспользовавшись этим случаем, придумал, что мэру Ренн-ле-Шато удалось сбыть с рук копии пергаментов, найденных Соньером. Тогда Франциск Бланш¹ подкинул мне идею изготовить эти копии самому, что

¹ Шеризе познакомился с Франциском Бланшем в Бельгии во время съемок фильма. Оказалось, что у них есть много общего. К тому же известно, что изобретательный Франциск Бланш, напарником которого был не менее гениальный Пьер Дак, охотно принимал участие в розыгрышах и мистификациях. Кто не помнит его радиопельетоны «Signé Furax» или розыгрыши этих двух приятелей, выдумавших *психиатрическую лебедницу для сорняков*? В одном из разговоров Шеризе рассказал Франциску Бланшу о «деле Ренн-ле-Шато», в частности о манускриптах, найденных Соньером. В ответ Франциск Бланш попросил «состряпать» ложные манускрипты: он решил использовать их в передаче «Signé Furax». Шеризе провел серьезную работу, составляя фальшивые копии, но вместо того чтобы передать их Франциску Бланшу через режиссера Пьера Арно де Шассипуле, он велел подбросить их Жерару де Седу. Это меньшее, о чем поведал Филипп де Шеризе.

я и сделал, закодировав в тексте „манускрипта“ отрывок из Евангелия, который потом сам же и „расшифровал“. Наконец через третьи руки я передал плод своих усилий Жерару де Седу. Случившееся далее превзошло все мои ожидания»¹. Он завершает свое признание, сделанное в ходе беседы с Жаном-Люком Шомеем, следующим образом: «Документы были сфабрикованы мной: в Национальной библиотеке я взял за основу древний текст, написанный унциалом, из произведения Дона Каброля»². Филипп де Шеризе, который явно гордится тем, что он был в курсе «истинного секрета» Ренн-ле-Шато³, говорит об этой истории обмана так, как она того заслуживает, то есть как о хорошем фарсе. Но кому был нужен этот фарс?

Впрочем, как выяснилось, фальшивые манускрипты — это всего лишь часть розыгрыша. Другие документы, представленные в «Золоте Ренна», вызывают не меньшее сомнение в их подлинности. Речь идет о репродукциях гравированных камней, среди которых может внушать доверие лишь знаменитая стела маркизы д'Отпуль. Все остальные изображения взяты из небольшого труда «Гравированные камни Лангедока», приписанного Эжену Стублейну, эрудиту из Разе, жившему в конце XIX века и любившему подписываться не иначе как «Стублейн Корбьерский». Представляю, какое потрясение испытал бы ученый, узрев свое имя на этом редчайшем издании, хранящемся лишь в Национальной библиотеке, — ведь он никогда не занимался археологическими исследованиями! Эжен Стублейн был страстно увлечен астрономией и всю жизнь изучал лишь «небесные камни», звезды и планеты, не помышляя ни о каких «гравированных камнях Лангедока». Это произведение не что иное, как подделка, снабженная вдобавок воспоминаниями несчастного аббата Куртоли, который знал о «своих»

¹ Philippe de Cherisey. L'Énigme de Rennes, brochure dactylographiée, 1978. См.: Jean Robin. Op., cit.

² J.-L. Chaumeil. Le Trésor du Triangle d'Or, p. 80.

³ Осталось лишь узнать, действовал ли Шеризе по собственному желанию или его желаниями руководил Пьер Плантар де Сен-Клер.

признаниях не больше, чем Эжен Стублейн — о своих открытиях в области археологии.

Фарс становится все более странным. Обратимся за разъяснениями к Рене Декадейя, который провел серьезное расследование этого дела. Очевидно, что имя аббата Куртоли появилось в «деле гравированных камней» (как и в «деле аббата Соньера») лишь потому, что в юности он был знаком с кюре Ренн-ле-Шато. «Но как старого доброго священника заставили подписаться под этими чудовищными бреднями? При каком удивительном стечении обстоятельств?» И Рене Декадейя находит ответ на этот вопрос.

«В последние годы своей жизни аббат принимал лечебные ванны в Ренн-ле-Бен, где на глаза ему то и дело попадался любопытный персонаж, парижанин, которого он уже видел в этих местах в конце пятидесятих годов. В округе Разе у этого парижанина не было ни друзей, ни знакомых, и никто не мог узнать, кто он такой: безликий, скрытный и вкрадчивый человек, не лишенный красноречия. Те, кто пытались познакомиться с ним поближе, говорили, что он неуловим. Он не проходил какого-либо курса лечения, однако появлялся в этих местах постоянно, приезжая в Ренн-ле-Бен даже зимой, — конечно, окружающие могли лишь гадать о причинах столь частых его появлений. Не меньшее недоумение вызывал у них горячий интерес этого человека к местным природным или археологическим достопримечательностям, ведь он, по всей очевидности, не был интеллектуалом. Его странные прогулки заставляли людей теряться в догадках: он исходил округу вдоль и поперек, между землей, осведомляясь о ее собственниках и останавливая свой выбор на заброшенных земельных наделах, которые никого не интересовали, или на участках, поросших густыми зарослями... Его бесконечные походы, его вопросы, которые он задавал всем и каждому, не могли оставаться без внимания. Кто-то принимал его за сумасшедшего, кто-то, должно быть, смеялся над ним, но никто не догадывался, что этот человек тем временем упорно *составлял свое досье, в котором*

обычные события и повседневные мелочи приобрели необычное значение. Обитатели Ренна и помыслить не могли, что их наблюдения, не представляющие интереса, их поспешные оценки или суждения, *лишенные основания*, он вложил в уста уважаемых людей старшего поколения, чьи силы к тому времени были уже на исходе. Он не опасался приписывать им чужие высказывания, оставшиеся на магнитофонной ленте, на которую, как известно, он записывал любые истории, рассказанные невесть кем. Именно так аббат Куртоли оказался «рассказчиком» одной из таких экстравагантных историй. Те, кто близко знал священника и работал с ним, со всей категоричностью заявляют, что высказывания Куртоли, помещенные в «Гравированных камнях Лангедока», не совпадают ни с фактами из биографии аббата, ни с его характером»¹.

Однако это еще не все. Рене Декадейя не считал нужным называть имя человека, которого он так точно описал. Но зато он считал нужным заметить, что сведения из знаменитых «Гравированных камней Лангедока» послужили иллюстративным материалом еще одному произведению. Эта брошюра, размноженная на ротаторе, была помещена (в очередной раз!) в парижскую Национальную библиотеку; ее название — «Генеалогия меровингских королей и происхождение различных французских и иностранных знатных семейств, продолжающих род Меровингов, согласно сведениям аббата Пишона, доктора Эрве и документам аббата Соньера из Ренн-ле-Шато (департамент Од)». Автором этого курьезного труда оказался некий Анри Лобино, проживающий в Женеве на площади Моллар, 22. На поверку оказалось, что в Женеве нет ни площади Моллар, ни, соответственно, дома № 22 по этой площади, а Анри Лобино не известен ни Швейцарии, ни Франции. «Документы Лобино» оказались очередной фальшивкой, но кем и ради чего она была изготовлена?

У Рене Декадейя есть мнение на этот счет: «Исходя из совпадений, можно предположить, что автором „Документов

¹ René Descadeillas. *Mythologie du trésor de Rennes*, p. 76.

Лобино“ является тот же самый человек, что исследовал окрестности Ренн-ле-Шато и описывал их. Вероятно, мы имеем дело с параноиком: вряд ли человек со здоровой психикой будет вписывать свое имя в родословную короля Дагоберта II»¹. Прежде чем продолжить, хотелось бы процитировать строки, взятые из книги Жерара де Седа «Дворяне сегодня»²: «Рекорд „барона Баркляя де Латура“ на сегодняшний день побит. Его опередил некий человек, наводнивший Национальную библиотеку брошюрами с генеалогическими списками, подписанными разными именами, в которых он утверждает, что он является потомком Дагоберта II, законным наследником французского престола, в отличие от всех вместе взятых Каролингов, Капетингов, Валуа, Бурбонов и Орлеанов». Догадывался ли Жерар де Сед, что его буквальным образом «облапошил» Пьер Плантар де Сен-Клер, тот самый таинственный человек из Ренн-ле-Бен, о котором столь нелестно отозвался Рене Декадейя³?

Это лишь начало фарса. Далее последуют неожиданные открытия все новых и новых документов, размноженных на ротаторе, которые на проверку окажутся такими же подделками, как и предыдущие. Их неизменно находят в хранилище Национальной библиотеки, которая рискует превратиться в филиал архива Ренн-ле-Шато, если участники игры, действующие в тени, не перестанут наводнять ее своими «игрушками». Одно из таких «произведений» озаглавлено: «Секретные досье Анри Лобино: монсеньору графу Редэ, герцогу Разе, потомку государя Франкского королевства Хлодвига I, светлейшему пылкому отпрыску короля святого Дагоберта II, его преданный слуга преподносит это собрание...» и так далее. Несмотря на то что эта брошюра была внесена в реестр по всем правилам (то есть на бланке из хранилища был указан адрес и имя «поставщика»), оказалось, что указанный адрес действительно

¹ René Descadeillas. Op. cit., p. 76.

² Éditions Alain Moreau, 1975.

³ Филипп де Шеризе утверждал, что речь идет о графе Анри де Ленонкуре, сиречь Анри Лобино.

существует, но о «поставщике» никто ничего не знает. Не был ли отправителем этой брошюры наш таинственный незнакомец из Ренн-ле-Бен? Особенно если учесть то, что «пылкий отпрыск» — всего-навсего дословный перевод современного французского «Плантар» («plant-ard»)?

Об этом стоит подумать.

Однако, забывая подделками и фальсификациями книгохранилище Национальной библиотеки, участники этой увлекательной игры совершенно не думали о законных владельцах «игровой площадки», о жителях Ренн-ле-Шато. А они, надо сказать, терпеливо сносили все, что обрушилось на них после всех этих публикаций. И порой жаловались: «Это безумие... Вот уже пятнадцать лет они прибывают отовсюду: из Монпелье, Тулузы, Бордо, Парижа, Нанси. Среди них есть даже иностранцы, особенно часто встречаются немцы. Иногда мы видим их с какими-то приборами в руках или на ремне за спиной; вооружившись картами местности, они проделывают таинственные операции, на которые мы уже здесь насмотрелись. Пока все идет таким образом, у нас нет возражений: мы всегда рады гостям. Но среди них есть настоящие вандалы. Они ничего не уважают. Они копают, роются повсюду, разрушают все на своем пути! Урон, нанесенный ими нашей деревне, значителен. В Ренне счастливы принимать посетителей, даже если они приехали искать знаменитое сокровище. На счет этого, впрочем, можно не беспокоиться: они еще не скоро что-то найдут. Итак, мы рады принять их, но совсем не для того, чтобы видеть, как они портят все вокруг: некоторые ни перед чем не останавливаются, даже по головам пойдут, если понадобится! Знаете, мы уже пресыщены туристами такого рода». Жалобы, подобные этому признанию, опубликованному в газете Тулузы, звучали неоднократно. Ознакомившись с ними, начинаешь понимать, почему в Ренн-ле-Шато больше нет гостиницы!

Если бы «дело Соньера» оказалось вымышленным от первой и до последней строчки, если бы в нем не было хотя бы одного реального факта, тогда бы к этой безумной истории

можно было отнестись с подобающим презрением. Но нет... Во всей этой шумихе, поднятой вокруг Ренн-ле-Шато, в этом потоке непрерывной дезинформации есть и достоверные факты. И жители Ренн-ле-Шато прекрасно об этом знают (возможно, поэтому им удается сохранять терпение в тех условиях, которые им создали «туристы», приезжающие с целью разворотить их деревню). Конечно, если «дело аббата Соньера» и принесло кому-то прибыль, то отнюдь не обитателям Ренна. Но тогда кому?

Кому нужна вся эта шумиха? Никогда еще выражение «следует проявлять осмотрительность» не было столь приемлемо, как в этом случае. Кто управляет потоком ложной информации? Кто управляет марионетками в фарсе «Проклятое золото, или Необычная жизнь Беранже Соньера, кюре Ренн-ле-Шато»? Приорат Сиона? Но что это такое?

Не так давно в одном небольшом научно-популярном журнале появилась статья Пьера Байе, одного из поклонников этой организации. В простых, не лишенных юмора словах автор статьи вкратце излагает историю в ответ на заданный читателем вопрос. Суть вопроса заключалась в следующем: во время крестовых походов десять рыцарей-тамплиеров привезли во Францию документы, изъятые из Храма Иерусалимского. Кто были эти рыцари, известны ли их имена? В ответ Пьер Байе пишет:

Ни один вопрос читателей «Facettes» не останется без ответа. Итак, вот список десяти рыцарей-тамплиеров, которые, должно быть, были основателями Ордена Сиона (мы воспроизводим этот перечень, пользуясь сведениями Жюля Мошефоля):

1. Дюпанлу из Сиона (Верхняя Савойя): «Dupanlupus ortus in vico Seduni, in Sabodiae». Использованное слово «vicus» (город) доказывает, что речь идет о Сионе, расположенном в Верхней Савойе, а не о Сионе (Вале), резиденции епископа, значившейся в документах той поры как «civitas». Приключения Дюпанлу легли в основу знаменитой походной

песни тамплиеров, впоследствии вошедшей в обиход французской армии.

2. Гупий из Гатине: «*Vulpes Gastinense pagi*». «*Vulpes*» следует перевести как «Гупий», но не как «Ренар»: в те времена это имя еще не было известно.
3. Мошефоль из Орлеана: «*Turpis insanus Genabensis, vel Aurelianensis, civis*». Научная ценность этого замечания не ускользнула от специалистов: оно доказывает идентичность «*Genabum*», упоминаемого Цезарем, и Орлеана.
4. Ар Пен из Бретани: «*Caput Letaviensis*». Поскольку слово «*Letavia*» во многих агиографиях означает Бретань, мы думаем, что стоит перевести «*Caput*» на бретонский лад: Ар Пен. Это был опасный воин, которого товарищи, немецкие тамплиеры, называли не иначе как «*Caput-Karout*».
5. Дюпон из Авиньона.
6. Руже из Лилля.
7. Тартарен из Тараскон-сюр-Аржеж (sic).
8. Шапузо из Трембле-ле-Виконт (Эр и Луар)
9. Фанфан по прозвищу Тюльпан, внебрачный сын неизвестного происхождения.
10. Пандар из Ренн-ле-Шато (Од).

Последний в этом списке тамплиер был солдатом второго класса, в то время как девять других были унтер-офицерами или капралами. Его никогда не повышали в звании, видимо считая его слабоумным (*levis insanus*), хотя он участвовал во всех баталиях, из которых выходил без единой царапины (*nitidi testiculi*). К слову сказать, маршал Лефевр (1755–1820) очень любил использовать это выражение в его буквальном переводе. Но вернемся к Пандару. Однажды товарищи отправили его искать ключевую позицию в районе маневров (*Marti campī clavis*). Пандар ушел и не вернулся. Спустя некоторое время рыцари спохватились, но не из-за отсутствия собрата, а из-за пропажи манускриптов, взятых ими в Храме Иерусалимском, среди которых был опасный документ, известный под

именем «Ultimi Judicii grandibus litteris»: в нем была указана точная дата и время второго пришествия Христа.

А в это время тамплиер Пандар, уставший от насмешек и шуток своих товарищей, покинув Палестину, благополучно вернулся в Ренн-ле-Шато. Став пономарем, он женился на служанке, которая имела от него (или от кюре — эрудиты Общества наук и искусств Каркасона так и не разобрались в этом вопросе) множество детей. Привезя с собой манускрипты, найденные в Иерусалиме, Пандар задумал их продать местному бакалейщику (из них бы вышли прекрасные пакетики для конфет), но деревенский учитель (*Vici puerorum Magister*), увидев документы, решил, что они будут интересны будущим поколениям. А посему он посоветовал пономарю спрятать их под алтарем приходской церкви, что тот и сделал.

В 1887 году на эти документы наткнулся кюре Беранже Соньер, производивший работы по перedelке храма. Приехав в Париж ради их экспертизы, аббат случайно встретил архивиста из Луаре Жюль Дуанеля, который купил их у него. Некоторые недоброжелатели утверждают, будто бы их встреча произошла в знаменитом увеселительном заведении «One-Two-Two» на улице Прованс. Разумеется, это ложь: ни один, ни другой никогда не переступали его порога. Сегодня эти и другие манускрипты, найденные Дуанелем в Каркасоне (архивист перебрался в этот город в 1899 году при помощи свободной вакансии и продолжил поиски), помещены в архив Орденна Сиона. В настоящее время он готовит документы к публикации, с переводом на французский язык, поэтому в скором времени с ними можно будет ознакомиться в «*La Pensée universelle*». Те, кто интересуется этой темой, могут обратиться к следующим книгам:

- 1) *Жюль Дуанель*. «Воспоминания архивиста из департамента» (посмертное издание). Каркасон, 1905.
- 2) *Лагийамет и Крокеболь*. «Париж под руководством Сади-Карно». Париж, 1950.
- 3) *Пьер Плантар*. «Моя семья и Орден Сиона». Аннемасс, 1957.

- 4) *Берар де Сад*. «Последняя миссия тамплиеров». Тулуза, 1984.
- 5) *Жан Мабиз*. «Тамплиеры — предтечи Waffen S. S.». Париж, 1986.

Материал предоставлен Жюлем Мошефолем, настоятелем Сен-Самсон (Орден Сиона)¹.

Эта статья (точнее, небылица) стоила того, чтобы привести ее полностью. В ней нет ничего шокирующего, хотя юмор автора скорее злой, чем дерзкий: думаю, читателю понятно, кого он имеет в виду, говоря о тамплиере Пандаре, и в кого пускает шпильки, завершая статью «списком обязательной литературы»². Однако, в отличие от других «серьезных» произведений, эта статья рассматривает «дело Соньера» в его точном контексте. С одной стороны, в деле участвует общество-призрак, этот таинственный Приорат Сиона, а с другой — реально существовавший Жюль Дуанель, архивист департаментов Луаре и Од, франкмасон и глава гностической секты, выдержанной в духе спиритуализма и сатанизма начала XX века.

В жизни Соньера этот человек играл не меньшее значение, чем Дюжарден-Бометц, однако всегда оставался на заднем плане. Напомним, что у Беранже Соньера не было четко сформированного артистического вкуса. Появление в храме Ренн-ле-Шато масонских символов можно объяснить воздействием Дюжардена-Бометца, но отчасти и влиянием Жюля Дуанеля. Дюжарден-Бометц был художником и франкмасоном, в то

¹ Facettes, № 187, mai 1988, 56 rue de Tassigni, 94700 Maisons-Alfort, p. 26–27.

² Единственное безупречное имя в этом списке — Жюль Дуанель: он знал о деле Соньера многое. Среди других имен привлекает внимание Жан Мабиз (на самом деле Жан Мабир): его появление в том списке объясняется тем, что предметом его исследования были отношения немецкой армии с различными тайными обществами. Не будем забывать, что, согласно немецкой версии легенды о Граале (роман Вольфрама фон Эшенбаха), этот священный предмет охраняет братство тамплиеров, более напоминающих S.S., нежели христианских рыцарей, которые когда-то сопровождали паломников в Святую землю.

время как франкмасон и гностик Дуанель считался неплохим специалистом в области символики герметизма.

Жюль Дуанель — воистину странный человек. Был ли он знаком с Соньером в тот момент, когда аббат принялся за работы по улучшению храма? Возможно. Играл ли он какую-либо роль в «деле Соньера»? Возможно и это. Жюль Дуанель был в курсе многих «секретных дел», занимавших умы членов сект и других «философских» обществ. Будучи нотариусом в Орлеане, он занимался монастырем Сен-Самсон (по словам адептов мифического Приората Сиона, именно в этом монастыре обосновался Приорат после того, как был вынужден покинуть Палестину). Неслучайно процитированный нами текст, по сути своей юмористический, ссылается на Жюля Мошефолья (очевидно, «*touche folle*», «безумная муха»), называя его «настоятелем монастыря Сен-Самсон в Орлеане». Но что бы ни происходило с Приоратом Сиона в действительности, все это было спрятано под покровом тайны, в чем Дуанель отдавал себе отчет. «Действительно, этот своеобразный архивист из Луаре (в силу этого, вероятно, он был первым, кто узнал об архивах монастыря Сен-Самсон) закончил свою карьеру в Каркасоне, где он познакомился с не менее своеобразным местным эрудитом, аббатом Буде. Итак, злополучный Дуанель (человек, который возродил в 1889 году „Церковный гнозис“ под патриархальным именем Валентин II), казалось, имел все задатки для того, чтобы стать инструментом в руках лидеров подозрительных сект и течений. Действительно, впоследствии отрекшись от „Гнозиса“ перед епископом Орлеанским, он, взяв псевдоним Жан Коцка, написал книгу в духе Лео Таксилья»¹. Но затем он вновь впал в свои гностические заблуждения, публикуя книги, в которых можно было наткнуться на фразы типа: «Граф Сен-Жермен был одним из могущественных демонов,

¹ Jean Robin. *Op. cit.*, p. 87. Лео Таксиль — журналист, бывший франкмасон, сочинявший антисемитские памфлеты. Он выступал против масонов, приписывая им всевозможные злодеяния при помощи вымышленных им документов.

посланцев Сатаны». Это прекрасный показатель того, насколько странной и беспокойной личностью был Жак Дуанель: такой человек мог легко оказаться зависимым от чужой воли.

Осторожность, которую следует проявлять в рассмотрении «дела Ренн-ле-Шато», неизбежно приводит к путанице: кто за кем скрывается, кто кем манипулирует? Но, несмотря на то, верим ли мы или не верим в существование неких «орденов», манипулирование все же существует. Те, кто его осуществляет, предпочитают оставаться в тени или выходить из нее под чужим именем (или даже подрывать изнутри другие сообщества и организации). Вот поэтому на свет появляется Приорат Сиона: это всего лишь средство отвлечения внимания, предназначенное для того, чтобы утаить от широкой публики иные вещи и цели. «Дело аббата Соньера» — тому яркий пример. Поэтому попытаемся вновь отделить вымысел от истины, обратившись к сокращенной версии фактов, изложенных в знаменитых «Документах Лобино».

«Однажды в феврале 1892 года юному аббату Оффе нанес визит странный посетитель, кюре из Ренн-ле-Шато аббат Соньер, нашедший его ради того, чтобы попросить молодого сведущего лингвиста перевести таинственные манускрипты, найденные им в опоре вестготского алтаря. Эти документы были подписаны именем Бланки Кастильской: в них хранился секрет Редэ, связанный с родом Дагоберта II (это удалось установить аббату Пишону, в период с 1805 по 1814 год работающему с документами, найденными во время Революции)¹. Аббат Оффе, понимая, насколько значимой информацией обладают манускрипты, сохранил их копии, так и не дав Соньеру точного ответа на его запрос. Однако осторожный кюре Ренн-ле-Шато

¹ Во время Первой империи Наполеон доверил аббату Пишону разобраться с архивами, которые можно было передать Ватикану. Вследствие этого аббат Пишон, возвеличенный «окультистами» и другими любителями XIX века, превратился чуть ли не в мифологического героя: он якобы получил доступ к самым опасным секретам папства.

посоветовался с другими специалистами, показав им лишь фрагменты документов».

Нам уже известно, что изначально «дело Ренн-ле-Шато» не имело никакого отношения к роду Меровингов — они появились в деле лишь тогда, когда в игру вступил Приорат Сиона, опубликовав (лично или при помощи подставных лиц) множество документов, содержащих сведения по этому вопросу. Вне всякого сомнения, причастность Меровингов к сокровищам аббата Соньера — это «подделка *a posteriori*». Но при этом наш Приорат воспользовался ловким приемом: слиянием своей поддельной информации с реально существовавшей легендой. Пьер Плантар, вдохновитель или создатель Приората Сиона, прекрасно знал легенды, бытовавшие в Ренн-ле-Бен (поскольку не раз навещал этот край), в том числе и предание о королеве Бланке Кастильской. В результате к преданию о Белой Королеве, навещавшей Ренн-ле-Бен (но не Ренн-ле-Шато!), была добавлена «достоверная история» о существовании прямого потомка Хлодвига. Мог ли вообразить что-либо подобное злополучный аббат Соньер, наивно веривший, что в его руках оказались документы предшественника, аббата Бигу?

Попутно заметим, что членам Приората Сиона, составлявшим этот ценный документ, явно не хватало знания простых исторических фактов. Так, Эмиль Оффе вовсе не был аббатом: в 1892 году он был студентом богословского факультета. Даже если бы к тому времени Оффе и стал священником, его называли бы «отцом», так как он входил в религиозную конгрегацию «Монахов Марии». Об этом авторам «Документов Лобино» мог бы поведать простой певчий, обратиться они к нему с таким вопросом. Прежде чем браться за этот «труд», стоило бы немного ознакомиться с обычаями Католической церкви, а заодно сверить некоторые даты.

Но это мелочи. Далее нас ждет более важная информация: «Благодаря драгоценным документам аббат Оффе восстановил полную родословную потомков Дагоберта II, этого короля „Урсуса“, или „Медведя“, предки которого были царями Аркадии.

В свою очередь цари Аркадии были потомками рода Вениаминова, когда-то обитавшего в Вифании».

Если мы правильно поняли, «хранитель тайного рода» Приорат Сиона, должно быть, дожидался случайного открытия аббата Соньера, чтобы узнать о существовании потомков Мервингов. Без находки аббата на свет не появились бы «Документы Лобино» и тем более на свет не появился бы Приорат Сиона. Из предшествующего отрывка «Документов» прекрасно видно, как на полученный сплав легенд о Бланке Кастильской и потомках Хлодвига наслаивается очередной вымысел: история о короле «Урсусе», предки которого были родом из Аркадии. Очевидно, появление в тексте Аркадии призвано соединить эту историю с «Аркадскими пастухами» Никола Пуссена, а также с таинственной гробницей, которая находится по дороге в Арк. Более того, почему бы не связать воедино Арк и Аркадию? Конечно, знающие люди заметят, что такое утверждение грешит против истины, потому что название «Арк» происходит от латинского «arces», стоящего во множественном числе, то есть от «цитадели». Однако при помощи маленькой подтасовки лингвистических данных Арк и Аркадия становятся производными от общего индоевропейского корня, породившего и бретонский корень «arz», который затем появится в имени Артур, что означает «медведь». Вот почему, оказывается, Дагоберта II прозвали Медведем: его предки были из «Страны Медведя», иными словами, из Аркадии! Образ медведя, спящего всю зиму и просыпающегося лишь к лету, не может не получить символическое наполнение: пока что король «Ursus» дремлет, но вскоре он воспрынет от сна. О том, что потомки «Урсуса» будут правителями новой Аркадии, предначертано самими небесами — и на небесах, разумеется, следите за рукой: Большая Медведица — и звезда Арктур! Какая жалость, что в этот «медвежий эпос» не додумались вставить бретонского короля Артура, он был бы достойным украшением этого зверинца! Но кто знает, быть может, члены Приората Сиона попросту не знали о том, что на свете есть кельтские

мифы — или, на худой конец, легенды о рыцарях Круглого стола...

После утверждения о том, что потомки Дагоберта II существуют, необходимо как можно скорее объяснить, почему о них молчит История. За этим дело не станет: «Вот причина, по которой многие отрицают факт существования Дагоберта II¹. Незадолго до собственной гибели от рук семейства Пипинов, чьи поколения стремились захватить его королевство, Дагоберт II спрятал огромное сокровище в Редэ, стране его второй супруги, матери его сына Сигиберта IV, будущего графа Разе. Существование сокровищ Дагоберта II стало самой важной причиной отрицания самого короля. Однако ни королева Бланка, ни ее сын Людовик Святой даже в 1251 году не осмелились прикоснуться к этому священному тайнику, потому что, согласно легенде, опасность грозила тому, кто осмелился бы опустошить его сокровищницу, будь то король или сам папа».

Да, история обогатилась новыми фактами: оказывается, благоверная христианка Бланка Кастильская была суеверной и панически боялась проклятия Меровингов — именно поэтому она не воспользовалась тайником Дагоберта II. Более того, благодаря тому, что род Меровингов оказался «привязанным» к библейскому племени колена Вениаминова, изгнанному из Вифании и поселившемуся в Аркадии, выходит, что первые короли Франции были иудейского происхождения. К счастью, во времена аббата Соньера еще не существовало «комиссариата по еврейскому вопросу», появившегося в ходе Второй мировой войны: иначе Беранже Соньера обвиняли бы не в шпионаже в пользу Австрии, а в предательстве отчизны и действиях в пользу еврейской плутократии. Правда, не стоит забывать, что в конце XIX века антисемитизм уже проявил себя в полной мере, о чем красноречиво говорит дело Дрейфуса. Понятно, что в такой обстановке Соньер ни за что не раскрыл бы своего секрета...

¹ Историки никогда не отрицали этого факта — отрицали лишь факт существования потомков Дагоберта II.

Вероятно, целью «Документов Лобино» было не только поразить читателя сплавом легенд и авторского вымысла, но и подкинуть мысль о «потерянном короле». Надежда на его приход не умирает: «В великий век, гласил один из манускриптов, появится отпрыск Меровингов и заберет наследство великого „Урсуса“. В легенде, зашифрованной в отрывке из Евангелия, был проклят тот нечестивец, который осмелился бы похитить часть сокровищ! Но манускрипт повествовал не только об этом: в нем хранились сведения из времени, о котором мы ничего не знаем. Аббата Соньера судила Римская курия¹. Аббат отказался объяснить что-либо. Его отлучили от Церкви². 22 января 1917 года он умер при таинственных обстоятельствах. Его служанка и наследница Мари Денарно закончила свои дни в монастыре³. Если бы не аббат Оффе, никто не узнал бы об этой странной истории королевского рода, истоки которого теряются во мгле веков. Анри Лобино, специалист в области генеалогии, март 1984 года»⁴.

Прежде всего отметим, что слог, каким пишет этот «специалист в области генеалогии», напоминает некачественный перевод с немецкого языка: чтобы понять фразу, приходится прочесть ее на два раза. Заметим также, что автор (или авторы) документа преуменьшил роль Соньера в этой истории: все лавры отданы Эмилю Оффе. Но мы уже отметили тот факт, что Приорат Сиона не слишком хорошо разбирался в истории. К тому же расследование, проведенное насчет Эмиля Оффе, показало, что «он никогда не занимался Меровингами. Более того, в 1892 году он никоим образом не мог проконсультировать Соньера, потому что в тот год он закончил обучение и

¹ Он держал ответ перед церковным трибуналом, то есть судом епископства, только и всего. Впоследствии он посылал апелляцию в Рим, но не более.

² Его приговорили к «*suspens a divinis*», что не одно и то же.

³ Ложное утверждение. Правда, когда Мари стала совсем старой, она почти никуда не выходила.

⁴ *Papiers Lobineau*, p. 14.

постригся в монахи, став послушником в Голландии»¹. «Документ Лобино» не заслуживает серьезного к себе отношения — удивляет лишь то, что здравомыслящие люди верят в подобную чепуху. Дело заслушано.

Но выявление ложных сведений, представленных в документах псевдо-Лобино, разоблачение обмана псевдо-Приората Сиона и тех, кто скрывается в тени этого братства, еще не решает дела. Ничто не исключает возможность того, что таинственное «сокровище», спрятанное в Разе, действительно существует. Загадка «проклятого золота» — это факт, который следует принять, даже если при этом есть риск. Риск увязнуть в болоте путаницы.

¹ René Descadeillas. *Op. cit.*, p. 84.

Часть третья

**ЗАГАДКА
«ПРОКЛЯТОГО ЗОЛОТА»**

Глава I

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

Легенды и предания о тайниках с сокровищами можно услышать в любом уголке земного шара. Несметное богатство, утаенное в земле или под землей, — один из неистребимых мифов человечества, связанный, вероятно, с историями о Золотом веке и потерянном рае, который дремлет в каждом из нас. Изгнанный из вечно цветущего Эдема человек верит, что этот волшебный сад, окутанный туманной дымкой, скрыт в глубине его глаз — или же таится под его ногами, в чреве матери-земли. Земля, как мать, питает человека, снабжая его своими плодами и водой; она принимает его в свои объятия, когда тот уходит из жизни. Но ее недра — это противоположный, «обратный» мир, где простой смертный, рискнувший в него проникнуть, движется медленно, пробираясь на ощупь в полной темноте, в которой порой может блеснуть удивительный свет, исходящий от пещеры, наполненной золотом и драгоценными камнями. Упоминания о таких пещерах есть в любой народной сказке, равно как и в любом мифологическом эпосе. Как кажется, любовь человека к подземным тайникам различного рода можно легко объяснить, исходя из его глубинной психологии, — это не что иное, как неосознанное желание вернуться в утробу Матери, — но столь логичное объяснение не касается пережитого. Ибо пережитое питается верой, а не достоверными фактами.

Интересующий нас край не стал исключением из правила: Разе не перестает удивлять путешественников своими легендами

о подземных тайниках с сокровищами. Можно даже сказать, что в Разе их намного больше, чем в других местах. Этому способствовало не только изолированное, приграничное положение этого региона, но и его удивительная природа: горы и спрятанные в них долины, изрезанное разломами высокогорье, таящее в себе множество пещер и гротов... Разе с полным на то правом можно назвать «Островом сокровищ». Но увы! Мало кому удавалось добраться до них: сокровища не только надежно спрятаны, но и находятся под охраной фей или демонов, которые допустят к тайнику лишь того, кто принесет им знаменитую золотую ветвь. Иными словами, неизменным персонажем во всех легендах о сокровищах является некий «страж у входа», которого нужно усмирить, побороть или даже уничтожить, — иначе тайная комната, где хранится клад, так и останется тайной. Подобную структуру можно обнаружить даже в мифе о поиске Грааля.

Чтобы услышать одну из таких легенд, сохранившихся в устной народной традиции, не стоит отходить от Ренн-ле-Шато далеко: на северо-востоке находятся руины замка Бланшфор, откуда берет начало история, какую обычно любят рассказывать в долгие зимние вечера. В 1832 году ее записал некий Лабуйсс-Рошфор, страстный любитель путешествий и легенд:

«Неподалеку от нас виднелись руины крепости Бланшфор, где долгое время хранил баснословные сокровища сам дьявол. Местные жители верят, что в его руках сосредоточено примерно девятнадцать с половиной миллионов луидоров»¹. Прервемся ненадолго: итак, история «проклятого золота Ренн-ле-Шато» началась вовсе не с аббата Соньера. Впрочем, рассказ о золоте, охраняемом дьяволом, широко распространен в народной традиции с давних пор. Вполне возможно, что в нем отразилось двойственное отношение человека ко всему тому, что спрятано, скрыто или утаено: тайное вызывает и страх, и желание. Однако извечное желание найти сокровище может долгое

¹ Labouisse-Rochefort. Voyage à Rennes-les-Bains, Paris, 1832, p. 149.

время спокойно дремать в человеке под спудом ежедневных забот — и чтобы оно пробудилось, необходим прецедент. Например, тот, о котором повествует Лабуисс-Рошфор: «В один из солнечных деньков, когда у дьявола было много свободного времени (вероятно, это происходило до Великой французской революции!), он начал выкладывать все свои девятнадцать с половиной миллионов золота на вершине горы. Молодая пастушка, вставшая поутру, увидела, что гора Бланшфор усеяна сверкающими золотыми монетами. Взволнованная, удивленная девушка вернулась в деревню, чтобы позвать отца, мать и родных... Они поспешили за ней, но дьявол оказался расторопнее: все золото в тот же миг исчезло». Современный читатель, без сомнения, решит, что молодая пастушка, явно страдающая невротами, увидев отражение солнца на белых камнях Бланшфора, облекла свое неосознанное стремление в конкретную материальную форму. Правда, действующие лица этой истории думали несколько иначе: «Эта новость немедленно облетела всю деревню, возбуждая любопытство и воодушевляя жителей, которые, поразмыслив, решили отправиться за советом к колдуну. Тот не был глупцом: внимательно выслушав историю о чудесном открытии, он сначала оговорил, что в награду за поимку сокровища ему причитается добрая его половина, а до поимки ему нужно четыреста-пятьсот франков, чтобы подготовиться к операции». Реакция колдуна классическая: волшебник (или жрец) всегда должен получить что-то в награду, если окружающие хотят, чтобы обряд или ритуал возымел действие. Колдун берет на себя лишь тайные опасности своей миссии. Остальным предстоит пойти на риск в материальном плане.

«Деньги ему принесли. Колдун предупредил, что, когда он будет биться с дьяволом и позовет на помощь, все должны откликнуться на его призыв. Каждый пообещал ему это, и участники „экспедиции“ направились к горе. Колдун кривлялся, бормотал какие-то призывы, выкрикивал угрозы и чертил круги вперемешку со странными фигурами. Вдруг послышался страшный шум. Наши люди перепугались и бросились бежать

кто куда, в то время как за их спинами раздавались взрывы и летели камни. Колдун тщетно призывал: „На помощь, на помощь!“ Его оставили на поле боя, нисколько не интересуясь исходом битвы. Колдун долго не появлялся; наконец он вернулся опечаленный, едва переводивший дух и покрытый с головы до ног каменной пылью. Он жаловался на то, что все его бросили: ведь он уже повалил дьявола, и если бы на его призыв откликнулись, в их руках сейчас была бы победа... и кошель дьявола. Упрекая крестьян в трусости, колдун пошел домой в Лиму, ругаясь на чем свет стоит, но удержав при себе задаток». Концовка истории приобретает иронический оттенок: колдун притворился, что он боролся с нечистым, — верный способ выманить немного денег из легковверных крестьян! Такой конец красноречиво говорит о том, насколько силен был в окситанских краях антиклерикализм, который характеризует страну, пораженную рационализмом, или «сциентизмом».

В других областях Франции концовка подобных историй несколько отличается от окситанской. Бретонская сказка, распространенная в Оре, рассказывает о сокровищах, спрятанных под менгиром и охраняемых дьяволом. Крестьяне, решившие завладеть им, просят помощи у священника, и тот соглашается их сопровождать. В то время, когда он «будет читать свою книгу», крестьяне будут копать, но с одним условием: в ходе работы они должны молчать. Конечно, дьявол, появляясь перед ними в разных обличьях, хочет заставить их обмолвиться хоть одним словом. Крестьяне хранят молчание, но в конце работы один из них не удерживается от замечания. Священник тут же велит бросить все и бежать — и вовремя: из того места, где они только что копали, вырываются снопы огня. В конце истории священник произносит: «Если бы следовали моим советам, сокровище было бы вашим. Но вы не удержались от желания поговорить. Отныне никто не сможет забрать это золото¹.

¹ См.: Jean Marcale. Contes populaires de toutes les Bretagnes, Rennes, Ouest-France, 1977, p. 294.

В этом случае концовка более «клерикальная», но сама история ничем не отличается от той легенды, что рассказывают в Окситании: сокровище ускользает от простого смертного, какими бы ни были способы, которыми он пользовался для его обретения. Этот эзотерический обзор можно завершить словами из статьи, посвященной «знаменитому сокровищу аббата Соньера», — они полностью подтверждают тезис об извечном страже золота: «Каким бы ни было происхождение сокровища Ренн-ле-Шато, оно было присвоено тайными обществами, которые ревностно присматривали за тайником. Это богатство должно было пойти на нужды таинственных властелинов мира, управляющих нами без нашего ведома»¹. А кто может быть высшим повелителем этих «властелинов мира», как не Дьявол собственной персоной? Дьявол удобен, ибо он является прекрасным символом всего того, что неясно. Но мы бы ошиблись, если бы отнеслись к этому предостережению несерьезно, даже несмотря на то, что упоминание в нем «тайных обществ» вызывает улыбку.

Потому что «проклятое золото» существует. В один прекрасный день оно даже появляется на свет: происходит это в 1665 году, во время правления Короля-Солнца, который, упрям за решетку своего министра Фуке, живо заинтересовался Разе и велел предпринять в нем таинственные поиски. Вот что рассказывает об этом местная изустная легенда. В один весенний день старый пастух Ренна, возвращаясь с пастбища, заметил, что в его стаде не хватает овцы. Повторяя действия своего доброго собрата, описанного в Евангелии, он вернулся на то место, где он провел день, и, разумеется, услышал блеяние потерявшейся овцы. «Зов шел из-под земли. Приблизившись, он увидел, что животное упало в яму. Он спустился в расселину, но в тот момент, когда ему почти удалось схватить овцу, напуганное животное устремилось в узкий проход, уходивший под землю. Пастух последовал за подопечной во тьму, пригибаясь

¹ Nostradamus, N 51.

все ниже и ниже, как вдруг ему показалось, что он наткнулся на что-то. О, чудо! Под его ногами были монеты! Однако его восхищение быстро сменилось ужасом, поскольку рука его нащупала не только золото, но и человеческие кости. Напуганный пастух поспешил вернуться обратно, но при этом не забыл наполнить шапку монетами. Очутившись на поверхности, он не придумал ничего лучшего, как принести свою находку домой, в Ренн. Вероятно, в своей жизни он еще не держал в руках столько золота, помутившего его разум. Но не Бог и не ангел подкинули его пастуху. На его беду, вскоре о находке прознала вся деревня, после чего слух о золоте достиг ушей сеньора Ренна (вероятно, Анри д'Отпуля). Последний велел схватить злополучного пастуха и подвергнуть его допросу, чтобы тот признался, откуда он взял это золото. Однако палачи перестарались. Взбешенный оплошностью своих подчиненных, сеньор Ренна велел казнить столь неловких палачей»¹.

Перед нами прекрасный пример историзации мифа. Здесь собрано все: случайное открытие, подземелье, клад, страшная находка (человеческие останки) и финальное наказание, поскольку пастух посягнул на сокровище, принадлежавшее высшим силам (в этом случае их роль исполняет сеньор Ренна), хранителям этого «адского места». Однако конкретные факты, такие как время события, имя пастуха (Игнас Пари) или присутствие в истории сеньора д'Отпуля, еще не означают, что этот случай мог произойти на самом деле.

Тем не менее этот пример показывает, что почва для темных «изысканий» Соньера была подготовлена. Аббат прекрасно знал об истории Игнаса Пари. Лучшее тому доказательство — картина на фронтоне исповедальни в храме Ренн-ле-Шато: пастух, пригнувшись, следует за своей овцой в подземелье. Видимо, эта легенда по каким-то причинам интересовала аббата, если только он не решил использовать ее в качестве «указания»,

¹ Цит. по: Pierre Jarnac. *Op. cit.*, p. 108. Он считает, что в основе легенды лежат достоверные факты.

«ключа» к сокровищам, который без устали ищут в храме Ренн-ле-Шато...

В годы, последовавшие за смертью Соньера, жители Ренн-ле-Шато без примеси горечи или зависти утверждали, что кюре и «мадмуазель Мари» наткнулись на подземную галерею, которая вела в древнюю часовню замка, в которой они нашли груды золота, драгоценные камни и даже корону. Так гласило предание. Но особенность устного народного предания заключается в том, что довольно часто оно облачается в одежды предшествующих мифов, наполняя старую форму актуальным на данный момент содержанием.

Такой процесс происходит в Разе уже долгое время. Его обещество, порой под влиянием духовных лиц, единственных хранителей Знания, всегда принимало различных «политических изгнанников» вместе с их тайнами и богатством. Так, можно вспомнить о евреях в Разе, спасавшихся от преследований и появившихся в округе в незапамятные времена. Правда, то, что среди населения департамента Од есть евреи, еще не является свидетельством присутствия в Разе ушедшего из Вифании племени рода Вениаминова, о чем утверждали некоторые авторы с пылким воображением. Зато вера в то, что в Разе нашли приют вестготы под предводительством Алариха, изгнанные из Италии, прочно укрепились в этих краях и даже породила легенду о том, что в одном из недоступных мест Разе спрятано сокровище вестготского конунга. Конечно, в данном случае вера подкреплена неопровержимыми историческими фактами: вестготы действительно занимали южные области Галлии, оказывая сильное влияние на местную культуру и традиции. Но переплетение истории и мифа становится удобной возможностью для дальнейшего мифотворчества, в результате чего на свет появляются всевозможные домыслы и спекуляции, включая те, что касаются сокровищ Храма Иерусалимского.

Это предание опирается на реальные исторические события. Как известно, В 70 году н. э. сын императора Веспасиана Тит «усмирил» Палестину — попросту говоря, разграбил ее.

Захватив Святой город, Иерусалим, его войска опустошили и разрушили храм Соломона. Римляне, хотя и казались веротерпимыми, были безжалостны к тем, кто оказывал им сопротивление: разрушение Храма Иерусалимского было необходимой мерой для того, чтобы укрепить позиции на Ближнем Востоке. Это памятная дата для иудеев, не перестававших с того времени собираться и молиться у Стены Плача, единственного свидетельства, оставшегося от этого храма. Священные реликвии, найденные римлянами в храме (в частности, золотой семисвечник), были доставлены в Рим, где им было отведено достойное место в императорской сокровищнице, среди трофеев, награбленных у народов, попавших в зависимость от римлян.

Настало время упадка Римской империи: угроза, исходящая от готских племен, становилась все более ощутимой. Наконец, в 410 году вестготы под предводительством Алариха ворвались в Рим и разграбили его. Так императорская сокровищница (вместе с трофеями, принесенными римлянами из Иерусалима) оказалась в руках Алариха. Но после смерти вождя его преемник Атаульф, брат жены, увел вестготов из Италии и закрепился на юге Галлии, не преминув, конечно, увезти с собой то несметное богатство, которое Аларих отнял у Рима. Известно, что наследники Алариха заняли земли Тулузы: во времена Хлодвига Везеготское королевство находилось в руках Алариха II, спокойно управлявшего этой огромной империей. Но Хлодвиг, намеренный стать наследником римских императоров, стремился укрепить свои позиции и авторитет, что стало причиной его дальнейших действий: войска франков вторглись в Аквитанию. Алариху II ничего не оставалось, как спешно прятать свое знаменитое сокровище¹.

¹ Один из моих старинных учеников, Жерар Люпен, в настоящее время занимающийся подробными исследованиями «Горы Алариха», передал мне сведения, способные перевернуть все наши представления как о борьбе вестготов с франками, так и о знаменитом «сокровище Алариха». Уроженец Корбьеров, Жерар Люпен обратил внимание на местную поговорку, которую не раз слышал сам: «Entre Alaric et

Но далее версии значительно расходятся: исследователи не могут прийти к единому мнению о том, где именно король спрятал свои сокровища. По одной из версий, тайник находился в Каркасоне. Этот вывод сделан на основе сведений, взятых из «Войны с готами» (1, 2) Прокопия Кесарийского: «Овладев большей частью Галлии, они (*германцы*) усиленно стали осаждать Каркасиану, так как они услышали, что там находятся царские сокровища, которые в прежнее время взял Аларих старший, ограбив Рим. В числе их были драгоценности иудейского царя Соломона, в высшей степени удивительные по виду. Большинство из них было украшено драгоценным камнем смаргда; их в древние времена римляне взяли в Иерусалиме». Заметим, что в этом отрывке нет ни единого упоминания о семи-свечнике; более того, речь идет всего лишь о части сокровищ.

Alaricou es la fortune de tres reis», что означает «Между Аларихом и его потомком сокровище трех королей». Вот что он говорит по этому поводу: «В выражении скрыт намек на „трех королей“: Соломона, Цезаря и Алариха, чьи сокровища, собранные воедино, оказались в вестготской Септимании, в горе Алариха... Знаменитое сокровище, доставленное из Рима по дороге Калабрии, было спрятано на этом горном острове Лангедока, в чем нет ничего удивительного: этот известняковый горный массив, как швейцарский сыр, пронизан гротами и подземными галереями, оставшимися от римских рудников. В подтверждение того, что сокровище спрятано в Разе, местные жители ссылаются на греческого историка Прокопия Кесарийского, в VI веке н. э. отметившего тот факт, что битва между Аларихом II и Хлодвигом произошла не в долине Вуйе, а между Каркасоном и Нарбоном. По его словам, Аларих II вместе с его сокровищами и слонами был погребен в горе, которая носит его имя». Жерар Люпен настаивает на том, битва в Вуйе — исторический факт, взятый из малонадежного источника: «Истории франков» Григория Турского, по его мнению, следует доверять не больше чем «Войне с готами» Прокопия Кесарийского (в чем можно усмотреть противоречие автора самому себе, поскольку сам он пользуется свидетельством Прокопия, столь же «малонадежного», как и Григорий Турский). «В поддержку истинности лангедокских легенд и слов Прокопия говорят недавние сведения. Работы по проведению новой автодороги неподалеку от города Капендю привели к неожиданному открытию: строители наткнулись на множество вестготских захоронений.

Эта информация породила множество гипотез. Одни считали, что эта часть сокровищ была спрятана в нескольких тайниках, расположенных в горах. Другие полагали, что богатство Алариха скрыто в так называемой горе Алариха. Кто-то утверждал, что тайник с сокровищами «трех королей» нужно искать на склонах пика Бюгараш. И наконец, не стоит забывать о цитадели Ренн. Ясно одно: сокровище Алариха, в существовании которого никто не сомневается, не раз перемещали и перепрятывали. В 507 году Аларих II был убит в битве, развернувшейся в долине Вуйе, и сокровище, находившееся в Тулузе, попало в руки Хлодвига. Но та его часть, которая была упрятана в горах, ускользнула от его притязаний. Далее на арене истории появился Теодорих, который увез сокровище в Равенну, но впоследствии оно было доставлено в Испанию, а затем вновь спрятано в Каркасоне или Корбьерах. А если говорить о Корбьерах,

На этом участке их оказалось так много, что работы по возведению автострады были остановлены на несколько месяцев... Большинство захоронений не несет на себе отпечатков привычного для готской культуры ритуала, в одной яме часто можно увидеть множество скелетов, что позволяет предположить, что в этих местах когда-то произошла значительная битва, после которой убитых погребали в спешке, даже не проводя погребального обряда». Поэтому нет ничего абсурдного в предположении о том, что так называемая битва при Вуйе имела место вовсе не вблизи Пуатье, как то утверждает Григорий Турский. К слову сказать, это не единственный пример неточного или неправильного определения географического положения того или иного места. Известно, например, что оппидум Герговия был расположен не на плато Мердонь, а на севере от Клермон-Феррара. Распространенное мнение о том, что Алесия (Алексия) — это современный Алис-Сент-Рейн в Бургундии, в корне неверно: Алесия находилась на территории секванов, то есть в Юра, на месте Алез или Сален-ле-Бен. Официальная история довольно часто опирается на случайные утверждения или на единственное свидетельство, оставшееся от того или иного события (но, как известно, «*testis unus testis nullus*!»). Это «история на заказ», сочиненная в угоду некоторым лицам, в частности, для развития коммерции в той местности, в которой находятся эти «исторические» места. То же самое можно сказать о центрах паломничества, в которых, как утверждают, хранятся реликвии того или иного святого...

то в каком месте сокровище может быть спрятано лучше, если не в цитадели Редэ, по крайней мере, в легенде?

Именно эту версию легенды подхватил и развил XIX век. В ее поддержку говорили многие факты: таинственная деятельность тамплиеров в XII веке, выписавших в Разе из Германии рабочих-литейщиков; кампания, организованная в конце XVII века Кольбером; наконец, многочисленные находки в этих местах тайников с драгоценностями. Конечно, по сравнению с «королевским тайником» это были всего-навсего тайнички, но они наталкивали на мысль, что где-то под землей этого края таится настоящий клад, доподлинная королевская сокровищница. Начиная свою деятельность в Ренн-ле-Шато, Беранже Соньер не мог не знать легенду о сокровищах Соломона; вероятно, с ней были знакомы и местные жители.

Но история усложняется: к неоспоримому историческому свидетельству о присутствии в Разе вестготов примешивается не менее правдивый рассказ о тамплиерах, обосновавшихся в этих краях в XII веке. Каковы бы ни были причины, вынудившие тамплиеров поселиться в Безю (охрана пути, ведущего к могиле Иакова Старшего в Саньяго-де-Компостела, выгодное положение вблизи границы, причины военного характера?), жители региона всегда верили в то, что храмовники выбрали столь отдаленное место для того, чтобы спрятать в нем сокровище. Это поверье живо и поныне. Кроме того, нужно помнить, что тамплиеры Безю находились в подчинении Руссильона, то есть принадлежали Арагонскому королевству, в то время как тамплиеры Кампань-сюр-Од подчинялись Франции. Такое усложнение истории послужило поводом для различных предположений.

По легенде, тамплиеры Безю «спрятали в тайнике часть своих денежных запасов, так как хранить их в Руссильоне стало небезопасно. Помимо этого, в тайнике могли находиться богатства, доверенные тамплиерам знатными руссильонскими семьями, уехавшими с Майорки; возможно, среди них были сокровища майоркского короля. Присутствие храмовников в

долине Безю породило веру в то, что они припрятали в этих местах все свои сокровища; в действительности же они доверили большую их часть тамплиерам Кампань-сюр-Од, которые поместили сокровище в тайник под храмом и в его окрестностях. История эта подкреплена тем, что Кампань — этот средневековый городок, известный своими древними руинами, оставшимися в наследство от прошлого, — хранит следы множества подземных ходов, вырытых под городом. Поддержкой легенде может служить и то, что на плато Лозе и в долине Безю были сделаны странные открытия»¹.

Разумеется, край, наполненный удобными местечками для тайников, во все времена привлекал к себе множество кладоискателей. Появление в легенде о тамплиерах деревни Ренн-ле-Шато произошло произвольно, «по смежности»: Ренн-ле-Шато находится в одном регионе с Безю и Кампань-сюр-Од, следовательно, тамплиеры вполне могли поместить один из тайников в его округе. В соединении всех этих фактов на поверхность вновь всплывает сокровище Храма Иерусалимского.

Как известно, основной целью ордена было охранять паломников, идущих в Святую землю. Обосновавшись в Иерусалиме, тамплиеры долгое время жили в согласии с населением Ближнего Востока; по некоторым утверждениям, они общались даже с мусульманскими сектами. Так или иначе, культура и обычаи Святой земли были знакомы тамплиерам не понаслышке, поэтому можно легко предположить, что им удалось найти документы в храме Соломона. Действительно, если орден располагался на том же месте, где ранее находился этот храм, почему бы не предположить, что тамплиеры обнаружили документы христиан, повествующие о жизни Иисуса, о его распятии и воскресении? Странное поведение храмовников, плевавших на крест и тем самым отвергающих Христа, послужило серьезным аргументом и для того, чтобы осудить их, и для того,

¹ Abbé Mazières. Les Templiers du Bézu, Rennes-le-Château, éd. Schrauden, p. 24.

чтобы сделать из них хранителей опасного секрета. Несмотря на то что тамплиеры обладали репутацией людей, в чьих руках было несметное богатство (в действительности, как оказалось, они владели лишь землями), можно было подумать, что они равным образом владели документами, манускриптами, еще более ценными, чем золото или драгоценности¹.

Все это было добавлено к тайне, окружавшей «сокровища Разе», что, разумеется, повлияло на сюжет «романа об аббате Соньере», начатого в 1956 году. Чтобы сделать аббата Соньера более привлекательным, нужно было превратить его если не в шпиона, то, по крайней мере, в служителя тайного общества. Что может быть таинственнее и привлекательнее, чем Орден тамплиеров, официально распущенный папой Климентом V, но продолжавший существовать в тайне от всех? Факт этот, конечно, не мог не вызвать различные домыслы о призрачном Приорате Сиона, который, согласно «Документам Лобино» и другим не менее подозрительным «секретным досье», был высшей невидимой силой, управлявшей храмовниками. И все же очевидно, что Беранже Соньер не прислушивался к тому, что рассказывали о тамплиерах: его интересовал другой тайник — тот, что был сделан аббатом Бигу во время революции. Кюре Ренн-ле-Шато не нуждался в «сокровищах» тамплиеров или вестготов. Скорее всего, манускрипты он нашел совершенно случайно: не они были предметом его поисков (по крайней мере, в начале работ).

Целью раскопок, произведенных Соньером, было найти пресловутое сокровище аббата Бигу. Правильнее, конечно, в этом случае будет сказать «сокровище д'Отпулей»: аббат Бигу был всего лишь его хранителем, который позаботился о том, чтобы спрятать его в безопасное место, когда наступили тяжелые времена.

Но, принимая во внимание гипотезу о тайнике Бигу, не спешите отбрасывать в сторону все то, что было сказано о

¹ См.: J. Marcale. Gisors et l'énigme des templiers, 1986.

сокровищах вестготов (и, соответственно, Соломона) или о кладе тамплиеров (также связанном с Храмом Иерусалимским). Семейство д'Отпулей являлось наследником всех знатных родов, которые существовали в Разе — следовательно, в его распоряжении находились не только всевозможные ценности, передаваемые из поколения в поколение, но и различные семейные архивы. Кто знает, какие документы могли храниться в архивах исчезнувших родов — некоторые из них, вполне возможно, представляли колоссальный интерес для общества! К тому же не стоит забывать, что в XVIII веке члены семейства д'Отпулей были тесно связаны с тайными обществами... Иными словами, чем длиннее список возможных сокровищ, тем длиннее, красивее и увлекательнее становится наша история. Как все же повезло тем, кто пишет роман об аббате Соньере! Сложно представить себе более богатый материал для рассказа, в котором история и миф переплелись до такой степени, что стало невозможно отличить реальность от вымысла.

Остается напомнить о других преданиях: их можно включить в список гипотез, не поддающихся проверке, но построенных по той же схеме, которая была выявлена в предшествующих легендах. Прежде всего это древняя история о золоте Дельфов. В III веке до н. э. участники военного похода на Балканы, возглавляемые вождем Бренном, привезли в Галлию трофеи, доставшиеся им при разграблении Дельфов. Разрушение галлами дельфийского святилища — факт достоверный, но сам военный поход закончился поражением, после чего некоторая часть галлов отправилась в Малую Азию, где основала Галатское королевство. Конечно, на помощь истории пришел миф: события, произошедшие в Дельфах и фрагментарно отраженные в произведениях греческих и римских авторов, превратились в настоящий мифологический рассказ о дельфийском сокровище¹. Галлы, имевшие обычай придавать своим трофеям

¹ См.: J. Marcale. Les Celtes, Payot, 1969, в частности, глава «Дельфы и кельтская авантюра».

обрядовый характер, погружая их в озеро, доверили золото Дельфов водам озера, которое, если верить некоторым тулузским легендам, находилось на западе от города (согласно другим сведениям, этот подземный водоем находился под церковью Сен-Сернен). Римляне, захватив страну, завладели сокровищем, но поскольку это было священное золото, оно не принесло удачи консулу, которому оно досталось. Однако часть сокровищ, возможно, была спасена галлами и спрятана в другом месте — скорее всего, в Разе, стране редонов. Итак, где-то в округе графства Раза покоится священное золото Дельфов, к которому опасно прикасаться, поскольку подобные действия равносильны святотатству. Думаю, читатель уже отметил сходство этой истории с тем вымыслом, который содержится в «Документах Лобино»: согласно этим «документам», сокровище Дагоберта II несло в себе угрозу для тех, кто не имел права до него прикасаться, поэтому Бланка Кастильская так и не осмелилась им воспользоваться. Подобное «народное предание о Меровингах» попросту использовало одеяния другой легенды, что можно смело назвать незаконным присвоением мифа в угоду сомнительной идеологии.

Помимо золота Дельфов, существует легенда о королевском сокровище, которое спрятала в Разе Бланка Кастильская в разгар альбигойских войн. Действительно, древняя легенда упоминает о присутствии в Ренн-ле-Бен некой Королевы Бланки или Белой Королевы: речь идет о фее, воплотившей в себе черты древних богинь плодородия, наделявших богатством своих жрецов (если не сказать любовников). Вне всякого сомнения, это мифологический сюжет, на который впоследствии «наслоилась» легенда о Бланке Кастильской, чему способствовал живой интерес, который проявляла к Разе мать Людовика Святого: известно, что она всеми силами старалась захватить земли несчастного Транкавеля. История и миф сослужили друг другу хорошую службу.

Не будем забывать и о сокровище катаров. Эта история тесно связана с легендой о тамплиерах: известно, что тамплиеры

покровительствовали катарам, нередко давая им приют и распорядившись их имуществом. Но, скорее всего, сокровище катаров заключало в себе не материальные ценности, а некие документы, повествующие о катарской доктрине. Священный тайник катаров, появившийся во время капитуляции Монсегюра, вероятно, находился в районе Ренн-ле-Шато, в частности на склоне Бюгараша, поскольку эта вершина имела как географическое, так и мистическое соотношение с погом Монсегюра. Графство Разе было страной катаров, его земли входили в катарский диоцез, поэтому нет ничего странного в том, что Совершенные могли доверить свое «сокровище» знатной верхушке Ренна. Это подкреплено историческими фактами; подтверждено также и то, что катарам удалось спрятать свои документы: известно, что четверо Совершенных, которым была доверена эта миссия, покинули Монсегюр накануне его сдачи и благополучно достигли Разе. Но остались ли они в графстве? Маловероятно. Впрочем, это не мешает некоторым искать последние следы окситанских катаров на склонах Бюгараша или в затерянных лощинах Разе.

Наконец, существует еще одно «сокровище»: Грааль. Но традиция, согласно которой Грааль был спрятан в землях Окситании, относительно новая, она не основана на народных преданиях. Ее смело можно считать одним из интеллектуальных изобретений конца XIX века, мифом, зародившимся в литературных, артистических и «герметических» кругах, в которых, как на том упорно настаивают, вращался Беранже Соньер во время своего пребывания в Париже. Таинственная атмосфера, царящая в грандиозном «видении Святого Грааля» Вагнера, не раз побуждала интеллектуалов конца XIX века определить местонахождение Замка Грааля. Одни считали, что Монсальваж находился во Франции, в Монсегюре, в то время как другие искали его в Англии, на месте аббатства Гластонбери. Мне бы не хотелось повторяться на эту тему¹, поэтому замечу лишь,

¹ См.: J. Marcale. *Montségur et l'énigme cathare*, 1986; J. Marcale. *Brocéliande et l'énigme du Graal*, 1989.

что о присутствии Грааля в Разе говорят в силу его контаминации с Монсегиуром, который находится неподалеку.

Все эти предания выстроены по одной схеме, включающей в себя поиск утерянного объекта, который, попав в руки того, кто его достоин, вернет в мир счастье и гармонию. В подобной схеме заложено не что иное, как извечное стремление к Совершенству, впоследствии принявшее форму поиска некоего материального объекта и, наконец, превратившееся в обычные поиски богатства. Все зависит от цели, которую ставит перед собой ищущий.

Обязательным условием поиска сокровищ является *инициация*: случайные открытия в счет не идут. Как правило, люди, случайно наткнувшись на клад, никогда не используют свою находку по назначению. Впрочем, в основном они находят лишь часть того, что нужно найти. Случай Беранже Соньера не исключение из этого правила: скорее всего, первые открытия были сделаны аббатом случайно. Ему *недоставало некой вещи* — именно ее Соньер без устали разыскивал. Но невозможно получить искомое, если не владеешь *ключом*, который позволяет открыть тайную дверь, «дверь, ведущую внутрь», или, согласно выражению, используемому алхимиками, «открытую дверь в закрытый дворец короля». Чтобы добыть его, нужны терпение и наблюдательность: указать правильный путь может незаметный, малейший знак, который необходимо не только обнаружить, но и расшифровать. Так устанавливается система правил, которую прекрасно описал Роже Кайуа в своем произведении «Клетки шахматной доски»¹:

«Парадокс сокровища. Существует множество романов типа „Остров Сокровищ“, в которых нужно найти неслыханные богатства, спрятанные пиратами, тамплиерами или фараоном, но путь к ним лежит через таинственный документ, который необходимо расшифровать. В этом и состоит

¹ Paris, Gallimard, 1970, p. 42–43.

суть парадокса: владелец сокровища — флибустьер, стоящий вне закона, *преследуемая секта или лишенный престола монарх* — озабочен, как кажется, одной-единственной проблемой: *снабдить других знаками, позволяющими обнаружить его тайник*. Так в романах появляются сложные криптограммы, предназначенные руководить возможными поисками... Все выглядит так, словно владелец сокровищ решил вознаградить того, кто сумеет проявить находчивость. Он устраивает состязание, игру в прятки, в которой повезет лишь смышленому и прозорливому герою. Заветный трофей достанется тому, кто проявит наивысшую пронырливость, — но вовсе не тому, кто мог бы претендовать на него по праву наследства».

Итак, вот оно! Слово, которое должно было прозвучать в этом отрывке, — конечно же, *испытание*. Действительно, право на обладание сокровищем не всегда принадлежит законному наследнику: на этом настаивают практически все народные сказки. В большинстве из них говорится о юном герое, разумеется, бедном, но очень умном. Благодаря своему уму он находит решение и справляется с трудными ситуациями, в результате чего становится мужем принцессы, хотя не имеет на то никакого права, и в конечном счете *узурпирует* власть. Это награда за его ум и хитрость, проявленные во время *испытания*. Тот, кто выдерживает его, способен достичь и другого: именно такой ценой человечество способно прогрессировать, именно поэтому человеческое сознание может превзойти себя и достичь той стадии, когда человеческое существо (ничтожное создание, использующее лишь десятую часть возможностей своего ума) сможет уподобиться богу. Гордыня? Да, возможно, — но кто знает, не является ли она необходимым условием человеческой эволюции? Таков метафизический и теологический урок, преподнесенный нам рассказами о спрятанных сокровищах.

Сокровище обладает двойственной природой — как и все, что обычно скрывают от людских глаз. В тени может таиться

как хорошее, так и плохое. Поэтому Роже Кайуа настаивает на двойной сути сокровищ. «Они невидимы и скрыты в тайниках; они являются талисманом из драгоценного материала, с ними связаны истории и легенды, порождающие суеверия¹. Сокровище — это драгоценные камни, украшения или, строго говоря, вещи, вышедшие из употребления. Однако невозможно представить себе, чтобы тайник был набит банкнотами, векселями или чеками: бумажные деньги исключены из реестра сокровищ». Разумеется, бумажные деньги ненадежны и не могут обладать той магической аурой, которая необходима для сокровища-талисмана. Помимо этого, сокровище всегда олицетворяет собой наследие Прошлого: это символические остатки того, что было «в начале времен», в этом «святилище», предшествующем святому, сакральному, которое одновременно может быть и великим благом, и величайшим злом. В этом корни двойственного поведения ищущего, то притяжение и отторжение, которое он испытывает к сокровищу. В этом корни двойственной природы сокровища, которое может принести ищущему и вред, и пользу.

Вероятно, в силу своей «двойственной природы» сокровище живет собственной жизнью, почти независимой от того, кто им владеет. «Тот, кто собрал его или нашел, — пишет Роже Кайуа, — никогда не воспользуется им; более того, им не будут пользоваться ни его наследники, ни даже те, кто помогал его искать. Таким образом, сокровище вновь вступает в игру и вновь попадает в более ловкие руки. Для кладоискателя сокровище является лишь свидетельством богатства, но не самим богатством: ни в одном романе вы не встретите героя, который бы потратил найденные им богатства. Это гарантия его исключительной судьбы, но состояние его текущего счета. Полагаю, перед смертью этот герой составит очередной ребус, указывающий путь к сокровищу, тем самым объявив новый конкурс

¹ Очевидно, речь идет об «украшениях, которые приносят несчастье». Представление о «проклятом золоте» принадлежит к той же категории.

на замещение вакансии „находчивого ума“». Как нам кажется, такое объяснение вполне подходит нашему Беранже Соньеру. В какой-то мере оно должно снять с аббата обвинение в дорогостоящих проектах и замыслах, поскольку он тратит найденные им богатства не на себя, но на благотворительные дела, а рассказы о великолепных приемах на вилле «Вифания» и пышных пирах, достойных Пантагрюэля, всего лишь пересуды. На самом деле аббат Соньер никогда не тратил сокровищ *на собственные нужды*. Но тогда это позволяет предположить, что он *оставил зашифрованное символическое послание*, дабы указать другим на эту «дверь, ведущую внутрь», которую откроет лишь тот, кто владеет *ключом*.

Люди, не верящие в существование «дела Соньера», настаивают на том, что в «труде всей жизни» аббата, то есть в интерьере храма Ренн-ле-Шато, можно обнаружить множество непростительных ошибок и противоречий. То же самое можно сказать и о «творениях» тех, кто был близок Соньеру, — например, о «научном трактате» аббата Буде, изобилующем ошибками и неточностями. Напротив, сторонники «дела Соньера» (хочется лишь спросить, кто затеял это «дело» и кто его судья?) настаивают на том, что все эти противоречия и неточности в трудах обоих аббатов сделаны не случайно, — для случайных огрехов их слишком много. Иными словами, в подобных «ошибках» *кроется некая вещь*.

Что ж, попытаемся приоткрыть «дверь, ведущую внутрь».

Глава II

«ДВЕРЬ, ВЕДУЩАЯ ВНУТРЬ»

Легенды (особенно те, чей возраст не превышает двадцати лет) не умирают. Единожды возникнув, они неотвязно следуют за давшим им жизнь персонажем. Один из таких мифов упорно преследует аббата Буде, повествуя о том, что кюре Ренн-ле-Шато аббат Соньер был пешкой в серьезной шахматной партии, а предоставил эту пешку таинственным игрокам не кто иной, как кюре Ренн-ле-Бен. Согласно мифу, именно Анри Буде от имени «таинственного братства» руководил своим молодым коллегой в его поисках, раскопках и проектах. На сегодняшний день, однако, достоверно известно, что аббат Буде не был демонической личностью, действующей в тени и предоставляющей играть роль первого плана аббату Соньеру; в нем нет ничего общего с тем дьявольским жрецом, каким его любят изображать в «романе об аббате Соньере». Говоря об Анри Буде, аббат Мазьер, написавший множество работ о Разе, замечает: «Те, кто его знали, были удивлены известиями о том, что аббат, оказывается, хотел оставить некое послание. Ум аббата Буде был неспособен на такое». Кюре Ренн-ле-Бен был честным неподкупным священником и даже в какой-то степени пуританином¹. Но его ошибка заключалась в том, что он

По поводу пуританского поведения Буде в «Бюллетене общества научных исследований Од» за 1973 год была рассказана следующая история (р. 221). Как известно, Анри Буде был увлечен археологией и охотно принимал участие в раскопках. Однажды в начале XX века в ходе археологических работ на месте римских поселений была найдена

написал и опубликовал произведение, озаглавленное «Истинный кельтский язык или кромлех Ренн-ле-Бен». Говоря откровенно, эта книга, вызвавшая к себе столь пристальное внимание в наши дни, была бы напрочь забыта, если бы не одно обстоятельство: к счастью (или к несчастью), Анри Буде жил и работал в Ренн-ле-Бен именно тогда, когда на месте кюре Ренн-ле-Шато оказался аббат Соньер.

Справедливости ради нужно заметить, что аббату Буде следовало бы воздержаться от публикации своего «бессмертного» произведения: оно не принесло ему ничего, кроме сарказма ученых при его жизни и скандальной славы после его смерти. Если бы «Истинный кельтский язык» не вышел в свет, думаю, наука легко бы смирилась с такой грандиозной потерей... Но, в конце концов, что сделано, то сделано. Увы, «Истинный кельтский язык» занял почетное место не на полке с трудами по лингвистике, а в списке подозреваемых по «делу Соньера». Главное «обвинение», выдвинутое против аббата Буде, заключалось в том, что в своей книге он зашифровал ключ, способный открыть тайник кюре Ренн-ле-Шато.

«Истинный кельтский язык или кромлех Ренн-ле-Бен» — удивительное в своем роде произведение: при помощи множества лингвистических (в основном ошибочных) соответствий, опирающихся на наблюдения, касающиеся Ренн-ле-Бен и его окрестностей, автор намерен доказать, что кельтский язык был самым древним наречием мира. Следы этого древнего языка сохранились, как это ни странно, в Разе; аббат Буде без тени улыбки утверждает, что наречие, на котором говорят местные жители (автор не использует термин «провансальский язык»), — это остаток «истинного кельтского языка». «Все эти кельтские выражения, которые звучат вокруг нас, ныне вызы-

удивительная статуя Венеры. Но поскольку Венера была обнаженной, аббат Буде, устрешенный этой наготой, отказался даже прикоснуться к статуе. Неужели это тот самый «жрец дьявола», готовый пойти на все по приказу неортодоксального братства, даже на лихоимство или вымогательство?

вают презрение окружающих, поскольку те считают их ничтожными и грубыми. Однако бесспорно то, что именно таким был праязык, язык-первооснова, на котором говорил Адам и его дети» (р. 213).

Воистину удивительное утверждение. Однако оно не блистает новизной: в конце XVIII века знаменитые «кельтоманы» Ле Бриган и Ла Тур Д'Овернь уже выдвигали предположение о том, что первобытным языком человечества, на котором говорили в Раю, был «нижнебретонский» диалект. Чтобы убедить в этом читателей, Ле Бриган пользовался тем, что находил бретонские корни во всех современных языках. Анри Буде поступил так же. Но оригинальность его сочинения заключается в идее о том, что, помимо лангедокского наречия, наиболее точным воспроизведением древнего кельтского языка является *современный английский язык*. В юности, как известно, Буде получил право преподавать английский язык. В любом случае, метод, которым пользуется аббат, приводит его к удивительным заключениям. Например, таково объяснение, данное названию реки Риальзе на севере Ренна: «Риальзе — „real“ (rial), эффективный, „cess“, налог, подать — течет с востока на запад в небольшой долине, чьи благодатные земли, пригодные для земледелия, могли позволить обитателям выплачивать подати, установленные кельтами» (р. 227). Над этим стоит поразмыслить...

Кромлех Ренн-ле-Бен, о котором говорит Буде, на самом деле не существует. Это чистейший плод его воображения, но то, на чем было основано подобное представление, можно легко объяснить: ландшафт, раскинувшийся вокруг Ренн-ле-Бен, по форме напоминает цирковую арену, окаймленную утесами и скалами, — вероятно, Буде принял их за мегалиты, то есть за «камни друидов», как говорили во времена кельтомании. Однако в своем исследовании автор с удовольствием покидает границы воображаемого кромлеха, обращая внимание и на другие «места обитания кельтов». Так, например, он объясняет, откуда произошло название Локмариакер (Морбиан): «Локмариакер

расположен рядом с озером Ванна¹. Его название означает „озеро, которое не допускает охотников“. Вот компоненты его имени: „loch“ (lok), озеро — „to mar“, мешать — „yager“ (iagueur), охотник» (р. 156). Ничем не хуже объяснение названия местечка Сарзо в Морбиане: «Все авторы, посвятившие себя изучению кельтских орудий труда, уверяют нас в том, что сетка, сплетенная из конского волоса, — это изобретение галлов. Однако они ничего не упоминают о том, где именно его изобрели или изготовили. Ответом на этот вопрос может послужить название Сарзо: „sarce“ (sarse), сеть, сплетенная из волос, — „to sew“ (sô), прикреплять, сшивать» (р. 156).

И так далее, все в том же духе. Интересуясь всеми древними и современными языками, аббат Буде попутно переписывает на свой лад историю человечества. Таким образом, он дает понять, что имя Каин происходит от «to coin», чеканить монету, изобретать: разумеется, разве не Каин считался предтечей кузнецов и металлургов? Содом образован от «sod» («земля») и «doom» («судить, осуждать»), что полностью подтверждает известную репутацию этого города. И всякий раз, когда это возможно, Буде привязывает свои объяснения к родному краю, к части своего «кромлеха».

Такие сумбурные идеи аббата вполне соответствуют тому духу кельтомании, который охватил просвещенную публику в XIX веке. Основой для его концепций и рассуждений о кельтской цивилизации стали идеи, извлеченные из работ Анри Мартена и Амедея Тьерри, из трудов «Кельтской Академии» и историков-романтиков. Для аббата Буде, как и для перечисленных выше авторов, мегалитические сооружения принадлежали друидам и служили для жертвоприношений. Все это — чистейшей воды вымысел.

Однако, как видно, Анри Буде не сомневается в истинности этих гипотез и относится к своему научному труду со всей серьезностью: получателями обязательного авторского экземпляра

¹ Аббат имеет в виду залив Морбиан.

становятся как просвещенные люди того времени, так и научные общества. Результат не замедлил себя ждать: произведение аббата получило отзыв в научном мире, но не столь лестный, как, вероятно, хотелось бы аббату. Резюме Академии наук, надписей и изящной словесности Тулузы за 5 июня 1887 года было составлено в довольно ироничном тоне: «Мы не в силах дать подробный критический анализ всех фантастических гипотез и случайных утверждений этого автора, обладающего, судя по его смелым теориям, исключительно богатым воображением. Занимая религиозную позицию, автор использует методы, не имеющие ничего общего с тем, что в наши дни называется лингвистическим изучением... Мы были немало удивлены, узнав, что единственным языком, на котором говорили до Вавилонского столпотворения, был современный английский, сохранный тектосагами. В этом, собственно, и заключается суть всех великолепных лингвистических пассажей Анри Буде». Общество научных изысканий Од не более милосердно: «Какая жалость, что опорой для суждений автора послужили пространные и произвольные этимологические данные, из которых он извлек фантастические доказательства; жаль, что внимание ученого сосредоточено лишь на древних авторах...» Но, как верно заметил Филипп Шробен в предисловии к переизданию «Истинного кельтского языка»¹, книга аббата Буде — «это огромная мозаика из тщательно выбранных цитат и выдержек, взятых из произведений XIX века, из которых аббат создает более-менее связный текст. Но его произведение — это не только собрание точных цитат, но и целые страницы затранскрибированных слов и их аналогий из других языков. Однако какую именно цель преследовал автор: восстановить „истинный кельтский язык“, как того требовала мода на все кельтское, распространившаяся в конце XIX века, — или же совершить „каботажное плавание“ вдоль гипотетического кельтского

¹ Nice, 1984, éditions Bélisane. Это единственное переиздание оригинального текста 1886 года, в котором нет купюр или поправок.

кромлеха Ренн-ле-Бен? К концу книги возникает ощущение, что Буде уже не помышляет ни о том, ни о другом: сбившись с курса, он блуждает в столь разных темах, как термализм и греческая мифология...».

Очевидно, «Истинный кельтский язык» внес достойный вклад в собрание произведений, написанных в XIX веке эрудитами, населявшими центральные городки кантонов. В их стремлении рассказать публике о краях, к которым они питали горячую любовь, нет ничего корыстного или предосудительного, но, к сожалению, методы, избранные ими для изучения родных мест, не имеют ничего общего с научным подходом к делу. Многим из них попросту не хватало научного образования или, по крайней мере, серьезного отношения к объекту своего изучения. Анри Буде горячо интересовался историей своей малой родины, что, впрочем, не мешало ему испытывать интерес и к другим краям. «К великому несчастью любителей тайн и сокровищ, личные бумаги аббата Буде существуют до сих пор. Они свидетельствуют о кропотливой и напряженной научной работе, которую вел кюре Ренн-ле-Бен. По ним можно судить, с каким рвением этот ученый человек занимался этимологическими изысканиями, касающимися множества деревень и местечек Од, — и Ренн-ле-Бен не является исключением из правил...»¹ Из введения, которое так и осталось неизданным, становится ясно, что Буде относился к своим теориям со всей серьезностью: все написанное им не являлось какой-либо криптограммой, предназначенной для того, чтобы привести кладоискателя к заветной кубышке»².

Однако факт остается фактом: очутившись на страницах «романа об аббате Соньере», аббат Буде превратился в сообщника и вдохновителя кюре Ренн-ле-Шато, а его произведение со всеми лингвистическими оплошностями и нелепостями стало гигантским ребусом, таящим в себе ключ, какой был у Соньера,

¹ Pierre Jarnac. Op. cit., p. 287.

² Ibid., p. 289.

проникшего в утробу сокровищ. «Истинный кельтский язык» вернее было бы переименовать в «Истинный птичий язык», то есть язык, недоступный для понимания. Разумеется, разгадать тайну «проклятого золота» и знаменитой «двери, ведущей внутрь» можно лишь в том случае, если ищущему удастся расшифровать произведение аббата Буде¹.

Именно таким остался аббат Анри Буде в памяти потомков... Вряд ли несчастный кюре мечтал о подобной славе. Кому понадобилось затеять всю эту авантюру с расшифровкой текста, который всего лишь собрал воедино сведения, почерпнутые из произведений XIX века? Зачем нужно было приплетать к абсурдному произведению аббата еще более абсурдные теории? Аббат Буде был достойным и честным человеком, даже несмотря на то, что его лингвистические гипотезы не выдерживали никакой критики. Это не повод для того, чтобы снабжать их не менее фантастическими объяснениями. Ключ к сокровищам следует искать отнюдь не в «Истинном кельтском языке». Упорное привлечение внимания к трудам аббата Буде — всего лишь ловкий маневр для того, чтобы сбить со следа ищущих и любопытных, чтобы утаить истинный путь...

В том же ключе стоит изучить и другое «творение», вызывающее пристальный интерес и множество толкований: храм аббата Соньера, его внешнее и внутреннее убранство. По поводу знаков и указаний, оставленных в храме Ренн-ле-Шато, написано немало работ: его необычное украшение, множество аномалий, замеченных в деталях его интерьера, — все это наталкивает на мысль о том, что подобное оформление святилища таит в себе некое послание, оставленное аббатом. По крайней мере, если бы он захотел его оставить, то он не мог бы

¹ В «Золоте Ренна» Жерар де Сед предпринял такую попытку (точнее, ее предприняли некоторые лица, принимавшие участие в розыгрыше, — или же они подсказали писателю, что нужно делать). С того времени многие устремились по этому следу. Я предпочитаю не называть ничьих имен, дабы не причинить неприятности кому бы то ни было: в конце концов, любой человек имеет право на свое мнение.

сделать этого лучше. Среди тех, кто ищет ключ к сообщению Соньера, обязательно найдется тот, кто уже нашел его... но, увы, не полностью. Впрочем, это одна из характерных (и, бесспорно, раздражающих) особенностей этого «дела»: в нем можно восстановить практически все факты и указания, так и не получив общей картины.

Поселившись в Ренн-ле-Шато, Беранже Соньер задумал отреставрировать и украсить свой храм. Похвальная цель, преследующая одновременно несколько задач: придать своему приходу новую значимость — и тем самым оставить о себе добрую память, увековечить себя в своем творении, что свойственно каждому человеку. Однако череда непредвиденных событий несколько поменяла и планы аббата, и его дальнейшую жизнь: он сделал открытия, которые позволили ему продолжить свои действия. Правда, стоит помнить о том, что открытия эти были сделаны аббатом не по своей воле. Аббат закончил работу над храмом, и, поскольку он, по всей видимости, не имел развитого эстетического вкуса, интерьер церкви получился разнородным и причудливым. Тем не менее в этой разнородности можно заметить некоторые константы.

Одна из них — неистовое стремление к вычурности. Внутреннее убранство хаотично, храм перегружен надписями, орнаментами, статуями. Порой начинает казаться, что автор этого замысла стремился сконцентрировать максимум информации на минимальном пространстве, задавшись целью не оставить в церкви ни одного пустого места. Причина перегруженности храма, возможно, проста: церковь маленькая, свободного пространства в ней мало, а у Соньера, к сожалению, маленькая мания величия. Его попытка реконструкции портика на кладбище — яркое тому свидетельство: он бы хотел воздвигнуть нечто грандиозное, но не имел на это достаточных средств, а потому довольствовался жалкой миниатюрной копией знаменитых портиков, какие можно увидеть в монастырях на севере Финистера. Однако можно спросить себя, не был ли этот «артистический хаос» умышленным, что если безвкусный

интерьер храма, перегруженный деталями, был призван утаить некую важную информацию?

Вторая константа — непреодолимая тяга к разного рода инверсиям. Прежде всего стоит вспомнить о «вестготской» колонне у входа, на которой установлена статуя Богоматери Лурдской. Такой священник, как аббат Соньер, разбирающийся в формах и разновидностях крестов, не мог не знать, что крест на «вестготской» колонне перевернут. Одно из двух. Либо рабочие установили колонну неправильно, а Соньер не осмелился (или не смог) заставить их исправить ошибку, либо камень установили именно так, а не иначе по личному желанию аббата. Какое из этих предположений верное? Сложно сказать. Далее, картины, изображающие этапы крестного пути, располагаются в обратной последовательности: первая картина находится слева от алтаря, в то время как традиционное ее положение — правая сторона алтаря. Более того, почему статуи Девы Марии и святого Иосифа расположены друг против друга (и в конечном счете инверсионно) по обе стороны алтаря? Почему в руках каждой из них находится младенец? И почему, наконец, неподалеку от входа виднеется дьявол, ярчайшее олицетворение инверсии? Появление в храме дьявола все же можно оправдать: в конце концов, он вынужден поддерживать кропильницу. Как видно, для него это не самый приятный труд: согнувшись под тяжестью кропильницы, он преклоняет колено, свидетельствуя тем самым о своем порабощении, в то время как лицо его выражает ужасные страдания. Можно ли найти более яркое и емкое олицетворение победы Всевышнего над нечистым? Хотя, бесспорно, оно несколько смущает и удивляет верующих, не привыкших к присутствию в стенах святилища дьявола, пускай даже порабощенного.

Правда, верующие предупреждены заранее: «*Terribilis est locus iste*» («Место сие ужасно»). Впрочем, устрашающий смысл такого высказывания, взятого из рассказа о сне Иакова (книга Бытия), смягчен другим выражением: «*Domus mea domus orationis vocabitur*» («Дом Мой домом молитвы наречется для всех

народов»)¹. К тому же на своде портика, где выгравированы гербы монсеньора Бийара и папы Льва XIII с девизом «Lumen in c lo» («Свет небесный»), можно различить еще более успокаивающее изречение, окаймляющее замок свода: «Nis domus Dei est et porta c li» («Это не иное что, как дом Божий, это врата небесные»). Треугольное поле фронтона (тимпан) заслуживает не меньшего внимания. Его верх увенчан крестом, вокруг которого расположена надпись «In hoc signo vinces» (дословно «в этом знамени ты победишь»). В центре тимпана находится статуя Марии Магдалины: в руках покровительница храма держит крест, а на одеянии святой, как это ни странно, виднеется змея. Такой способ изображения Марии Магдалины крайне редок и более соответствует образу Девы Марии. Ниже следует длинная фраза, принадлежащая, вероятно, самой Марии Магдалине: «Regnum mundi et omnem ornatum s culi contempsi propter amorem domini mei Jesu Christi quem vidi quem amavi in quem credidi quem dilexi», что означает «Я презираю царство земное и мирские утехы из-за владыки моего Иисуса Христа, которого вижу, в которого верую и которого люблю». Последнее в этом ряду слово «dilexi» несет в себе двойной смысл: основное его значение — «люблю», но выражение «quem dilexi» может означать «в котором я нахожу удовольствие». Вне всякого сомнения, тимпан этот очень загадочен. Не стоит забывать о том, что во времена средневековья, члены братств, алхимики и другие «посвященные» всегда находили то, что искали, внимательно рассматривая фасады церквей и соборов, особенно стилобаты и тимпаны.

От инверсии всего один шаг к удвоению: в храме можно увидеть двух младенцев Иисусов, одного на руках Иосифа, другого в объятиях Марии. Как мы уже говорили, такая расстановка фигур в храме может быть воплощением одного из тезисов катарского учения (вера в Иисуса земного и Христа небесного,

¹ Эти слова, принадлежащие Иисусу, приведены не полностью. Почему Соньер не решился продолжить: «Дом Мой домом молитвы наречется для всех народов... а вы сделали его вертепом разбойников?»

мистического). Либо, что тоже не исключено, это олицетворение двух путей: экзотерического (в лице Иосифа) и эзотерического (в образе Марии). Другая пара — два святых Антония: Антоний Отшельник (тот, что прошел через искушения в пустыне) и Антоний Падуанский (которому молятся, когда хотят *найти некие вещи, которые были утеряны*). Но, помимо «парных предметов», в интерьере храма есть не менее странные объекты: картины, одна из которых изображает пастуха, ищущего овцу в подземелье, а другая — Нагорную проповедь Христа.

Вероятно, фреска с изображением Нагорной проповеди, заказанная самим священником, как нельзя лучше раскрывает основную цель духовной карьеры Соньера, об этом свидетельствует и надпись, помещенная ниже картины: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». «Если бы в сердце священника не царилла эта невыразимая доброта, он никогда бы не поместил на стене храма такое изображение и тем более не потратил бы деньги на постройку башни и виллы. Еще не начав строительство этих сооружений, он уже точно знал об их предназначении: они станут прибежищем для обездоленных и нуждающихся людей. Ни для кого не секрет, что он хотел сделать из своего владения в Ренне приют для престарелых священников»¹. Действительно, это неопровержимый факт, подкрепленный тем, что аббат Соньер дал своим владениям «говорящие» имена: «Вифания» и «Магдала». Можно ли найти более веское доказательство? Но, как известно, памятники религиозной живописи довольно часто обладают двойным смыслом, и фреска в храме Ренн-ле-Шато лишь подтверждает это. Что, например, может означать обломок коринфской капители, виднеющийся на правом склоне холма? Разве пейзаж с тщательно прописанными деталями и подробностями не напоминает окрестности Ренн-ле-Шато? А изображение цветущего холма, на котором проходит проповедь, — не может ли оно заключать в себе намек на розенкрейцеров, одним из

¹ P. Jarnac. Op. cit., p. 162.

которых был, как известно, сеньор Флери, из рода Мари де Негри д'Отпуль? Как знать? Возможно, это всего лишь совпадения, — но, согласитесь, довольно курьезные.

Вопреки всему, что было сказано об изображении крестного пути, этот объект религиозного культа не представляет никакого интереса. Его изготовил торговый дом Жискара в Тулузе, чью продукцию можно обнаружить и в других культовых сооружениях этого региона, например, в Мутуме или в Рокамадуре (Ло), который является вторым после Лурда паломническим центром во Франции. Его торжественное открытие произошло в 1887 году, то есть ровно перед тем, как Соньер обосновался в Ренн-ле-Шато. Поэтому, на наш взгляд, не стоит принимать изображение Страстей Господних за подробный перечень знаков и указаний, касающихся пресловутых сокровищ. Впрочем, некоторые находят в нем не только сообщения о тайнике, но и определенные масонские символы, в результате чего Соньеру приписывают связь с франкмасонами. Это другой вопрос, однако прежде чем браться за толкование этой ужасающе банальной штамповки и вписывать в ряды масонской армии деревенского священника, лучше было бы узнать, не имел ли отношения к масонам изготовитель всей этой продукции. «Господин Жискара-сын», лауреат и член Школы изящных искусств, был «собственником мануфактуры гг. Жискаров, отца и сына», «главный вход» которой находился на улице Колонн, 25, в Тулузе, если верить счету в 2310 франков, посланному кюре Ренн-ле-Шато в 1887 году. Дом Жискаров являлся постоянным поставщиком аббата Соньера в том, что касалось предметов религиозного искусства. Поэтому появление масонской символики в картинах, изображающих страсти Христовы, вряд ли имеет какое-либо отношение к господину Соньеру.

То же касается и «шахматного пола», который более обычен для интерьера масонских лож, чем для церкви. Речь идет о черных и белых плитках, выложенных в шахматном порядке. Что перед нами — банальный узор или же масонская символика? Что ж, если это действительно шахматная доска, со всей

символикой, которая в ней заложена, то в ней должно быть шестьдесят восемь клеток. Путем простейшего подсчета гипотеза об «эзотерической шахматной доске» теряет право на существование: клеток значительно больше. Что же касается герба Бланки Кастильской на дарохранильнице, его появление можно легко объяснить тем, что во времена Людовика Святого церковь Святой Магдалины была расширена, а все работы по увеличению храма были оплачены за счет личных пожертвований персональный дар его матери, которая, как мы помним, проявляла к Раде неустанный интерес.

Еще одной «тайной храма Ренн-ле-Шато» считают удивительный световой эффект, который можно наблюдать в храме в определенные промежутки времени, в частности, 13 января и в начале апреля. Однако подобный феномен распространен повсеместно: создатели соборов и стекольные мастера прекрасно знали, как лучше использовать солнечный свет, чтобы возвеличить свое творение и напомнить тем самым, что солнце — это символ божества. Разве не подтверждает это «Lumen Christi», проносимая в ходе пасхальной христианской литургии? Однако световая игра, присущая многим святилищам, никогда не давала покоя любителям тайн, всегда готовым задать вопрос о том, что бы это могло означать. Ответ прост: в храме Ренн-ле-Шато это ничего не означает. Это всего лишь древний архитектурный прием, при помощи которого лучи солнца становились одной из составляющих христианского богослужения, не более того.

В целом интерьер этого храма не таит в себе никакой загадки — он лишь вводит в заблуждение, поэтому можно было бы с твердой уверенностью сказать, что аббат Соньер не оставлял никакого сообщения, если бы не одно обстоятельство, еще одна константа, о которой мы пока не упомянули. В храме Ренн-ле-Шато постоянно варьируется тема Марии Магдалины.

Статуя святой в тимпане, скульптура справа от алтаря, витраж над алтарем, картина в верхней части алтаря и, наконец, большая фреска в глубине храма — такое количество Марий, как кажется, превышает норму, но чего же еще ожидать от храма,

освященного во имя святой Марии Магдалины? Однако святые заполонили не только церковь: напоминание о Магдалине заключено и в названиях, данных Соньером своей вилле и башне, «Вифания» и «Магдала». Более того, когда Соньер соорудил миниатюрный грот в церковном садике (на него пошли камни, найденные аббатом у источника Кулер), он установил в нем маленькую статую молящейся Марии Магдалины (сейчас ее там нет), что вызывает удивление, поскольку логичнее было бы поместить в грот статую Богоматери Лурдской. Эту аномалию тоже следует учесть.

В подобном изобилии Марий Магдалин некоторые детали привлекают особое внимание. Так, статуя в тимпане может удивить наблюдателя тем, что Мария, похоже, находится на корабле. Такое изображение не противоречит священному Преданию, согласно которому Мария Магдалина сошла на берег в каком-то из южных районов Франции, либо в Марселе, либо в Сен-Мари-де-ла-Мер, либо *в ином месте*, неподалеку от Корбьеров. В одной руке Мария держит чашу, в другой — крест, а у ног ее лежит череп. Вероятно, сосуд в руках святой призван олицетворять тот самый сосуд с благовониями, которыми она омывала ноги Христа, но все же он более похож на чашу. На круглом витраже позади и чуть ниже алтаря изображен Иисус в окружении апостолов, сидящих вокруг стола, однако у ног Христа можно различить Марию Магдалину, которая, склонившись, оmyвает ему ноги. На большой фреске Мария, стоящая по правую руку от Христа, едва удерживает слезы. Но все же первое место среди необычных изображений занимает фреска, расположенная в верхней части алтаря.

На этой фреске коленапреклоненная Мария Магдалина, облаченная в богатые одеяния, молится перед крестом, сложенным из веток прямо на земле грота. Рядом с Марией лежит череп. Пейзаж с руинами замка, изображенный за стенами грота, невольно навеивает грусть. Картина эта принадлежит кисти художника из Каркасона, имени которого не сохранилось. Известно лишь, что в юности аббат Куртоли помогал Соньеру

подновлять ее (при этом Беранже Соньер внес в первоначальный сюжет кое-какие «поправки»): вероятно, аббат Соньер дорожил этой картиной и хотел внести в нее некое важное добавление, возможно даже некую значимую информацию¹.

Конечно, Мария Магдалина является покровительницей прихода Ренн-ле-Шато, в чем сложно сомневаться: о ее роли гласит латинская надпись, расположенная ниже описанной картины:

«JESU.MEDELA.VULNERUM+SPES.UNA.PENITENTIUM.PER
MAGDALENAE.LACRYMAS+PECCATA.NOSTRA.DILUAS»

(«Иисус, исцеляющий раны, единственная надежда раскаявшихся², слезами Магдалины смывает³ грехи наши»). Однако ее

¹ В 1981 году в Каркасоне в присутствии епископа диоцеза Жак Ривьер автор «Знаменитого сокровища Ренн-ле-Шато» провел любопытный эксперимент: он продемонстрировал диапозитив этой картины, наложив его изображение на топографическую карту департамента, на которой он отметил самые высокие вершины, соединив их черной линией. Оказалось, что линии, проведенные Ривьером, в точности воспроизводили контуры святой, погруженной в молитву, в то время как Каркасон, словно королевская корона, увенчал ее голову. Эти сведения предоставлены Пьером Жарнаком в «Истории Сокровищ Ренн-ле-Шато» на с. 168. Далее он пишет: «Но не это было самым волнующим! В точке, где на картине пересекались ветви креста и на которую устремлен взгляд Марии Магдалины, на карте оказалось местечко Пуишери в округе Капендю. А в церкви этой деревушки был обнаружен витраж, который можно было бы назвать *зеркальным отражением* барельефа Ренн-ле-Шато, изображающего Марию Магдалину!» Правда, воспроизводя чертеж, предложенный Жаком Ривьером, Пьер Жарнак утверждает, что взгляд Марии Магдалины устремлен не на сам Ренн-ле-Шато, а чуть в сторону, в точку, названную «Правота», неподалеку от Лек. Конечно, популярные ныне попытки описать сакральную географию края порой могут вызвать смех, однако следует признать, что такие географические совпадения кажутся очень странными.

² «Paenitentes», причастие настоящего времени от неличной формы глагола «paenitet», буквально означает «скорбеть, сожалеть». Французское слово «penitent» («кающийся») имеет более точный смысл, которого, однако, не имеет латинское слово.

³ Двойная аллюзия: дословно Иисус «омывает» слезами Магдалины грехи наши, что не может не напомнить о том, как Магдалина омыла ноги Христа.

изображение в корне отличается от образа раскаявшейся грешницы, какой навязали ей некоторые христианские легенды. Что думал об этой необычной святой сам Беранже Соньер? Именно этот вопрос должен задать себе тот, кто пытается отыскать знаменитый ключ к «проклятому золоту Ренн-ле-Шато». Ибо ключ этот спрятан вовсе не в «истинном кельтском языке» аббата Буде и не в «храме-указателе» аббата Соньера: его надо искать в гроте, где молится коленопреклоненная Магдалина, но не в легендарном гроте Сен-Бом¹, а в его символическом изображении. Кем была Мария Магдалина на самом деле? И почему ее образ неотступно преследовал аббата Беранже Соньера?

¹ Слова «Baume» или «Balme» содержат праиндоевропейский корень, означающий «грот».

Глава III

ЭТА ЗАГАДОЧНАЯ МАРИЯ ИЗ МАГДАЛЫ

«Я украсила себя, будто шла на праздник, умастила себя маслами, будто ложилась в постель к любовнику. Стоило мне появиться в пиршественной зале, как челюсти перестали жевать; Апостолы в замешательстве повскакали со своих мест, боясь, что даже прикосновение моего подола будет заразно: в глазах этих сторонников добра я была настолько нечиста, как будто у меня не прекращались месячные. Лишь Бог остался возлежать на обтянутом кожей ложе — мне не надо было его показывать: ступни у него были стертые до костей, потому что он прошел по всем дорогам нашего ада; в волосах его, как звезды, копошились вши, и только всеобъемлющие глаза были чисты, как будто куски небес застряли у него на лице. Он был уродлив, как беда, грязен, как грех. Я упала на колени, проглотив свой плевок, я не могла добавить ни одного обидного слова к тому грузу отчаяния, который он нес на себе. Я сразу поняла, что не смогу соблазнить его, — он не боялся меня. Я распустила волосы, будто старалась прикрыть наготу своих ошибок, опорожнила перед ним сосуд собственных воспоминаний. Я понимала, что этот Бог вне закона должен был однажды выскользнуть за двери рассвета, оставив Троицу удивляться, что их осталось лишь двое. Он поселился в земном постоялом дворе; он расточал себя нескончаемым прохожим, что держали свою душу на замке, но от него требовали все осязаемых удовольствий. Он соглашался на соседство разбойников и прокаженных, сносил оскорбления стражников, — он, как и я, принял ужасную долю стать

всеобщим достоянием. Он положил мне на голову свою большую руку живого мертвеца, в которой, казалось, не осталось и кровинки, — только и делаешь, что меняешь себе хозяина: в тот момент, когда демоны покинули меня, я стала одержима Богом»¹.

Так говорит о первой встрече Марии Магдалины с Иисусом Маргерит Юрсенар в своем произведении «Мария Магдалина, или Избавление». Но кому на самом деле принадлежат удивительные слова любви, вложенные Юрсенар в уста Магдалины? Вот тот вопрос, который необходимо задать, ибо Мария из Магдалы была и остается загадочным персонажем. Действительно, канонические Евангелия сделали все возможное, чтобы уменьшить ее роль в жизни и деяниях Христа, тогда как эта роль была значительной.

Все нам знаком эпизод из Евангелия от Луки (глава VII), в котором описана сцена с раскаявшейся грешницей. Фарисей по имени Симон предлагает Иисусу разделить с ним трапезу. Неожиданно в доме появляется женщина «недостойного поведения», пришедшая, по-видимому, с намерением соблазнить пророка. Но, тронутая его милостью, она изливает мир на его ноги после того, как омывает их слезами и отирает своими волосами. Иисус прощает ей грехи. Трогательная история, скроенная, впрочем, из разных фрагментов для того, чтобы показать, что Иисус прощал грешниц. В трех других Евангелиях этого эпизода нет, но есть сцена, напоминающая ту, что произошла в доме фарисея Симона: действие происходит в Вифании, либо в доме Симона прокаженного (согласно Матфею и Марку), либо у Лазаря, немногим ранее воскрешенного (согласно Иоанну). Матфей и Марк лишь мимоходом сообщают о *некой женщине*, которая натирает ноги Христа миром, но в тексте Иоанна содержится более полная информация: «За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых. Там приготовили Ему

¹ Мария Магдалина, или Избавление. Перевод взят из книги: *Маргерит Юрсенар*. Костры. СПб.: ИНАПРЕСС, 2003, с. 121–122.

вечерю, и Марфа служила, и Лазарь был одним из возлежавших с Ним. Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира» (XII, 1–3). Очевидно, перед нами та же самая сцена, о которой поведал Лука, но место падшей женщины в рассказе занимает Мария, сестра Марфы и Лазаря. Несколькими главами ранее Иоанн уже рассказывал о ней, говоря о воскрешении Лазаря. Эпизод с воскрешением, надо сказать, необычен; пожалуй, это самый странный рассказ во всем Евангелии от Иоанна. Действительно, Лазарь был добрым знакомым Иисуса, но тот, узнав о его болезни, а затем и о смерти друга, проявил удивительное равнодушие, несмотря на то что «Иисус любил Марфу и сестру ее и Лазаря» (XI, 5). Спустя четыре дня после погребения Лазаря Иисус отправился в Вифанию. Но далее идет странный рассказ. Марфа выходит навстречу Иисусу и упрекает его за то, что тот пришел слишком поздно: «Тогда Марфа сказала Иисусу: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» (XI, 21). Иисус успокаивает ее и говорит ей, что ее брат воскреснет, но при этом, как кажется, не торопится его воскрешать. Тогда Марфа «пошла и позвала тайно Марию, сестру свою, говоря: Учитель здесь и зовет тебя» (явная ложь — Иисус и не думал звать ее). Мария спешит *навстречу* Христу, поскольку тот «еще не входил в селение, но был на том месте, где встретила Его Марфа» (XI, 30). Значит, между этими событиями прошло немало времени, раз Марфа смогла вернуться в дом, чтобы позвать Марию, а Мария в свою очередь смогла добраться до места, где находился Иисус. Продолжение известно. Придя к Иисусу, она, припав к ногам его, слово в слово повторила упрек, брошенный ее сестрой Марфой. Лишь тогда Иисус решил действовать. Он велел привести его к гробнице Лазаря и воскресил его: «И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет» (XI, 44). Итак, кем же была эта Мария, приходившаяся сестрой Лазарю?

Возможно, именно она находилась в тот страшный час на Голгофе: «При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина» (XIX, 25). Другие Евангелия не упоминают о ее присутствии на месте казни, но она вновь появляется на сцене в момент воскресения. В Евангелии от Луки у гробницы с телом Христа были три женщины, «пришедшие с Иисусом из Галилеи». Они пришли, «неся приготовленные ароматы», дабы бальзамировать тело: «то были Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, *мать* Иакова» (XXIV, 10). В Евангелии от Марка при сцене погребения Христа Иосифом Аримафейским присутствовали две женщины (но Марии, матери Иисуса, при этом не было); они же, в сопровождении третьей (Саломии), пришли к гробнице через день после погребения (по причине того, что следующим днем была суббота): «По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его» (Марк, XVI, 1). Но Матфей говорит лишь о двух женщинах, явившихся бальзамировать тело Христа: «По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и *другая* Мария посмотреть гроб» (XVIII, 1). Можно лишь восхищаться тем, насколько точно соответствуют друг другу синоптические евангельские тексты. Но в еще большее восхищение повергает слащавая диалектика некоторых ортодоксальных экзегетов, которые идут на невероятные геройства ради того, чтобы объяснить глобальные противоречия и поразительные нелепости, найденные в канонических Евангелиях. Пускай не говорят нам, что это проблема иного рода: для нас это *проблема*, потому что послание Соньера — оно действительно существует — напрямую связано с Марией Магдалиной, какой бы ни была реальная героиня, скрывающаяся под этим именем.

Обратимся, однако, к Евангелию, в корне отличному от трех синоптических текстов. В Евангелии от Иоанна, наиболее надежном источнике (оно было создано на основе свидетельств самого Иоанна или его приближенных), Мария из Магдалы

приходит к гробнице одна, но при этом Иоанн не говорит, что она пришла умастить тело, как того требовал обычай: «В первый же *день* недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба» (XX, 1). Не решившись войти в гробницу, она мчится к Симону Петру «и к другому ученику, которого любил Иисус» (XX, 2), то есть к Иоанну. Эти двое спешат к гробу, но более ловкий и быстрый Иоанн добегаёт первым и видит, что тела Иисуса нет. Ученики возвращаются к себе, глубоко убежденные в том, что их Учитель воскрес.

Но Мария Магдалина не идет следом за ними. Ее поведение не совсем понятно: казалось, она должна радоваться тому, что сбылось предсказание, однако «Мария стояла у гроба и плакала. И, когда плакала, наклонилась во гроб, и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей: жена! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его» (XX, 11–13). Вероятно, Мария не очень-то верила в то, что Иисус воскрес: она думала, что его недруги унесли тело, дабы не дать ученикам исполнить обычный погребальный обряд. Произнеся эти слова и обернувшись, она видит человека, стоящего рядом с нею. Это Иисус, но она не узнает его. Марии кажется, что перед ней садовник: напомним, все это происходит во владениях Иосифа Аримафейского, в его саду, где Иосиф построил гробницу для себя самого, но отдал ее тому, чьему учению он следовал тайно, «из страха от Иудеев», — дело в том, что Иосиф из Аримафеи был значительным должностным лицом как у иудеев, так и у римлян¹. «Садовник» спрашивает у нее, почему она плачет, и этот простой вопрос вызывает у Магдалины гнев, что красноречиво свидетельствует об ее отношении и чувствах к Иисусу: «Господин! если ты вынес Его, скажи

¹ Нужно заметить, что он действительно занимал высокое положение в обществе, иначе бы он не получил разрешения снять тело Иисуса с креста у самого Понтия Пилата. Согласно римским законам, тела казненных должны были оставаться на крестах.

мне, где ты положил Его, и я возьму Его» (XX, 15). Сложно выразить настоящее любовное чувство более емко и точно.

Далее происходит сцена, которую можно интерпретировать сколь угодно и как угодно: «Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввунни! — что значит: Учитель! Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне¹, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему²; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему³. Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, что видела Господа и *это* Он это сказал ей⁴ (XX, 16–18)».

Итак, мы собрали воедино все сведения о Марии из Магдалы, какие только можно было найти на страницах канонических Евангелий. Этого и мало, и много. Прежде всего встает вопрос о том, что может быть общего между этими тремя женщинами, тремя Мариями. Известно, что в античные времена божества часто изображались в виде триад, следы этого сохранились даже в христианском догмате о Троице. Обычай придавать герою или богу три лика был широко распространен в культуре кельтов: в изобразительном искусстве галло-романского периода часто встречаются скульптурные группы «Трех Матерей» или трехглавые божества, как, например, изображение Цернунна на алтаре в Реймсе. Именем богини Бригитты в ирландском мифологическом эпосе обозначались три женских персонажа, в то время как сама она нередко предстала в образе трех птиц. Нельзя сказать, что представление стало проще,

¹ Знаменитое «*noli me tangere*». Но по этому восклицанию Иисуса можно понять, что Мария бросилась к нему — или же от него.

² Не совсем понятные слова. Наиболее допустимым их объяснением может быть то, что «метаморфоза» Иисуса, его путь к вознесению еще не был окончен.

³ Но вознесение, как известно, произойдет лишь по истечении сорока дней: до него Иисус еще появится перед учениками в Эммаусе и позволит коснуться своих ран Фоме Неверующему, «близнецу» (вот что означает имя Дидим, другое имя Фомы).

⁴ Следовательно, Иисус сказал Марии из Магдалы еще что-то, о чем не говорится в нескольких строках Евангелия от Иоанна.

но это так; триада входит в систему логики, которую сложно назвать традиционной или классической. Нельзя ли увидеть следы этой традиции и в «Трех Мариях» из Евангелия, черты которых угадываются в фольклорных персонажах легенды о Сен-Мари-де-ла-Мер?

В Евангелиях фигурируют три героини, которых порой принимают за один и тот же персонаж: безымянная грешница, явившаяся в дом фарисея и покаявшаяся перед Иисусом; далее, Мария из Вифании, сестра Марфы и Лазаря; наконец, Мария из Магдалы (то есть Мария Магдалина), пришедшая, по словам Луки, из Галилеи вместе с Иисусом. Как можно было отождествить целомудренную Марию из Вифании с падшей женщиной, проникнувшей в дом фарисея Симона ради того, чтобы искутить Христа? По словам Иоанна, «Мария же, которой брат Лазарь был болен, была *та*, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими» (XI, 2). Итак, перед нами четкое указание на уже знакомые нам действия. Здесь нет места сомнениям, но смущает другое: в рассказе Иоанна нет эпизода с грешницей, вошедшей в дом фарисея Симона, об этом говорит лишь Лука. В свою очередь Лука уточняет, что Симон жил в Вифании, то есть там же, где обитал и Лазарь с сестрами Марфой и Марией. Этого, по-видимому, оказалось достаточно, чтобы превратить Марию из Вифании в проститутку, которая вполне могла быть богатой женщиной, ведущей «веселый образ жизни». Но Вифания находится в Иудее, в то время как тот же Лука замечает, что Мария Магдалина пришла из Галилеи. Действительно, Магдала, селение, откуда родом Мария, находится в Галилее; при этом Лука добавляет, что Магдалина была среди тех женщин, «что следовали за Иисусом».

Итак, в канонических евангельских текстах имеется множество предпосылок, дающих возможность уподобить трех Марий друг другу. Но есть вещи и получше. Мария из Вифании, грешница и Мария из Магдалы, безусловно, богатые женщины и входят в хорошее общество. Не была ли таинственная Мария одной из первых учениц Христа в то время, когда он

проповедовал в Галилее? Это не абсурдное предположение. Подобную мысль можно найти у Якова Ворагинского, автора знаменитой «Золотой легенды». В этой агиографии порой очень сложно отличить реальность от вымысла, но в ней тем не менее можно найти все необходимые сведения (при условии, конечно, что от них нужно будет отобрать все лишнее). Яков Ворагинский превратил Марию Магдалину в женщину из знатной семьи, принадлежащей к королевскому роду; в наследство от этого рода ей достались богатые владения, в том числе дом в Вифании, поделенный между ней, сестрой Марфой и братом Лазарем, а также крепость Магдала, славившаяся своими развращенными нравами. Итак, Магдалина была богатой и охотно предавалась сладострастию, что вполне соответствует свидетельству, оставленному святым Лукой. Далее Христос прощает ее и изгоняет из нее семь демонов; с тех пор Иисус не отказывал Марии из Магдалы в милости. Такова легенда Якова Ворагинского. Нужно признать, что его рассказ очень убедителен, он даже не противоречит свидетельству Луки, поведавшему об окружении Христа следующее: «После сего Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие, и с Ним двенадцать, и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов» (VIII, 1–2).

Итак, можно безоговорочно согласиться с «тройственным образом» Марии из Магдалы, ученицы Христа, как и с тем, что Магдалина, при содействии сестры и брата, в некотором роде «финансировала» деятельность Учителя. Действительно, нельзя забывать о том, что Иисус во время своей проповеднической деятельности (то есть в течение трех лет) не работал. Нужно было, чтобы кто-то обеспечивал кров и пропитание как ему, так и его ученикам. Нельзя жить одним лишь святым духом, даже если ты Сын Божий. Иисус такой же человек, как и его апостолы: он нуждается в пище и во сне.

Порой создается впечатление, что Мария Магдалина занимала привилегированное место среди учеников. Почему же

Римско-католическая церковь предпочла молчать о ее особом положении в этой общине? Из-за антифеминизма, царившего в лоне Церкви во времена раннего средневековья? Христианское понятие женственности, претерпевшее в современном мире значительные изменения (особенно после Второго Ватиканского собора), унаследовало как греко-латинские, так и древнееврейские концепции. Словно позабыв об удивительных женских ветхозаветных персонажах, евангелисты принизили роль женщины, сделав ее порочной и неспособной, например, исполнять священнические функции. Теологам и в голову не пришло бы ставить Марию из Магдалы на одну доску апостолами: удостоить саном священника женщину... какой ужас! В силу того, что священники — это законные наследники апостолов, из Марии Магдалины пришлось бы делать *жрицу*, которая стала бы одной из основ апостолической священнической преемственности.

И тем не менее... Сцена, в которой Мария из Вифании омывает ноги Христа и натирает их дорогими благовониями, к вящему гневу казначея этой общины (Иуды), может быть истолкована как своего рода рукоположение в священнический и королевский сан. Ритуал этот выполняет Мария — именно она является *жрицей*. «Разве нельзя предположить, что Мария из Вифании, проводившая большую часть времени у ног Спасителя, слушая его слова, предчувствовала (если не сказать знала) тайну Христа? Иисус упорно пытался донести ее до своих учеников, но их сердца до последнего момента оставались глухими. Почувствовала и приняла ее лишь Мария. Она знает, что пришло время явить эту тайну на свет: это своего рода пророческая интуиция... Мария помазывает голову Иисуса, тем самым нарекая его Королем и Священником, и натирает его ноги, признавая его Мессией и посланником Бога»¹. Итак, перед нами ритуал возведения на престол и в сан, который мог осуществить лишь один человек — тот, кто был облечен жреческой

¹ Georgette Blaquièrre. *La Grâce d'être Femme*, Paris, éd. Saint-Paul, 1981, p. 163.

(разумеется, символической) властью. Иисус прекрасно знал об этом, иначе бы он не ответил на упрек Марфы словами о том, что у Марии «лучшая доля».

«Есть два места с названием Вифания: город, в котором жили Лазарь, Марфа и Мария, находившийся восточнее Иерусалима, приблизительно в трех километрах от него... На левом берегу Иордана, у брода, расположено местечко с тем же именем: в этих местах когда-то крестил Иоанн Предтеча. Эту Вифанию, вблизи пустыни и Мертвого моря, называют также Вифабарой, что может означать „Переправа“. Иоанн и Мария, каждый по-своему, даровали Иисусу крещение, инициацию — иными словами, право Переправы, право переступить порог. Две Вифании подобны друг другу, как зеркальное отражение, в равной степени как Магдалина, как эхо, повторяет действия Иоанна Крестителя: мужчина в одежде из верблюжьего волоса — и длинноволосая женщина. Разница лишь в том, что суровый ессей Иоанн обитает в бесплодной пустыне, призывает к покаянию и сыплет проклятиями, в то время как на другом берегу, в цветущей и радостной Вифании, Магдалина вещает о Любви и Прощении: это и есть переход из одного мира в другой. От Иоанна Иисус получил крещение в водах Иордана, но не получил миропомазания, какое было даровано древним царям Израиля. И все же, накануне страстей Господних, накануне „духовного и боевого крещения“, которого он желал, Христос получил миро от женщины Магдалины»¹. Древнее понятие «жреца-короля» к Иисусу вполне подходит, но, повторим это еще раз, королевское миропомазание может быть совершенно только жрецом (или жрицей).

Конечно, миропомазание в Вифании — это один из важных эпизодов в жизни Иисуса. Это подтверждают слова самого Иисуса, обращенные к ученикам, которые в той или иной степени были враждебно настроены ко всему, что бы ни сделала Женщина. Христос утверждает, что Мария «сделала, что могла»,

¹ Jacqueline Kelen. *Un amour infini*, Paris, Albin Michel, 1983, p. 52–53.

добавляя при этом: «Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет, в память ее, и о том, что она сделала» (Марк, XIV, 9). Это не что иное, как признание в Марии незаурядных и безмерных возможностей, ее безграничной власти. Именно так можно понять эти важные слова Христа, прозвучавшие в ответ на действия Магдалины, которые могли показаться — и показались, по крайней мере, ученикам Иисуса — женской пустячной причудой. Но зачем евангелистам, а следом за ними и отцам Церкви, понадобилось уменьшить роль Марии из Магдалы, понизить ее до «низшего ранга»? Не потому ли, что христианское духовенство стыдилось быть обязанным женщине?

«На ум мне постоянно приходит один и тот же вопрос: что сделала Церковь из этих слов Христа? Не осталось ли в них что-то необъясненное? Не было ли в его словах признания того, что посвящение в сан священника или папы доступно и женщине? Если бы это было так, какое исключительное место было бы отведено ей в сердце самой Церкви!»¹. Итак, вопрос задан. Но на него, как нам кажется, уже ответили. Это сделал аббат Соньер — на свой лад, конечно, — и искать ответ следует в храме Ренн-ле-Шато.

Идя вслед за «философами» средневековья, отцы Церкви, слепо подчиняющиеся ее догматам, лишь закрепили и возвели в закон «эту ненависть к женщине (проистекавшую из страха перед ней), которая могла доходить до безумия; проявляя пристальное внимание к малейшим физиологическим деталям, они использовали их в качестве непреодолимого запретительного барьера»². Действительно, что бы ни предпринимали христианские теоретики, они всегда оставались рабами знаменитого ветхозаветного изречения «И он будет господствовать над тобою» (слова, сказанные Богом Еве после грехопадения). Этот стих из Книги Бытия стал причиной множества недоразумений.

¹ Georgette Blaquièrre. La Grâce d'être Femme, p. 165.

² André de Smedt, La Grande Déesse n'est pas morte, Paris, 1983, p. 165.

«Христианская догма не боится дойти до абсурда, заявляя, что мать Христа зачала без помощи сексуального контакта, в результате чего Спаситель, подобно Бахусу, стал человеком наполовину»¹. Тем не менее женщина все же взяла свое: место, которое занимает в христианском учении Дева Мария, Богоматерь (следовательно, женщина), вне всякого сравнения.

Хватило бы и малого, однако... В послании Иоанна-Павла II, опубликованного по случаю года, посвященного Деве Марии (1988), прозвучали слова, истинный смысл которых обладает гораздо большим значением, чем может показаться на первый взгляд. Папа римский воздает должное Марии Магдалине; упомянув о том, что, согласно Евангелию от Иоанна, Магдалина была первым человеком, увидевшим воскресшего Христа, он добавляет: «Поэтому ее даже называли апостолом апостолов. Мария Магдалина узрела воочию воскресшего Христа, прежде чем он явился апостолам; поэтому она была первой, кто донес эту весть до них». В своем размышлении Иоанн-Павел II подчеркивает важность рассматриваемого события, а также обращает внимание на некоторые его обстоятельства — те, которые при первом взгляде кажутся «потрясающими». Действительно, Иисус, представитель патриархального общества, стоящий во главе группы апостолов-мужчин, избрал в свидетели своего воскресения женщину, и даже не мать, а ту, с которой он, возможно, поддерживал особые отношения...

Каково истинное значение этой сцены? Интерпретации библейской истории, накопленные Церковью за двадцать веков, не опровергают этого факта. Но явление воскресшего Христа одной лишь Марии из Магдалы, о чем свидетельствует Иоанн, самый надежный источник информации, на первый взгляд кажется очень странным и не поддается логическому объяснению.

Все в том же обращении талантливый автор Иоанн-Павел II, прекрасно осведомленный о проблемах женщины, посвящает

¹ André de Smedt, *La Grande Déesse n'est pas morte*, Paris, 1983, p. 225. Автор этих строк — католический священник.

ей слова, достойные внимания: «Сила женщины в том, что *она знает о доверенной ей миссии*, она всегда помнит, что „Бог доверил ей человека“, даже если оказывается в условиях социальной дискриминации... Если Бог доверил особым образом женщине человека, то не означает ли это, что Христос полагается на нее, чтобы принять царский священнический сан?»¹. Символический смысл, заложенный в сцене явления воскресшего Христа Марии Магдалине, вобрал в себя множество мифологических, метафизических, алхимических и, разумеется, религиозных аллюзий, в то время как сама эта сцена удивительным образом совпала с представлением, хранящимся во всеобщей памяти человечества. Могила — это чрево земли (или Матери-Земли, богини начал), куда помещают мертвого Иисуса, для того чтобы он ожил, восстановил силы и возродился, подобно первичной Матери алхимиков. Безжизненное тело, коченея и разлагаясь (но в данном случае это процесс *огущения*), по окончании символического трехдневного вынашивания (на самом деле оно длится сорок восемь часов) появляется в печи алхимика (то есть в матке Матери-Земли). Это не что иное, как *рождение*, настоящие *роды*. Но кто помогает этим родам? Конечно, не римская Юнона. Это *женщина*, но не его мать. Это *другая женщина*.

Иными словами, в подобной «символической» версии «воскресения Христа» Иисус является эквивалентом лунарного божества, каким изначально был и Яхве. Находясь в чреве Земли, в могиле, этот лунарный герой, подобно луне в дни затмения, пребывает во мраке бессознательного, во мраке неосуществления своей царской священнической миссии. Но если Иисус уподоблен лунарному герою, то кем может быть Мария Магдалина, если не солярной героиней, источником тепла и жизненной энергии? Воплощение сознания, Магдалина возвращает его лунарному герою Иисусу, выходящему из гробницы, из недифференцированной тьмы. Иной образ Девы Марии, Магдалина,

¹ Jean-Paul II. *Mulieris Dignitatem*, Rome, 1988.

взявшая на себя роль Новой Матери, обладает множеством солярных качеств. К тому же не забудем, что мы на заре третьего дня.

В подобном истолковании этой евангельской сцены, вне всякого сомнения, можно увидеть знакомые очертания вечно-го мифа, знакомого нам по легендарной истории Тристана и Изольды. Такое открытие может возмутить или шокировать читателя — но что делать? Изольда, как и множество героинь, появляющихся в рассказах кельтского происхождения, — это обличья, которые порой принимает Богиня начал, Женщина-Солнце, без которой Мужчина-Луна не может осознать то, что он существует, как и то, что он должен принять свой царский священнический сан. Мария из Магдалы, таинственная Магдалина, как и Дева Мария, ставшая ее новым обличьем, — это Женщина-Солнце, обновленное и обновляющее. Его великолепие, его жар, способный вызвать ожог, позволяют Христу завершить то, о чем говорится в Священном Писании: благодаря ему на земле наступит эра торжества Разума над Материей, его эманацией. К Марии из Магдалы, как и ко всем героиням кельтских легенд, прекрасно подходит определение Андре Бретона, данное Красоте: «подобная судороге, покрытая вуалью эротики, магическая» перед угрозой небытия. Действительно, сложно отрицать эротизм и магию, присущие Марии из Магдалы, когда она омывает слезами ноги Христа и оттирает их своими длинными волосами.

Нет ничего странного или удивительного в том, что Мария из Магдалы была первой, кому явился воскресший Иисус. Но Новый Завет обошел молчанием участь той, которая «осмелилась любить Иисуса», что положило начало легендам, культам и разного рода противоречиям. В начальный период развития Церкви авторы гностических писаний и даже некоторые отцы Церкви признавали в Марии Магдалине возможность священного обольщения. Ее превозносил Августин Блаженный. В X веке культ Марии Магдалины лишь усилился: известно, что Одон Клунийский посвятил Магдалине церковный гимн. В XIII веке

легенда приобретает широкий размах. То, что новые теологи не знают, уподоблять ли им трех Марий друг другу или нет, мало кого волнует: в народной вере уже закрепился образ раскаявшейся грешницы Магдалины. В Провансе убеждены, что Мария, высадившись в Марселе, удалилась в пещеру Сен-Бом. Бургундские легенды рассказывают о ее уходе из Палестины; в компании Марфы, Лазаря и Максимена она отправилась в путь на корабле, который примчал их к берегам Прованса. Из этой же легенды можно узнать, как Максимен проповедовал на Лазурном Берегу, как Марфа, обосновавшись в Арле, укротила дракона Тараска, а Мария из Магдалы удалилась в грот. Наконец, в ней говорится и о том, как драгоценные реликвии святой были доставлены в Везеле Жераром Руссильонским, историческим и легендарным персонажем, героем нескольких жест из цикла о Карле Великом. Однако подобными реликвиями может похвастаться не только Везеле: чудесным образом они оказываются и в базилике города Эксетер в Южной Англии, древней метрополии *dumnonii*. Культ Марии Магдалины распространился по всей Европе, но более всего в Окситании, где Марии были посвящены не только церкви, но и холмы, гроты и горы. Поэтому стоит ли удивляться тому, что храм Ренн-ле-Шато освящен во имя святой Марии Магдалины?

Конечно, легенда о Марии из Магдалы подвергалась многочисленным изменениям. Иначе и быть не могло, ведь о ее жизни после воскресения Иисуса ничего не было известно, что способствовало появлению на свет различных домыслов, предположений и гипотез. Тайна, окружающая Марию из Магдалы в евангельских текстах, и поныне не дает покоя воображению.

Несомненно, она была влюблена в Иисуса. Вряд ли подобное утверждение может смутить или шокировать кого-либо: чтобы доказать его, достаточно лишь указать на некоторые эпизоды в каноническом Евангелии. Но ни в одном из них нельзя найти даже намек на то, что между Марией из Магдалы и Иисусом из Назарета (точнее, Иисусом Назореем) была или могла быть «связь». В этом отношении писателям и сцена-

ристам предоставлена полная свобода, однако заметим, что материалы для сценариев и романов им предоставил не кто другой, как святой Иоанн.

Не столь давно появилось предположение о том, что Мария из Магдалы была супругой Иисуса. Гипотеза эта основана на внимательном анализе сцены брака в Кане Галилейской: приглашенный на брак Иисус, пришедший в сопровождении матери, ведет себя, как хозяин дома, и отдает приказания слугам, веля им наполнить кувшины водой, чтобы превратить ее в вино. Что интересно, слуги повинуются...¹ Помимо этого, в пользу такой гипотезы говорят и другие факты, например, то, что обязательным условием для «равви» было вступление в брак. Далее, у Иисуса близкие отношения с Марфой и Лазарем; дом в Вифании, где живут брат и его две сестры, как кажется, служит Христу неизменным местом отдыха во время его путешествий и проповедей. Мария из Магдалы, согласно Иоанну, присутствует на казни Христа, равно как и при его воскресении. Наконец, не забудем о «*noli me tangere*», брошенном Иисусом Марии, когда та устремляется к нему. Итак, предпосылок для такой гипотезы вполне достаточно — не хватает лишь малого: точного исторического свидетельства о существовании самого Иисуса...

Канонические Евангелия обходят молчанием вопрос о «связи» Марии Магдалины и Иисуса Христа, чего нельзя сказать о Евангелиях апокрифических. Так, в Евангелии от Филиппа можно прочесть следующие строки: «Спутница Сына — это Мария Магдалина. Господь любил Марию более всех учеников, и он часто лобзал ее уста. Остальные ученики, видя его

¹ См.: М. Байджент, Р. Ли, Г. Линкольн. Священная загадка. СПб.: АО Кронверк-принт, 1993. Должен признаться, мне показались интересными аргументы, касающиеся «жены Иисуса». Я ничего не могу добавить к заключениям авторов, сделанным по поводу этого эпизода; к тому же меня смущает тот страстный пафос, с которым они рассуждают о довольно спорных вещах: идеология, которой пропитано их произведение, не внушает мне доверия.

любящим Марию, сказали ему: Почему ты любишь ее более всех нас? Спаситель ответил им, он сказал им: Почему не люблю я вас, как ее?». Но при этом необходимо помнить, что Евангелие от Филиппа — это гностический текст, наполненный символическим смыслом. В этом же тексте, например, можно найти пространное рассуждение о брачном чертоге, которое тем не менее никоим образом не связано с Иисусом. Однако, как бы там ни было, в этом тексте содержится точное указание: рядом с Иисусом всегда были три женщины — мать, сестра и Магдалина¹.

Все это не более чем гипотезы, что, впрочем, не мешает некоторым использовать их ради того, чтобы явить миру новые доказательства в пользу брака Марии и Иисуса. Более того, порой нас пытаются убедить в том, что эти доказательства основаны на подлинных исторических свидетельствах, обнаруженных неким волшебным образом. Как правило, при анализе подобных «свидетельств» выясняется, что они поддельны. Ярким примером одного из них можно считать историю о Марии из Магдалы, добравшейся до берегов Окситании *вместе с семьей и своими детьми, отцом которых был Иисус*. Семейство Марии, обосновавшись на юге Галлии, дало потомство, вследствие чего мы и сегодня можем общаться с истинными потомками Иисуса Христа. Почему бы и нет?

Но ситуация еще более усложняется, когда на свет появляется сплав легенд: рассказ о Магдалине переплетается с другой историей, рассказанной хронистом меровингских времен Фредегаром. Следует отметить, что другой хронист той же эпохи, Григорий Турский, ни разу не ссылается на эту легенду, видимо считая ее нелепой. Речь идет о мифическом (и, безусловно, божественном) происхождении «длинноволосых королей» Меровингов, владевших искусством магии столь же хорошо, как и военным ремеслом. Впрочем, в первобытных обществах любая война была связана с магией: обучая воинов обращению с

¹ См.: Pierre Crépon. Les Évangiles apocryphes, Paris, Retz, 1983.

оружием, их обучали и магическим приемам, при помощи которых можно было нанести противнику наибольший ущерб. Но вернемся к легенде, изложенной Фредегаром. У основателя династии Меровея (о реальном существовании которого нет ни единого доказательства!) было два отца. Дело в том, что его мать, уже будучи беременной от франкского короля Клодио Длинноволосого, во время купания в море была похищена таинственным существом, которое Фредегар описывает как «*Neptuni Quinotori similes*», что, соответственно, заставляет нас вспомнить о знаменитом животном из греческой мифологии: Морской монстр соблазнил ее — таким образом, королева родила сына, знаменитого Меровея, будучи «дважды оплодотворенной». Иными словами, в Меровея смешались две крови, франкского короля и фантастического (и, разумеется, божественного) чудовища, живущего «по ту сторону моря». Подобный сюжет далеко не оригинален: герой, появившийся на свет в результате двух зачатий, — не столь уж и редкая тема в кельтской мифологии¹. Вполне возможно, что псевдо-Фредегар воспользовался какой-либо из древних легенд, оставшихся в наследство от германцев и кельтов. Так или иначе, рождению великих людей всегда предшествовало неординарное, сверхъестественное зачатие. Ромул был сыном весталки и бога Марса. Герой ирландского эпоса Кухулин, происходивший от двух отцов, дважды рождался, как и великий бард Талиесин, бывший до второго рождения Гвионом Бахом, вызвавшим на себя гнев Каридвен. Следы мифа о «двойном зачатии» можно обнаружить даже в ветхозаветной истории: как мы помним, Моисей, отданный на волю волн Нила, был найден дочерью фараона... Практически каждый знатный род стремился заполучить в свою родословную какого-нибудь мифического предка. Так, Юлий Цезарь распространял легенду о том, что основателем его рода был Асканий Юл, сын Энея (матерью последнего была

¹ J. Markale. *Épopée celtique d'Irlande*, 2 éd., Paris, Payot, 1978; J. Markale. *Épopée celtique en Bretagne*, 3 éd., Paris, Payot, 1985.

сама Венера); именно поэтому потомок Цезаря Август побуждал Вергилия написать «Энеиду», которая восславила бы Рим — а заодно и императорскую семью *рода Юлиев*. В список «охотников за мифологическими родословными» можно внести как Пантагенетов, ведущих свой род от феи, так и потомков Мелюзины Лузиньянов.

Но вернемся к Марии Магдалине, а заодно и «делу Реннле-Шато». В недавнем прошлом некоторые авторы сочли нужным смешать рассказ о зачатии Меровея с легендой о Марии из Магдалы, которая была супругой Иисуса Христа и матерью нескольких детей. Из получившегося «сплава» мы узнаем, что пресловутый морской монстр, оказывается, не что иное, как олицетворение человека, пришедшего «с другого берега моря», потомка божественного рода. О нет, это не Иисус, как вы, возможно, подумали, — это всего лишь сын Иисуса и Марии из Магдалы, и это дает право утверждать, что меровингские короли ведут свой род от потомков Иисуса. Да... «длинноволосые короли» преображаются на глазах — они становятся «божественными королями»! Вся эта басня была сочинена в угоду тем, кто утверждает, что на свете еще существуют законные потомки Дагоберта II, убитого приблизительно в 678 году по наущению Пипина д'Эрсталя, основателя капетингской династии. Факт участия в этом деле майордома бесспорный, его не может опровергнуть даже тот факт, что впоследствии власть вернулась к Меровингам младшей ветви: власть эта была иллюзорной, поскольку рычаги управления были в руках Пипинидов. Время правления «ленивых королей» по-прежнему остается малоизученным периодом в истории, что неминуемо порождает всякого рода домыслы. А от домысла, к сожалению, всего один шаг до вымысла.

Вымысел в нашей истории начинается с женитьбы Дагоберта II на Гизеле из Редэ, дочери вестготского короля. В момент убийства Дагоберта II его сын Сигиберт IV был спасен и привезен его сестрой Ирминией в Разе, которым владел его дед Бера, граф Редэ. У Сигиберта IV были потомки, ставшие

своего рода тайной меровингской династией, ведущей род от прямого потомка Меровея; «пылкие отпрыски» этой династии существуют и в наше время, по крайней мере, в некоторых эзотерических кругах.

Несчастье лишь в том, что ни в одном историческом источнике нет ни единого упоминания о браке Дагоберта II и Гизелы из Редэ... Более того, в момент гибели Дагоберта II его сыну (чье существование еще следует доказать!) было от силы три года, а его сестре Ирминии, которая привезла Сигиберта в Разе, едва исполнилось четыре... подумать только, какие скороспелые дети в этом семействе! Воистину волшебство, — не иначе как кровь франков действительно смешалась с божественной Христовой кровью! Те же сомнения возникают и насчет Беры, графа Разе: ни один из документов не упоминает его имени; к тому же известно, что первым графом Разе был Гильом Желлонский — он же святой Вильгельм Желлонский, он же Гильом Оранжевый, в 781 году получивший титул графа из рук Карла Великого. Однако нас настойчиво уверяют в том, что существуют документы, подтверждающие существование прямых потомков Меровингов: «Документы, позволяющие установить истину, вероятно, были среди тех манускриптов, которые нашел в Ренн-ле-Шато аббат Соньер. Один из них, как известно, был подписан Бланкой Кастильской и являл собой доказательство существования меровингского рода, продолжившегося благодаря Сигиберту IV»¹. Но, увы, «документы аббата Соньера никто никогда не видел. Почему их так и не предъявили публике, несмотря на то что их содержание уже давно известно?»² Вопрос уместен. Но ответа можно ждать вечность...

Надеяться в этом случае можно лишь на чудо. Кто знает, может быть, оно и произойдет: в конце концов, разве эти нынешние Меровинги не являются потомками *божественного* рода? Правда, наше время не очень-то благосклонно к чудесам.

¹ Richard Bordes. Les Mérovingiens à Rennes-le-Château, p. 15.

² Richard Bordes. Les Mérovingiens à Rennes-le-Château, p. 27.

Даже если Иисус и был чудотворцем, то его потомки, скорее всего, не обладали способностями отца. К тому же, углубляясь в прошлое в поисках своих корней, мы должны помнить, что по закону простой арифметической прогрессии количество наших предков в конце концов будет исчисляться миллионами. Иными словами, все люди в той или иной степени одна большая семья...

Во всем этом пестром полотне вымысла, искусно сотканном талантливыми авторами, не преминувшими вплести в него и рассказ о «знаменитой расе», которая пришла из иных земель, все же есть достоверные, неопровержимые факты. Одним из них является существование церкви Святой Магдалины в Ренн-ле-Шато, необычного храма, главная роль в котором отведена Марии из Магдалы. И это для нас важнее всего.

Глава IV

«АРКАДСКИЕ ПАСТУХИ»

Вряд ли у кого-либо может возникнуть сомнение в том, что уединенная могила, спрятанная с тени деревьев неподалеку от дороги, ведущей в Арк, появилась в округе Пейроль случайно. Ее точное подобие мы можем увидеть на полотне Никола Пуссена «Аркадские пастухи», однако доподлинно известно то, что надгробие в Арк не могло служить моделью художнику: *в XVII веке его еще не существовало*, гробница появилась на свет гораздо позже картины французского живописца. Правда, этот документально подтвержденный факт еще не дает ответа на вопрос, каким образом Пуссену удалось изобразить пейзаж, в точности повторяющий окрестности Арк... Еще одна загадка и без того загадочного края Разе, не дающая покоя умам и вызывающая горячую полемику.

Гробницу нельзя назвать древней: она появилась во времена Соньера при обстоятельствах, лишенных какой-либо таинственности. В 1883 году земли, на которых ныне находится памятник, скупил внук одного промышленника; в 1903 году он решил построить на них гробницу, выбрав для этого дела небольшой холм, расположенный в пятидесяти метрах от дороги в Арк. По его замыслу, в этом месте должны были покоиться члены его многочисленной семьи, и, чтобы осуществить свой проект, он обратился за помощью к местному каменщику, господину Буррелю из Ренн-ле-Бен. Но в 1921 году почтенные родственники внука промышленника, уже успевшие занять места в склепе, было потревожены: их переместили в склеп на

кладбище в Лиму, а чуть позже само владение было продано другому промышленнику, американцу г. Лоуренсу. Гробница осталась нетронутой (то есть ее никто не занял) и пребывает в том же состоянии и поныне. Ее и сейчас можно увидеть в куще деревьев на холме, у самого края обрыва, рядом с маленьким мостиком, перекинутым через пересохшее русло источника. И если в этих местах окажется тот, кто знаком с картиной Пуссена, он без труда узнает пейзаж, открывающийся позади гробницы.

Все это заставляет задуматься. Вне всякого сомнения, заказчик этой гробницы знал о произведении художника. Он бы не выбрал это место и не стал бы копировать монумент, порожденный фантазией Пуссена, если бы не видел оригинала. Но с какой целью это было сделано? Никто так и не узнал, каковы были истинные намерения владельца гробницы: когда на сходство этих «произведений» обратили внимание, их создатели уже давно покоились в могилах. Разгадка тайны, очевидно, покинула мир вместе с ними.

Конечно, можно предположить, что Пуссен, вдохновленный видами в окрестностях Арк, не придумал ничего лучше, как увековечить на полотне понравившийся ему пейзаж. Но это не так. Никола Пуссен, родившийся в Лез-Андели, слишком рано покинул Францию: он работал в Италии, где и скончался. «То, что Пуссен, живший во Франции всего лишь два года (с 17 декабря 1640 года по 25 сентября 1642 года), мог покинуть Париж и целых три месяца трудиться над картиной в Корбьерах, кажется маловероятным. Если бы Пуссен посещал этот край, об этом остались бы свидетельства... Более того, можно с уверенностью утверждать, что художник не мог вырваться из Парижа, поскольку при дворе на него была возложена официальная миссия. Он был буквально завален работой»¹. «Аркадские пастухи», представленные в Лувре, не единственная картина французского живописца, написанная на эту

¹ R. Descadeillas. Op. cit., p. 141–142.

тему. Существует и другое полотно, более ранняя работа Пуссена, в течение двух веков хранившаяся в галерее герцогов Девонширских, в Англии. К слову сказать, Пуссен был не первым художником, воплотившим подобный сюжет в художественную форму: стоит напомнить о картине Джованни Гверчино, написанной в 1618 году, — вполне возможно, что Пуссен был вдохновлен именно ею. Общим для этих трех картин является изображение пастухов, читающих надпись на могильном камне: «Et in Arcadia ego». Загадочная фраза (ее можно перевести двояко: «И вот я в Аркадии» либо «И я бывал в Аркадии») привлекала внимание толкователей не меньше, чем герои картины, — казалось, каждая деталь в этих произведениях наполнена символическим смыслом. На картине Гверчино, фоном которой служит скалистый пейзаж, два пастуха, опираясь на посохи, разглядывают надгробие, на котором покоится череп (в нем можно увидеть пробоину, что вновь отсылает нас к древнему германскому ритуалу — пробитый череп не давал покойному возможности «вернуться»). На полотне Пуссена, хранящемся в Англии, изображены три пастуха, один из которых сидит в усталой позе, а два других взирают на гробницу с каким-то испугом. Пастушка по левую руку от них тоже рассматривает гробницу, но почти безучастно.

Наибольший интерес представляет третья картина, хранящаяся в Лувре. Это полотно считается совершенным образцом композиционной соразмерности: правило «золотого сечения», это знаменитое соотношение $1,618^1$, соблюдено Пуссенем полностью, все скомпоновано так, чтобы сделать надпись фиктив-

¹ Полотно Пуссена полностью соответствует правилу «золотого сечения», то есть его композиция выстроена соразмерно тому, что Пифагор назвал «божественной пропорцией» (деление в крайнем и среднем отношении, равное числу $1,618003399\dots$). Еще в античные времена было замечено, что это число можно получить из соотношения отрезков между первой и второй и между второй и третьей фалангами пальца: пуп разделяет человеческое тело в той же пропорции. Золотому сечению, результату точного математического подсчета, всегда придавались сакральные и даже магические свойства.

ным, но абсолютным композиционным центром. Три пастуха и пастушка окружили могильный камень. Пастух, находящийся слева, опершись на посох, прислонился к надгробному камню; его лицо полно любопытства. Его напарник, опустившись на левое колено, ведет по надписи указательным пальцем, словно читая ее. Третий пастух находится справа от гробницы. Наполовину склонившись и опираясь на посох, он указывает левой рукой на надпись, но голова его вопросительно повернута к пастушке. Та, положив руку на пояс, стоит слегка опустив голову; по выражению ее лица можно догадаться, что она знает значение надписи, которое неведомо ее товарищам. Таинственный пейзаж на заднем плане — гребни гор в голубом небе; в просветах между ветвями деревьев видны сгустившиеся облака, подсвеченные красным заревом, какое можно наблюдать перед закатом солнца.

По поводу этого полотна было выдвинуто множество предположений и объяснений. Искусствоведы заверяют, что в нем нет ничего таинственного. Когда Пуссен создавал «Аркадских пастухов», он был тяжело болен и знал, что его дни сочтены. Художник воспользовался существующим сюжетом, чтобы воплотить в нем идею о неизбежности смерти и скоротечности земного существования, что было созвучно в тот момент его собственному мироощущению. Так или иначе, картина была написана по заказу кардинала Роспильози (будущего папы Климента IX), попросившего художника создать произведение, которое воплотило бы в себе «философскую истину». Поэтому живописец решил воспользоваться известным мифом об Аркадии.

Аркадия — горный дикий уголок Пелопонеса, напоминающий арену, окруженную венцом из гор, из-за чего этот регион в некоторой степени обособлен от внешнего мира; долгое время «арена» Аркадии была покрыта лесами. Свой мифологический статус этот край приобрел уже во времена античности: считалось, что название «Аркадия» произошло от имени Аркас, так звали сына нимфы Каллисто, верной спутницы Артемиды, сопровождавшей ее во время охоты. Согласно мифу, «Зевс

обольстил спутницу Артемиды нимфу Каллисто и превратил ее в медведицу, чтобы спрятать нимфу от Геры. Однако если верить другим мифам, в медведицу ее превратила сама Артемида, чтобы наказать свою спутницу за нарушение обета девственности. Медведицу Каллисто во время охоты Артемиды затравила собачья стая, а сама Артемида, по наущению ревнивой Геры, пронзила ее своей же стрелой. Чтобы спасти Каллисто от гибели, Зевс унес ее на небо, где она превратилась в созвездие Большой Медведицы. О Маленькой Медведице говорят, что это либо собака, преследующая медведицу, либо сын Каллисто, предок обитателей Аркадии»¹. Миф говорит о многом. Прежде всего имя «Аркас» происходит от индоевропейского корня «*ork*», что означает «медведь»; этот же корень лежит в основе греческого «*arktos*», ирландского «*art*», бретонского «*arz*» и, наконец, латинского «*ursus*». С одной стороны, древнее имя края может говорить о том, что в давние времена в Аркадии водились медведи, однако символический смысл, который заложен в образе медведя, вполне может объяснить то, почему Аркадия стала олицетворением Иного мира, параллельной подземной вселенной, не знающей о том, что такое смерть. Действительно, медведь спит в берлоге всю зиму и просыпается лишь летом, когда сверкает солнце. Но это равным образом и миф о короле Артуре, который спит на острове Авалон. Вот поэтому Аркадию из греческой мифологии можно считать эквивалентом острова Авалон и даже кельтского Иного мира, мира подземных холмов, где живут боги и герои древних времен.

Вернемся, однако, в мир наземный, в котором обитает Никола Пуссен — человек, увлеченный доктринами герметизма. Известно, что прославленный живописец часто встречался с людьми, входившими в различные тайные «братства». Без сомнения, он и сам был членом одного из таких «инициативных обществ», наводнивших в XVII веке Италию и Францию.

¹ Michel Praneuf. *L'Ours et les Hommes*. Paris, Imago, 1989, p. 37–38.

Его покровителем был Никола Фуке, поддерживавший с художником близкие отношения. В 1655 году суперинтендант финансов Никола Фуке направил в Рим своего брата, аббата Луи Фуке, «с тайным поручением приобрести произведения искусства, призванные украшать Бель-Иль, Сен-Манде и замок Во-ле-Виконт». Аббат обратился непосредственно к Никола Пуссену. Но только ли за этим прибыл в Рим брат суперинтенданта финансов Франции? В этом можно усомниться, прочитав письмо, посланное аббатом своему брату: «Вместе с господином Пуссеном мы задумали кое-что, что, благодаря господину Пуссену, окажется для Вас выгодным, если только Вы этим не пренебрежете; короли с большим трудом смогли бы вытянуть это у него, и после него впоследствии, быть может, никто в мире этого не возвратит; к тому же это не потребует больших расходов, а может обернуться выгодой, и это сейчас разыскивается многими, и кто бы они ни были, но равного или лучшего достояния сейчас на земле нет ни у кого».

Возможно, речь идет всего лишь о «темных делишках», связанных с миссией аббата, о неких не слишком достойных способах раздобыть произведения искусства по выгодной цене, о чем, кстати, будет заявлено в других письмах Луи Фуке к своему брату. Однако выражения, коими аббат уснащает это послание, все же чересчур таинственны для простой махинации с картинами. Возможно, между строк Луи Фуке сообщал брату некую информацию, гораздо более важную, чем сведения о трудностях, возникших при приобретении объектов искусства. Предположений, высказанных на этот счет, может быть множество, но одно можно сказать точно: Никола Фуке получил пожизненное заключение за то, что хранил секрет, который он не должен был раскрывать ни при каких обстоятельствах. Почему после ареста Фуке Кольбер предпринял поиски в архивах Разе? Что он искал? Удастся ли нам когда-либо распутать этот клубок противоречий?

Однако в биографии Никола Пуссена есть еще более любопытные подробности. Художник пользовался печатью, на

которой был изображен человек, держащий в руках ковчег с девизом «*tenet confidentiam*», что можно перевести как «он хранит тайну». Что ж, обратимся к «тайне» — к произведению Мориса Барре «Тайна, полная света», опубликованному после его смерти. В этой книге собрано множество сведений о художниках, но некоторые замечания, высказанные Барре по поводу того или иного художника, поначалу приводят в замешательство. Так, автор пишет, что многие живописцы были членами инициатических братств, в частности, многие из них принадлежали к некоему «Ангельскому Обществу». Он подозревает в этом Делакруа, в том числе, из-за «ангельского аспекта его живописи»; под подозрением оказывается и Клод Желле (Лоррен), о котором Барре пишет: «Как кажется, он не появился на свет сразу, *его готовили к этому*». Иными словами, поступками и желаниями Клода Желле управляла секта спиритуалистов, членом которой он являлся. Барре добавляет: «Если кто-либо хочет узнать и понять Желле, ему следует обратиться к произведению Иоахима фон Зандрарта, где он изображен в достойной компании рядом со своим другом Никола Пуссеном». Нужно ли заключить из этого, что Никола Пуссен принадлежал к тому же «братству»? Продолжая разговор о Клоде Лоррене, которого он сравнивает с Пуссеном, Барре пишет: «Он был бы ничем, если бы его руку не направляли Ангелы, если бы он не был в этом небесном обществе, если бы его отстранили от того, что его вдохновляло и поддерживало. *Он знал свое дело, но кроме него он ничего не умел*». Итак, со слов Барре становится ясно, что «Ангельское Общество» существовало и в него входила большая часть художников и писателей своего времени. Но что еще лучше, автор раскрывает «пароль» этого общества: «Мы всегда должны оставлять в какой-нибудь части своего шедевра *могильный камень* со знаменитой надписью „*Et in Arcadia ego*“».

Те, кто еще сомневается в существовании «Ангельского Общества», условно-опознавательный знак которого изобразил на гробнице Пуссен, могут ознакомиться с письмом Жорж Санд к Юставу Флоберу от 17 декабря 1866 года. Вот что пишет

«добрая дама Ноана»: «Во всяком случае, сегодня я готова начертать свою эпитафию! „Et in Arcadia ego“ — вы понимаете, о чем я». Последние слова объясняют все лучше, чем пространственные комментарии на этот счет. Прежде чем стать «доброй дамой Ноана», Жорж Санд принимала участие во всех движениях в духе утопизма; она прекрасно знала, как следует относиться к некоторым «братствам», унаследовавшим в той или иной степени традиции «Баварских иллюминатов» и тайных «орденов» средневековья. До появления на свет «Чертовой лужи» ею был написан роман «Консуэло», одним из эпизодов которого становится встреча Консуэло с Невидимыми, членами таинственной секты. Вот как описывает их Жорж Санд: «Они — подстрекатели всевозможных восстаний, они имеют доступ ко двору любого государя, управляют всеми делами, решают вопросы войны и мира, выкупают пленных, облегчают участь несчастных, карают негодяев, заставляют королей дрожать на своих тронах, словом — от них зависит все счастье и все несчастья на этом свете»¹. Возможно, и Никола Фуке в бытность свою заставил Людовика XIV если не подрожать на троне, то хотя бы немного поволноваться, покуда ему не пришлось трепетать самому — вероятно, потому, что он *предал* «братство», к которому принадлежал. Предательства организациями такого рода не прощаются. Невидимые всегда там, где им надлежит быть: «Невидимые — это люди, которых никто не видит, но которые действуют... Никто не знает, где они живут, но они повсюду. Многих путешественников они убивают, а многих других спасают от разбойников — смотря по тому, кого они считают достойным наказания, а кого — защиты»². Как тут не вспомнить аббата Жели, убитого в Кустоссе без видимых на то причин? Разве то, что рядом с ним был найден листок сигаретной бумаги с надписью «Viva Angelina», не доказывает присутствия в Разе членов «Ангельского Общества»? Неужели после

¹ Жорж Санд. Графиня Рудольштадт // Собр. соч. Л.: Художественная литература, 1973. Т. 6. С. 221.

² Там же. С. 221.

всех этих доводов найдется тот, кто еще сомневается в существовании этого братства, действительным членом которого был Никола Пуссен, а мифической родиной — страна Аркадия?

Увы, «Иллюминаты» — это реальность, пусть даже прикрытая налетом духовности. В своей «Истории революций» Луи Блан посвящает им строки, в какой-то мере напоминающие завуалированное похвальное слово: «Могущество этой организации основано на простом влечении к тайне; она может подчинять своей воле и вкладывать свои желания в души тысяч людей в каждом уголке мира... Путем медленного и поэтапного обучения она может превратить этих людей в совершенно новые существа; невидимые, никем не узнанные вожди могут сделать их послушными своей воле вплоть до сумасшествия или гибели. Они и множество им подобных оказывают тайное воздействие на души, стоят за спиной правителей европейских государств и управляют их странами, а то и всей Европой. Уничтожение веры, ослабление монархии, упразднение привилегий, данных от рождения, и права собственности — таков гигантский план Иллюминизма». Похоже, Луи Блан доволен таким положением дел, поскольку это, по сути, его идеал. Как известно, Великая французская революция (как, впрочем, и революция 1917 года в России, и водворение нацизма в Германии) была подготовлена тайными обществами, которые не произносили своих имен вслух, но зато во всеуслышание заявляли о своих филантропических и спиритуалистских целях. Изменить мир! Можно ли найти более двусмысленное выражение, чем эти слова, под которыми мог подписаться как Карл Маркс, так и Артур Рембо? Изменить мир — в угоду кому, согласно чьей идеологии?

В конце концов, с того же начинали и первые христиане, образуя в той или иной степени тайные секты. Но как только христианство стало единственной официальной религией Римской империи, положение дел изменилось: на свет появились другие секты, действующие, подобно первым христианам, в тени. Их целью, в свою очередь, стало дестабилизировать суще-

ствующий церковный уклад и в конечном счете уничтожить христианство. Таков уж свет...

Но в отрывке, взятом из «Истории революции», пугает не пафос автора, а его выражение «простое влечение к тайне». Вернемся в Разе, к нашему «делу Соньера»: кем был кюре Ренн-ле-Шато — членом «Ангельского Общества» или его жертвой? Точного ответа на этот вопрос нет, но невидимое присутствие этого общества в «деле Ренн-ле-Шато» может ощутить каждый из нас...

Тайна неизменно оказывает воздействие на умы людей. В одном из своих произведений, опубликованном уже после смерти автора, в 1910 году, Сент-Ив д'Альвейдр описывает странное подземное королевство, названное им Агарта (с не меньшим успехом он мог бы назвать его Аркадией). В этой стране, спрятанной в недрах земли, живет никому не известный народ, которым правит Властелин мира, в то время как его невидимые посланники приходят в наш мир для того, чтобы управлять им. Все это напоминает идеи, уже высказанные в книге «Грядущая раса» Эдварда Джорджа Эрла Бульвер-Литтона, более известного читателям по роману «Последние дни Помпеи». Тема, развитая им в «Грядущей расе», взята из «Священного Писания» иллюминатов: под землей обитает неизвестная раса Ана, значительно опередившая человечество как в области технологий, так и в интеллектуальном плане. Социальная борьба в их мире закончилась установлением бесклассового общества, а наивысшей его технологией стал источник невероятной энергии, вриль. В их мир можно попасть через глубокую трещину «с изорванными и, видимо, обугленными краями, как будто разрыв породы произошел здесь под действием вулканической силы, в какой-нибудь отдаленный геологический период». Могущество Ана не имеет пределов, потому что эта неизвестная раса владеет абсолютным оружием, которое позволит ей когда-нибудь восторжествовать над всем миром. Все эта загадочность вызывает любопытство — и в то же время тревогу...

Таинственная раса, описанная Бульвер-Литтоном, заслуживает отдельного разговора. В романе говорится, что Ана были потомками кельтов. Сам Бульвер-Литтон (1803–1873), министр королевы Виктории, был членом Ордена розенкрейцеров и общества «Golden Dawn», сыгравшего свою роль в истории сект: оно способствовало развитию некоторых тайных обществ, породивших на свет нацизм. Автор «Грядущей расы», потомок знаменитого алхимика XVII века, в совершенстве знал кельтские мифы, по меньшей мере, те уэльские и ирландские легенды, которые к тому времени были опубликованы в Великобритании. Поэтому понять, кто такие Ана, не составляет труда. Это «анаон» из бретонских легенд, усопшие, которых видят по ночам на песчаных равнинах и у речных берегов. Это сыновья богини Дон из мифологии валлийских кельтов, древние волшебные боги из религии друидов. Это ирландские Племена Богини Дану, древние божества, обитающие в холмах («sidh»), в огромных каирнах, которыми столь богаты земли Ирландии и Англии. Полые холмы, населенные божествами, — это Иной мир, волшебное подземное царство. Впрочем, могущественные Племена Богини Дану могут покидать свои холмы: смешиваясь с людьми, они управляют ими по собственному усмотрению. Эти таинственные существа входят в обычный набор кельтских преданий: ни один ирландец не поставит под сомнение существование баньши (дословно «женщина из холма»), феи или таинственного божества, способного изменять человеческие судьбы. Ирландское слово «sidh» может означать «мир». Подземный мир, описанный кельтами, — это «мирная вселенная», в которой отсутствует время, а пространство бесконечно. В нем не действуют привычные законы логики, а потому возможно все: волшебство, магия, фантастические метаморфозы. Мир, созданный воображением Бульвер-Литтона, во многом похож на место обитания богов из древних кельтских легенд, но он наполнил этот мир существами, взятыми из иной традиции. Его источником вдохновения стали идеи «Баварских иллюминатов», розенкрейцеров и «Golden Dawn», что превра-

тило его роман в показательный образец того, что творилось в интеллектуальной среде Англии в конце Викторианской эпохи.

Все это, впрочем, тесно связано с мифом о Граале, претерпевшим на своем веку немало литературных перевоплощений. Вриль, удивительная энергия, описанная Бульвер-Литтоном, не что иное, как зеленый луч из одноименного романа Жюль Верна. Как обычно, французский фантаст дает этому феномену научное истолкование: зеленый луч естественного происхождения. Но в других романах того же времени, написанных в жанре научной фантастики, зеленый луч становится высшей энергией, которую можно обращать как во благо человечества, так и во зло ему, — все зависит от того, в чьи руки она попадет. Иными словами, это тот же Грааль, каким описал его Кретьен де Труа, та самая таинственная чаша, от которой исходит свет, — или же, согласно другой традиции, чаша из изумруда, сорвавшегося с чела Люцифера («Несущего Свет») во время восстания ангелов. Во времена Жюль Верна еще не говорили об атомной энергии, но ее прототип уже всю действовал на страницах фантастических романов. Вриль — это абсолютная энергия. Но источником подобной силы может быть только Грааль: именно он хранит в себе «вриль», только от этой священной чаши, символа вечного поиска, может исходить «зеленый луч».

В подобных условиях не стоит удивляться тому, что одна из сект, называвшая себя «норманнами» или «Храмом Одина», в свое время распространила информацию, согласно которой в Ренн-ле-Шато были спрятаны некие плиты с изумрудами, обладавшие особыми свойствами. «Каждая из этих древних вестготских скрижалей таила в себе огромный изумруд, способный уловить космические лучи, идущие от Веги. Посвященные норманны знали, как нужно было воспользоваться этим зеленым или фиолетовым (канцерогенным) излучением, чтобы уничтожить врагов», — пишет Фани Корно в книге «Секты Франции». Поверьте, мы ни на йоту не отклонились от Пуссена! Оказывается, художник «нашел тайный склеп, в котором вестготские короли оставили свои военные трофеи; пересчитав их,

он переместил сокровище в другой склеп, находящийся между Черной горой и Корбьерами. Но его не покидало опасение, что в грядущий век связь между поколениями, призванными в тайне от всех охранять сокровища, может прерваться. Это побудило его создать знаменитое полотно „Аркадские пастухи“, на котором женщина¹ велит расшифровать надпись на древней гробнице»².

Разумеется, миф о «вестготском универсальном оружии» не возник на голом месте: его можно отнести к разряду рассказов о существовании «изумрудной плиты», способной концентрировать космическую энергию, — иными словами, своего рода конденсатора, который при определенных условиях может стать опасным оружием. Примером такого орудия может служить «Божий камень» в романе Мориса Леблана «Остров тридцати гробов»: Арсен Люпен открывает секрет волшебного камня, способного как уничтожить человека (сжечь его), так и вернуть ему жизнь и наделить могуществом. Чем не «проклятое золото», обладающее той же двойственностью, что и радиоактивность? Вряд ли кому-либо придет в голову утверждать, что радиоактивность «хорошая» или, наоборот, «плохая»: все зависит от того, в каких целях она применяется. То же самое можно сказать и о «сокровище Ренн-ле-Шато».

Конечно, говоря об «изумрудной плите», нельзя не вспомнить о «*Tabula Smaragdina*», знаменитой «Изумрудной скрижали», приписываемой Гермесу Трисмегисту: это своего рода библия герметистов, всезнающая и всепозволяющая книга тайн и мудрости. Корни этой традиции, несомненно, следует искать в апокрифических Евангелиях, упоминающих об изум-

¹ Жрица Одина-Вотана.

² Nin Heilaga Normanniska Kirkja («Трибуна норманнских католических националистов, приверженцев Храма Одина и иезуитов панскандинавов, оставшихся верными расовой теории святого Игнатия», 1 марта 1965 года). Я воздержусь от имени автора этой статьи, но не удержусь от обвинения в том, что автор намеренно искажает великие мифы Европы в угоду сомнительной идеологии.

руде, который сверкал на лбу Люцифера; согласно некоторым версиям легенды о Граале, именно из этого камня была высечена священная чаша. Однако таинственный зеленый цвет, превращенный в объект многочисленных исследований, играет главную роль в биологическом процессе: зеленый пигмент растений, с помощью которого они улавливают энергию солнечного света и благодаря которому живут, — отнюдь не изобретение «поэтов, вдохновленных Небесами», это реальность. Так или иначе, в мире не найдется уголка, в котором не было бы легенды, рассказывающей о драгоценных камнях, обладающих странными свойствами, способных вызывать болезнь или излечивать, приносить счастье или горе. Об одном из таких камней, наделенном волшебной властью, рассказал Вольфрам фон Эшенбах, и имя этому камню — святой Грааль.

Но где можно найти такой камень? Конечно же, не на поверхности земли — только в ее недрах, в ее тайных пещерах, которые находятся под неусыпным наблюдением и охраной невидимых существ, стражей сокровища. Итак, мы вновь возвращаемся в Аркадию, в этот «Иной мир», явившийся нам в приветливом солнечном облике Разе. Уже в XVII веке некоторые авторы утверждали, что этот край подобен греческой Аркадии. Однако к внешнему, видимому облику следует относиться со всей осторожностью: всегда нужно помнить о том, что за ним скрывается тайная, невидимая сторона реальности. В связи с этим можно вспомнить еще об одном романе Жюль Верна, «Черная Индия», действие которого происходит в Шотландии. Автор, снабжая свое повествование множеством масонских аллюзий, рассказывает о молодом инженере, принявшем исследование заброшенной шахты в надежде найти в ней еще не разработанную рудную жилу. Так начинаются необычные приключения Гарри Форда: он и его товарищи, отрезанные от внешнего мира, никогда бы не спаслись из замурованной шахты, если бы на помощь им не пришла девушка, живущая в этом подземелье вместе со своим дедом, таинственным отшельником-мизантропом. Роман заканчивается, как и

следовало ожидать, свадьбой Гарри и его спасительницы Нелль, ни разу не видевшей дневного света; герои благополучно выбираются из подземелья, за исключением деда, расставшегося с жизнью (что, впрочем, закономерно, если принять во внимание, что действие разворачивается по отработанной мифологической схеме). Иными словами, юный герой, отправившись в подземное царство теней, привел оттуда Эвридику: к счастью, Гарри-Орфей был достаточно умен для того, чтобы не оглянуться назад во время возвращения на поверхность земли.

Этот миф не обошел стороной и Ренн-ле-Шато. Истории о «тайниках», коими изобилует этот край, — варианты все той же легенды об Орфее, или Гильгамеше, или Ланселоте Озерном, который спас Гиневру из адского королевства Мелеганта. На этом сюжетном острове построены все сказки о юных героях-крестьянах, вызволяющих прекрасных дев из подземного логова монстра, пещер, колодцев или подземелий, расположенных под дьявольскими замками. Ренн-ле-Шато, прекрасно подходящий для историй подобного рода, кристаллизует в себе множество традиций, пришедших отовсюду. Да, Аркадия там, под нашими ногами. Но — повторимся — мы не сможем попасть в нее без *ключа*, без него нам не открыть дверь, ведущую под землю, туда, где пастух пытается отыскать свою овцу. И об этом прекрасно знал Беранже Соньер — иначе бы он не поместил эту сцену на фронтоне исповедальни.

История или миф? Вопрос абсурден: миф — это история, и наоборот, история — это миф. Суть лишь в том, чтобы знать, кого именно ты собираешься искать в подземелье Иного мира.

Глава V

ЗОЛОТО КОРОЛЕВЫ

Многочисленные версии «дела аббата Соньера» схожи в одном: разгадку тайны Ренн-ле-Шато следует искать под землей, в недоступном месте, служащем надежным укрытием «некой вещи». Этим местом может быть грот или пещера, подземный ход или заброшенный рудник, и, наконец, одна из тех мифических «Аркадий», в которых, как утверждают народные сказки, всегда царят покой и благополучие. Подземный мир, неизменно будоражащий воображение, служит основой многочисленных версий мифа о Матери-Земли, чье щедрое чрево порождает все живое и питает своими соками. К материнской утробе земли можно испытывать столь же двойственное чувство, как и ко всему сакральному: она внушает доверие и ужас, от нее веет могильным холодом и жаром солнца. В полной эзотерического смысла «Пятой книге» Рабле (в которой, возможно, ему принадлежат лишь отдельные главы) жрица Бакбук, проведив Пантагрюэля, Панурга и брата Жана к Божественной Бутылке, поведала им о том, что недра земли, эти «околоцентральные области», стали причиной всего: созидания, зарождения, развития — иными словами, жизни. «Когда же вы возвратитесь к себе, то засвидетельствуйте, что под землю таятся сокровища несметные и дива дивные¹, — говорит жрица и, упомянув о судьбе Персефоны, добавляет: — Во что превратилось

¹ Ф. Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003, с. 745.

у вас искусство вызывать молнию и низводить с неба огонь, некогда изобретенное мудрым Прометеем? Вы его, уже верно, утратили; на вашем полушарии оно исчезло, меж тем как здесь, под землей, оно по-прежнему применяется»¹.

Безусловно, для Рабле, как и для культурной традиции того времени, подземный мир являлся хранилищем тайн вселенной, подобно первичной Материи алхимиков, заключавшей в себе все элементы, необходимые для создания Философского камня. Верховная жрица Бакбук говорит о том, что наивысшим благом под землей считается «не брать и принимать, а оделять и давать», что она и делает, дав путешественникам *выпить* воды из божественного источника — тем самым открыв им тайны вселенной. Но вот что интересно: южнее Ренн-ле-Бен струится источник «Тринк-Бутыль», берущий начало от Бланки, притока Сальсы. «Тринк»! Разве не этим словом ответила Божественная Бутылка на помпезное вопрошание Панурга? Разумеется, вода из вышеупомянутого источника способна опьянить человека, как и «поразительно верная глосса Тринк», оказавшаяся всего-навсего бутылкой фалернского вина. Последствия «истолкования глоссы» не заставили себя ждать: в героев Рабле словно бес вселился, заставив их заговорить в рифму. Бес этот — или дух — не принес им какого-либо вреда, однако следует вновь напомнить о том, что все исходящее из чрева Матери-Земли обладает опасной двойственностью.

Потому что темнота, царящая в подземном мире, вызывает в человеке ужас и смятение. Думаю, Жерар де Нерваль не стал бы спорить с подобным утверждением. Одно из странных видений этого автора, описанное в «Аврелии», касается истории сотворения мира семью элохимами. Создание гармоничной вселенной окончилось раздором, в который впали ее создатели, и губительными войнами. «Не знаю, сколько тысяч лет длилась эта борьба, покрывшая кровью нашу планету. Трое из

¹ Ф. Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003, с. 746.

элохимов со всеми духами созданных ими рас были наконец изгнаны на южную оконечность земли, где основали обширные царства. Они унесли с собой тайну божественной *каббалы*, которая связывает между собой миры, и нашли свою силу в поклонении особенным светилам, с которыми навсегда сохранили связь. Эти некроманты, изгнанные к пределам земли, нашли способ не упускать власть из своих рук. Окруженный женщинами и рабами, каждый из их царей был уверен, что снова родится к жизни в одном из своих собственных детей. Их жизнь длилась тысячу лет. При приближении смерти могущественные каббалисты заключали их в потайные склепы, где давали им эликсиры и сохраняющие жизнь вещества. Еще долго они не утрачивали признаков жизни, а потом, подобно куколке, прядущей свой кокон, засыпали на сорок дней, чтобы возродиться под видом ребенка, который позже был призываем на царство»¹.

Вот тебе и «проклятое золото»... чистейшей воды некромантия! Однако «тем временем живительные силы земли истощились, питая эти семейства, в которых кровь производила новые отпрыски без всякого обновления. В обширных подземельях, вырытых под некрополями и пирамидами, они накопили все сокровища сменившихся рас и хранили там талисманы, отводившие от них гнев богов»². Иными словами, речь идет о появлении «неофициального», параллельного сообщества «некромантов», избежавшего общего правила и уцелевшего во всех катаклизмах, войнах и наводнениях. «В то время как сыны Ноя изнемогали в тяжелом труде при лучах нового солнца, некроманты, укрывшиеся в своих подземельях, продолжали хранить там сокровища и любоваться на них в безмолвии ночей. Лишь иногда выходили они тайком из своих убежищ, наводя ужас на живых и распространяя среди злых свои печальные знания»³.

¹ Жерар де Нерваль. Мистические фрагменты. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001, с. 426–427.

² Там же, с. 427.

³ Там же, с. 428.

Жерар де Нерваль, посещавший собрания тайных обществ, страдавший тяжелым душевным недугом, не раз бродил по этому «мрачному подземелью». Он погружался в бездну, населенную магами и чародеями, осознавая грозящую ему опасность. Ведь одним из свойств «проклятого золота» является умение убедить своего владельца в том, что он может властвовать над миром. Поэтому из автора вырывается признание, почти что рыдание: «Я дрожал, вызывая из тьмы отвратительные черты проклятых народов. Повсюду я видел страдальческий образ Вечной Матери, которая рыдает, томится и умирает»¹.

Думаю, вопрос о том, кого Жерар де Нерваль сотворил из «Вечной Матери», не вызовет пререканий: это «единая в трех лицах» дева, мать и грешница, это Изида и Афродита, Кибела и Мария, это его собственная мать, которой он не знал и искал во всех женщинах, встречающихся ему на жизненном пути. Это и Аврелия, солярная героиня, рассеивающая его кошмары. Но «Вечная Мать» в «Аврелии» — это прежде всего жертва неравной борьбы с элохимами: «Трое из элохимов бежали от потопа на самую высокую вершину африканских гор. Между ними началась борьба. Здесь память мне изменяет, и я не помню исхода этой борьбы. Я вижу только на горе, омываемой морем, женщину с распущенными волосами, которую они оставили; она кричит и борется с волнами. Ее жалобные стоны заглушают шум наводнения... Спаслась ли она? Я не знаю. Боги, ее братья, осудили ее, но над ее головой засверкала вечерняя звезда, излившая на ее лоб потоки света»².

Это великолепное описание заставляет вспомнить о необычном изображении Марии Магдалины, помещенном в тимпане храма Ренн-ле-Шато: змея у подола ее платья, взгляд, обращенный к распятию... Эта Магдалина более напоминает Деву Марию. Быть может, это ее копия? Возможно, но не только. Слова Жерара де Нерваля позволяют взглянуть на декор храма

¹ Жерар де Нерваль. Мистические фрагменты. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001, с. 428.

² Там же. С. 428.

Ренн-ле-Шато (а именно на обилие в декоре Марий Магдалин) в ином, отнюдь не ортодоксальном ракурсе. Вслед за создателем «Аврелии» мы входим в область гностицизма: «христианская» Мария Магдалина превращается в олицетворение того, что в учении гностиков называется мировой душой. Вечная Мать Жерара де Нерваля — это все та же мировая душа, изгнанная своими братьями элохимами; оставленная ими на произвол судьбы, она горько сетует в ожидании прилива сил. Мировая душа, отрезанная от мира, не более чем проститутка, молящая о Божьей благодати, ищущая, но не обретающая света. Однако над головой «Вечной Матери» вспыхивает вечерняя звезда, знак надежды и, возможно, божественный свет. «Вечное движение „Anima Mundi“, вероятно, было следующим. Небесная Дева (Плерома гностиков). Ее отпадение от высшего божественного порядка. „Вдовство“ Девы: скорбь и ожидание своей недостающей половины. Затем раздробление, искажение и истребление „Anima Mundi“ — придание ей облика проститутки. Наконец, встреча с Единым: Дева вновь становится супругой Яхве, неделимым Светом. Мария Магдалина прошла через все эти испытания: одиночество, смерть любимых людей, поругание, насмешки. В молчании и любви она завершила свой путь, усталый тернием, который замкнулся, подобно терновому венцу: Мария Магдалина вернулась в страну Бессмертия»¹.

Вернемся к статуе Марии Магдалины в тимпане. Корабль (или ковчег) может олицетворять судно, на котором она пересекла Средиземное море, везя с собой ларь, в котором, как утверждает легенда, было спрятано сокровище. Правда, вполне возможно то, что «сокровищем», спрятанным в ларе Марии из Магдалы, мог быть сосуд с благовониями или другие предметы, ныне зовущиеся косметикой. И все же Магдалина является стражем, охраняющим «некую вещь», ковчег или ларь, и доказательством тому служит змея у ее ног. Эта змея не несет в себе угрозы, какую обычно представляют подобные пресмыкаю-

¹ Jacqueline Kelen. *Un amour infini*, Paris, Albin Michel, 1983, p. 116.

щиеся: Магдалина не борется с ней. Равным образом вы не найдете следов борьбы в изображениях Девы Марии со змеей, столь же миролюбивое отношение порой проявляют к змее и другие святые, например Маргарита из Кортонна. Змея или дракон издавна считались стражами подземных сокровищ, особенно тех, что были спрятаны в пещерах. С точки зрения алхимиков, змее приписали роль стража в силу того, что она была символом еще не очищенной ртути, содержащей в себе зародыш Философского камня. Можно вспомнить и то, что змея всегда была символом Знания (начиная с Ветхого Завета): это существо, способное проскользнуть в любую щель, знает все секреты, в том числе и те, что спрятаны *в греве земли*. Образ змеи обладает известной двойственностью, какой обладают «некроманты» Жерара де Нерваля: они знают, как продлевать жизнь, но пользуются своим знанием не во благо окружающих.

«*Чрево Земли*» — то есть бездна, скрывающая в себе «святилище», в котором, согласно Священному Писанию, покоится Сокровище. Греческим богом Ада (мрачного подземного царства) был Гадес, «всевидящий», в то время как его другое имя (Плутон) связано с корнем «*ploutos*», «богатый». Иными словами, хозяин Ада — «Всевидящий» и в то же время «Богатый», что заставляет обратиться к другому «богатому» персонажу: «богатому Королю-Рыбаку» из легенд о Святом Граале. Этот хромой король управлял королевством Грааля, ставшим бесплодным и пустынным из-за того, что феи холмов разгневались на людей и их короля, совершившего святотатство. Король-Рыбак, дядя Персеваля-Парцифаля, носящий имя Пелес, воплотил в своем образе черты древнего валлийского божества Пуйла, государя Аннуина. Но рядом с Пелесом находится еще один персонаж, без которого король не имел бы никакого значения: это дева, несущая Грааль, женщина-божество, воплощенная не только в средневековых легендах о Граале, но и в образе Мелисанды в пьесе Мориса Метерлинка (поскольку ее возлюбленный Пелеас не кто иной, как Пелес). Пожалуй, прототипом всех этих героинь можно смело назвать таинственную

всадницу Рианнон, рассказ о которой мы находим в первой ветви Мабиноги. Рианнон — персонаж первостепенной важности: имя богини-всадницы, приравненной к галло-романской Эпоне, означает «Великая Королева», в то время как ее супруга Пуйла называют государем Аннуина («*annwfn*», или «*annwun*», означает «подземный мир»), в котором хранятся тайны жизни и смерти¹. В свою очередь король Пелес, который, по одной из версий легенды о Граале, мог принимать любое обличье, является хранителем Грааля. Он держит его в невидимом замке, в который может проникнуть лишь тот, у кого *открытый взгляд*, олицетворяющий знание, избранность и приобщение к тайне.

Не обошлось без Великой Королевы и в истории Ренн-ле-Шато — остается лишь выяснить, о какой именно королеве идет речь. Если верить местным легендам, ею должна быть Бланка Кастильская, мать Людовика Святого, «принимавшая ванны» в Ренн-ле-Бен, в том самом источнике, что зовется Ванна Королевы. Такое название, как кажется, является веским доказательством в пользу подобной гипотезы; при этом нельзя забывать, что Ренн-ле-Бен долгое время назывался «Бен де ла Рен». И все же обратимся к этой легенде еще раз. Согласно Луи Федье, «сидя под старой плакучей ивой, чьи ветви опускались к кристальной глади вод, королева проводила долгие часы, сетуя на свое изгнание и плача над своей горькой судьбиной, над участью женщины без супруга и королевы без короны». Любопытная подробность, не так ли? Да, можно сказать и так — и вслед за этим предположить, что «королева-изгнанница» вовсе не была матерью Людовика Святого. Проливать слезы над столь печальной участью могла совершенно иная королева, жившая в совершенно иные времена, в XVI веке. Это была супруга Педро II Жестокого, короля Кастилии, имевшая вполне серьезные основания для столь глубокого горя: любезный супруг покинул ее на третий день после свадьбы ради своей

¹ J. Markale. L'Épopée celtique en Bretagne, Paris, Payot, 3 éd., 1985, p. 27–42.

любвицы. Заточенная в крепости, несчастная королева была освобождена графом Энрике Трастамарой, братом Педро Жестокого, который увез ее в замок Пейрепертюз. Но сквозь эту историческую фабулу проглядывают черты кельтского (точнее, уэльского) мифа о Рианнон, брошенной супругом Пуйлом из-за того, что на нее пало подозрение в убийстве собственного сына. «А в наказание ей было назначено оставаться в замке в Арберте до истечения семи лет, и сидеть каждый день возле каменной коновязи у ворот, и рассказывать свою историю всем входящим, кто, как она думала, ее не знает, и предлагать всем, кто захочет, везти их до дворца на своей спине»¹. Такое совпадение нельзя назвать случайным. Итак, душой нового мифа, мифа о сокровище Ренн-ле-Шато, стала Белая Королева, персонаж в большей степени мифический, чем реальный.

Как гласит местная легенда, эта Белая Королева во время своего пребывания в Пейрепертюзе была больна. Ее отвезли в «Locus de Montferrando et Balneis» (то есть в Ренн-ле-Бен), к термальному источнику, целебные свойства которого были хорошо известны. Проведя некоторое время в этом местечке, королева излечилась от своего недуга. В память о ней и о ее волшебном излечении источник, в котором она омывалась, был назван Ванной Королевы, и это название он сохраняет и по сей день. Но в этой легенде особого внимания заслуживает другая деталь: королева, предаваясь у источника горестным раздумьям, случайно выронила серебряный стаканчик, который упал в пропасть. Согласно одной версии, его нашел некий пастух. Другие утверждают, что серебряный сосуд навсегда остался в пропасти, *в греве земли*.

Легенды охотно смешивают реальность и вымысел. Помимо Ванны Королевы, в Ренн-ле-Бен есть и другой источник, находящийся южнее деревни, между Сальсой и Бланкой, —

¹ Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. М.: Аграф, 2002, с. 22. Собственно, поэтому Рианнон отождествляли с Эпоной, богиней-лошадью.

Ванна Магдалины. Рациональное объяснение его названия отсылает нас к 1871 году: в те времена в источнике омывалась женщина по имени Магдалина. Не столь далекая от нас эпоха позволяет проверить эту информацию, но все же не стоит попадаться на удочку объективных фактов. Древнее название этого источника — Ванна Годы. Слово «gode» (или «gote») на провансальском диалекте означает «чаша», что само по себе говорит о многом, особенно если вспомнить знаменитых «goudils», этих раскрашенных персонажей карнавальных шествий в Лиму и его окрестностях, появляющихся в компании «fêcos», а также «отшельников» Бюгараша, присоединявшихся к ним в первый день поста. Вершина, нависающая над этим источником, носит имя Гундиль, в котором можно увидеть все тот же корень. И наконец, в округе Ренн-ле-Бен археологи обнаружили предметы, датирующиеся галло-романским временем, — в основном это были изображения женщин-богинь. Очевидно, в те далекие времена на месте Ренн-ле-Бен находилось святилище, подобное кельтскому неметону, который располагался у источников в глубине леса, на священных полянах. К чему все это сказано? К тому, чтобы понять, что может связывать это место с Марией Магдалиной.

Неподалеку от этого источника, у менгира, названного «Человеческая Голова», что в местечке Пла де ла Кот, возвышающемся над долинами Ренн-ле-Бен, была обнаружена другая находка: изображение головы некой женщины-богини. Одна из деталей этого скульптурного «портрета», хранящегося в саду священника в Ренн-ле-Бен, приковывает к себе внимание с первого взгляда: на макушке черепа виднеется глубокое отверстие.

Стоит ли далеко ходить за объяснением? Оно находится в соседней деревушке Ренн-ле-Шато, в храме, где в свое время был найден череп *с ритуальной зарубкой на макушке*: обряд, зародившийся в древние времена у германцев, был предназначен не только для того, чтобы помешать душе покойного перевоплотиться, но и для того, чтобы *уберечь сокровище или тайник* от осквернения. Но что лежит у ног статуи Марии Магдалины

в храме Ренн-ле-Шато? Что мы видим на картине, изображающей коленапреклоненную Марию Магдалину в гроте? *Череп с ритуальной отметиной.*

Итак, вот оно, послание аббата Соньера, его не нужно искать в каком-либо ином месте. Оно таится в Марии из Магдалы. Конечно, приходская церковь Ренн-ле-Шато освящена во имя этой святой уже в XI веке, но Беранже Соньер сделал все для того, чтобы ее присутствие в храме стало очевидным. Статуя в тимпане, скульптура справа от алтаря, витраж, картина в верхней части алтаря, фреска в глубине храма, не говоря уже о вилле «Вифания» и башне «Магдала», — итого... слишком много для обычных знаков почтения покровительнице храма. Как прекрасно сказал Жерар де Нерваль:

«Царицы поцелуй мне жжет чело доньне;
Я грезил в гроте, где сирена спит в пучине...»¹

Кто знает, не там ли спрятано и «золото Королевы»?.. «Поиск некоторых сокровищ можно сравнить с настоящим „квестом“: его начинают, не зная ни его причин, ни его цели. Он охватывает многое: природу, человеческие отношения, Историю, Искусство. Это всеобъемлющий, абсолютный поиск — вот почему он вечен. Вполне возможно, что сокровище, которое пытаются добыть в такого рода историях, является *духовным богатством, а не материальным*. Оно одновременно нигде и повсюду или, точнее, в каждом месте, где веет святой дух всякий раз, когда прогрессирует человеческое знание»².

Помимо сокровища материального плана (древние драгоценности и монеты), аббат Беранже Соньер нашел некие документы, чему немало свидетельств. Что скрывали в себе эти таинственные манускрипты? Мы не говорим о подделках, которые нам представил XX век, — мы говорим о тех документах, что были найдены священником в опоре алтаря храма Святой

¹ El Desdichado. Перевод взят из книги: Европейская поэзия XIX века. М.: Художественная литература, с. 660.

² Gérard Lupin. Le Trésor d'Alaric, inédit.

Магдалины в Ренн-ле-Шато. Никто не знает, что было в них написано. Беранже Соньер никогда не говорил о них. Мари Денарно ничего о них не рассказывала. Клятва молчания не была нарушена.

Но... будем осторожны, шепчет Жерар де Нерваль, этот великий мистик, знавший слишком многое: его тело найдут повешенным на фонарном столбе по улице Старого Фонаря в Париже. Самоубийство? Как знать... Итак, предупреждает нас Нерваль, будем осторожны, «магический алфавит, таинственные иероглифы дошли до нас неполными или искаженными временем и заботами тех, кому надо было держать нас в неведении. Найдем же утраченные буквы и стершиеся знаки, восстановим разбитую гамму, и мы возвратим себе власть над миром духов»¹. Однако в наше смутное время не так-то просто восстановить полную картину, даже если в ней недостает всего лишь одного фрагмента. Документы, найденные Соньером, обладали необычайной ценностью — иначе бы их не уничтожили. Но для кого они были столь ценны? Увы, и этот вопрос остается без ответа — или же ответ нельзя озвучить. Поскольку, говоря словами Жерара де Нерваля,

«Два раза пересечь сумел я Ахерон,
Мелодию из струн Орфея извлекая, —
В ней феи вздох звучал, в ней плакала святая»².

«Два раза пересечь»... Это так, но был и «третий раз», который привел Нерваля на улицу Старого Фонаря. Не дадим же себя провести. «Что если аббат Соньер был лишь тем, чьей задачей было привлекать к себе внимание, отвлекая его от более интересных и странных вещей? Что если „дело Ренн-ле-Шато“ было всего лишь надводной частью гигантского айсберга? Или умело созданной шумихой, скрывающей подготовку к чему-то „иному“, способному поколебать вековую уверенность?»³

¹ Жерар де Нерваль. Мистические фрагменты, с. 438.

² El Desdichado, p. 660.

³ Gérard Lupin, Le Trésor d'Alaric.

Итак, вопрос поставлен. Иногда следует задать вопрос ради того, чтобы ответ всплыл из глубин бессознательного, где все это время он был скован сном, как медведи Аркадии, король Артур из кельтских легенд или же Мария из Магдалы, таинственная женщина, о которой столь мало говорится в Евангелии — не страх ли тому причиной? Действительно, ее загадочное, почти двадцативековое присутствие в христианстве таит в себе угрозу, но не ту, что потрясает устои Церкви или опровергает существующие религиозные догматы: Мария Магдалина всего лишь *стремится донести до нас послание* о любви и красоте, о знании и ясности.

Тот, кто хочет отыскать послание аббата Соньера, должен двигаться именно в этом направлении. Мария из Магдалы — это ключ ко всей жизни этого священника. Вопреки всему, что было о нем сказано, вопреки недоброй молве, желавшей сделать из него священника-расстригу или адепта опасного тайного братства, мы заявляем о том, что кюре Ренн-ле-Шато был вдохновенным человеком. Конечно, о природе его открытый нам известно крайне мало: кто-то заставил священника держать рот на замке. Но кто? Неизвестно. Тем не менее манускрипты, найденные в опоре алтаря; существуют и, следовательно, где-то хранятся... Беранже Соньер никогда не говорил о них, равно как и о том, откуда появился источник его невероятных доходов — эту правду из него не смог вытянуть даже епископ Каркасонский. Иными словами, раз аббат хранил столь упорное молчание, значит, на то у него были веские причины.

Беранже Соньеру посчастливилось (или, напротив, не повезло) найти «Золото Королевы». Знание того, каким было сокровище — материальным или духовным, — ничего не меняет в деле. Главное в нем то, что это могло быть только «проклятое золото». Владая им, невозможно изменить привычный ход вещей, установленный обществом; с ним не идут наперекор существующим религиозным законам. С ним можно лишь проповедовать в пустыне, подобно Крестителю.

Соньер поступил именно так. Но он не забыл о своем долге священнослужителя — помогать другим. Он смирился с несчастьем, спрашивая себя каждый день, чего ждать от дня следующего. Он никогда не приезжал в Париж ради того, чтобы отдать манускрипты на экспертизу, и никогда не был знаком с сатанистами Жюля Буа. Он никогда не был возлюбленным Эммы Кальве, как, впрочем, и Мари Денарно. Он не был замешан в махинациях с деньгами, полученными за мессы. Разумеется, он был монархистом и интегрисом, но тех же взглядов придерживались и многие его коллеги. В силу каких причин аббата обвинили в том, что он был франкмасоном или членом никому не известной секты, которая манипулировала им в обмен на богатство? Соньер умер бедным, та же участь ожидала и Мари Денарно. Ее наследники не нашли никакого «королевского золота», равным образом как и вестготского, тамплиерского или катарского. «Роман об аббате Соньере» — это колоссальный обман, написанный с целью дезинформировать читателя и умело скрывающий то, что лежит на поверхности. Прежде всего его сочинители постарались очернить *post mortem* достойного человека¹. Далее, вне всякого сомнения, Соньер знал о секрете, и этот секрет был очень важным. Кюре не имел права разглашать его, но он принял меры для того, чтобы передать его нам наипростейшим способом. Но зачем оставлять этот способ простым, если его можно усложнить, — видимо, так решили сочинители «романа об аббате Соньере». Творение Беранже Соньера существует. Оно очевидно и даже *зитаемо*. Найдется ли еще столько же неграмотных сегодня, сколько их было в ту декадентскую пору 1900 года? С какой

¹ Пользуясь случаем, хочу сказать, что нечто подобное произошло и с моим духовным отцом, аббатом Анри Жийаром. После его смерти о нем поползли нелепые слухи, хотя этот человек являлся образцом человеческого достоинства и священнического долга. Все лишь потому, что он интересовался вещами, которыми не следовало интересоваться, а также проводил за свой счет работы по оформлению (любопытному, не скроем) храма, ректором которого он являлся.

целью была искажена История, в угоду чьей сомнительной идеологии?

«Проклятое золото Ренн-ле-Шато» (с той же легкостью его можно называть «проклятым золотом Ренн-ле-Бен») запятнано проклятием лишь в той мере, в какой вызывало неизменный ужас все Сакральное. Человек всегда испытывал страх перед Богом. Если верить Библии, Яхве всегда предстал перед пророками, скрываясь за воздвигнутой им завесой. С того времени, как человека изгнали из Рая, у его входа появился херувим с пламенным мечом, закрывший доступ в волшебный мир, отныне скрытый от нас во тьме Бессознательного. Этот сад Эдема, каким бы он ни был, хранит в своей тени потерянное Сокровище, и чтобы вновь обрести его, нужна вся энергия человеческого существа, ибо путь к сокровищу опасен и порой окутан туманом, в котором явственно чувствуется запах серы.

Но какое сокровище мы ищем? Какова природа золота, называемого проклятым в силу того, что его обретение может обернуться потерей души? Материально ли оно? Кто знает, быть может, это были сокровища дельфийского святилища или священные предметы Храма Иерусалимского, привезенные из Рима вестготами Алариха и укрытые в Разе, в глубине лесов или на иссушенном плато, чьи внутренности изъедены пещерами и гротами. Не покоятся ли эти ценности в гроте Магдалины, или Годы, в чьем странном имени слышатся отголоски мифа о чаше, собравшей кровь Христа? Ведь, по словам одного из Евангелий, Мария из Магдалы присутствовала при снятии Иисуса с креста, которое было позволено сделать Иосифу Аримафейскому... Но не было ли пресловутое «сокровище» великим секретом, который не следовало разглашать, поскольку он мог поставить под угрозу официальную Историю и некоторые доктрины христианства? Никто не знает, о чем сообщали манускрипты, найденные Соньером. Они исчезли, что вовсе не означает, что они уничтожены. Вполне возможно, в один прекрасный (или ужасный) день они вновь появятся на свет. Скорее всего, Соньеру было известно о том, что таили в себе эти доку-

менты, но об этом знал лишь он один. И все же человек, посвятивший свою жизнь благотворительным делам и проектам, каким бы странными и спорными они ни были, не мог унести этот секрет за собой в могилу: он должен был оставить некий знак.

Прежде чем понять, каков этот знак, прежде чем разгадать значение символа, следует его выявить, выловить из потока деталей, умышленно обрушенного на исследователя. Обилие «пустых» знаков призвано сбить с толку тех, у кого нет четкого понимания того, что же они ищут. Иными словами, человеку предстоит испытание, этот неизменный атрибут поиска, который можно найти во всех великих мифах человечества. Тщательное исследование творения Соньера позволяет сделать простой вывод: если аббат и оставил некий знак, то искать его нужно в изображении Марии из Магдалы.

Повтор одной и той же темы, одной и той же детали уже таит в себе указание, даже если этот повтор закономерен (как в нашем примере, поскольку церковь освящена во имя святой Магдалины). Облик Магдалины, как мы уже заметили, подобен тому обличью, какое придавали Деве Марии. Наибольшим сходством с ней обладает та Магдалина, которая изображена на картине в верхней части алтаря: коленапреклоненная дева в гроте, молящаяся у креста из ветвей дерева, — и пробитый череп неподалеку от нее. Череп с зарубкой или пробоиной говорит о многом, поскольку его символическим предназначением было находиться вблизи сокровищ. В гроте темно, но свет извне освещает лицо молящейся святой. «Я презираю царство земное и мирские утехи из-за владыки моего Иисуса Христа» — так сказала Мария Магдалина. Не говорят ли ее слова о том, что сокровище, хранимое ею, не принадлежит этому миру, приобретая тем самым исключительную важность для всеобщего христианского послания? Змея Знания, струящаяся по платью Марии в тимпане церкви, лишь подкрепляет эту идею, в то время как ковчег (или ларь) у ног статуи может напоминать как о плавании Магдалины к берегам Галлии, так и о драгоценном предмете, утаенном Марией от чужих взглядов.

Мария из Магдалы — это олицетворение Женственности в наивысшем ее проявлении. Именно она принесет весть о воскресении Христа. Именно она миропомазала его на царство. Мария любила Иисуса, и он любил ее среди всех женщин. Она дала ему вторую жизнь и сонм блаженных. Послание Марии из Магдалы — это послание Любви, но той, которая способна изменить мир, о чем прекрасно знали окситанские трубадуры, неустанно повторявшие, что постичь Бога можно через Женщину. Магдалина олицетворяет Красоту, «подобную судороге», равным образом способную быть генератором вечного стремления к Совершенству. Но наш мир еще не готов услышать и принять это высшее послание — и до тех пор пока это время не наступит, Красота будет таиться в гроте. Именно об этом говорит нам Жерар де Нерваль:

«Ты помнишь древний храм, белевший горделиво,
И горький апельсин, надкушенный тобой,
И темный гулкий грот, для многих роковой,
Где змия мертвого еще посевы живы?»¹

Разве не может быть «проклятое золото Ренн-ле-Шато» посевами побежденного, но не убитого, а всего лишь дремлющего змия? Не разбудило ли его послание Соньера? В таком случае поиск будет опасным и даже фатальным для того, кто не готов к испытаниям такого рода. Но все же — нужно рискнуть. Нужно проникнуть в этот грот, ибо «святая мрачных бездн — святее всех святых», как признает посвященный Жерар де Нерваль («Артемида»). Это приглашение к поискам — но не «проклятых сокровищ» Ренна, а «золота Королевы», того самого, что утаено в гроте, где дремлет древний змий, и скрыто в ларе, который держит в своих колдовских руках Мария из Магдалы...

Сент-Анн-д'Оре, 1989

¹ Delfica. *Жерар де Нерваль. Мистические фрагменты*, с. 474.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Baigent, Leigh, Lincoln, *L'Énigme sacrée*, Paris, 1983.
- Bordes Richard, *Rennes-le-Château*, 1985;
Les Mérovingiens a Rennes-le-Château, 1984.
- Boudet Henri, *La Vraie Langue celtique*, Nice, 1984.
- Chaumeil Jean-Luc, *Le Trésor du Triangle d'or*, Paris, 1979;
L'Alphabet solaire (avec J. Rivière), Paris, 1985.
- Corbu et Captier, *L'Héritage de l'abbé Saunière*, Nice, 1986.
- Descadeillas René, *Mythologie du trésor de Rennes*, Carcassonne, 1988.
- Fédié Louis, *Le Comté de Razès et le diocèse d'Alet*, Carcassonne, 1880.
- Jarnac Pierre, *Histoire du Trésor de Rennes-le-Château*, 1985.
Kelen Jacqueline, *Un amour infini*, Paris, 1983.
- Lamy Michel, *Jules Verne, initié et initiateur*, Paris, 1984.
- Lupin Gérard, *Le Trésor d'Alaric* (inédit).
- Marie Franck, *La Résurrection du grand Cocu*, 1981;
Le Surprenant Message de Jules Verne, 1981;
Rennes-le-Château, etude critique, 1979.
- Markale Jean, *Montségur et l'énigme cathare*, Paris, 1986.
- Mazières (abbé), *Les Templiers du Bézu*, 1984.
- Monteils Jean-Pierre, *Le Dossier secret de Rennes-le-Château*, Paris, 1981.
- Rivière Jacques, *Le Fabuleux Trésor de Rennes-le-Château*, Nice, 1983.
- Robin Jean, *Rennes-le-Château, la colline envoûtée*, Paris, 1982.
- Sède Gérard de, *L'Or de Rennes*, Paris, 1967;
Signé Rose + Croix, Paris, 1977.
- Thibaux Jean-Michel, *L'Or du Diable*, Paris, 1988.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая. Места, окутанные тайной

Глава I. Каменистыми пыльными дорогами	9
Глава II. Укрепленный лагерь	48
Глава III. История графства Разе	85

Часть вторая. Человек, ставший причиной скандала

Глава I. «Роман об аббате Соньере»	125
Глава II. Кем был аббат Соньер?	179
Глава III. Проявляя осмотрительность... ..	241

Часть третья. Загадка «проклятого золота»

Глава I. Остров сокровищ	279
Глава II. «Дверь, ведущая внутрь»	299
Глава III. Эта загадочная Мария из Магдалы	315
Глава IV. «Аркадские пастухи»	336
Глава V. Золото королевы	351

<i>Библиография</i>	367
---------------------------	-----

Научно-популярное издание

Маркаль Жан
Ренн-ле-Шато
и тайна проклятого золота

Главный редактор В.В. Чубарь
Ответственный редактор В.Ю. Трофимов
Компьютерная верстка: В.Е. Кудымов
Корректор Н.Э. Тимофеева

Подписано в печать 16.10.07.
Формат 84x108 1/32. Усл. печ. л. 19,32.
С.: И.Б.(84). Тираж 3000 экз. Заказ № 25456(2).
С.: ПКДВ(84). Тираж 3000 экз. Заказ № 25456(1).

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано
в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.
www.sarpk.ru

«Проклятое золото Ренн-ле-Шато» запятнано проклятием лишь в той мере, в какой вызывало неизменный ужас все Сакральное. Но какое сокровище мы ищем? Какова природа золота, называемого проклятым в силу того, что его обретение может обернуться потерей души? Материально ли оно? Быть может, это были сокровища дельфийского святилища или священные предметы Храма Иерусалимского, привезенные из Рима вестготами Алариха и укрытые в Разе. Не покоятся ли эти ценности в гроте Магдалины, или Годы, в чьем странном имени слышатся отголоски мифа о чаше, собравшей кровь Христа? Но не было ли пресловутое «сокровище» великим секретом, который не следовало разглашать, поскольку он мог поставить под угрозу официальную Историю и некоторые доктрины христианства? Никто не знает, о чем сообщали манускрипты, найденные Соньером. Они исчезли, что вовсе не означает, что они уничтожены. Вполне возможно, в один прекрасный (или ужасный) день они вновь появятся на свет.

Историческая библиотека

ISBN 978-5-8071-0272-0

9 785807 102720